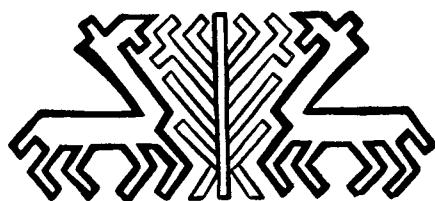

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

3

1 9 6 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Редакционная коллегия:

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов,
Н. А. Баскаков, член-корр. АН СССР А. В. Ефимов, М. О. Косвен,
П. И. Кушнер, М. Г. Левин, Л. Ф. Моногарова (зам. главного редактора),
А. И. Першиц (зам. главного редактора), Л. П. Потапов, И. И. Потехин,
Я. Я. Рогинский, академик М. Ф. Рыльский, В. К. Соколова,
Л. Н. Терентьева, Н. Н. Чебоксаров, В. Н. Чернецов.
Ответственный секретарь редакции М. А. Кургузова

Журнал выходит шесть раз в год

Технический редактор Н. А. Колгурина

Адрес редакции: Москва В-36, 1-я Черемушкинская, 19

Т-05868	Подписано к печати 5/VI-1962 г.	Тираж 2035 экз.	Зак. 5116
Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆ .	Бум. л. 7 ¹ / ₄ .	Печ. л. 19,9.	Уч.-изд. л. 23,4

2-я типография Издательства Академии наук СССР, Москва, Шубинский пер., 10

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

К. В. ЧИСТОВ

ФОЛЬКЛОРИСТИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Для нынешнего этапа развития общественных наук в нашей стране характерно стремление точнее уяснить их место и функции в современности, найти новые формы и методы приложения специальных знаний к решению актуальных задач коммунистического строительства, правильно сочетать обобщающие работы исторического плана с систематическим изучением социальных и культурных процессов наших дней. Ближайшее двадцатилетие несомненно ознаменуется ростом значения общественных наук, призванных обобщить опыт и теоретически обосновать создание высших форм социальных отношений, политики и культуры, сыграть решающую роль в создании того изобилия духовных благ, без которого немислим коммунизм.

В каждой из общественных наук осмысление современных задач развивается в специфических формах, зависящих от множества факторов и обстоятельств. Вместе с тем есть и некоторые общие черты — забота о чистоте теоретических оснований, стремление освободиться как от ошибок и заблуждений, связанных с догматизмом, порожденным в ряде областей общественного знания периодом культа личности, так и от всяческого воздействия буржуазной идеологии и, наконец, развитие творческих направлений, тесно связанных с практикой коммунистического строительства. В этом свете представляет определенный интерес дискуссия, развернувшаяся в советской фольклористике в 1959—1961 гг.¹

Вопросы, ныне волнующие фольклористов, обсуждаются не в первый раз. Достаточно вспомнить о бурном споре вокруг книги «Очерки русского народно-поэтического творчества» и памфлетов Н. Леонтьева «Волхование и шаманство» и «Затылком к будущему» в 1952—1954 гг. Однако неверно было бы думать, что спор о роли фольклористики в современности ведет свою историю именно с «Очерков» и названных памфлетов, как это говорилось в некоторых статьях последних лет. Он начался еще в 30-е годы и длится по крайней мере четверть века. Затянувшись на столь длительное время, этот спор не мог не сказаться на практической деятельности фольклористов и неоднократно наносил серьезный ущерб общественному престижу фольклористики.

¹ См. статьи В. Аникина, Ю. Самарина и П. Ухова в журнале «Вопросы литературы», 1959, № 12; В. Василенко, Н. Гаген-Торн, В. Потявина, Л. Емельянова и В. Сидельникова в журнале «Русская литература», 1960, № 2; статьи В. Аникина, П. Выходцева, В. Гусева, Л. Емельянова, Э. Померанцевой, Б. Путилова в сб. «Русский фольклор», 1960—1961 гг., вып. V и VI; статьи Б. Кирдана, Ф. Лаврова, А. Соймонова, Л. Яценко и др. в журнале «Народна творчѣсть та етнографія» (1960—1961 гг.); статьи В. Гусева и Н. Кузьмичева в сб. «Русская народная поэзия», Горький, 1961, № 1. В декабре 1961 г. в Киеве состоялось Всесоюзное совещание по вопросам современного народного поэтического творчества, в центре внимания которого были все те же дискуссионные проблемы (отчет см. в настоящем номере журнала, стр. 196—199).

Разумеется, дело тут не просто в том (как это казалось Н. Леонтьеву), что десяток незадачливых фольклористов заблуждается и стоит их хорошенько «проработать», как все исправится. Дискуссия явилась отражением бурных, сложных, противоречивых и переходных по своему характеру процессов, которые происходили и происходят в действительности. Потребовался серьезный пересмотр не только ряда традиционных теорий, но и многих элементарных представлений и терминов. Фольклористы спорили о том, считать ли то или иное современное явление фольклорным или нет не потому, что какой-то части ученых отказывала логика. В наше время действительно не всегда просто определить границу между фольклором и литературой, творчеством индивидуальным и коллективным, личным и безличным, профессиональным и самодеятельным.

Когда исполнитель старинной песни или былины, сказки или причета пел или рассказывал то, что было создано задолго до него, было ясно, что перед нами явление фольклорного характера. Даже и в том случае, когда прежде сказитель, не владевший грамотой и не читавший книг, сочинял песню, сочетание определенных социальных, идеологических, стилевых и технических признаков делало природу этой песни ясной. Фольклористы не сомневались в том, что она им подведомственна. Когда же в наши дни участник самодеятельного хора (городского или сельского) или баянист, или просто любой советский человек, приобщенный к современным формам эстетической культуры, но не ставший профессиональным поэтом или композитором и не стремящийся к этому, создает песню, частушку, устный рассказ, напишет стихотворное или прозаическое произведение, то обнаруживается, что старым способом нельзя определить — фольклор это или нет, поэт или народный певец ее сочинитель или исполнитель и чем все это отличается от сочинения текста Фатьяновым или Ошаниным в содружестве с Соловьевым-Седым, Новиковым, Покрасом и др. Особенно усложнялся этот вопрос, когда вновь созданная и часто уже бытующая песня по своему поэтическому и музыкальному строю оказывалась более похожей на современные песни профессиональных поэтов и композиторов, чем на старинную народную песню. Тут уж окончательно все полочки, по которым фольклористика привыкла раскладывать литературные и фольклорные явления, трещали и перекашивались. В этих условиях возникла своеобразная тоска по схоластической «чистоте» научного факта, невозможной в условиях переходного времени. Она в значительной мере и определила эмоциональные качества многих дискуссионных статей.

Спор оказывался незавершенным еще и по другим причинам. Как это ни парадоксально, но весь видимый радикализм статей Н. Леонтьева был по своей природе глубоко догматическим. Требовалось дать решительный ответ — «да или нет», «за или против», существует советский фольклор или нет, расцветает он и будет бесконечно расцветать или весь от начала до конца придуман фольклористами. Какие-нибудь иные решения исключались. Попытки вернуться к такой постановке вопроса делались и в некоторых статьях, появившихся совсем недавно.

Догматизм привел Н. Леонтьева к противопоставлению фольклорной традиции новотворчеству и, даже более того, советской литературе. Бессмысленность «проблемы» — «былины или Шолохов», противоречащей марксистскому отношению к художественному наследию, настолько очевидна, что не стоит к ней возвращаться. Не менее нелепым было сложившееся еще в 30-е годы и поддержанное Н. Леонтьевым обыкновение расчленять унаследованное и новое, заменять широкое представление о фольклоре советской эпохи понятием «советский фольклор». В народной традиции всегда органически сочеталось накопленное веками и воспринятое без существенных изменений, переосмысленное и созданное вновь и, с другой стороны, сохранялось только то, что отвечало каким-то потребностям современников.

Расчленение понятия «фольклор советской эпохи» на «традиционный» и «советский фольклор» привело к тому, что все традиционное сбрасывалось со счета и противопоставлялось столь же узко понятию современному. Не учитывалось или почти не учитывалось и все созданное в сфере литературной и профессиональной и принятое народом.

Если иметь в виду исторически неизбежное сужение функций устной поэзии в наши дни, так как все большее число эстетических потребностей удовлетворяют другие формы поэтической культуры — книга, периодическая печать, радио, телевидение, театр, художественная самодеятельность во всех ее разновидностях, станет ясным, почему «советский фольклор» не оправдывал надежд некоторых фольклористов. Положение фольклористики усложнялось еще тем, что попытки реалистически разобратся в современных процессах, понять, в каких же формах (фольклорных и иных) развивается эстетическая жизнь народа, квалифицировались в то время как вредная пропаганда «антимарксистской теории отмирания фольклора». Отсюда возникло стремление расширить термин «фольклор» таким образом, чтобы он покрывал и явления современности. Поэтому и спор развивался вокруг одного только вопроса — что включать в понятие «советский фольклор». Спор становился схоластическим и бесперспективным, и это привело к отказу значительной части фольклористов от изучения современности.

Итоги дискуссии 1952—1954 гг. были подведены в статьях В. И. Чичерова и Б. Н. Путилова². Статьи эти совпали в важнейших моментах. Считаясь с тем, что в стране произошла культурная революция и основная часть народа стала не только грамотной, но и приобщилась ко всем современным формам художественной культуры, оба автора утверждали, что «устность» не должна больше служить главным критерием фольклорности, ее должна заменить «коллективность». Обсуждение этого вопроса перекинулось и в область истории фольклора. Появились статьи, в которых «коллективность» объявляется основным признаком фольклора во все времена его существования и на всех стадиях развития в противоположность литературе, основным признаком которой (тоже во все времена и у всех народов) будто бы была и остается индивидуальность и единичность творческого акта. Фольклор — особый вид искусства, в нем все сплошь традиционно и коллективно, в литературе все ново и неповторимо, все возникает каждый раз на иной исторической почве, утверждают авторы этих статей, игнорируя и реальную историю фольклора и реальную историю литературы³.

Фольклор и литература всегда были двумя потоками единого словесного искусства, они всегда пользовались одним материалом (словом), у них всегда был одинаковый предмет или объект изображения и сходные в основных чертах общественные функции. И в фольклоре, и в литературе на разных стадиях развития по-разному, но всегда диалектически сочетались элементы традиционного и нового, коллективного и индивидуального. Верное представление о том, что в целом в фольклоре сильнее традиционное начало, а в литературе — индивидуальное, толкуется упрощенно и прямолинейно, неосмотрительно применяется к каждому отдельному случаю, превращается в определитель фольклорности. Выдвижение критерия коллективности и требование продемонстрировать его в «химически чистом виде» (коллектив не есть сумма индивидуальностей, коллектив не есть артельность, два человека еще не коллектив.

² Б. Н. Путилов, О современном народно-поэтическом творчестве, «Звезда», 1954, № 2, стр. 114—151; В. И. Чичеров, Проблемы изучения советского народного поэтического творчества, «Новый мир», 1954, № 8, стр. 203—216.

³ См., например, статьи В. П. Аникина «Коллективность как сущность творческого процесса фольклора» (сб. «Русский фольклор», вып. V, Л., 1960) и «Об антиисторизме в изучении традиционного фольклора» (сб. «Русский фольклор», вып. VI, Л., 1961).

три тоже и т. д.) на следующем этапе спора стало использоваться для теоретического обоснования отказа от занятий вопросами современности. Появилась возможность отвергать как не подлежащие ведению фольклористов многие явления современной эстетической жизни народа, так как они не есть продукт творчества коллектива. Зазвучали призывы подождать, пока то или иное произведение станет коллективным, пока песня или частушка, или устный рассказ будут приняты народом и в процессе бытования осуществится «околлективливание» и в идейном и в художественном смысле. Естественно, что ни одно реальное поэтическое явление «на корню», т. е. вскоре после возникновения, подобным требованиям не удовлетворит. Между прочим, им не удовлетворила бы и ни одна классическая лирическая песня, сказка, былина, историческая песня или баллада, зафиксированные вскоре после их создания, ни один текст, записанный от более или менее талантливого исполнителя, хоть как-нибудь проявившего свою индивидуальность (былины Т. Г. Рябинина и В. П. Щеголенка, причитания И. А. Федосовой и Н. С. Богдановой, сказки М. М. Коргуева и Ф. П. Господарева), и уж тем более весь рабочий фольклор.

Прямолинейное толкование понятия «коллективность» делает невозможным не только изучение большинства явлений современной поэтической жизни народа, но и истории фольклора. Так как «коллективность» может возникнуть только в результате продолжительного бытования, фольклориста, согласно этой концепции, не должно интересовать ничто новое. Он должен изучать только то, что прожило какое-то количество десятилетий и обрело историческую инерцию. Характерно, что сторонники подобных взглядов не опубликовали ни одной работы по современности, если не считать таковыми дискуссионные статьи, опиравшиеся более на отвлеченные умозаключения, чем на надежные и проверенные факты.

Выдвигался еще один критерий: фольклорным имеет право называться только художественно совершенное. Однако и этот критерий ни к чему, кроме самого безудержного субъективизма, привести не может. Не только в фольклоре, но и в литературе, профессиональной музыке и изобразительном искусстве рядом с явлениями выдающимися всегда существовали рядовые и даже заурядные, однако от этого они еще не переставали быть явлениями литературы, музыки или изобразительного искусства. Как известно, без молока сливок не бывает.

Можно понять побуждения сторонников этого критерия, если вспомнить сколько было у нас спекулирующих терминами «фольклор» и «народное творчество», попыток идеализировать все фольклорное, вывести его за пределы какой бы то ни было идеологической и эстетической критики. Однако надо отдать себе ясный отчет в том, что почти невыполнимое требование художественного совершенства создавало еще одно основание отвергать множество явлений современной поэтической жизни народа как не подлежащих изучению фольклористов. Например, если хор создал песню, всегда можно сказать, что ее создал не весь народ, а всего только один хор и даже, может быть, не весь хор, а только часть его, творческая группа или какой-нибудь один его участник или даже руководитель хора. При ближайшем рассмотрении может оказаться, что хор создал лишь новый текст к старой мелодии или только мелодию на слова профессионального поэта или композитора. Следовательно, это не акт коллективного творчества в точном и бескомпромиссном смысле этого слова, и фольклористике тут нечего делать. А если еще песня и не очень хороша, критерий художественного совершенства не выдержан — она и вовсе не фольклорна.

Именно на этой теоретической основе и появилось невероятное для наших дней отрицание каких бы то ни было обязанностей фольклористики по отношению к современности, которое с особенной силой проявилось

в статьях Л. И. Емельянова⁴. В этих статьях утверждается: так как фольклор в чистом виде в наше время отыскать не легко или он играет, по крайней мере, не ведущую роль в эстетической жизни народа, то фольклористика должна превратиться в сугубо историческую дисциплину типа античной филологии, передав остальные функции домам народного творчества. Точка зрения Л. И. Емельянова вызвала многочисленные возражения. К сожалению, при этом снова предпринимаются попытки вернуться к догматической постановке основного вопроса дискуссии. Нельзя делать вид, что с 30-х годов ничего не произошло и нигилистической точке зрения противопоставлять декламации о расцвете советского фольклора. Задача состоит вовсе не в простом утверждении, что фольклорные формы продолжают существовать, и не в повторении давно известной истины о сосуществовании фольклора с художественной самодеятельностью и литературой.

Никто из спорящих не сомневается в мощном расцвете советской культуры. Давно уже выяснено, что, кроме фольклорных форм, есть еще и другие, не менее прогрессивные формы художественной культуры советского народа. Задача заключается в том, чтобы, не упуская из вида ни одной из них, выяснить их реальное соотношение в быту народа, специфику их взаимодействия на современном этапе, в деталях изучить современную поэтическую жизнь народа и уловить то направление, по которому она развивается в целом и в отдельных районах страны, влияние различных факторов, стимулирующих или тормозящих развитие отдельных ее форм и видов. Обо всем этом мы знаем мало. Обилие теоретических предположений (иногда верных, но чересчур общих) и скудость фактической базы не раз уже превращали дискуссию в перевешивание этикеток: фольклор — не фольклор; фольклор шире, чем народное творчество; народное творчество шире, чем фольклор; художественная самодеятельность — фольклор, не фольклор и т. д. и т. п.

Нам представляется, что необходимо максимально четкое уяснение предмета фольклористики как науки. Существование любой общественной науки может считаться оправданным только в том случае, если она выбирает своим предметом определенную область социального бытия человека и видит свою задачу в изучении причин и хода исторической смены форм, которые возникают, бытуют или господствуют в этой области. Фольклористика не должна связывать свое существование с одной из исторически преходящих форм поэтического сознания, даже если ей она обязана своим общепринятым названием. Поэтому, как бы это парадоксально ни звучало, следует решительно заявить, что неверно считать предметом фольклористики только фольклор, если под этим словом разуметь определенную форму поэтического сознания и творчества — устную, коллективную, выработавшую определенные и относительно стойкие традиции, отличающуюся вариативностью, безличностью и т. д.⁵

Предметом фольклористики всегда была и должна быть поэтическая жизнь народа в ее историческом развитии, история народной поэтической культуры, каким бы изменениям она ни подвергалась и какие бы формы (фольклорные и иные) она ни приобретала. Разумеется, в отличие от литературоведения фольклористика должна заниматься массовыми формами поэтической культуры, а не специфически профессиональ-

⁴ Л. Емельянов, Чем должна быть фольклористика? «Русская литература», 1960, № 2; его же, Понятие «фольклор» в советской фольклористике, «Русский фольклор», вып. VI, М., 1961.

⁵ Кстати говоря, к такому словоупотреблению, вероятно, следует вернуться. Безграничное расширение понятия «фольклор», применение этого термина к народному поэтическому творчеству любой, в том числе и советской, эпохи, как показал опыт последних лет, приводит лишь к терминологической путанице.

ными. Выдающиеся, единичные, индивидуальные формы (например, творчество профессиональных поэтов и композиторов) подлежат ее изучению только в меру их влияния на массовые формы. Так, скажем, фольклористика не считает своей задачей изучение творчества Т. Г. Шевченко, но не может не интересоваться его влиянием на украинскую песенную традицию как существенным моментом истории украинской песни XIX в. Фольклористика изучает явления поэтического искусства с их массовой, бытовой стороны, конечно учитывая при этом (и не только учитывая, но и исследуя!) их эстетическую природу. Если для литературоведения (так же как и искусствоведения) один выдающийся факт может быть важнее тысячи массовых, рядовых и общераспространенных, то для фольклористики типология, эстетика, генезис, история и социология именно массовых форм, — дело первостепенной важности, ее основная задача и цель. Среди бесконечного разнообразия фактов поэтической жизни народа для фольклористики особенно важны и интересны те, которые вошли в массовое бытование, получили широкое распространение, стали типичными для того или иного исторического периода.

Фольклор — специфическая форма поэтического сознания и творчества народа преимущественно дофеодалного и феодального периодов. Если говорить о России и об истории русской народной поэтической культуры, то нельзя не заметить, что не только в советское время и даже не в период капитализма, а по крайней мере на последней стадии развития феодализма (т. е. с XVII в., а затем в XVIII и XIX вв.) рядом с фольклорными начали появляться и иные формы удовлетворения эстетических потребностей народа. Посадские низы, а потом крестьянство заявляют себя в рукописной литературе, возникает лубок — своеобразная форма русской народной книги (с конца XVIII в. он становится печатным), в народную среду начинают проникать книжные песни и романсы, рукописные и печатные книги, определяется, наконец, специфическая для истории русской литературы линия «крестьянских поэтов» (от поэтов первых десятилетий XIX в. с А. В. Кольцовым во главе до так называемого «суриковского кружка»), позже появляется рабочий фольклор, для которого характерно очень сильное книжное влияние, и революционная песня. Однако в целом фольклорная разновидность создания и бытования поэтических произведений продолжала оставаться наиболее массовой, типичной, характерной и, в этом смысле, ведущей⁶.

После Великой Октябрьской социалистической революции процесс этот не только ускорился, но и приобрел многие новые качества. Это не значит, однако, что традиционный фольклор и фольклорные формы современного творчества уже не существуют или не представляют интереса для исследователя. Во многих районах современного расселения русского народа традиция старинной песни или фольклорной песни более позднего происхождения еще достаточно сильна, в других она слабее или почти иссякла. Повсеместно распространены частушки, устные рассказы, бытовые анекдоты, пословицы, поговорки. Все это не должно выпадать из круга интересов собирателей и исследователей. И все же нельзя не видеть, что поле действия фольклорных форм сужается, рядом с ними активно живут другие виды и формы поэтической культуры народа. В настоящее время (я имею в виду русских; у других народов Советского Союза этот процесс развивается в разном темпе и отличается многими существенными особенностями) достигнута такая стадия, на которой литература и другие формы профессионального искусства стали играть ведущую роль в эстетической жизни народа, в развитии массовой поэтической культуры. Это определило широкий размах литературной самодеятельности, появление множества полулитературных и окололитера-

⁶ Следует отметить, что многие затронутые здесь вопросы слабо изучены нашей фольклористикой и по отношению к XVII—XIX вв.

турных форм (песни хоров, творчество агитбригад, сценические интермедии, превращение некоторых сказителей в поэтов и поэтесс и т. д.), сильное, подчас определяющее влияние профессиональной литературы на современные фольклорные и полужольтклорные формы создания и бытования поэтических произведений, заметное усиление индивидуального начала во всех видах массового творчества, включая и специфически фольклорные. Все эти формы не только сосуществуют, но и непрерывно взаимодействуют, сочетаясь в самых неожиданных комбинациях и переходя друг в друга.

Всю совокупность этих форм в их взаимовлиянии и взаимопереплетении и должна изучать наша наука. Задача эта трудна, но не необъятна, и фольклористике вовсе не грозит при этом, как иронически замечалось в одной из статей, превратиться в «науку наук»⁷. Она останется фольклористикой, но осознавшей свою цель и свои средства. Именно так, а не иначе понимали ее задачи и Чернышевский, и Добролюбов, и Горький. Они считали ее наукой народоведческой и отвергали попытки связать задачи фольклористики только с какой-нибудь одной из сторон или форм эстетической жизни народа.

Предмет фольклористики как науки обладает очень важной особенностью: он одновременно и явление эстетическое, и явление бытовое. В прошлом это проявлялось в том, что рядом со сказкой, бытиной, исторической песней стояли обрядовые жанры (колядки, веснянки, песни подблюдные, семицкие и свадебные, обрядовые и бытовые причитания и т. д.), жанры просто бытовые (игровые и колыбельные песни, детские потешки, загадки, песни покосные, жнивные, капустные), профессиональные песни (бурлацкие, ямщицкие, солдатские), жанры, неотделимые от речевой повседневности (поговорки, пословицы, афоризмы, «краснословье» и т. д.), и, наконец, широкое море народной прозы (шутки, анекдоты, устные рассказы, предания, легенды и пр.). Фольклористов всегда интересовали не только возникновение, но и дальнейшая жизнь песни, сказки, былины; предметом исследования служила традиция как таковая, обусловленная бытовой устойчивостью того или иного произведения; наконец, всегда привлекал их внимание процесс фольклоризации литературных произведений, техника и природа исполнительства, в котором в разных пропорциях сочетались традиционные и творческие моменты. Следует подчеркнуть, что все это явления не побочные или наносные, а заложены в самой природе народной поэтической культуры.

В отношении современности это значит, что фольклористику должны интересовать, условно говоря, и творческие, и исполнительские, и «потребительские» моменты⁸, т. е. не только текст того или иного произведения, как его зафиксировал собиратель, но и бытовая история этого текста, его эстетическое окружение, почва, обусловившая его возникновение, и его дальнейшая история. Это относится в равной степени к старым формам поэтической культуры (фольклорным по преимуществу) и к новым — бытованию современной песни, частушки, устного рассказа, книги и т. д. вплоть до новейших синтетических форм — кино, театра, радио, патефона и т. д. При этом должны изучаться как организованные формы народной эстетической жизни (художественная самодеятельность, хоры, агитбригады, литературные объединения и т. д.), так и бытовые, стихийные, и особенно процесс их взаимодействия и взаимовлияния. Не следует тешить себя иллюзиями, что из всей массы современных

⁷ Л. И. Емельянов, Понятие «фольклор» в советской фольклористике, стр. 23.

⁸ С точки зрения теоретической, каждый акт «потребления» произведения искусства (чтение книги, слушание песни, созерцание картины) неизбежно содержит в себе творческий элемент; без него восприятие произведения искусства не может осуществиться.

фактов мы все-таки сумеем извлечь фольклорные и на них остановиться, сделать их в конечном счете основным сюжетом исследований. Все существующие формы поэтической культуры народа должны считаться заслуживающими внимания. В центре изучения каждый раз должно ставиться то, что в действительности образует основной слой современной поэтической культуры обследуемого района.

Куль личности сказался в фольклористике не только в возникновении значительного количества песен, стихов и сказов, восхвалявших Сталина и приписывавших ему все достижения народа и партии, но и в том, что фольклористы стали забывать о необходимости оценивать каждое фольклорное явление с точки зрения его реальной роли в поэтической жизни народа. Сказался он и на ходе дискуссии — назывались и выдвигались отдельные произведения советского фольклора без учета их значения в эстетической жизни народных масс, в качестве довода приводились цифры, которые характеризовали только старательность участников той или иной экспедиции, количество собранных текстов, а не процессы, происходящие в районе, в котором они побывали. Преодолеть все это можно только кропотливым и объективным изучением современных процессов. Споры о том, есть в наши дни фольклор или нет его, пора заменить правильно организованным выяснением того, что есть в современном эстетическом быту народа (включая и фольклор)⁹. Нельзя не заметить, что сторонники «чисто фольклорных» исследований постоянно оказываются в странном положении: констатируя отмирание некоторых фольклорных произведений и целых жанров, они либо создают впечатление, что современность представляет собой некую выжженную и безводную пустыню, либо начинают каждую травинку выдавать за дерево, каждую песчинку за скалу, каждую каплю за полноводную реку. Одни формы могут уходить, другие возникать, периоды бурного и стремительного развития сменяются относительным затишьем, но в целом эстетический быт народа не знает пустот. Эстетические потребности народа вечны, как вечна и воля народа к творчеству, но способы удовлетворения этих потребностей и формы творчества меняются в ходе истории; в изучении их и заключается основная задача фольклористики.

Противники высказанной точки зрения обычно говорят о непомерном расширении функций фольклористики, о том, что ей грозит забвение основной задачи — изучения фольклора как такового. Повторим еще раз: речь идет не о навязывании фольклористике несвойственных ей новых задач, а о верном осознании тех задач, которые всегда ею ставились и разрешались (разумеется, по-разному на разных этапах) и которые мы рискуем упустить из виду.

В XIX в., приезжая в какое-нибудь село, собиратель был уверен, что фольклор, в основном, покрывает эстетические потребности населения¹⁰. Если что-нибудь при этом и пропускалось, ошибка все же была невелика — значение рукописной традиции, книги, даже лубка было неизмеримо меньше, чем фольклора.

В наше же время фольклор является только одной из многих форм поэтического быта и поэтического творчества народа, причем формой не единственной и не ведущей, находящейся под заметным воздействием художественной литературы, кино, театра, творчества начинающих поэ-

⁹ Стремление во что бы то ни стало доказать, что фольклора нет, столь же опасно как и обратное, — оно ведет к искажению действительности и, по существу, является догматизмом навыворот. Ср., например, отчеты о поездках в Костромскую обл. (см.: «Русский фольклор», вып. VI, М.—Л., 1961, стр. 132—140 и 144—146).

¹⁰ Фольклором удовлетворялись не только художественные (поэтические, музыкальные) потребности. Говоря современным языком, он был и устной книгой, и устным журналом, и устной газетой, и формой художественной самодеятельности, и способом закрепления и передачи исторических, юридических, метеорологических, медицинских и прочих знаний.

тов и прозаиков. Без учета этого воздействия, без тщательного изучения смешанных форм (полуфольклорных, имеющих некоторые фольклорные качества, или фольклоризированных) немислимо изучение и собственно фольклорных явлений и фактов. Попытки изолированного изучения фольклорных форм неизменно приводят к выводу, что эти формы не отражают многих существенных сторон современной жизни народа. Опираясь только фольклорными записями, нельзя охарактеризовать ни современный поэтический быт, ни понять эволюцию самого фольклора. Так, многие — несомненно фольклорные — песни, возникшие в годы Великой Отечественной войны, в значительно большей мере связаны не со старинной крестьянской песней, а с песнями революционными, времен гражданской войны и, особенно, массовыми песнями 30-х годов, созданными профессиональными поэтами и композиторами. Возникали они в различных районах страны и в самых разнообразных коллективах, но имели между собой больше общего, чем с традиционными песнями, бытовавшими в этих районах.

Все это не значит, что традиционные песни надо предать забвению. Они должны изучаться с максимальным вниманием и потому, что некоторые старые жанры и традиционные произведения уходят из жизни, и потому, что они все-таки еще существуют и тем самым продолжают оставаться фактами современности. Народная память не знает напрасной, немотивированной инерции. Бытующая песня, как бы давно она ни возникла, не пережиток и не музейный экспонат, а ценимое народом художественное наследие и, вместе с тем, элемент поэтической культуры наших современников. Песня и сказка — не соха и не курная изба; их уход из быта народа еще не означает их ненужности нашим современникам и последующим поколениям. Стремясь к духовному изобилию, мы должны относиться к ним максимально бережно, записывать, сохранять и издавать, способствуя их «второй жизни» в книгах. В этом смысле несомненно полезны и экспедиции старого типа, участники которых интересуются только фольклором, и преимущественно традиционным. Однако надо отдавать себе ясный отчет в том, что подобным методом нельзя собрать достаточно надежные факты, при помощи которых можно было бы нарисовать объективную картину современной поэтической жизни народа или хотя бы определить место и роль фольклора в современности.

Сторонники «чисто фольклорных» исследований никогда не дают ответа на самый важный вопрос: если фольклористика не сочтет своей обязанностью изучать современную словесно-художественную жизнь народа во всем ее объеме, то какой же науке это должно быть поручено? На наш взгляд, было бы полезнее обсудить, соответствует ли современным задачам традиционное название науки об истории поэтической культуры народа — «фольклористика», чем настаивать на том, что такое название обязывает нас будто бы заниматься только фольклором, какие бы изменения в жизни народа ни происходили¹¹.

Фольклористика должна иметь ясно очерченный и специфический предмет занятий. Это не значит, что ей следует наглухо отгородиться от других общественных наук. Как наука, изучающая массовые формы поэтического быта народа, фольклористика всегда была и остается органической частью этнографии; как наука, исследующая поэтический быт народа, она — органическая часть литературоведения. В этом смысле фольклористика не составляет исключения. Все современные науки пересекаются и переплетаются с рядом соседних и родственных

¹¹ Напомним, что термин «фольклористика» возник сравнительно недавно. Фольклористику в прошлом называли наукой о народной поэзии, или народной словесности, этнографией (в смысле народоведения) и даже археологией (в смысле наука о старине и традициях) или антропологией (наука о человеческой деятельности).

наук; это, однако, не приводит их ни к потере ощущения собственного предмета, ни к утрате преемственности опыта прошедших столетий.

Выдвижение вопросов современности, подчеркнутое внимание к ним не должно вести к свертыванию других фольклористических специализаций — общей теории и истории фольклора, изучения генезиса и художественной природы развития отдельных жанров, фольклористической текстологии, истории фольклористики, истории литературно-фольклорных отношений и т. д. Без развития всех этих направлений современность не может быть осмыслена как результат истории, как звено между прошлым и будущим. С другой стороны, изучение современных процессов не может не составить специфической и очень важной отрасли фольклористики. Именно такое изучение является наиболее непосредственным выполнением общественного долга нашей науки. На наш взгляд, современное многообразие массовых поэтических форм, решительные перемены, которые произошли в быту народа, делают особенно перспективными фольклористические исследования историко-культурного и историко-бытового плана.

* * *

Экспедиционные и обобщающие исследования в том направлении, которое нам кажется правильным, с некоторых пор уже ведутся рядом научных организаций и отдельными фольклористами. Можно назвать экспедиции Института этнографии АН СССР на Дон в 1949 г. под руководством В. Ю. Крупянской, а также в Нижний Тагил, Забайкалье и на целинные земли в 1958—1960 гг. и др., экспедиции Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР в 1949—1950 гг. в Сегежу и в последующие годы в другие районы Карелии, работы студенческих отрядов под руководством В. Е. Гусева в Челябинской области, отдельные работы экспедиции МГУ под руководством Э. В. Померанцевой, работы В. А. Василенко и Б. П. Кирдана в области художественной самодеятельности. Особое внимание фольклористов привлекла Костромская экспедиция Института русской литературы АН СССР в 1958—1959 гг. под руководством В. Е. Гусева. И все же подобные работы ведутся еще очень разрозненно и несистематично, материалы большинства экспедиций не опубликованы вовсе или увидели свет лишь частично. Слабо разработаны сложные и во многом новые вопросы экспедиционной методики, совершенно не публиковались и не подвергались более или менее широкому обсуждению полевые программы и вопросники. Между тем методика сбора материала, определение круга охватываемых вопросов и способов их выяснения чрезвычайно важны.

Справедливость требует отметить, что часто и экспедиции, ставившие своей целью сбор текстов традиционного фольклора, не отказывались от наблюдений за современными процессами. Однако обычно все ограничивалось впечатлениями с птичьего полета, двумя-тремя фразами, внесенными в отчет и монотонно повторявшими общеизвестную истину — современные массовые песни охотно поются в обследованном районе. В лучшем случае в подтверждение этого приводилось пять-десять названий песен, первых попавшихся под руку. Добытый таким способом и в таких размерах материал не давал ничего нового и не имел никакого — ни теоретического, ни документального значения.

Это заставляет считать, что выработка новых приемов экспедиционной работы имеет сейчас первостепенное теоретическое значение. Фольклорист-собираатель — не приспособление для записи текстов, а исследователь, ответственный за состояние фактической основы науки. Факты, которые он добывает, должны вырастать в систему, основанную на надежном теоретическом фундаменте. Только при этом условии фольклористика обретет должное количество достоверных фактов и сможет создать верную картину современного этапа истории поэтической культуры народа. Поэтому заключительную часть нашей статьи мы посвятим изложе-

нию некоторых общих принципов современной экспедиционной фольклористической работы, как они нам представляются в настоящее время ¹².

Уже говорилось о том, что народная поэтическая культура — явление одновременно и эстетическое и бытовое. Соответственно с этим фольклористика должна ставить перед собой две задачи: учет и исследование современных массовых форм народной эстетической культуры в их взаимосвязи и изучение всех творческих проявлений, в какой бы форме они ни развивались (фольклорная или литературная, коллективная или индивидуальная, массовая или единичная, устная или письменная и т. д.).

Первую из этих задач можно условно назвать изучением современного массового репертуара, имея в виду при этом всю сумму бытующих в народе форм восприятия, исполнения, т. е., условно говоря, «потребления» поэтических произведений и т. д. ¹³ Современной фольклористикой еще не разработана методика систематизации типов и видов массовой поэтической культуры и шире — форм массовой художественной культуры. Поэтому наше членение поэтического репертуара не может не быть условным.

На первое место, естественно, выдвигаются вопросы песенного репертуара, т. е. учет и изучение всех песен, которые бытуют в настоящее время в городе или селе. При обследовании того или иного населенного пункта в этом отношении должны применяться самые разнообразные средства и методы: расспросы и запись текстов, учет репертуаров отдельных исполнителей и устойчивых исполнительских коллективов (семейных и дружеских ансамблей и «артелей», хоров самодеятельности и т. п.), наблюдения и запись на народных гуляниях, праздниках, вечеринках, изучение рукописных песенников, материалов местной печати и архивов районных и областных отделов культуры, клубов и других учреждений. Полный учет всего, что исполнялось и помнилось населением изучаемого района в определенный отрезок времени, уже явится важным документом, фиксирующим конкретный момент истории народной песни этого района. Накопление подобных документов по различным районам и за последовательный ряд лет создаст основу для сравнительного изучения современной песни в локальном и хронологическом аспекте, для выявления закономерности развития репертуара и его зависимости от различных местных экономических, культурных, социальных, исторических и прочих факторов.

Даже размеры современного репертуара мало известны и представляют значительный интерес. Запись 150—200 традиционных и активно бытующих песен в любой русской деревне XIX в. считалась выдающимся событием. А сколько песен знают сейчас жители одного села или города? Обследование, проведенное нами в Сегеже — сравнительно небольшом городке, выросшем в конце 30-х годов на берегах Выгозера вокруг одного из крупнейших в Европе лесохимических и бумажных комбинатов, дало довольно неожиданную цифру в 316 песен ¹⁴.

Из них около трех четвертей от общего количества составляли песни, созданные профессиональными поэтами и композиторами (192 сюжета), и советские песни устного происхождения (39), остальные оказались старинными русскими народными песнями (51) и романсами — классическим (13) и так называемым «жестоким» (21).

Общий анализ репертуара, разумеется, не может ограничиться подсчетом количества сюжетов по отдельным группам песен. Важно еще

¹² Подробная программа сбора полевых материалов по современной народной поэтической культуре публикуется в сборнике экспедиционных программ, подготовленном Институтом этнографии АН СССР.

¹³ Т. е. словесно-художественных, разумеется, обычно в сочетании с музыкальными, драматическими, хореографическими и другими элементами.

¹⁴ См. подробнее об этом: К. В. Чистов, Литературно-художественная культура социалистической Сегежи, «Изв. Карело-Финского филиала АН СССР», 1950, № 2, стр. 67—76. Кроме того, было записано несколько сотен частушек.

показать, какие бытуют виды и жанры песен, какими идеологическими и художественными качествами они отличаются. Однако и это далеко еще не все. Простой учет и запись бытующих песен и их идейно-художественный и, так сказать, статистический анализ и даже изучение движения репертуара за ряд лет еще не решит основную задачу. Останется не выявленной степень активности бытования отдельных песен или их групп и видов. Чтобы восполнить этот пробел, некоторыми сторонниками изучения современных процессов был произведен в последние годы своеобразный опыт так называемого «пассивного» изучения репертуара, который заключается в том, что участники экспедиции, опасаясь преувеличить роль и место в повседневном быту народа песен, записанных от отдельных исполнителей, учитывали и записывали только то, что зазвучит само, без всяких расспросов и побуждений. Можно понять мотивы подобного эксперимента. Однако такой метод может дать достаточно надежные результаты только при чрезвычайно длительном стационарном наблюдении. Он может применяться не участниками экспедиционного отряда, а краеведами, десятками лет живущими в изучаемом районе. Опыт показывает, что некоторые песни звучат не регулярно и, тем не менее, хранятся в памяти народа. Их исполнение может быть связано с определенными праздниками, с сезонными работами, семейными или общественными событиями. Приведем только один пример: многие фольклористы отмечали, что в первые же месяцы Великой Отечественной войны как бы внезапно припомнились старинные солдатские песни и песни времен гражданской войны, которые считались давным-давно забытыми.

Идеалом должно считаться сочетание стационарного и экспедиционного метода и решительно должен быть отвергнут так называемый маршрутный метод (при котором за короткое время обследуются десятки населенных пунктов), допустимый только для первичной рекогносцировки, выбора объекта или сбора некоторых сравнительных сведений. Что же касается стационарного метода, то и он должен включать как простое наблюдение, так и нарочитые расспросы, припоминания, изучение документов и пр. И то и другое должно служить, вместе с тем, задаче не только учета, но и анализа репертуара. Должно быть выяснено, подкреплено фактами и точно зафиксировано, какие из известных населению песен звучат особенно часто и пользуются преимущественной любовью, что исполняется реже и по определенным поводам и, наконец, что относительно пассивно, но все же еще хранится в памяти населения. Совершенно необходима дифференциация и другого характера — по возрастным и социальным слоям. Особенно нужно обращать внимание на особенности изучения репертуара различных профессиональных групп. Большой интерес представляет изучение закономерностей формирования репертуара объединений, как производственных (бригада, звено, артель и т. п.), так и бытовых (общешитие, квартал, улица, городской район).

Движение репертуара будет правильно определено при условии детального изучения источников и каналов пополнения репертуара (устное распространение, рукописные и печатные песенники, местная самодеятельность, радио, кино, телевидение, патефон), межобластных и межнациональных связей, возникающих в результате происходящих перемещений населения, развития культурного общения, смешанных браков и, наконец, при максимальном учете разнообразия современных исполнительских форм (исполнение для себя, на гулянии, на семейном празднике, в клубе, в хоре или на вечере художественной самодеятельности, по местному радиовещанию, чтение песенников и пр.).

Мы остановились особенно подробно на некоторых вопросах изучения песенного репертуара. Не менее важно и вместе с тем не менее — если не более — сложно изучение репертуара устной прозы (бытовое рас-

сказывание, шутка, анекдот, красное словцо, поговорки, пословицы, устные рассказы, сказки, предания, легенды, пересказы книжных произведений, кинофильмов, театральных постановок). В этой области еще менее разработана методика объективного обследования, еще больше требуются продуманные программы и мастерство фольклориста-собираателя.

И, наконец, необходима тщательная разработка методики изучения репертуара народного чтения. Общеизвестно, что книга все больше и больше входит в повседневный быт нашего народа. По данным ЮНЕСКО, СССР занимает первое место в мире по выпуску книжной продукции. Если в дореволюционной России на душу населения в год издавалось 0,7 книги, то в наше время — 6 книг. Кроме того, фонды общественных библиотек в СССР непрерывно растут и в настоящее время в них хранится (в пересчете на душу населения) в 8 раз больше книг, чем в общественных библиотеках США.

Изучение современного репертуара народного чтения может много дать литературоведению и критике, так же как изучение песенного репертуара может оказать существенные услуги музыковедению. Современная критика спорит о политическом и художественном значении той или иной книги, предрекает ей определенную судьбу, издательства увеличивают или уменьшают тиражи, повторяют издания, однако никто не знает, по существу, как в действительности принята книга народом, вошла ли она в круг народного чтения и долго ли в нем продержалась. В этом отношении мы делаем либо мало, либо нечто очень кустарное. Полезно было бы вспомнить о значительном опыте, накопленном русской наукой в этой области еще в 80—90-е годы XIX в. и в предреволюционные десятилетия¹⁵.

Правда, в последние годы эти и близкие к ним вопросы неоднократно оказывались в поле зрения библиотечников и этнографов, изучающих широкий круг проблем современного развития, культуры и быта народа. Однако и в этих работах методика изучения репертуара народного чтения оставляет желать лучшего. Дело, разумеется, не просто в учете количества библиотек, книжных фондов и книговыдач, хотя несомненно, что постоянный рост этих показателей интересен. Задача состоит в том, чтобы изучить, сколько, кем и какие книги читаются и, кроме того, как они читаются и оцениваются, какой след оставляют они в сознании читателей, какое влияние оказывают на развитие их взглядов, вкусов и художественного творчества. Выработка объективных методов и статистических приемов и здесь чрезвычайно важна, и в этой области факты должны заменить общее впечатление; однако как при изучении песенного репертуара, так и в этом случае цифры дадут далеко не все. Нужны такт и тонкость полевого исследователя, его умение возбуждать дружеское доверие, его способность подмечать многое и не терять из вида основное.

Изучение репертуара народного чтения должно сопровождаться выяснением роли школы, практики семейного чтения, состава индивидуальных библиотек, наблюдением за реальным путем книги после того, как она попадает в руки читателя, сведениями органов книжной торговли о

¹⁵ Известно значительное количество программ и вопросников того времени. Важнейшие из них: А. С. Пругавин, Программа для собирания сведений о том, что читает народ, М., 1888, 14 стр. (2-е изд., М., 1891, 32 стр.); Н. А. Рубакин, Опыт программы для исследования литературы для народа, СПб., 1889, 30 стр. Результаты опросов и наблюдений обобщались и обсуждались в печати. См., например: А. С. Пругавин, Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения, М., 1890, 287 стр.; Н. А. Рубакин, Этюды о русской читающей публике, СПб., 1895, 246 стр.; Х. Д. Алчевская и другие, Что читать народу, т. I—III, Харьков, 1902; С. Анский, Народ и книга. (Из личных воспоминаний и наблюдений), «Русское богатство» за 1902 г.: № 6, стр. 82—115; № 7, стр. 18—60; № 8, стр. 57—75; и др.

спросе на книгу и ходе ее продажи. Все эти вопросы теснейшим образом связаны и с популяризацией книг по радио, через кино, телевидение, на сцене и, наконец, с различными формами бытового пересказывания книг в кругу семьи, общезнании, на производстве: например, в артели вышивальщиц, в портновских мастерских и т. д.

В краткой статье мы не можем коснуться всех вопросов современной экспедиционной методики. Наша задача заключалась в освещении общих задач и методов современной фольклористики. Все, что до сих пор было сказано, безусловно предполагает самое внимательное и бережное отношение ко всем творческим элементам современной поэтической жизни народа, идет ли речь о знатоке и хорошем исполнителе песен, рассказчике, частушечнике, баянисте и участнике хора, сочиняющем песни, о хоре в целом, которым такие песни создаются, об агитбригаде, отзывающейся на местные события, о сказителе или начинающем поэте или прозаике. Все творческие формы должны быть выявлены и рассмотрены самым детальным образом в свете местных традиций, общего хода развития культурной жизни изучаемого района и, в случае обнаружения серьезных достижений, должны быть приняты меры для их популяризации.

При определении задач современной фольклорно-экспедиционной работы мы должны не только исходить из нынешнего положения вещей, но и учитывать те грандиозные преобразования, на пороге которых мы стоим и которые будут осуществлены в предстоящее двадцатилетие. Период развернутого строительства коммунизма будет одновременно завершающим этапом великой культурной революции в нашей стране. В Программе КПСС, принятой на XXII съезде партии, говорится: «По мере сокращения времени на материальное производство расширяются возможности для развития способностей, дарований, талантов в области производства, науки, техники, литературы и искусства. Досуг людей будет все больше посвящаться общественной деятельности, культурному общению, умственному и физическому развитию, научно-техническому и художественному творчеству»¹⁶.

В Программе подчеркивается, что в условиях перехода к коммунизму творческая деятельность во всех областях культуры будет становиться особенно плодотворной и доступной всем членам общества. «Получат широкое распространение народные театры, массовая самодеятельность, техническое изобретательство и другие формы народного творчества. Подъем художественно-творческой деятельности масс будет способствовать выдвижению новых талантливых писателей, художников, музыкантов, артистов. Развитие и обогащение художественной сокровищницы общества достигается на основе сочетания массовой художественной самодеятельности и профессионального искусства»¹⁷.

Советская фольклористика призвана всемерно содействовать этому как путем марксистского изучения и популяризации богатейшего фольклорного наследства, так и путем систематического и глубокого изучения современности, внимательной поддержки всех творческих элементов. Она должна создать и сберечь для истории документальное изображение общего хода развития поэтической культуры нашего народа в период построения коммунизма. Вся ее деятельность должна быть направлена к одной цели — способствовать тому, чтобы в процессе коммунистического переустройства быта художественное начало еще больше одухотворяло труд, украшало быт и облагораживало человека¹⁸.

Широкое и вместе с тем детальное изучение современной художественной культуры и поэтического творчества народа может принести в

¹⁶ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», Госполитиздат, М., 1961, стр. 121.

¹⁷ Там же, стр. 130.

¹⁸ Там же.

этом смысле большую пользу. Для того чтобы достичь духовного изобилия, приобщить каждого советского человека к неисчерпаемым богатствам литературы и фольклора, надо знать, как далеко мы продвинулись по этому пути и что нам предстоит еще сделать, какие достижения и пробелы есть в этой области, как эволюционируют народные вкусы, что здесь следует преодолевать и что бережно сохранять и совершенствовать. Вместе с тем накопление подобных материалов обеспечит возможность нарисовать общую картину художественной культуры народа в эпоху развернутого строительства коммунизма, выявить закономерности этого чрезвычайно важного периода истории поэтической культуры народа, истоки которой — в многовековом фольклорном творчестве.

SUMMARY

The debates on the role of folklore studies in our time originated in the 1930's and are still going on. This is explained by the complexity of the processes actually taking place and by the fact that certain theoretical misconceptions of the 1930's—1940's have not yet been overcome.

One of the major tasks of Soviet folklore studies is the restoration of a correct understanding of the subjects covered by these studies. In the opinion of the author of the present article, folklore studies should cover the history of the mass forms of a people's poetic culture, whatever their character (folklore or literary form, collective or individual, oral or written, impersonal or personal).

Characteristic of the contemporary culture of the Russian people is the predominance of literature and of other forms of professional art, while different types of folklore and semi-folklore forms are retained in varying degree in different parts of the country.

The rise of many new forms and types of mass poetic culture and the changing correlation between folklore and literary tradition call for new methods of field folklore research. The dearth of authentic and comparable materials brings expedition work to the fore. A folklore collector and researcher should not restrict his work to recording the texts and collecting disjointed facts from the cultural life of the area under investigation, he should aspire to an all-round investigation of the processes that are taking place, to establishing the role and significance of the individual forms of contemporary poetic culture of the given people, the specific features of their development among the different national, social, age and other population groups. He should also establish the causes that determine the local features of these forms and the speed of their development in different parts of our country.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

С. М. АБРАМЗОН

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА СБЛИЖЕНИЯ НАЦИЙ НА СЕМЕЙНО-БЫТОВОМ УКЛАДЕ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

В новой Программе Коммунистической партии Советского Союза глубоко освещены важнейшие проблемы, связанные с развитием национальных отношений в СССР. Выдвинутые партией задачи в области национальных отношений являются выражением курса «на дальнейший экономический и культурный расцвет советских республик, еще более тесное и всестороннее сближение наций в ходе развернутого коммунистического строительства»¹.

Объективные процессы сближения социалистических наций и народностей, усиления их взаимовлияния и взаимообогащения, упрочения дружбы между ними происходят уже давно, они непрерывно расширяются и углубляются. Создание материально-технической базы коммунизма, в которое вносит свой вклад каждая советская республика, все в большей степени способствует развитию братского сотрудничества и взаимопомощи народов СССР, укреплению интернациональных уз между ними. Усиление взаимного обмена материальными и духовными ценностями между советскими нациями ведет к развитию общей для них интернациональной культуры. Переход к коммунистическим общественным отношениям будет оказывать многостороннее влияние на процесс сложения общих для советских людей разных национальностей коммунистических черт культуры, морали, быта, их духовного облика.

Все эти факторы экономического, общественного и культурного развития советских наций, характерные для периода развернутого коммунистического строительства, не могут не затронуть и таких сторон быта, как брак и семья. Они находят, в частности, свое выражение в росте числа браков между представителями различных национальностей и образования смешанных в национальном отношении семей.

Увеличение числа таких семей не может рассматриваться как преходящее явление. Оно глубоко затрагивает одну из тех областей быта, которые претерпевают относительно более медленные изменения, чем другие. Хотя процесс образования смешанных семей, имеющий, несомненно, прогрессивный характер, находится еще на начальной стадии своего развития, он свидетельствует об установлении новых национальных

¹ Н. С. Хрущев, О Программе Коммунистической партии Советского Союза. Доклад на XXII съезде КПСС 18 октября 1961 г., «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 190.

взаимоотношений, об изживании былой национальной замкнутости и изолированности, о преодолении религиозных предубеждений².

Важнейшими предпосылками возникновения этого явления послужили осуществление ленинской национальной политики партии, ликвидация былой вражды и отчужденности народов, насаждавшихся господствовавшими классами, разрушение воздвигавшихся веками искусственных перегородок, национальных и расовых, возникновение доверия и дружбы между народами, широкое распространение идей интернационализма.

* * *

В. И. Ленин еще в 1903 г. писал: «Проклятая история самодержавия оставила нам в наследство громадную *отчужденность* рабочих классов разных народностей, угнетаемых этим самодержавием. Такая отчужденность есть величайшее зло...»³. Преодолевая насаждавшуюся царизмом отчужденность между рабочими разных народностей, рабочий класс России, руководимый интернационалистической большевистской партией, довел до успешного конца борьбу с самодержавием, с капитализмом.

Особенно сложной была обстановка на национальных окраинах России, там, где подавляющую массу населения составляло крестьянство. Хотя трудовые крестьянские массы местных национальностей, бок о бок с которыми во многих районах были расположены крупные массивы русского и украинского населения, не раз объединялись с местными рабочими и с наиболее угнетенной частью русского крестьянства для совместной борьбы против царизма и собственных эксплуататоров, хотя, наперекор политике царизма, дружба между народами и находила проявление в разных формах, все же отчужденность и недоверие были в прошлом характерны для межнациональных отношений.

В числе тех окраин России, где национальные отношения приобрели большую остроту, были Средняя Азия и Казахстан. Сложность этих отношений была обусловлена прежде всего колониальной политикой царизма. Безраздельное господство среди местного населения реакционной идеологии ислама и сильное влияние мусульманского духовенства также сказывались самым отрицательным образом на национальных отношениях. Религиозная нетерпимость ислама усиливала антагонизм между национальностями, относившимися к разным вероисповеданиям.

Согласно религиозным установлениям ислама и указаниям, содержащимся в комментариях мусульманского права, допускался брак мусульман с женщинами «китаби», т. е. признающими писание и пророков (к ним относят христиан и иудеев)⁴. Однако мусульманское духовенство воспитывало у трудящихся местных национальностей убеждение в том, что браки с иноверцами являются грубым нарушением шариата. Вступавшие в такие браки подвергались преследованиям.

Иное положение существовало в отношении браков между лицами разных национальностей, исповедовавшими ислам, хотя и такие браки не имели широкого распространения. Они практиковались в основном

² Специальных исследований по вопросу о распространении смешанных браков у народов Средней Азии и Казахстана до сих пор не проводилось. Имеющиеся этнографические материалы носят крайне фрагментарный характер. Систематический сбор таких материалов — дело ближайшего будущего. Задача настоящей статьи — привлечь внимание этнографов к этой важнейшей проблеме. Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность Т. А. Жданко, Е. М. Пешеревой, Н. А. Кислякову, Л. Ф. Моногаровой, О. А. Корбе за сделанные ими ценные замечания при чтении рукописи, а также всем лицам, сообщившим о своих наблюдениях.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 420.

⁴ «Хидая», Комментарии мусульманского права, под ред. Н. И. Гродекова. Ташкент, 1893, т. I, стр. 142; Н. С. Лыкошин, Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения, вып. I, Пгр., 1919, стр. 116.

в районах близкого соприкосновения местных национальностей. Так, В. Наливкин сообщает⁵, что узбеки охотно брали жен из числа киргизок, считая их домовитыми хозяйками. Но такие браки не были особенно частыми, так как калым за киргизскую девушку был выше, чем за узбекскую. М. А. Бикжанова также отмечает, что случаи женитьбы узбеков на киргизках и таджичках были немногочисленны. Еще реже выходили узбечки замуж за киргизов и таджиков. В Ферганской долине имели место в прошлом и браки таджиков с узбекскими и киргизскими девушками, но они были сравнительно редки. Таджикские баи иногда брали киргизских девушек в качестве вторых или третьих жен, с тем чтобы они ухаживали за скотом⁶.

В прошлом встречались браки между казахами, с одной стороны, и узбеками, киргизами, с другой. В результате хозяйственных, бытовых, а также брачных связей между казахами и узбеками в Ташкентском оазисе образовалась даже конгломератная этнографическая группа под названием «курама».

Имели некоторое распространение браки казахов с татарами. В «Записках Шульбинского миссионера иеромонаха Сергия за 1893 г.» отмечается, что «беглых татар приписали к киргизам (казахам.— С. А.), они поженились на киргизках — и получились челоказики (правильнее — чалаказики.— С. А.). Очень многие не попали в деревни и остались в степи среди киргизов»⁷.

Между казахами и киргизами вплоть до середины XIX в. систематически повторялись взаимные набеги, предпринимавшиеся в интересах феодальной знати обеих сторон. Тем не менее брачные связи между этими народами носили в некоторых районах устойчивый характер. Среди родоплеменных групп киргизов встречаются ведущие свое происхождение от киргизско-казахских браков⁸. У киргизов существовали в прошлом брачные связи и с этнографической группой «тюрк», населяющей Южную Киргизию, с местными татарами (в Прииссыккулье). По сообщению аспирантки Т. Баялиевой, производившей записи на Тянь-Шане, браки киргизов с представителями других национальностей были очень редки, особенно среди беднейшей части населения. Лишь некоторые баи брали в жены дочерей богатых узбеков и казахов из соседних районов. Трагична история киргизской девочки Чюрпё, проигранной в 1907 г. ее отцом в карты богатому купцу узбеку Мамбеталы Бактыгулову и ставшей в 11 лет женой дряхлого, 83-летнего старика⁹. Были случаи браков киргизов с калмычками. Браки с девушками-мусульманками не встречали осуждения. Но выход киргизской девушки за иноверца считался большим позором. Такую девушку (как и ее мужа) ожидала смерть от рук ее родных. За казаха или узбека, если он жил среди киргизов с детства или по крайней мере очень давно и усвоил их обычаи, киргизские девушки выходили замуж беспрепятственно, так как на такого казаха или узбека киргизы смотрели как на своего.

Каракалпаки приморских районов Хорезма имеют давние брачные связи с соседними группами казахов¹⁰. У ферганских каракалпаков считалось возможным жениться на девушках других национальностей

⁵ В. Наливкин, Киргизы Наманганского уезда, газ. «Туркестанские ведомости», 1881, № 20.

⁶ Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, С. П. Русаякина, Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, Труды Ин-та этнографии АН СССР, Новая серия, т. XXIV, М., 1954, гл. III (автор — Е. М. Пещерева), стр. 174.

⁷ «Православный благовестник», 1894, т. I, № 3, февраль, кн. I, стр. 104.

⁸ См. С. М. Абрамзон, Этнический состав киргизов северной Киргизии, Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, М., 1960.

⁹ Этот факт был записан преподавателем Зайнахан Белековой в 1949 г. со слов самой Чюрпё Байзаковой.

¹⁰ Т. А. Жданко, Быт колхозников рыболовецких артелей на островах Южного Арала. «Сов. этнография», 1961, № 5, стр. 42—43.

(обычно на узбечках). Однако выход замуж девушки-каракалпачки за узбека осуждался общественным мнением¹¹.

Большой нетерпимостью к бракам вне своей среды, даже с единоверцами, отличались две группы населения Средней Азии: дунгане и местные среднеазиатские арабы. Для дунган, как об этом сообщил нам Г. Г. Стратанович¹², была характерна строго соблюдавшаяся «земляческая» и национальная эндогамия. Нарушение «земляческой» эндогамии (даже до середины 1930-х гг.) было возможно только при условии брака похищением по предварительному сговору. Браки же с женщинами иного вероисповедания (киргизками, казашками, уйгурками) допускались только при наличии первой жены-дунганки или в случае крайней бедности мужчины.

Строго оберегалась в прошлом чистота браков и среди арабов. Браки арабов с женщинами других национальностей в некоторых местах преследовались, случаи смешанных браков не имели сколько-нибудь широкого распространения¹³. Это объяснялось обособленностью арабов от окружающего населения, а также тем, что арабы считали себя «аристократической» группой среди местных мусульман.

В виде редкого исключения наблюдались в дореволюционное время случаи женитьбы среднеазиатских цыган на узбечках и таджиках¹⁴.

В целом же почти все смешанные браки у народов Средней Азии и Казахстана происходили в одной и той же мусульманской среде, поэтому никаких препятствий для них с религиозной стороны не было. Но существовали препятствия другого рода — бытовые. Они мешали широкому распространению смешанных браков. По словам Е. М. Пещеревой, оседлое население неохотно выдавало девушек за кочевников. Даже в пределах своей народности избегали отдавать замуж девушек в далекие места.

Но еще сложнее обстояло дело в отношении брачных связей с соседними народами, не исповедовавшими ислам. Это прежде всего относилось к появившемуся в некоторых районах Средней Азии (особенно на территории Киргизии) и Казахстана после их присоединения к России русскому и украинскому крестьянству, образовавшему местами крупные и компактные группы населения. Несмотря на прогрессировавшее хозяйственное сближение народов Средней Азии и Казахстана с пришлым русским и украинским населением и на зарождение многообразных дружественных связей в трудовых слоях местных национальностей и русских, вступление в брак с русскими как с иноверцами считалось, как указывалось выше, предосудительным, позорным, недопустимым поступком, осуждаемым прежде всего с религиозной точки зрения. Разумеется, культивировавшаяся царизмом и господствовавшими классами вражда и отчужденность между народами тоже играли свою отрицательную роль, препятствуя возникновению брачных связей между местными национальностями и русскими и украинцами.

По сообщению Е. М. Пещеревой, «в очень редких случаях браков с русскими в дореволюционное время, русские женщины почти всегда при этом переходили в мусульманство, а брачный обряд совершался по обычаям той местности, где происходил брак»¹⁵. В дореволюционной литературе описан характерный эпизод, относящийся к 1909 году. Ходжентский таджик Ачильбай Адильбаев поплатился тюрьмой за любовь к

¹¹ Л. С. Толстова, Каракалпаки Ферганской долины, Нукус, 1959, стр. 114.

¹² См. также Л. Шинло, Социалистический быт колхоза имени Фрунзе Кантского района Киргизской ССР, Автореферат диссертации, Фрунзе, 1955, стр. 10.

¹³ И. Н. Винников, Арабы в СССР, «Советская этнография» (сборник статей), т. IV, Л., 1940, стр. 18.

¹⁴ См. М. А. Бикжанова, Семья и положение женщины в колхозах Наманганской области, Автореферат диссертации, Ташкент, 1959, стр. 15.

¹⁵ См. «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства», стр. 174.

русской женщине, несмотря на то, что это был сын местного богача¹⁶. Женщина, в которую влюбился Ачильбай, хотела перейти в мусульманство, но настоятель местной церкви добился ее отказа от этого намерения.

Появились слухи, что Ачильбай готов принять православие. Тогда вмешался местный казий (народный судья), который приговорил Ачильбая за нарушение шариата и за то, что он, Ачильбай, живет гражданским браком с русской женщиной, к шестимесячному тюремному заключению. Протест уездного начальника, к которому обратился потерпевший, не дал результата. Самаркандский окружной суд оставил приговор в силе. Так окончилась попытка вступить в брак с русской женщиной.

Не менее тяжелые испытания выпали на долю русской крестьянской девушки Анастасии Кулагиной и киргизского юноши Мукамбета Раимбекова, попытавшихся в 1914 г. наперекор существовавшим взглядам и обычаям соединить свою судьбу¹⁷. Полюбив друг друга, молодые люди решили бежать, рассчитывая, что в горах, среди киргизов и казахов, они найдут убежище и спасутся от преследования. Розыски бежавших были организованы при участии властей (в том числе начальника Пржевальского уезда). Через месяц они были пойманы, привезены связанными в Пржевальск и заключены в тюрьму (Анастасия — за отказ отречься от мужа). Вскоре родители девушки взяли ее из тюрьмы под свое наблюдение, а Мукамбет, не пожелавший принять христианство, был выпущен из тюрьмы только через два месяца. Спустя некоторое время молодым людям удалось снова бежать. Они жили среди казахов, работая батраками у бая. Их опять обнаружили. Мукамбет оказался в тюрьме, Анастасия — под замком у родителей. Убежав в третий раз, они скрывались у родственников Мукамбета. После поражения киргизского восстания в 1916 г. молодая пара вместе с другими киргизами бежала в пределы Китая. Вернувшись после Февральской революции 1917 г. на родину, молодые люди впервые получили возможность жить своей семьей, не подвергаясь преследованиям. Но их счастье было недолгим. Вооруженные кулацкие банды учинили расправу с участниками восстания. Погиб и Мукамбет. В 1918 г. Анастасия вступила во второй брак с С. Арботоевым.

В районах Прииссыккуля нам приходилось слышать, что среди киргизского населения в прошлом встречались отдельные, уже совсем окиргизившиеся русские женщины. От браков с киргизами у них имелись дети. Существовали единичные случаи браков русских с киргизскими женщинами. Об одном из них сообщает Г. К. Гинс:

«В селении Ново-Покровском Пишпекского уезда разговаривался я с хозяйкой.

— Горе у меня, барин, большое.

— А что?

— Сын убежал к киргизам, а сам-то (муж) его проклял и обещался убить.

И рассказала мне, как сын все ездил к киргизам, как они его поили и кормили, как он влюбился в киргизскую девку и как «убег». Киргизы скрывали его. Дали много скота, поженили и отправили на озеро Иссык-Куль»¹⁸.

¹⁶ Н. С. Лыкошин, Указ. раб., стр. 114—116.

¹⁷ Во время полевых работ Киргизской археолого-этнографической экспедиции в 1953 году Анастасия Дмитриевна подробно рассказала нам историю своего брака с Мукамбетом. Она проживала в то время в сел. Талды-Суу Тюпского района (Прииссыккулье), ей был 61 год. Присутствовавший при нашей беседе с нею сотрудник экспедиции М. Айтбаев опубликовал этот рассказ в своей книге «Историко-культурные связи киргизского и русского народов» (Фрунзе, 1957, стр. 124—126).

¹⁸ Г. К. Гинс, В киргизских аулах (очерк из поездки по Семиречью), «Исторический вестник», 1913, № 10, стр. 332.

Некоторое число браков казахов с русскими женщинами было результатом деятельности существовавшей в 1890-х гг. в Казахстане «Киргизской духовной миссии». Тем из казахов, которые были обращены миссионерами в православную веру, не чинилось препятствий для вступления в брак с русскими женщинами. По сообщению одного из миссионеров, на Зыряновском руднике из 30 новоокрещенных казахов восемь «поженились на русских, живут своими избами»¹⁹. Но стоило русской девушке пожелать принять ислам, чтобы выйти за мусульманина, как на ноги поднимались все блюстители религиозной нравственности. В 1894 г. сообщалось, что миссионер специально ездил в дер. Топольную «производить дознание по делу о совращении татарским муллой православной русской девушки в магометанство»²⁰.

Таким образом, если даже браки с единоверцами, но из другой национальной среды, не были повсеместным и широко распространенным явлением у народов Средней Азии и Казахстана, то браки между лицами, принадлежавшими к разным вероисповеданиям, в условиях дореволюционной действительности не только рассматривались как противоречащие религиозным воззрениям, но и навлекали на этих лиц серьезные санкции, вплоть до тюремного заключения. Такие браки становились «законными» только при условии отказа от своего вероисповедания. Е. М. Пещерева сообщила, что мусульмане также не чинили препятствий смешанным бракам, если иноверец принимал ислам. Имелись случаи перехода русских мужчин в мусульманство — их полностью принимали мусульмане в свое общество.

После Великой Октябрьской социалистической революции перемены в этой области быта наступили не сразу. Взгляды на брак менялись очень медленно, религиозные предрассудки и национальная изолированность еще оказывали в течение длительного времени свое отрицательное влияние. И все же социально-экономические условия были уже иными, и это не могло не отразиться на отношении к межнациональным бракам. Такие браки встречали поддержку и сочувствие со стороны органов советской власти, на их основе возникали и укреплялись смешанные семьи.

В 1952 г. мы получили возможность близко познакомиться с семьей киргиза Чалагызз Иманкулова, проживавшей в гор. Фрунзе. Глава семьи — выходец из сел. Сазановки (ныне — Ананьево) Иссык-Кульского района. В 1919 г. в сел. Темировку, где в то время жил Чалагыз, приехал из Ташкента Сазонт Васильевич Артеменко с семьей. Его вскоре избрали председателем сельского совета, его сына Петра — секретарем. Чалагыз познакомился и сдружился с семьей Артеменко. Когда Артеменко заболел, Чалагыз отправил его к знакомым на летние пастбища на кумыс. Артеменко поправился. Он уважал молодого киргиза, считая, что Чалагыз спас его от смерти.

Чалагыз работал в это время в Кредитном товариществе. Но у него было другое призвание: он был музыкантом — исполнителем народной музыки на «комузе»²¹. Его охотно приглашали на различные семейные торжества.

У Артеменко были сыновья и единственная дочь Анна. Часто встречаясь с Чалагызом, бывавшим в их доме, Анна привыкла к нему, но о выходе за него замуж и не думала. Чалагыз полюбил русскую девушку и все чаще говорил ей о своем желании жениться на ней. Кончилось тем, что он добился согласия Анны убежать с ним и стать его женой. Бег-

¹⁹ С. Борисов, Из записок Большеарымского стана Киргизской миссии за 1893 год, «Православный благовестник», 1894, т. III, № 17, сентябрь, кн. 1-я, стр. 39.

²⁰ «Православный благовестник», 1894, т. I, № 4, февраль, кн. 2-я, стр. 159.

²¹ «Комуз» — трехструнный щипковый инструмент типа лютни, наиболее популярный у киргизов.

ство Анны с киргизом было для того времени (это было в 1926 г.) исключительным событием. Опасаясь, что их найдут и разлучат, Анна и Чалагыз скитались около 10 дней в горах. В это время отца Анны не было дома. Вернувшись домой и узнав о происшедшем, он сказал: раз уж так случилось, пускай живут. Когда беглецы вернулись в поселок, родственники Чалагыза помогли им устроить временную юрту, а позднее они собрали войлоки и поставили для молодых настоящую юрту. Они очень полюбили Анну и не осуждали Чалагыза. Только его мать вначале смотрела на этот брак очень неодобрительно, но в дальнейшем примирилась с ним, стала относиться к невестке тепло и приветливо. К этому времени Анна уже свободно говорила по-киргизски.

Родители и старшие братья Анны долго не могли свыкнуться с тем, что их единственная дочь и сестра вышла замуж за Чалагыза, считая, что он ей не пара. В течение трех лет они не хотели встречаться с Анной, но потом вызвали ее к себе (она явилась к ним с ребенком) и помирились с нею. В то время Чалагыз с женой жили очень скромно. Основной заработок Чалагызу давала его исполнительская деятельность на комузе. Родители выделили Анне в приданое корову, лошадь, 8 овец и различные домашние вещи. Жить стало легче.

В начале 1930-х гг. Чалагыз переехал с семьей в г. Фрунзе. С 1936 г. работал в Киргизской государственной филармонии им. Токтогула Сатылганова.

Анна Сазонтовна (в киргизской среде ее называли Нуриля) очень деятельная, живая, открытая русская женщина, занималась домашним хозяйством, воспитанием детей. Ко времени нашего знакомства с нею и было шестеро. Старшая дочь — Мария (или Макиш)²² была уже замужем за киргизом Курманом Урмамбетовым. Они вместе учительствовали в Южной Киргизии, у них был ребенок.

Любопытно, что брат Чалагыза — Кыздарбай тоже женат на русской женщине. В 1952 г. у него было двое детей: Касым (14 лет) и Александр (11 лет). Его семья жила в колхозе «Кызыл Бирлик» в Прииссык-куле.

Благодаря осуществлению ленинской национальной политики, благодаря тому, что бывшее недоверие между народами все более сменялось полным взаимным доверием, национальная отчужденность исчезала, браки между представителями разных национальностей Средней Азии и Казахстана в довоенный период имели отчетливую тенденцию к росту. За отсутствием сведений в литературе по более крупным народам Средней Азии воспользуемся статистическими данными, относящимися к немногочисленному арабскому населению, обследованному И. Н. Винниковым. Эти данные представляют тем больший интерес, что они относятся к той группе населения, которая, как указывалось выше, отличалась в прошлом строгой эндогамностью. Среди обследованных в 1936 и 1938 гг. 487 семей арабов было выявлено 82 смешанных семьи, что составило 16,8% по отношению ко всему числу семей.

По национальному признаку эти браки распределялись так: жена — узбечка — 49; жена — таджичка — 26; жена — казашка — 3; жена — туркменка — 2; жена — русская — 1; муж — таджик — 1²³.

Анализируя браки между арабами и представителями других национальностей, И. Н. Винников отмечает, что более или менее широкое распространение такие виды браков получили только в последние годы

²² Интересно, что все остальные дети Анны Сазонтовны тоже имели по два имени: одно — киргизское (Азийза, Сулайка, Амантур, Болот, Саламат), другое — русское (использовавшееся в домашнем быту или в школе (Зина, или Зоя, Соня, Шурик, Боря Саша)).

²³ И. Н. Винников, Указ. раб., стр. 17.

благодаря постепенной ликвидации вековой национальной изолированности²⁴.

В среде других народов Средней Азии и Казахстана в довоенный и особенно послевоенный периоды браки между представителями местных национальностей стали довольно обычными. Отмечались браки узбеков с казашками, каракалпачками и особенно с татарками²⁵. Как сообщала нам в 1939 г. А. Л. Троицкая, узбеки женились очень охотно на татарках, так как они считались более культурными. Это явление зафиксировано позднее и в рабочей среде²⁶. Узбекские девушки также выходили замуж за представителей этих национальностей. По свидетельству Е. М. Пещеревой, и таджики часто женятся на татарках²⁷. Получили еще более широкое распространение смешанные браки каракалпаков Хорезмского оазиса с казахами²⁸. Ферганские каракалпаки вступают в брак с девушками других национальностей. Хотя и редко, но встречаются уже случаи выхода каракалпачских девушек за некаракалпачков²⁹. Смешанные семьи теперь распространены и среди казахов³⁰. В экспедиционных материалах, собранных в 1949 г. в Чуйском районе Джамбулской области Казахской ССР Г. Н. Валихановым, отмечается, что молодым казахам не препятствуют жениться на девушках других национальностей. Среди киргизов также можно гораздо чаще, чем раньше, встретить семьи, где жена — узбечка, татарка и т. д., а киргизские девушки выходят замуж за казахов, таджиков, узбеков и др. Уже не осуждаются, как это было в прошлом, браки дунганских юношей и девушек с киргизами, казахами, татарами, узбеками и др.³¹ Есть случаи женитьбы узбеков на арабах, что раньше совершенно не имело места, отмечены и узбекско-цыганские, и цыганско-узбекские семьи. Многие рабочие-цыгане в г. Бухаре женаты на узбечках, таджичках, татарках, русских³². Такие браки стали возможны в результате перехода цыган от бродячего к оседлому образу жизни.

Особенно следует отметить, что даже в отдаленных селениях различных районов Средней Азии и Казахстана зафиксированы браки с представителями других национальностей, не исповедующих мусульманскую религию, прежде всего с девушками и женщинами — славянками: русскими, украинками, белорусками. Появление таких браков, участвовавших в военные и послевоенные годы, свидетельствует о серьезных переменах в психологии местного населения, о коренных преобразованиях в национальных отношениях. Играет свою роль и нередко наблюдаемое равнодушное отношение местной молодежи к религиозной стороне брака. О семьях, образовавшихся в результате смешанных браков, сообщают этнографы, изучавшие быт народов Средней Азии и Казахстана (М. А. Бикжанова, Е. М. Пещерева, К. Л. Задыхина, Л. С. Толстова, Г. Н. Валиханов, Л. Шинло, В. В. Востров, А. Джумагулов)³³, об этом

²⁴ И. Н. Винников, Указ. раб., стр. 18.

²⁵ К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Аму-Дарьи, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 407; О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова, Прошлое и настоящее селения Айкыран, Ташкент, 1955, глава «Семья в колхозе» (автор М. А. Бикжанова), стр. 198.

²⁶ К. Л. Задыхина, Этнографические материалы о быте рабочих-узбеков Ташкента и Андижана, «Среднеазиатский этнографический сборник», II, Труды Ин-та этнографии, Новая серия, т. XLVII, М., 1959, стр. 128.

²⁷ «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства», стр. 174.

²⁸ Т. А. Жданко, Указ. раб., стр. 42—43.

²⁹ Л. С. Толстова, Указ. раб., стр. 166.

³⁰ Г. Н. Валиханов, Современный быт казахского колхозного аула, Автореферат диссертации, М., 1952, стр. 15.

³¹ Л. Шинло, Указ. раб., стр. 10.

³² Г. П. Снесарев, Среднеазиатские цыгане, «Краткие сообщения Института этнографии», вып. XXXIV, 1960, стр. 28.

³³ В. В. Востров, Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области (историко-этнографический очерк), Труды Института истории, археологии и эт-

же говорят и наши собственные материалы и наблюдения киргизского быта. Однако случаи выхода замуж девушек из местных национальностей за немусульман относительно редки. На этом явлении нам придется остановиться ниже.

Некоторое число (местами большинство) смешанных семей сложилось в годы Великой Отечественной войны (или вскоре после ее окончания), в период пребывания уроженцев Средней Азии и Казахстана в рядах Советской Армии. Бывшие солдаты и офицеры привозили своих жен из различных пунктов Украины, Белоруссии и других территорий, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков, из Карелии, Ленинграда, Волгограда, Воронежа, Свердловской области и т. д. Нередко женами воинов становились медицинские сестры или санитарки, окружавшие их сердечной заботой во время пребывания в госпиталях или сопровождавшие их из госпиталей на родину, крестьянские девушки из сел, где их будущие мужья действовали как десантники и партизаны.

Были случаи, когда женами бойцов становились русские девушки, спасшие им жизнь. Так было с киргизом К. Каракашевым, приехавшим после демобилизации в село Тамаровку, под Курском, и женившимся на Любе Мирошниковой, которая в свое время спрятала его от немцев и выходила после тяжелого ранения³⁴.

Возвращаясь на родину после продолжительной работы на промышленных предприятиях, стройках, с учебы, некоторые киргизы, казахи, каракалпаки и др. также приезжали с русскими женами. Знакомство и дружба во время совместной работы и учебы приводили к бракам с русскими девушками и в самих республиках Средней Азии и Казахской ССР. Были даже случаи «уводов» (по сговору) совсем молоденьких русских девушек (в Узбекистане, Киргизии). Следует добавить, что нам известны браки киргизов с женщинами и других национальностей: француженкой, немкой, мордовкой и др.

Некоторые из киргизов до женитьбы на русской женщине состояли в браке с женщинами своей национальности, затем разошлись с ними. В отдельных случаях нельзя не признать обоснованным подобный разрыв, особенно если обстоятельства складывались так, как у киргизского колхозника Ыйманбека Бекишева³⁵. Его женили раньше в порядке левирата на Салый — вдове двоюродного брата отца, которая была на 18—20 лет старше Ыйманбека. В 30-летнем возрасте он разошелся с Салый, расторгнув противоестественный брак, и женился на русской женщине — Марии. Салый продолжала бывать в доме Ыйманбека на правах родственницы. К Марии относилась дружелюбно.

Смешанные семьи, в которых жены — русские, украинки, можно чаще встретить в среде местной национальной интеллигенции, но они получили распространение и среди рядовых колхозников, рабочих, трактористов, шоферов и др. Русские женщины из смешанных семей обычно либо трудятся на производстве, либо работают педагогами, агрономами, руководителями колхозных детских садов и т. п.

Этнографы отмечают, что русских женщин в семьях местных национальностей в большинстве случаев встречали радушно, с ними вскоре устанавливались хорошие отношения, родные мужа оказывали молодым материальную помощь³⁶. Г. Н. Валиханов приводит в рукописи своей

нографии Академии наук Казахской ССР, в. 3, 1956, стр. 87; А. Джумагулов, Семья и брак у киргизов Чуйской долины, Фрунзе, 1960, стр. 72—73.

³⁴ А. Джумагулов, Указ. раб., стр. 72—73.

³⁵ Записано в колхозе «Кызыл-Кыргызстан» Джумгалского района Тянь-Шаньской области Киргизской ССР в 1948 г.

³⁶ М. А. Бикжанова, Семья в колхозах Узбекистана, Ташкент, 1959, стр. 113, 114; В. В. Востров, Указ. раб., стр. 87.

диссертации «Современный быт казахского колхозного аула»³⁷ слова сестры колхозника-казаха, имеющего русскую жену: «Мы полюбили невестку за ее чистую душу, за ее стремление сохранять единство нашей семьи». Привезенную одним демобилизованным воином в колхоз им. Карла Маркса Кеминского района Киргизской ССР русскую женщину киргизы-колхозники приняли очень доброжелательно. Она установила со всеми сердечные отношения. С матерью мужа (он у нее единственный сын) она жила дружно, относилась к ней с уважением³⁸. Жена рабочего-навалоотбойщика угольной шахты в г. Сулюкта (Киргизская ССР) киргиза Мадамина Алимбаева, Екатерина, пользуется уважением со стороны родных и соседей мужа. Они ценят в ней отзывчивость и простоту³⁹. Как нам рассказывала Александра Никитична, жена киргиза-преподавателя Бейше Адылбаева⁴⁰, вначале соседи чуждались ее, а позднее стали признавать «своей», часто заходить к ней. Иначе и не могло быть. Достоин самого глубокого уважения поступок Александры Никитичны по отношению к четырем младшим братьям и сестрам мужа, оставшимся во время войны сиротами. Когда она приехала в колхоз, все они были плохо одеты, оборваны, грязны, ходили полуголодные. Она стала для них второй матерью: выходила их всех, одела, накормила. Незадолго до нашего знакомства один из братьев Бейше (колхозник) уже женился, но продолжал жить одной семьей с братом, второй был студентом Пржевальской медицинской школы, а две сестры учились в седьмом и в шестом классах сельской школы. Дети уважали и слушались Александру Никитичну. Ее воспитанницей была также двухлетняя Кюлюкан — дочь сестры Бейше, жившей в соседнем селе, которую Бейше и Александра Никитична удочерили в 8-месячном возрасте.

Теплые отношения русских женщин с родственниками их мужей, с соседями, прочные связи с окружающей средой подтверждают, что национальные и религиозные предубеждения постепенно изживаются, и в этом, как мы видели, немалая заслуга принадлежит самим русским женщинам. Эта прочность связей выражается в таких фактах, какой, например, имел место в одном из узбекских колхозов: после смерти мужа узбека Турахона Каримова Ольга Пучкова с двумя детьми осталась жить и трудиться в том же колхозе, среди тех людей, с которыми успела сдружиться⁴¹.

Вместе со своими мужьями-таджиками переселились из высокогорного Матчинского района в Голодную степь (Ленинабадская область Таджикской ССР) их русские жены. Почти в каждом из переселенческих колхозов трудятся по несколько смешанных (таджикско-русских) семей⁴².

По-видимому, утверждение К. Л. Задыхиной о том, что старики-родители в большинстве случаев не мешают молодежи вступать в межнациональные браки⁴³, можно отнести не только к узбекам. Один из старейших киргизских рабочих-шахтеров, ныне пенсионер Кайымбай Мысапиров поделился с К. Мамбеталиевой⁴⁴ мыслями о своем младшем сыне, находящемся на службе в Советской Армии. Он написал отцу,

³⁷ Рукопись хранится в архиве Института этнографии АН СССР в Москве.

³⁸ Сообщение З. Белековой, 1948 г.

³⁹ Из рукописи диссертации К. Мамбеталиевой, посвященной быту киргизских рабочих-шахтеров, стр. 300—301 (хранится в Институте истории Академии наук Киргизской ССР).

⁴⁰ Записано в сел. Сару Джеты-Огузского района Киргизской ССР в 1952 г.

⁴¹ М. А. Бикжанова, Семья в колхозах Узбекистана, стр. 113.

⁴² Сообщила Мукаддам Хамиджанова, аспирантка Академии наук Таджикской ССР.

⁴³ К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Аму-Дарьи, стр. 407.

⁴⁴ Из рукописи диссертации К. Мамбеталиевой, стр. 302.

что полюбил русскую девушку, и задает вопрос: что скажут родители, если он привезет ее с собой? По словам Кайымбая, жена вначале не проявляла положительного отношения к желанию сына, но потом согласилась. Родители решили после приезда сына предоставить ему новый дом, который они строили недалеко от своей теперешней квартиры.

Однако нельзя закрывать глаза на то, что в некоторых случаях родственники мужчины, находящиеся в плену старых представлений, не хотели примириться с его женитьбой на русской, делали попытки оказать на него давление и добиться ее отъезда. Иногда эти попытки увенчивались успехом. Один демобилизованный воин привез русскую жену и дочь в киргизский колхоз «Кызыл-Байрак» Кеминского района. Мать, отец и другие родственники восстали против этого брака. По их настоянию, он через несколько месяцев разошелся с женой. Забрав ребенка, она уехала на родину⁴⁵. В одной из статей, опубликованных в киргизской печати, автор приводит следующий факт: «Я знаю юношу киргиза — студента одного из московских вузов. Он полюбил русскую девушку. Но, вернувшись домой, он не выдержал нажима и углов родителей и родственников, разошелся с ней, а через некоторое время по выбору родителей сошелся с нелюбимой девушкой. С тех пор человека словно подменили: он всегда удручен, раздражителен, тоскует по любимому человеку. А всему виной — малодушие; он не проявил твердости, поддавался отсталым взглядам»⁴⁶.

Можно отметить с удовлетворением, что все же большинство местной молодежи не проявляет такого малодушия, не идет на поводу у людей, сознание которых не освободилось от устаревших взглядов на брак. В рукописи указанной диссертации Г. Н. Валиханов сообщает, что в один из казахских колхозов Кокчетавской области демобилизованный приехал с фронта с русской женой. Вначале родственники предлагали ему отправить жену обратно, давали даже деньги, но он ответил категорическим отказом, а его мать заявила: «мой сын — моя сноха». Другой случай: приехав с фронта, киргиз Омурзаков поселился с русской женой в Джумгалском районе Тянь-Шаньской области, где начал работать директором школы. Его родные стали требовать, чтобы он бросил русскую жену. Он не уступил этим требованиям и вместе с женой и ее матерью уехал из района.

Как сообщает К. Л. Задыхина, в колхозе им. Кирова Ходжейлинского района Кара-Калпакской АССР узбекская женщина договорилась с родной сестрой поженить дочь сестры и своего сына, который должен был вернуться из армии. Брак между детьми двух сестер (между «буле») по местным обычаям очень одобрялся. Готовилась свадьба. Но сын приехал с женой-украинкой. Мать, у которой он поселился, протестовала против этого брака. Но сын твердо заявил, что на «буле» он не женится и будет жить с женой. Сестрам пришлось отказаться от осуществления своих планов и выдать девушку замуж за другого колхозника⁴⁷. В той же диссертации Г. Н. Валиханова приводится характерный случай. Имевший русскую жену казах-колхозник А. К. познакомился с одной казашкой и решил жениться на ней. Его родители решительно запротестовали. Семейным конфликтом заинтересовались работники Райкома и Райисполкома, стали выяснять — кто виноват в разводе. Родители заявили: сын женился по любви, привез жену издалека, если он ра-

⁴⁵ Сообщение З. Белековой, 1948 г.

⁴⁶ Н. Кулматов, В творческом труде складывается характер нового человека, газ. «Советская Киргизия», 5 октября 1961 г.

⁴⁷ К. Л. Задыхина, Характеристика развития культуры узбеков дельты Аму-Дарьи по материалам экспедиции 1946—1948 гг. (рукопись, стр. 24; хранится в архиве Ин-та этнографии Академии наук СССР).

зойдется с нею, мы отказываемся от сына, пускай идет куда хочет. Под влиянием общественности и родителей А. К. отказался от своего намерения и семья была сохранена.

Наблюдатели отмечают, что новые смешанные семьи обычно дружные, крепкие, супруги в них живут счастливо, в большом согласии, уважают друг друга⁴⁸. Этому способствует наличие во многих семьях детей, причем нередко в семье бывает по 2—3 ребенка. Детям уделяется много внимания и заботы. Единственный ребенок, особенно мальчик, является всегда общим любимцем не только в семье, но и среди ближайших родственников. Мы убедились, побывав в 1952 г. в семье Джапара Юсупова, преподавателя Киргизского государственного университета в г. Фрунзе, что все четверо детей хорошо воспитаны, вежливы. Их мать — Вера Николаевна поощряет интересы детей, стремится развивать их способности. Старший сын Султан, девятиклассник, увлекался физикой, запоем читал художественную литературу, уделял время рисованию, фотографии. Сюзанну мать научила хорошо вышивать, Виолетта (Вета) одновременно с общеобразовательной школой посещала детскую музыкальную школу. Для нее было специально куплено пианино. Четверо детей воспитываются и в дружной семье известного казахского композитора Бакиджана Байкадамова (Алма-Ата), женатого на дочери прославленного героя Великой Отечественной войны генерала И. В. Панфилова — Валентине Ивановне⁴⁹.

Учатся дети преимущественно в русских школах или в русских группах смешанных школ, иногда — в национальных школах. Детям дают и русские, и местные имена, чаще — первые. Иногда, как в описанной выше семье Чалагыза Иманкулова, детей называют в семье и по-русски, и одним из местных имен. Так, в узбекской семье мальчика называли Геннадием и Гани, девочку — Шурой и Шарапат⁵⁰. Особенно часто детям, имеющим русские имена, присваивают одно из местных имен родители и родственники мужа. Как сообщила Е. М. Пещерева, часто данное сначала местное имя позднее — в детском саду, в школе — замещается русским.

По отношению к детям соседей и родственников русские женщины проявляют такое же теплое отношение, как и местные женщины. Мы наблюдали, как русская женщина в киргизской семье заботилась о ребенке брата мужа, ухаживала за ним, прививала членам семьи навыки регулярного кормления детей.

В смешанных семьях обычно все их члены владеют двумя языками, и дети в большинстве случаев умеют говорить и на языке отца, и на языке матери. Однако в семье не всегда разговаривают на обоих языках. Так, в семье Ч. Иманкулова по-киргизски с детьми говорит только отец, между собой и с матерью дети говорят по-русски. В городских семьях, как правило, говорят только на русском языке.

Когда ребенок еще совсем маленький, его учат произносить «мама», «папа», немного подросши он начинает путать, говорит то «мама», то (по-киргизски) «апа» или «эне», повторяя то, что слышит вокруг себя. Затем уже происходит переход к двуязычию. Быстрому усвоению языка отца наряду с русским способствует то, что ребенок часто общается с его родственниками, а иногда проводит много времени с матерью отца. Иная картина в семьях, где живет бабушка по матери.

Большинство русских женщин хорошо осваивается с местным языком и не только свободно разговаривает на нем, но употребляет даже специфические для данного языка интонации, междометия, пользуется

⁴⁸ М. А. Бикжанова, Семья в колхозах Узбекистана, стр. 113, 114; В. В. Востров, Указ. раб., стр. 87.

⁴⁹ См. газету «Советская Киргизия», 17 октября 1961 г.

⁵⁰ М. А. Бикжанова, Семья в колхозах Узбекистана, стр. 113.

местными поговорками и т. п. Часто по языку русскую женщину уже почти невозможно отличить от женщины местной национальности. С мужем она разговаривает чаще всего по-русски, но если живет вместе с родителями мужа, при них разговаривает на их языке.

Но не только язык сближает русских женщин с окружающей средой. Особенно тесный контакт устанавливается с нею, когда русская женщина соблюдает некоторые, не унижающие ее достоинства, местные обычаи, в частности касающиеся обращения с родными мужа. В киргизско-русской семье при обращении к родителям мужа русские женщины иногда употребляют киргизские термины «ата» (отец) и «эне» (мать), к старшему брату мужа — «аке», к его жене — «дженге», к младшему брату мужа — «чонг бала» (или по имени, иногда просто — «мальчишка»). В свою очередь старший брат мужа называет ее «келин» (невестка), младший — «дженге» или по имени. По имени называют русскую женщину и все окружающие. Так, Александру Никитичну Адылбекову все колхозники называют Шурой. Однако совсем излишним надо считать такое пунктуальное соблюдение обычаев, как отказ русской женщины назвать свою фамилию (по имени отца мужа) подобно некоторым местным женщинам, еще соблюдающим запрет произносить имя отца мужа (и всех его старших родственников), строго обязательный в прошлом. С таким случаем нам пришлось однажды столкнуться.

Чрезвычайно любопытно взаимное обращение тех, кто имеет русских жен. У киргизов мужья родных сестер называют друг друга «баджа» (свояк). Два киргиза-учителя, у которых жены — русские (но совсем не родственницы), употребляли при обращении друг к другу тот же термин «баджа»⁵¹. Тот факт, что их жены одной национальности, вызывал у них представление о том, что они свойственники, близкие.

По наблюдениям М. А. Бикжановой, русские женщины и татарки в узбекских семьях в некоторых случаях продолжали сохранять привычный образ жизни, в других, наоборот, перенимали бытовые навыки окружающей среды⁵². Наши данные, относящиеся к смешанным семьям у киргизов, как и материалы по Казахстану, тоже свидетельствуют о значительном разнообразии бытового уклада в таких семьях. Прежде всего нужно подчеркнуть, что русская женщина обычно оказывает большое культурное влияние на весь семейный быт. Это, однако, не мешает тому, что она, как говорилось выше, нередко воспринимает некоторые местные бытовые особенности. Поэтому домашний быт во многих семьях, возникших в результате межнациональных браков, носит смешанный характер, в нем отчетливо выявляются и черты русской культуры, и местные национальные особенности. В городских же семьях, особенно в семьях интеллигенции и рабочих, часто господствует вполне характерная для городских русских семей бытовая обстановка.

В двухкомнатной квартире киргиза Тулегена Асульбаева, горного мастера, которую мы посетили в 1954 г. в шахтерском городе Кызыл-Кия (Киргизская ССР), мебелировка и убранство не отличаются от того, что мы видели в домах русских рабочих. В этом сказывается, конечно, влияние жены Тулегена — Натальи Ивановны. В квартире имелись и деревянная детская кроватка, и приемник, и гитара, и небольшие картины на стенах, и портьера на двери, и этажерка с книгами и патефоном. Но на полу лежал киргизский коврик из козьей шкуры. В доме уже упомянутого Чалагыза Иманкулова, с его городской обстановкой, представлены такие аксессуары киргизского быта, как «джук» (сложенные стопкой возле стены постельные принадлежности, войлоки и т. п.), «туш

⁵¹ А. Джумагулов, Указ. раб., стр. 73.

⁵² М. А. Бикжанова, Семья в колхозах Узбекистана, стр. 114.

кийиз» (настенные ковры — панно, украшенные ручной вышивкой), «кёлдёлёнг» (подстилка на полу из овчины). В сельской местности в домах, где живут смешанные семьи, еще более усиливается сочетание предметов городского русского быта с традиционными вещами домашнего производства, характерными для местной национальной среды. Но и в том, что в доме есть русская печь (ее, например, сделал русский мастер в доме Б. Адылбекова), что перед домом высажены цветы, а среди предметов убранства мы находим кружевные скатерти, занавески, накидки, дорожки и т. п., видно прямое влияние и заботливая рука русской женщины.

Русские или украинские женщины в большинстве случаев пищу готовят по-русски — не только в городе, но и в сельских местностях, особенно если семья живет в русском окружении или в пункте, где имеется много русских семей. Там, где семья живет в однородной национальной среде (а иногда и в городах), довольно часто готовят национальные блюда. Как правило, русские женщины научились готовить все наиболее излюбленные национальные блюда: плов, особо приготовленную баранину с лапшой, жареное мясо — «куурдак» и др., многие пекут лепешки в хлебной печи или в котле, делают к чаю «боорсок» — местное лакомство в виде кусочков теста, вареных в жире.

Благодаря влиянию русской культуры, а также усилиям русских женщин, в хозяйственной жизни смешанных семей, работающих в колхозах, появилось немало новшеств, которые внесли большое разнообразие в их пищевой рацион. На приусадебных участках выращиваются картофель и другие овощи: капусту, морковь, помидоры, редис, огурцы, лук и др., которые до последнего времени редко культивировались у таких народов, как казахи и киргизы.

Русские женщины сохраняют, как правило, свою привычную одежду, обычно и все члены такой семьи одеваются по-городскому. Иногда женщины придерживаются и некоторых местных обычаев: надевают узбекское платье или носят дома иную национальную одежду, повязывают платок, как и окружающие женщины, поверх русского платья накладывают безрукавную одежду местного типа и т. п.

Восприятием навыков местного населения в пище, одежде и т. п. связи русских женщин с новой национальной средой не ограничиваются. Одна из них заявила нам: «на родине я жила по своему закону, а здесь должна жить по-ихнему». Русские женщины обязательно угощают каждого приходящего в их дом по местным обычаям. Если на родине некоторых из них не имели отношения к лошадям, то, живя в киргизском аиле, они стали свободно и уверенно ездить верхом по любым кручам.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что браки с женщинами других национальностей — немусульманками, становятся среди народов Средней Азии и Казахстана обычным явлением, а сами эти женщины, внося в семейный быт много положительных культурных навыков, в то же время сближаются с местной национальной средой.

Значительно сложнее обстоит дело с выходом замуж девушек местных национальностей за немусульман. В этих случаях приобретают большую силу религиозные предрассудки. Нередко они превращаются в неодолимое препятствие для брака⁵³. Отсталые элементы пытаются воздействовать на общественное мнение, чтобы не допустить подобных браков. Их влияние на женскую среду оказывалось подчас значительно эффективнее, чем на мужскую, чем и объясняется небольшое пока число смешанных браков этой категории.

⁵³ В этом направлении действуют, по-видимому, и другие причины, в частности имеющие большую древность социально-бытовые традиции, осуждавшие выдачу девушек замуж в иноплеменную среду.

Как ни противоестественно это звучит, но отрицательное отношение к бракам киргизских девушек с русскими еще недавно было распространено и среди части местной интеллигенции. К сожалению, аналогичное отношение к таким бракам иногда встречается и среди некоторых других местных национальностей.

Отдельные передовые женщины уже давно стали бросать вызов консервативным взглядам в своей среде. Одна из них — киргизка Турсун Осмонова. Родившись в семье бедняка, она росла сиротой, голодала. В 13-летнем возрасте была продана за калым и стала второй женой. Не выдержав издевательств со стороны мужа, Турсун ушла из семьи, стала работать по найму. После Октябрьской революции она добровольно вступила в Токмакский продовольственный отряд. Став первой коммунисткой среди женщин г. Токмака, Турсун в дальнейшем была активной участницей борьбы за раскрепощение женщин. Работала заведующей женотделом, в 1927 г. была избрана членом ЦИК Киргизской АССР, в 1930 г. — назначена наркомом социального обеспечения⁵⁴. Турсун вышла замуж за русского, жила с ним очень хорошо около десяти лет. В 1943 г. ее муж умер. Подобного рода браки женщин местных национальностей с немусульманами имели место и в других среднеазиатских республиках.

В последнее время отмечается несколько большее число браков девушек местных национальностей Средней Азии и Казахстана с немусульманами, хотя они еще и не столь часты. В г. Душанбе и других городах Таджикистана имеется уже целый ряд смешанных семей, возникших в результате браков таджикских девушек с русскими, а также семьи, в которых таджичка замужем за латышом или осетином, европейским евреем и т. п. Большинство этих браков имеет место в среде интеллигенции⁵⁵. В колхозе им. Ленина (Таласская долина, Киргизская ССР) преподаватель русского языка в местной школе — еврей по национальности, в течение 15 лет живший в этой местности, женился на киргизской девушке-сироте⁵⁶.

На киргизской девушке — Айше Асылбековой из колхоза им. Ленина Джумгалского района женился кореец Никон Николаевич Нигай, живший в Киргизии много лет и хорошо владеющий русским и киргизским языками. Со своей будущей женой Нигай познакомился будучи преподавателем семилетней школы. Когда мы были у Нигая в 1948 г., ему было 26 лет, Айше — 19. Его мать немного говорила по-русски, но киргизского языка не знала. Айша (ее в семье называли Асей) могла, хотя и не свободно, говорить по-русски, корейского не знала. Языком внутрисемейного общения стал русский. По последним нашим сведениям, у Нигая было двое детей: сын Мирослав и дочь Лора. С родственниками жены Нигай находился в очень дружественных отношениях.

Приходится все же признать, что в целом эта разновидность смешанных браков находится в самой зачаточной стадии. Предстоит еще преодолеть большое сопротивление со стороны приверженцев старой идеологии, прежде чем межнациональные браки будут происходить на двусторонней основе.

Тем не менее, все сказанное о смешанных браках дает основание расценивать это явление нашей действительности как прогрессивное и имеющее тенденцию к дальнейшему развитию. Большое прогрессивное значение смешанных браков состоит в том, что они служат одним из кана-

⁵⁴ По воспоминаниям Т. Осмоновой, приведенным в рукописи диссертации Т. Р. Ташевской «Женское образование в Киргизии (1918—1950 гг.)», стр. 53—55 (хранится в Государственной Публичной библиотеке им. В. И. Ленина); см. также А. Апышева, Женщины Киргизии — активные строители коммунизма, Фрунзе, 1961, стр. 10.

⁵⁵ Сообщение М. Хамиджановой, 1962 г.

⁵⁶ Сообщение научного работника А. Ф. Бурковского, 1948 г.

лов, пусть и относительно узких, сближения социалистических наций и народностей. Возникающие в результате этих браков семьи в той или иной степени оказывают положительное влияние на семейный быт окружающего населения. Смешанные семьи нередко выполняют своеобразную функцию проводников новых взаимоотношений между членами семьи, умелого семейного воспитания детей, более передовых форм домашнего быта и т. п. К бытовому укладу этих семей пристально присматриваются местные национальности Средней Азии и Казахстана, перенимая все ценное из их опыта. Положительную роль таких браков, несмотря на все трудности и сложность возникающих вокруг них коллизий, можно считать доказанной.

Очевидно, что распространению смешанных браков способствовала многолетняя и упорная работа Коммунистической партии и комсомола по воспитанию нового поколения в духе преданности идеям интернационализма, дружбы народов. Усиливающиеся контакты и тесное сотрудничество различных народов Средней Азии и Казахстана между собой и с народами братских республик Советского Союза на всенародных стройках и в районах освоения целины играют огромную роль в росте смешанных браков. Этому явлению, как одной из многообразных форм сближения наций и упрочения дружбы народов, предстоит большое будущее.

Сама идеология советского общества способствует все более быстрому изживанию таких пережитков прошлого, как расовые, национальные и религиозные предрассудки. В этом отношении полную противоположность представляют те из западных стран, в которых политика расовой дискриминации является неотъемлемой частью общественной системы. В наиболее откровенной форме эта политика проводится в США. Она ярко проявляется и в нормах американского брачного и семейного права, запрещающего смешанные браки. Так, законодательство 31 штата содержит абсолютный запрет браков между белыми и неграми (в том числе мулатами), а во многих штатах также между белыми и малайцами, китайцами, индейцами и японцами. Вступившим в такие браки угрожает многолетнее тюремное заключение⁵⁷.

Разумеется, не может быть и речи об искусственном ускорении процесса образования смешанных семей, он должен протекать как совершенно естественный. Однако нельзя и игнорировать этот процесс, закрывать глаза на его теневые стороны, упускать из вида отрицательное влияние отсталых идеологических взглядов на вопрос о межнациональных браках. Вокруг таких браков, несомненно, будет в дальнейшем формироваться общественное мнение, которое осудит отжившие обычаи и нравы. В своем докладе «О Программе Коммунистической партии Советского Союза», сделанном на XXII съезде КПСС, товарищ Н. С. Хрущев указал, что укреплению интернациональных уз между народами СССР способствуют «дружные многонациональные коллективы, где работников оценивают не по цвету кожи, не по языку, а по отношению к труду, по их борьбе за коммунизм»⁵⁸. Именно этот критерий оценки людей будет играть все большую роль и в вопросах брака и семьи.

Советские этнографы еще очень мало сделали для изучения этой важной стороны семейно-брачных отношений. Приведенные в настоящей статье данные отражают весьма скромные результаты исследований этой темы у народов Средней Азии и Казахстана. Между тем в этой области быта, как мы видели, происходит и скрытая, и открытая борьба нового со старым. Этнографы могут и должны своими исследованиями помочь и здесь победе нового над старым.

⁵⁷ Н. В. Орлова, Вопросы брака и развода в международном частном праве, М., 1960, стр. 20—21.

⁵⁸ Н. С. Хрущев, Указ. раб., стр. 190.

SUMMARY

One of the major tasks put forward by the new Programme of the Communist Party of the Soviet Union in the sphere of relations between nations, is the coming together of the socialist nations. Prominent among the diverse forms of this coming together is growing intermarriage between the representatives of different nationalities and religious creeds and the emergence on this basis of mixed families.

In Central Asia and Kazakhstan marriages of this type existed on a limited scale prior to the Great October Socialist Revolution, but they were almost invariably restricted to the Muslim population. Following the October Revolution, intermarriage became somewhat more frequent; a marked rise was registered in the latter years of the Great Patriotic War and in the post-war period. Of especial interest is the growing rate of marriages between men of the indigenous nationalities and Russian, Ukrainian and other non-Muslim women. The emerging mixed families exert a beneficial influence on the way of life of the local population. Marriages between girls from among the indigenous population and men belonging to non-Muslim nationalities are so far comparatively rare.

The process of the formation of mixed families has progressive importance and merits all-round support. Research conducted by ethnographers may help to promote this form of bringing together different nations.

Ю. Б. СТРАКАЧ

ТРАДИЦИИ ТРУДОВОГО ВОСПИТАНИЯ У НАРОДОВ ТАЙМЫРА В НАШЕ ВРЕМЯ

« Новая Программа КПСС рассматривает рост производства сельскохозяйственных продуктов как одно из важных условий коммунистического строительства. На Таймыре, подобно всему Крайнему Северу, ведущую роль в хозяйстве играют охота, рыболовство и оленеводство. Эти отрасли дают стране такие ценные продукты тундрового производства, как мясо, рыба, пушнина и т. д. Современное промыслово-оленьеводческое хозяйство постепенно обогащается новыми достижениями науки и техники, но в значительной степени основывается на положительном производственном опыте местного населения¹, которое в суровых полярных условиях накопило много трудовых навыков и знаний, передаваемых по традиции от поколения к поколению.²

* * *

В обширной этнографической литературе встречается ряд заметок о трудовом воспитании подрастающего поколения у различных народов, однако непосредственно этой проблемой не занимался ни один из исследователей народов Сибири.

Самые ранние сообщения о народных приемах передачи накопленного производственного опыта относятся к XVIII в.³ С народами Таймыра может быть связано лишь следующее общее замечание о жителях Туруханского края: «Возят (детей.— Ю. С.) нагих, в жестокие морозы возят на санках, окутав из оленней кожи паркою. А надевают одежду с 12 лет. Упражняютца в учении мужеска пола: обходитца с оленями, имать и запрягать оных, стрелять из лука, делать хорей, санки и звериные ловушки, а женска: шить платье и обувь, делать ровдуги оленьей кожи и камася. С 18 лет уже обременяютца всеми тягостями»³.

Любопытные сведения о трудовом воспитании у различных народов Сибири встречаются в работах XIX — начала XX в.⁴ Специальные исследования в этот период проводились по программе Антропологической выставки 1879 г., посвященной вопросам воспитания ребенка у на-

¹ На Таймыре, административно входящем в состав Красноярского края РСФСР в качестве национального округа, коренное население составляют долганы, эвенки, нганасаны, энцы, ненцы и русские старожилы.

² Г. Новицкий, Краткое описание о народе остячком, СПб., 1884, стр. 40; В. Зуев, Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцев, Труды Ин-та этнографии АН СССР, новая серия, т. V, М.—Л., 1947, стр. 32—33; А. Золотарев (по материалам Линденау), Новые данные о тунгусах и ламутах 18 в., «Историк-марксист», 1938, № 2, стр. 73.

³ А. И. Андреев, Описание о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах, «Сов. этнография», 1947, № 1.

⁴ И. Вениаминов, Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. 2, СПб., 1840, стр. 71—74; Р. Маак, Вилюйский округ Якутской области, ч. 3, СПб., 1887, стр. 92—93; Г. Гут, Поездка к енисейским тунгусам, газ. «Сибирская жизнь», Томск, 1898, № 162, и др.

родов России⁵. Кроме того, значительная работа была проведена отечественными исследователями детской игрушки⁶. Однако о народах Таймыра сведения в этой области были весьма немногочисленны, хотя и представляют определенный интерес⁷.

В целом, как справедливо указывала В. Н. Харузина, в дореволюционной литературе «мир детей пользовался незаслуженным пренебрежением»⁸.

В советской этнографической литературе появился ряд специальных работ, хотя указанный пробел еще не восполнен⁹. Для этнографии народов Сибири важное значение имеют материалы В. Г. Богораза, А. Г. Базанова, Л. В. Певговой и А. Н. Рейнсона-Правдина о роли детских игрушек, игр в воспитании подрастающего поколения¹⁰. Интересные мысли о связи производственного и военного обучения молодежи у народов Крайнего Северо-Востока принадлежат В. В. Антроповой¹¹. Наконец, в самой общей форме Г. Н. Прокофьевым (у селькупов) и С. Н. Стебницким (у коряков) поставлена проблема народной «школы» воспитания и обучения подрастающего поколения¹².

На Таймыре еще не проводилось специальных исследований в этой области, хотя важные сведения встречаются в работах А. А. Попова, Е. Д. Прокофьевой, Б. О. Долгих и других¹³. Много ценных указаний дает также фольклор народов Таймыра, отражающий в известной мере

⁵ Е. А. Покровский (организатор выставки), *Физическое воспитание детей у разных народов преимущественно России*, М., 1844; его же, *Характерные детские игры некоторых русских инородцев*, «Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. 6—8, вып. 2, кн. 8, 1886; К. А. Элиашевич, *О первых приемах физического воспитания детей у разных народов, населяющих Иркутскую губернию*, Иркутск, 1879, и др.

⁶ Сб. «Игрушка, ее история и значение», под редакцией Н. Д. Бартрама, М., 1912.

⁷ Я. Яроцкий, *Некоторые замечания о Туруханском крае*, «Казанский вестник», 1826, ч. 16, стр. 162 и 1827, ч. 20, стр. 6; Маслов, *Бродячие народы Туруханского края*, «Заволжский муравей», 1833, № 10, стр. 565; А. Мордвинов, *Инородцы, обитающие в Туруханском крае*, «Вестник РГО», ч. 28, разд. 2, 1860, стр. 47; В. Н. Васильев, *Краткий очерк инородцев Туруханского края*, «Ежегодник Русского антропологического общества», т. 2, СПб., 1908, стр. 73—77; К. М. Рычков, *Енисейские тунгусы*, «Землеведение», кн. 1—2, 1922, стр. 69—72, и др.

⁸ В. Н. Харузина, *Игрушка малочисленных народов* (в сборнике под ред. Н. Д. Бартрама, см. выше), стр. 85.

⁹ С. М. Абрамзон (с материалами Н. П. Дыренковой), *Рождение и детство киргизского ребенка*, «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XII, 1949; Е. М. Пещерева, *Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков*, «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XVII, 1957; В. И. Элашвили, *Народная система физического воспитания в Грузии*, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», 1959, XXXI и др. С некоторыми вопросами воспитания связаны статьи: М. О. Косвен, *Аталычество*, «Сов. этнография», 1935, № 2; его же, *Авункулат*, «Сов. этнография», 1948, № 1. См. также его статью «Проблемы воспитания и психологии ребенка в свете этнографического материала», «Сов. этнография», 1946, № 2.

¹⁰ В. Г. Богораз, *Игры малых народностей Севера*, «Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XI, 1949; А. Г. Базанов, *Школа на Крайнем Севере*, Л., 1939; Л. В. Певгова, *Национальные игры народов Севера*, Л., 1939; А. Н. Рейнсон-Правдин, *Игра и игрушка народов Обского севера*, «Сов. этнография», 1949, № 3.

¹¹ В. В. Антропова, *Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-Востока Сибири*, «Сибирский этнографический сборник», II, 1957, стр. 239.

¹² Г. Н. Прокофьев, *Переписка о народном образовании*, Государственный архив Красноярского края, Ф. 1845, Оп. 1, № 153, 1927/1928, стр. 156; С. Н. Стебницкий, *Корякские дети*, «Советский Север», 1930, № 4, стр. 42.

¹³ А. А. Попов, *Тавгийцы*, М.—Л., 1936, стр. 47; его же, *Семейная жизнь у долган*, «Сов. этнография», 1946, № 4, стр. 61; его же, *Кочевая жизнь и типы жилищ у долган*, «Сибирский этнографический сборник», 1, 1952, и другие работы; Б. О. Долгих, *Старинные обычаи энцев, связанные с рождением ребенка и выбором ему имени*, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», 1954, № 20; Е. Д. Прокофьева, *Материалы по религиозным представлениям энцев*, «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XIV, 1953.

Рис. 1. Семья рыбаков на промысле

народные взгляды и конкретные приемы воспитания подрастающего поколения¹⁴.

* * *

В данной статье автор излагает основные наблюдения и выводы, сделанные им в 1960 г. во время полевых исследований на Таймыре, по проблеме «Традиции трудового воспитания». Исследования проводились во время работы Таймырского отряда Северной экспедиции Института этнографии АН СССР по специальной программе, разработанной автором с участием сотрудников секторов Севера и Сибири. Много ценных этнографических сведений нам сообщили местные учителя и воспитатели детских учреждений. Основными информаторами во время работы были охотники, рыбаки и оленеводы, а также их дети, которых автору приходилось наблюдать в семье и в школе¹⁵.

В настоящее время, как и в прошлом, воспитание детей на Таймыре в семьях охотников, рыбаков и оленеводов подчинено одной задаче — подготовить их к труду в основных отраслях традиционного хозяйства.

Раннее дошкольное воспитание ребенка в семьях промыслово-оленьеводческого населения целиком определялось особенностями быта этой части коренных жителей Таймыра. Сейчас даже воспитанники ясель и детских садов, находясь значительное время в поселке, постоянно бывают у своих родителей — в местах промысла или выпаса оленей (рис. 1). Большинство же детей дошкольного возраста по-прежнему живет в семье и принимает участие в сезонных производственных переездах родителей. Такие поездки сами по себе оказывают определенное влияние на общее развитие ребенка и вырабатывают в нем с малых лет физические данные, необходимые жителю тундры.

¹⁴ А. А. Попов, Долганский фольклор, Л., 1937; Б. О. Долгих, Легенды и сказки нганасан, Красноярск, 1938; «Мифологические сказки и исторические предания энцев», Труды Института этнографии, новая серия, т. LXVI, 1961. См. также сводную публикацию под редакцией М. Г. Воскобойникова и Г. А. Меновщикова «Сказки народов Севера», М.—Л., 1959.

¹⁵ На эту тему автором был прочитан доклад на экспедиционной сессии Института этнографии АН СССР в апреле 1961 г.

Большое значение в воспитании детей с момента пробуждения их сознания имеют всевозможные сборы взрослых в дорогу, например на промысел или на осмотр оленей во время выпаса, при изменении места стойбища, в гости и т. д. В присутствии детей промысловики и оленеводы выбирают необходимое им снаряжение и транспортные средства, ловят и запрягают (навьючивают) оленей, ремонтируют или изготавливают отдельные предметы, собирают вещи для переезда, обрабатывают добычу. При этом определенное воспитательное воздействие на детей имеет не только труд взрослых, но также производственно-бытовые разговоры, которыми сопровождаются их поступки.¹⁶

Знакомя детей с орудиями труда и другими предметами производства или домашнего обихода, взрослые приучают их с уважением относиться к вещам, принадлежащим старшим, и подкрепляют это системой запретов, еще в недавнем прошлом игравших большую роль в повседневной жизни семьи¹⁶. Многие запреты связаны с задачей сохранения и воспроизводства ценных представителей животного мира — объектов промысловой деятельности взрослых. Однако некоторые запреты до сих пор носят религиозный характер.

Как и в прошлом, важное значение в воспитании детей в семье имеет фольклор, на что обратили внимание еще В. Н. Васильев и А. А. Попов¹⁷. Сравнение опубликованных фольклорных сюжетов показывает, что у различных народов Таймыра, особенно у энцев и нганасан, наиболее популярна фигура охотника на дикого оленя¹⁸. В преданиях и сказках, а также в рассказах и воспоминаниях на производственно-бытовые темы старшее поколение сохраняет для молодежи многие подробности и «секреты» охотничьего искусства. Широко бытует в семье и народная загадка, предлагаемая детям для развития их наблюдательности и сообразительности¹⁹.

Под влиянием окружающей обстановки, поведения взрослых, фольклора складываются первые представления детей об окружающем их мире, о хозяйстве и культуре своего народа, что лучше всего прослеживается в детских игрушках и играх.

В наше время на Таймыре повсеместно распространены куклы, мячи и другие игрушки фабричного производства, охотно приобретаемые родителями для детей. Однако сохраняют свое значение и традиционные народные игрушки, сделанные взрослыми или самими детьми²⁰. Особое место занимают миниатюрные орудия промыслово-оленьеводческого труда — ножи, лучковые сверла, топоры, арканы, луки со стрелами²¹ и транспортные средства — модели нарт, лодок и т. д. Определенному подбору детских игрушек активно содействуют родители. Они справедливо считают, что игра помогает детям подготовиться к настоящей работе. Проследим это на примере некоторых детских игр, в которых явно преобладает производственно-бытовая тема.

¹⁶ Подробнее о системах запрета см. Д. К. Зеленин, Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. VIII, 1929; т. IX, 1930.

¹⁷ В. Н. Васильев, Указ. раб., стр. 73; А. А. Попов, Долганский фольклор, Л., 1937, стр. 12.

¹⁸ Одна из нганасанских сказок так и называется: «Танкага-басутук» («Охотник-богатырь»), см. заметку Т. Порбина (нганасан) в газ. «Советский Таймыр», Дудинка, 19 марта 1960.

¹⁹ Образцы народных загадок см. в архиве Таймырского отряда Северной экспедиции Ин-та этнографии АН СССР, 1960 г.

²⁰ А. А. Попов, Тавгийцы; его же, Материальная культура долган в коллекциях МАЭ, «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XVIII, 1958; Б. О. Долгих, Л. А. Файнберг, Таймырские нганасаны, Сборник «Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера», М., 1960.

²¹ Нганасаны, например, до сих пор во время летней охоты на птиц применяют старинные луки и стрелы, которые в зимнее время хранятся на летовках.

Среди наиболее популярных игр у самых маленьких детей следует отметить игры — «поездки по тундре». Чаще всего дети играют в «аргиш», что означает переезд с одного места стойбища на другое, совершаемый семьей или производственной бригадой²². В этой игре, импровизируя и подражая действиям взрослых, дети воспроизводят подготовку к настоящему «аргишу», сам переезд, выбор нового места и организацию стойбища, т. е. то, что они постоянно наблюдают в жизни. Игра, в которой передвижение участников фактически занимает ничтожное место, сопровождается развернутым текстом-разговором играющих по поводу эпизодов «аргиша». Подобным образом проводятся и другие игры, например «поездки» на охоту, на рыбалку, на осмотр оленей и пастбищ, в гости и т. д.

Во всех играх — «поездки по тундре» детский игрушечный транспорт либо в точности соответствует настоящим средствам передвижения промысловиков и оленеводов, либо отражает какие-то старые традиции, ушедшие в прошлое. Например, самой распространенной темой детской игры следует считать санное передвижение. При этом дети ненцев, энцев и нганасан, подобно взрослым, «применяют» нарты (сани) на протяжении всего года, тогда как у долган и эвенков — только зимой, а летом «переходят» на вьючно-верховой способ передвижения. Во время игры чаще всего «применяется» оленная упряжка, но в отдельных семьях долган, нганасан и энцев «олений» иногда заменяют «собаки», хотя в настоящее время нганасаны, например, совершенно не знают упряжного собаководства. Заметим, что игрушечные нарты, в точности повторяющие настоящие оленные нарты, нами отмечены лишь в отдельных семьях долган и ненцев, тогда как у остальных народов эти игрушки скорее напоминают миниатюрные ручные санки — «волокушки», которых на Таймыре давно уже нет. В некоторых семьях эвенков, ненцев и энцев дети охотно играют летом в водный «аргиш», причем первые в качестве игрушек применяют маленькие бередяночки, а последние — долбленочки, которые уже вышли из употребления.

Значительное распространение среди детей дошкольного и школьного возраста получают подвижные игры с применением аркана или лука, которые в качестве игрушек неперенменны и в играх «поездки по тундре». По мере того как дети становятся старше, размеры игрушечных арканов и луков постепенно приближаются к настоящим, что позволяет им не только играть, но и ловить (арканом) настоящих оленей или охотиться (при помощи лука и стрел) на птиц и мелких зверей.

Простейший вариант игры с арканом или луком — это упражнение в ловкости и меткости, что одинаково важно и для будущего оленевода, и для будущего промысловика. Дети постоянно упражняются в бросании аркана и в стрельбе из лука, организуют соревнования и стараются одновременно или по очереди попасть в ту или иную мишень, выбирая для этого животных, камни, кусты, отдельные предметы (рис. 2).

В одной из тематических игр дети делятся на две партии и воспроизводят сцены пастбы оленей или охоты на диких оленей, на птиц и т. п. При этом выбор места «действия» и порядок игры основываются не только на подражании, но также на широкой импровизации, в которой дети проявляют свою фантазию. В таких играх большое значение имеют разнообразные физические упражнения: бег, прыжки, борьба, переползание, бросание аркана, стрельба из лука и т. п. Кроме того, непосредственное и очень живое общение детей с окружающей природой способствует расширению их знаний о рельефе, о растительном и животном мире, о сезонных климатических явлениях и т. д.

²² В настоящее время в производственные бригады обычно входят охотники, рыбаки и оленеводы из двух-трех семей колхоза, изредка одна семья составляет самостоятельное звено или полную бригаду.

Рис. 2. Упражнения в стрельбе из лука на меткость

Среди подвижных детских игр с производственным сюжетом на Таймыре явно преобладают игры охотничьей тематики. Специфические игры оленеводческой тематики более характерны для детей нганасан, энцев и ненцев, однако нам ни разу не приходилось слышать о каких-нибудь детских «считалках» по сезонам производственного цикла в оленеводстве, подобных тем, которые в свое время отмечал у чукчей В. Г. Богораз²³.

Подвижные игры дети организуют не только вблизи поселка или стойбища, но и далеко за их пределами. Этому, как и в прошлом²⁴, активно способствуют их родители, особенно промысловики и оленеводы, которые специально приучают детей к различным поездкам по тундре.

В возрасте 5—6 лет детей начинают обучать основным способам передвижения в зимнее и летнее время. Сначала родители приучают своих детей ездить на маленькой нарте, в которую они запрягают одного (передового) оленя (рис. 3). Когда дети, поступив в начальную школу, приезжают домой на летние каникулы, родители приучают их управлять гребной лодкой, причем самым сложным делом, осваиваемым несколько позже, считается умение обращаться с одноместной плоскодонной лодкой — «веткой». В прошлом уже в возрасте 10—12 лет все дети в совершенстве владели основными средствами передвижения. В настоящее время, по свидетельству местных учителей²⁵, лишь немногие дети — ученики начальной школы свободно владеют оленней упряжкой. Значительно позже, чем в прошлом, дети осваивают и самостоятельное управление гребными лодками.

²³ В. Г. Богораз, Игры малых народностей Севера, стр. 249.

²⁴ А. Мордвинов, Указ. раб., стр. 47; А. А. Полов, Кочевая жизнь и типы жилищ у долган, «Сибирский этнографический сборник», I, стр. 152.

²⁵ Например, учительница З. Ф. Харламова (п. Катырык Авамского района) считает, что в первых классах начальной школы дети довольно резко отличаются друг от друга по уровню физического и общего развития, причем, по ее мнению, выше уровень развития у тех детей, которые детство провели непосредственно в тундре у своих родителей. Другие учителя даже делят детей колхозников на «тундровых» и «поселковых».

Рис. 3. Первая поездка по тундре

Как и в прошлом, большое значение родители придают умению своих детей обращаться с огнестрельным оружием. При этом в настоящее время лишь в отдельных семьях, чаще всего у нганасан, но также и у других народов, родители придерживаются старого правила: учить ребенка приемам ружейной стрельбы только после того, как он докажет свое искусство в стрельбе из лука.

Примерно в возрасте 10—12 лет детей знакомят сначала с малокалиберной винтовкой, несколько позже — с дробовым ружьем и охотничьим карабином. Соблюдается и определенная последовательность обучения: сначала ребенку показывают ружье во время подготовки к охоте, приучают заряжать, изготавливаться и стрелять, соблюдая меры предосторожности. Потом берут на простые виды охоты, например, на промысел перелетных птиц. Когда юный охотник научится самостоятельно промысливать птиц или добудет какого-нибудь зверя, ему вручается личное огнестрельное оружие.

С этого момента многие родители, особенно промысловики и оленеводы, считают, что ребенок уже стал подростком и должен принимать активное участие в повседневной жизни семьи, прежде всего — в производительном труде.

На основании изложенного можно сделать вывод, что начальное воспитание детей в семьях промысловиков и оленеводов в современных условиях в основном совпадает с традициями прошлого. На этом этапе воспитание детей определяется самим укладом семейной жизни. Своеобразное отражение жизнь и производственные занятия взрослых получают в детских подражательных и тренировочных играх. Более определенно и активно влияние взрослых на воспитание детей проявляется в овладении подрастающим поколением основными средствами передвижения и огнестрельным оружием. Главное значение в возрасте до 10—12 лет имеет физическое воспитание ребенка, хотя родители уделяют внимание также его умственному и нравственному воспитанию. Традиционной задачей начального трудового воспитания остается следующая: дети должны получить первые представления об окружающей природе и конкретных способах ее хозяйственного освоения. При этом мальчики должны стремиться стать ловкими, смелыми и знающими

Рис. 4. Первое знакомство с оружием старшего брата

охотниками, девочки — стать хорошими хозяйками, знакомыми с производством, по крайней мере в той степени, в какой это необходимо для воспитания в дальнейшем своих детей. Это не исключает, особенно у долган, эвенков и ненцев, подготовки девочек к производственной деятельности наравне с мальчиками²⁶.

* * *

Подготовка детей к труду начинается еще в дошкольном возрасте, хотя родители не считают эту подготовку главной и предоставляют детям много времени для игр и других развлечений. Самой ранней и распространенной обязанностью считается присмотр старших детей за младшими, причем эта обязанность обычно сводится к совместным играм, в которых старшие выступают в роли организаторов или мастерят малышам различные игрушки, которые уже научились делать самостоятельно (рис. 4).

Чаще всего дети выполняют мелкие домашние поручения: собирают топливо, раздувают огонь, приносят воду (зимой — куски льда), собирают ягоды или яйца птиц, подкармливают оленей или собак, вытаскивают личинки овода из шкуры оленя и т. п. Более важными обязанностями детей школьного возраста считается ловля рыбы на крючок и промысел куропаток петлями (рис. 5). Этим занимаются также и другие члены семьи, но многие из перечисленных занятий считаются как бы специально «детскими».

Уже в школьном возрасте, когда дети возвращаются в семью на время каникул, они принимают посильное участие в более сложных работах, например во время ремонта производственного снаряжения и личной одежды, при ловле и запрягании или навьючивании оленей, во время «аргиша» и других поездок по тундре, а также в чисто промысловых или пастушеских занятиях взрослых. Помогая взрослым, мальчики и девочки обычно принимают участие в общем труде семьи

²⁶ Для начального периода трудового воспитания более характерно четкое разделение детей по возрасту, но не по полу. Подробнее об этом скажем в следующем разделе.

на равных началах. Однако с возрастом приобретает значение и традиционное разделение мужского и женского труда. Например, в возрасте 10—12 лет многие мальчики и девочки занимаются шитьем, но мальчики помогают мужчинам чинить упряжь или сети, а девочки помогают женщинам чинить одежду, обувь и т. д. Особенно четко эта грань прослеживается с момента освоения детьми и подростками огнестрельного оружия, с которым сначала знакомится подавляющее большинство мальчиков, а позже, и далеко не во всех семьях, девочки²⁷.

Воспитанием мальчиков, овладевших огнестрельным оружием, занимаются преимущественно мужчины — их отцы, старшие братья и другие родственники или соседи²⁸, тогда как воспитанием девочек занимаются только женщины. Отныне воспитатели приступают к собственно трудовому обучению подрастающего поколения и одновременно, если они состоят в родстве со своим воспитанником, знакомят его с основными «правилами жизни» — с преданиями (историей) своего народа, нормами обычного права и другими взглядами на общество, на окружающий мир. В таком более широком плане традиции воспитания молодежи сохраняются у энцев и нганасан²⁹.

В настоящее время на Таймыре является новая форма трудового обучения молодежи — бригадное ученичество в колхозах и других производственных объединениях местного населения. Правда, большинство колхозной молодежи приступает к такому обучению лишь в возрасте 14—16 лет (и старше), когда по тем или иным причинам преждевременно прекращается учеба в общеобразовательной школе и молодежь остается работать в своем колхозе. Поскольку на Таймыре промысловые или оленеводческие бригады составляют большинство всех производственных бригад, подавляющая часть молодежи проходит ученичество именно в них.

Рис. 5. Юный охотник настораживает петлю на курпатку

²⁷ При отсутствии в семье мальчика родители воспитывают девочку так, как бы они стали воспитывать мальчика. Более резкое деление мужского и женского труда на собственно производственное и домашнее в настоящее время еще сохранилось у нганасан и энцев, которые раньше девочек не учили даже стрельбе из огнестрельного оружия, так как у них считалось, что женщина не должна охотиться с ружьем.

²⁸ В прошлом у долган, эвенков и ненцев при отсутствии отца воспитателем ребенка чаще всего бывали мужчины — родственники по отцовской линии. У нганасан, наряду с отцом, преимущественное «право» воспитания ребенка обычно принадлежало его дяде (брату матери), а в некоторых случаях практиковалась передача ребенка на воспитание в соседнюю (неродственную) семью, что у этих народов отмечалось еще в XVII в. См. С. В. Бахрушин, Самоеды в 17 в., «Научные труды», т. 3, ч. 2, М., 1955, стр. 9.

²⁹ Как нам сообщали многие информаторы, например энец Роман Силкин, нганасан Яков Момде и другие, у этих народов было принято, чтобы старики уходили на летовку с юношами для завершения их подготовки к самостоятельной жизни. У нганасан, например, до сих пор сохранился старинный народный праздник, в котором могут принимать участие лишь юноши и девушки, овладевшие основными трудовыми навыками и знаниями, необходимыми для самостоятельной жизни. Подробнее см. Ю. Б. Симченко, Праздник Большого дня у нганасан (рукопись, Ин-т этнографии АН СССР).

Остановимся на некоторых общих «педагогических» приемах, ставших своего рода традицией у народов Таймыра. С юных лет жители тундры готовятся своими воспитателями к тому, чтобы продолжать традиции своих предков, прежде всего в области производства. Это накладывается определенный отпечаток на отношения воспитателей и воспитанников, основанные на взаимном уважении. Старший всегда относится к младшему как к равному, предоставляет ему большую самостоятельность и даже советуется с ним во время игры или работы. При этом, последовательно объясняя и показывая подростку каждую производственную операцию, воспитатель использует его в качестве вспомогательного работника и относится к нему достаточно строго и требовательно. В дальнейшем, когда ученик осваивает отдельные операции, воспитатель все чаще предоставляет ему возможность выполнять их самостоятельно и в конце концов включает ученика в общие работы на одинаковых правах с собой и другими членами производственного коллектива. Покажем это на примерах.

• Как и в прошлом, наиболее универсальным на Таймыре считается специальное так называемое «оленоводческое» обучение, включающее также знакомство ученика с различными видами промыслов. Еще совсем недавно, когда не было колхозов, такой вид обучения был более характерен для семей долган, нганасан и энцев, осваивавших северную часть Таймыра, причем родители из малооленных и безоленных семей бывали вынуждены отдавать детей на обучение к зажиточным оленеводам. В настоящее время общее собрание колхоза направляет учеников в оленеводческие бригады в соответствии с потребностями в новых кадрах оленеводов.

На первом году специального обучения в оленеводческой бригаде воспитатель³⁰ обычно приучает подростка нести дежурство при стаде — вести наблюдение за оленями во время выпаса, соблюдая режим их кормления и отдыха, искать по следам отбившихся от стада животных, принимать меры к охране стада от волков, собирать оленей для выполнения различных вспомогательных работ и т. п. Работая вместе с новичком в одной смене, воспитатель учит его обращать внимание на состояние погоды и признаки ее изменения, ориентироваться на местности, разбираться в недостатках и достоинствах отдельных пастбищ. По мере того как ученик усваивает эти сведения и накапливает опыт дежурства при стаде, ему все чаще поручают работать самостоятельно, а в конце первого года обучения обычно назначают в смену наравне с остальными членами бригады.

На втором году обучения молодой пастух уже выполняет наравне с остальными членами бригады все оленеводческие работы. При этом воспитатель показывает ему приемы подготовки оленей к гону и отелу, учит объезжать ездовых оленей или тренировать оленегонных собак, привлекает его к участию в ремонте и изготовлении нарт, упряжи и другого снаряжения. Однако главное значение теперь имеет изучение молодым пастухом различных вариантов маршрутов выпаса оленей в зависимости от сезона, состояния кормов, особенностей рельефа и метеорологических условий. Поскольку летние маршруты обычно повторяются через год, а зимние — через два года, молодому пастуху требуется около трех лет, чтобы, постоянно работая под наблюдением своего воспитателя, накопить минимум производственных навыков и знаний,

³⁰ Воспитателем ученика по решению общего колхозного собрания может быть бригадир оленеводов или кто-нибудь из членов бригады. Чаще всего подросток становится воспитанником своего отца или ближайших родственников — членов бригады, в которую он назначен учеником. Однако на Таймыре известно много опытных пастухов, подготовивших не одну смену молодежи, не состоявшей с ними в родственных отношениях.

необходимых ему для самостоятельной работы в оленеводстве³¹. Примерно за этот же срок молодой пастух, занимаясь в свободное от основной работы время различными видами охотничье-рыболовного промысла, накапливает определенный минимум сведений и в этой области.

Поскольку в настоящее время на Таймыре все более значительное место приобретает специализация труда оленеводов, охотников и рыбаков, рассмотрим отдельно специальное, так называемое «промысловое» обучение, включающее также знакомство учеников с правилами обращения и ухода за ездовыми оленями (или собаками). В прошлом такой вид обучения был более характерен для семей эвенков и ненцев, осваивавших южную часть Таймыра, а также для любой безоленной семьи, осевшей на реке или озере и занимавшейся преимущественно рыбной ловлей и охотой. В настоящее время общее собрание колхоза направляет учеников в охотничьи и рыболовецкие бригады в соответствии с потребностями в новых промысловых кадрах.

На первом году специального обучения в одной из промысловых бригад воспитатель³² обычно приучает подростка выполнять основные и наиболее простые работы. Например, в первом зимнем сезоне подросток осматривает настороженные воспитателем ловушки (пасти, сети), транспортирует к местам пушного промысла подкормку для песка (мясо, рыбу), помогает воспитателю обрабатывать мех, ремонтировать снаряжение и т. д. В первом летнем сезоне подросток принимает участие в лове рыбы неводом и, реже, сетями, так как последний способ требует особенно хорошего знания рыболовных угодий. Попутно ему приходится заниматься различными видами охоты. На первом году обучения молодые охотники и рыбаки совершенствуют полученные ранее навыки передвижения по тундре в различное время года и накапливают много важных сведений, необходимых им для ориентирования на местности, для правильного выбора места и времени для промысла.

На втором году обучения молодые охотники и рыбаки чаще всего уже работают в качестве равноправных членов промысловых бригад, хотя и остаются под контролем и наблюдением своего воспитателя. Например, во втором зимнем сезоне молодежь осваивает более сложную технику лова песка капканами, принимает активное участие в коллективной охоте на диких оленей. При этом за ними закрепляются определенные промысловые угодья, но в несколько меньшем объеме, чем за другими членами бригады. Во втором летнем сезоне часть молодежи остается в рыболовецких бригадах и совершенствуется в лове рыбы неводом и сетями. Другая часть молодежи направляется вместе с более опытными охотниками на подготовку к очередному зимнему сезону пушного промысла. Главное значение теперь имеет изучение молодым рыбаком или охотником промысловых угодий, что необходимо для того, чтобы он мог стать самостоятельным работником³³.

В специальном производственном обучении молодежи у различных народов Таймыра можно установить определенную последовательность, которая в известной мере свидетельствует о неодинаковом в прошлом соотношении отдельных отраслей промыслово-олeneводческого хозяйства. Например, в большинстве семей у всех народов обучение молодежи обычно начиналось с участия в различных видах охоты, причем у

³¹ По существующей для работников оленеводческих бригад Таймыра тарифной сетке ученики относятся к четвертому и третьему разрядам (из пяти). Проработав под наблюдением опытного пастуха не менее двух лет, они могут получить второй разряд. См. Инструкцию по оленеводству, Дудинка, 1959.

³² См. выше о воспитателях в оленеводческих бригадах.

³³ Заметим, что в оленеводстве пастухи всегда работают в коллективе, тогда как охотники или рыбаки работают в более индивидуальном порядке.

Рис. 6. Комсомольско-молодежная бригада Алексея Кожевникова на промысле рыбы неводом (долганы, колхоз «Победа»)

нганасан и энцев — в охоте на дикого оленя³⁴, у долган, эвенков и ненцев — в пушном промысле, однако в отдельных семьях обучение молодежи могло начинаться и с участия в рыболовном промысле. В настоящее время бригадное ученичество чаще всего начинается летом, когда школьники проводят каникулы в местах промысла или выпаса оленей и принимают посильное участие в работе оленеводческих или промысловых бригад (см. рис. 6). Осенью многие из них остаются в этих бригадах в качестве учеников и через год-другой становятся полноправными членами своего колхоза.

Молодые охотники, рыбаки или оленеводы в какой-то мере принимают участие во всех основных производственных операциях, характерных для промыслово-олениководческого хозяйства, но многие из них специализируются в выполнении отдельных работ. В прошлом это принималось во внимание более опытными специалистами при создании временных производственных объединений для совместной охоты, рыбной ловли или выпаса оленей³⁵. В современных условиях, работая в той или иной бригаде и постоянно обмениваясь опытом работы, молодежь повышает свою квалификацию, что способствует и более узкой специализации.

Большое значение в воспитании колхозной молодежи в современных условиях имеют смотры труда, культуры и быта сельского населения. В программу таких праздников входит широкий обмен передовым опытом работы лучших промысловых и оленеводческих бригад колхозов, проведение соревнований по старинным и современным видам спорта, показ колхозной художественной самодеятельности. Широкое уча-

³⁴ По сведениям наших информаторов (Чубо Кокорэ из колхоза им. Гагарина Авамского района и другие), у нганасан, например, в пастухи в прошлом брали лишь тех, кто сумел самостоятельно добыть дикого оленя.

³⁵ О значении таких объединений см. Б. О. Долгих и М. Г. Левин, Переход от родоплеменных связей к территориальным в истории народов Северной Сибири, сб. «Родовое общество», Труды Института этнографии АН СССР, нов. сер., т. XIV, М., 1951.

стие в этих смотрах представителей различных поколений промыслово-оленоводческого населения способствует воспитанию молодежи и на новой основе развивает лучшие традиции прошлого³⁶.

На основании изложенного можно сделать вывод, что в современных условиях у народов Таймыра складываются новые формы воспитания подростков и юношества, соответствующие в некоторой степени сложившимся издавна традициям. На этом этапе воспитание подрастающего поколения сводится прежде всего к собственно трудовому обучению, в процессе которого старшие, работая вместе с младшими, передают им народные приемы охоты, рыбной ловли и пастушества, включая изготовление орудий труда, средств передвижения и различного производственного снаряжения³⁷. Важное значение имеет передача молодежи народных знаний в области географии своего края: о поверхности, климате и взаимосвязанных явлениях в жизни растительного и животного мира, а также народных навыков ориентирования на местности в различное время года и при любых метеорологических условиях³⁸. Самостоятельное значение имеет, кроме того, последовательное развитие у молодежи физических данных и морально-волевых качеств, необходимых охотнику, рыбаку и оленеводу. В современных условиях традиционное трудовое обучение молодежи должно быть дополнено тщательным изучением новой техники и ознакомлением с основами научных знаний, с учетом которых сейчас развивается промыслово-оленоводческое хозяйство.

* * *

В традиционном воспитании детей и молодежи у народов Таймыра в настоящее время основное значение сохраняет трудовое воспитание и обучение³⁹, в результате которого обеспечивается приток молодых промыслово-оленоводческих кадров. По сравнению с другими народами Сибири народам Таймыра более свойственна промысловая «школа» обучения молодежи, хотя у некоторых самодийскоязычных народов и у части долган значительное место занимает собственно «оленоводческое» обучение.

В более широком плане традиции трудового воспитания можно связать с важной областью народных знаний, которые мы условно назовем «народной педагогикой»⁴⁰. Хотя принципы «народной педагогики» не кодифицированы, они отчетливо живут в сознании людей и осуществляются на практике у народов Таймыра в той или иной степени и последовательности во всех семьях промыслово-оленоводческого насе-

³⁶ В прошлом в воспитании молодежи большую роль играли национальные праздники, хотя, как правило, они и носили религиозный характер. Например, на празднике встречи солнца у нганасан устраивались для молодежи гонки на нартах; см. А. А. Попов, Тавгийцы, стр. 80. Специальные состязания в стрельбе из лука устраивались у долган при выборе предводителя — хосуна, см. А. А. Попов, Материалы по родо-вому строю долган, «Сов. этнография», 1934, № 6.

³⁷ О народной технике у долган и нганасан см. А. А. Попов, Охота и рыболовство у долган, Сборник «Памяти Богораза», 1937; его же, Техника у долган, «Сов. этнография», 1937, № 1; его же, Нганасаны (материальная культура), М.—Л., 1948. В настоящей статье мы не касаемся вопросов специального обучения искусству шитья, которое еще не подверглось кооперированию и остается сферой домашнего производства.

³⁸ О «народной географии» Таймыра автором был прочитан в марте 1961 г. доклад на заседании Отделения истории географических знаний и исторической географии в Московском филиале Всесоюзного географического об-ва.

³⁹ В прошлом у народов Таймыра довольно широко были распространены и другие виды специального обучения, например обучение воика, шамана и т. д.

⁴⁰ К этому выводу автор пришел во время работы в 1959 г. среди эвенков Катангского района Иркутской области. См. нашу статью «К вопросу о производственных традициях эвенков», «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», XXXVII, (в печати).

ления. В этой области народных знаний тесно переплетаются различные стороны материальной и духовной жизни народа, его общественные и семейные отношения. «Народную педагогику» можно определить как совокупность (систему) определенных взглядов, этапов и методов воспитания подрастающего поколения, ставшую своего рода традицией.

За годы социалистического строительства в хозяйстве, культуре и быте народов Таймыра произошли важные изменения. Важные изменения происходят и в традициях воспитания подрастающего поколения, особенно по мере перехода всего коренного населения на оседлый образ жизни и более широкого вовлечения детей в дошкольные и школьные государственные учебные заведения. Главное положительное значение «народной педагогики» в наше время заключается в трудовом воспитании подрастающего поколения. Эти традиции необходимо сохранять и развивать на новой основе, связав с ними учебно-воспитательный процесс в яслях, детских садах и школах Таймыра.

Особое внимание следует обратить на традиции собственно трудового обучения подростков и юношей в возрасте 12—16 лет, что соответствует возрасту учащихся 5—8 классов современной общеобразовательной школы⁴¹.

Как известно, в соответствии с законом 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью» и решениями по этому вопросу XXI съезда КПСС осуществляется перестройка советской общеобразовательной школы, призванной готовить молодежь к производительному труду с учетом местных условий. Поэтому в сельских школах Таймыра занятия по труду в учебных мастерских и на пришкольном учебно-производственном участке, а также производственная практика и общественно полезный труд должны строиться с учетом всех местных особенностей — экономических, географических и этнографических. Кроме того, желательно, чтобы условия труда и быта населения и его история нашли широкое отражение и в преподавании других школьных дисциплин. Такой комплексный и целеустремленный подход к трудовому воспитанию учащихся позволит подготовить достойную смену тружеников тундры, что будет способствовать успеху коммунистического строительства на Таймыре.

SUMMARY

The problem of the labour training of the younger generation of the Siberian peoples has not been the subject of direct studies by any researcher, although material on this question is interspersed in several works of the 19th and early 20th centuries and also in many works by Soviet ethnographers.

The present study is based on field materials obtained on Taimyr Peninsula in 1960. The labour training of the children there is dominated by the task of preparing them for work in the main traditional branches of the economy. Training starts before school in the form of different games and acquaintance with folklore. During school years, at the time of summer vacations, the children learn to harness reindeer, to paddle canoes, to shoot. At 14-16 years the adolescents take up regular apprenticeship with collective-farm teams — a new form of labour training of the youth on Taimyr. At the end of the third year the apprentice is usually accepted as a full-fledged team member. Apart from this, the people of Taimyr also have a special school to train the youth in the traditional occupations. The combination of traditional labour training with tuition at general education schools produces the optimal conditions for the training of hunters, fishermen and reindeer breeders.

⁴¹ К. С. Жуковский и Ю. Б. Стракач, Роль 8-летней школы в подготовке кадров, газ. «Советский Таймыр», Дудинка, 13 октября 1960 г.

В. П. АЛЕКСЕЕВ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ТИПОВ ТУВЫ

История исследования палеоантропологии Тувы

Единственное средство накопления палеоантропологического материала — это планомерно проводимые археологические раскопки. Для территории Тувы начало планомерных археологических работ связано с деятельностью С. А. Теплоухова. На протяжении нескольких лет (1926—1929 гг.) С. А. Теплоухов проводил раскопки в центральных районах нынешней Тувинской автономной республики, охватившие разные группы памятников и давшие большой палеоантропологический материал. Однако преждевременная смерть помешала ему опубликовать результаты работы, и собранный им археологический материал вводится в научный оборот лишь в настоящее время¹.

Публикации черепов, собранных С. А. Теплоуховым, посвящена статья Г. Ф. Дебеца². Их хронологическое определение было произведено Г. П. Сосновским и С. В. Киселевым, выделившими в материалах С. А. Теплоухова два комплекса: первый, соответствующий времени появления железа на территории Алтае-Саянского нагорья, т. е. времени тагарской культуры Минусинской котловины, и второй, относящийся к поздней поре железного века. Сравнение двух групп черепов показало, что монголоидная примесь в антропологическом типе населения Тувы фиксируется уже в эпоху раннего железа, а ее удельный вес остается постоянным при переходе от ранней поры железного века к поздней. Следовательно, история антропологических типов Тувы характеризуется значительным своеобразием по сравнению с более северными областями Алтае-Саянского нагорья.

После работ С. А. Теплоухова в истории археологического исследования территории Тувинской автономной республики наступил длительный перерыв, а вместе с ним прекратилось и поступление палеоантропологического материала. Отдельные экспедиции разведывательного характера не могли восполнить этот пробел³. Планомерные раскопки разных в территориальном и хронологическом отношении памятников начаты лишь в последние годы С. И. Вайнштейном⁴ и Л. Р. Кызласо-

¹ Л. Р. Кызласов, Этапы древней истории Тувы, «Вестник МГУ», М., 1958, № 4.

² Г. Ф. Дебец, К палеоантропологии Тувы, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. X, М., 1950.

³ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Саяно-Алтайская экспедиция, «Краткие сообщения ИИМК», вып. XXVI, М., 1949; Л. А. Евтюхова, Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 24, М., 1952.

⁴ С. И. Вайнштейн, Археологические раскопки в Туве в 1953 г., «Ученые записки Тувинского научно-исследовательского ин-та языка, литературы и истории» (НИИЯЛИ), вып. II, Кызыл, 1954; его же, Памятники скифского времени в Западной Туве, там же, вып. III, Кызыл, 1955.

вым⁵. В результате этих работ значительно пополнилась серия черепов скифского времени⁶, а самое главное — в соответствии с современными требованиями к методам датировки Л. Р. Кызласовым были передатированы материалы С. А. Теплоухова, среди которых были выделены вещевые комплексы гунно-сарматского или, по терминологии Л. Р. Кызласова, шурмакского времени. Полная проработка материалов С. А. Теплоухова дала возможность внести значительное уточнение в датировку отдельных погребений и, следовательно, передатировать некоторую часть ранее опубликованных черепов.

Первой публикацией нового палеоантропологического материала была заметка автора настоящего сообщения о черепах скифского времени в местности Кызылган⁷. Смешанный характер серии подтвердил сделанное Г. Ф. Дебецом заключение о наличии монголоидной примеси в населении Тувы скифского времени. В соответствии с морфологическими особенностями монголоидных черепов наличие монголоидной примеси было поставлено в связь с возможностью проникновения в Туву представителей низкого типа монголоидного типа. С другой стороны, европеоидное население рассматривалось как потомки населения эпохи бронзы, в отношении которого было сделано предположение о принадлежности его к европейскому расовому стволу.

Сопоставление выделенных в результате передатировки материалов С. А. Теплоухова черепов сарматского времени со скифской серией показало, что европеоидная примесь на территории Тувы в более позднее время не ослабевает, а усиливается⁸. Этот факт рассматривался как результат растворения пришлого монголоидного населения, проникшего в Туву в скифское время, в среде местного европеоидного. Однако указанная гипотеза была высказана в предварительной форме и, конечно, требовала дальнейшего подтверждения на более полном материале.

Ответ на этот вопрос был получен в результате исследования палеоантропологического материала, добытого раскопками С. И. Вайнштейна и Л. Р. Кызласова в 1955—1957 гг., и суммирования его с ранее опубликованными данными. Оказалось, что представление о большем удельном весе монголоидных компонентов в скифской серии по сравнению с сарматской проистекает за счет малочисленности серий и, по-видимому, не отражает реального соотношения монголоидных и европеоидных элементов в населении Тувы первых веков до и после н. э.⁹

Неясным также остается вопрос об удельном весе монголоидного и европеоидного компонентов в образовании антропологических особенностей населения эпохи позднего железа. Как уже было сказано, на материалах, имевшихся в его распоряжении, Г. Ф. Дебеч не имел возможности отметить усиления монголоидной примеси в это время по сравнению с предыдущей эпохой, что находилось в резком противоречии с изменчивостью расовых признаков в других областях Алтае-Саянского нагорья и как будто указывало на очень позднее оформление антропологического типа современных тувинцев¹⁰. Повторное исследование, осуществленное после передатировки части этих материалов и отнесе-

⁵ Л. Р. Кызласов, Этапы древней истории Тувы; его же, Средневековые города Тувы, «Сов. археология», 1959, № 3.

⁶ В периодизации Л. Р. Кызласова эта эпоха получила наименование уюкской.

⁷ В. П. Алексеев, Черепа из древних погребений на территории Тувы, «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. III, Кызыл, 1955.

⁸ В. П. Алексеев, Очерк палеоантропологии Тувинской автономной области, «Антропологический сборник» I, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XXXIII, М., 1956.

⁹ В. П. Алексеев, Палеоантропологический материал скифского и сарматского времени с территории Тувы, «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. VII, Кызыл, 1959.

¹⁰ Г. Ф. Дебеч, К палеоантропологии Тувы.

ния их к сарматскому времени, не изменило выводов Г. Ф. Дебеца, хотя для их обоснования остается теперь лишь очень небольшое количество данных¹¹. Однако, поскольку в эпоху позднего железа наблюдается резкое повышение черепного указателя, т. е. появление особенности, сближающей средневековое население Тувы с современным, проблема генетической связи современных тувинцев со средневековым населением нуждается в дополнительном исследовании, которое основывалось бы на более полных данных по палеоантропологии тюркской эпохи.

Материал

Палеоантропологический материал с территории Тувы, как мы уже убедились, обсуждался неоднократно. Однако широкий размах археологических исследований, осуществляемых на территории Тувы в настоящее время, имеет своим результатом постоянный приток новых материалов, требующих публикации. Так, материал, собранный в 1957 г. археологическим отрядом Тувинской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, остался невключенным в сводные средние по сериям скифского и сарматского времени, опубликованные в 1959 г. На протяжении полевых сезонов 1958—1959 гг. двумя археологическими отрядами этой экспедиции, работавшими под руководством С. И. Вайнштейна и А. Д. Грача, были произведены обширные исследования в западной и центральной Туве, давшие многочисленный новый материал скифского, сарматского и тюркского времени. Кроме этого, значительная в количественном отношении серия черепов была добыта в 1958—1959 гг. Л. Р. Кызласовым в могильнике на р. Чааты Улуг-Хемского района, который, по его мнению, оставлен уйгурами. Рассмотрению всего нового материала, собранного в 1957—1959 гг., в совокупности со старыми данными посвящено настоящее сообщение. Суммарные средние по сериям скифского, сарматского и тюркского времени, а также по серии из уйгурского могильника представлены в таблице.

Динамика изменчивости расовых признаков во времени

Признаки рас первого порядка. Многочисленные исследования по палеоантропологии Сибири показали, что сложная история антропологических типов Сибири является результатом взаимодействия различных типов монголоидной и европеоидной больших рас¹². Таким образом, при оценке различий, обнаруживающихся между хронологически разновременными сериями с территории Тувы, основное значение имеет определение удельного веса монголоидного и европеоидного компонентов. Первоочередную роль в этой связи приобретает оценка признаков, дифференцирующих монголоидные и европеоидные группы, т. е. уплощенности лица в горизонтальной плоскости и степени выпуклости носа.

Наименьшую величину назомаллярного, или верхнего угла горизонтальной профилировки, в мужских группах имеют черепа сарматского времени. Черепа скифского времени отличаются от них по этому углу на ничтожно малую величину. Резкое увеличение величины назомаллярного угла, связанное с заметным усилением уплощенности лицевого скелета, мы имеем в серии тюркского времени. На черепках из могильника в бассейне речки Чааты горизонтальная профилировка лица в верхней части опять уменьшается почти до величин, характерных для серий скифского и сарматского времени.

¹¹ В. П. Алексеев. Очерк палеоантропологии Тувинской автономной области.

¹² См., например, М. Г. Левин, Древние переселения человека в Северной Азии по данным антропологии, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XVI, М., 1951.

Средние размеры исследованных серий

Пол	♂				♀			
	скифское	сарматское	тюркское	Уйгуры VIII—IX вв.	скифское	сарматское	тюркское	Уйгуры VIII—IX вв.
1 Продольный диаметр	185,0 (28)	186,3 (12)	183,3 (11)	177,5 (11)	177,8 (23)	175,5 (8)	175,7 (3)	170,6 (8)
8 Поперечный диаметр	144,5 (28)	144,2 (11)	147,7 (10)	149,6 (13)	140,1 (24)	140,4 (8)	145,0 (3)	144,5 (8)
8:1 Черепной указатель	78,1 (27)	77,4 (11)	81,9 (10)	83,7 (11)	78,9 (23)	80,0 (8)	82,5 (3)	83,0 (8)
17 Высотный диаметр	131,2 (19)	137,4 (8)	134,7 (12)	136,2 (9)	129,2 (21)	130,8 (8)	119,0 (3)	133,0 (4)
5 Длина основания черепа	104,7 (18)	104,0 (7)	104,0 (11)	102,8 (8)	97,0 (21)	97,1 (8)	95,7 (3)	99,2 (4)
9 Наименьшая ширина лба	96,7 (32)	96,2 (12)	95,0 (13)	96,3 (15)	93,7 (27)	91,2 (8)	91,7 (3)	93,0 (12)
32 Угол лба	81,8 (18)	79,7 (11)	82,6 (8)	81,8 (10)	84,3 (18)	86,0 (8)	81,0 (3)	78,0 (8)
Надбровье (1—6 по Мартину)	3,11 (36)	2,92 (13)	3,00 (14)	3,27 (15)	2,11 (28)	2,00 (8)	2,00 (3)	2,42 (12)
40 Длина основания лица	100,1 (14)	99,3 (7)	95,6 (8)	100,5 (8)	96,3 (18)	95,0 (8)	94,0 (2)	101,0 (4)
45 Скуловая ширина	136,6 (21)	140,3 (13)	139,0 (10)	138,5 (12)	130,0 (20)	128,4 (8)	131,7 (3)	133,2 (12)
48 Верхняя высота лица	72,0 (26)	77,2 (13)	72,8 (11)	72,9 (15)	68,0 (24)	71,9 (8)	69,0 (2)	71,5 (11)
51 Ширина орбиты (лев.)	42,2 (23)	42,2 (13)	43,1 (11)	42,0 (11)	41,2 (22)	40,4 (8)	42,0 (2)	42,3 (11)
52 Высота орбиты (лев.)	33,1 (25)	34,7 (13)	34,8 (12)	33,2 (13)	32,6 (22)	34,4 (8)	33,2 (3)	34,0 (11)
54 Ширина носа	25,1 (26)	25,8 (13)	25,5 (10)	26,1 (15)	25,0 (22)	23,7 (8)	24,5 (2)	25,7 (11)
55 Высота носа	52,0 (25)	56,2 (13)	53,8 (11)	53,3 (15)	49,5 (24)	51,1 (8)	50,5 (2)	51,8 (11)
Нижний край грушевидного отверстия (% антропических форм)	60,7 (28)	69,2 (13)	84,6 (13)	53,3 (15)	87,5 (24)	100,0 (8)	50,0 (2)	90,9 (11)
Глубина кляковой ямки (лев., в мм)	5,3 (21)	4,2 (12)	3,9 (11)	5,3 (13)	3,9 (20)	4,2 (8)	4,2 (2)	3,7 (11)
DC Дакриальная хорда	20,1 (24)	21,6 (11)	20,0 (9)	20,9 (11)	21,0 (19)	18,2 (8)	17,8 (2)	20,8 (11)
DS Дакриальная высота	11,5 (24)	11,5 (11)	11,0 (8)	12,5 (11)	10,2 (19)	10,0 (8)	7,8 (2)	10,2 (11)
DS:DC Дакриальный указатель	57,5 (24)	53,6 (11)	54,5 (8)	60,4 (11)	48,8 (19)	55,1 (8)	46,4 (2)	49,8 (11)
SC Симметрическая хорда	8,2 (27)	8,4 (12)	7,3 (12)	8,9 (13)	8,1 (22)	7,5 (8)	4,6 (2)	8,7 (11)
SS Симметрическая хорда	4,0 (27)	4,3 (12)	3,9 (11)	3,2 (13)	3,3 (22)	3,5 (8)	1,5 (2)	3,4 (11)
SS:SC Симметрический указатель	49,9 (27)	52,5 (12)	53,6 (11)	48,1 (13)	42,5 (22)	48,5 (8)	34,0 (2)	38,9 (11)
72 Угол профиля лица общий	84,8 (16)	86,7 (11)	87,9 (7)	86,4 (9)	84,1 (18)	86,0 (8)	86,5 (2)	86,7 (10)
75 (1) Угол носовых костей к линии профиля	25,9 (19)	25,5 (13)	26,8 (8)	23,9 (12)	22,1 (21)	25,4 (8)	17,0 (2)	22,3 (11)
77. Назомаллярный угол	142,8 (29)	142,3 (12)	146,3 (10)	143,3 (12)	145,7 (22)	146,1 (8)	143,7 (3)	142,5 (11)
Зигомаксиллярный угол	129,6 (17)	132,9 (13)	137,7 (10)	133,2 (12)	132,4 (18)	131,2 (8)	136,0 (1)	133,7 (11)

Аналогичным образом изменяется и величина зигомаксиллярного, или нижнего угла горизонтальной профилировки. Однако по величине этого угла черепа скифского и сарматского времени меняются местами — на скифских черепах величина угла меньше, чем на сарматских, и различие между ними проявляется заметнее, чем по назомаллярному углу.

Женские серии обнаруживают столь четкую динамику только по нижнему углу горизонтальной профилировки. Величины назомаллярного угла последовательно уменьшаются при переходе от скифской эпохи к последним векам I тысячелетия н. э. Уменьшение верхнего угла горизонтальной профилировки в тюркское время в данном случае, по-видимому, объясняется малым количеством наблюдений и случайным подбором нетипичных черепов. Численность женской группы заметно меньше численности мужской, и поэтому можно предполагать, что именно мужская серия отражает особенности, характерные для населения тюркского времени.

Суммарное рассмотрение по обоим полам признаков, характеризующих уплощенность лица, показывает, что различия в степени уплощенности между сериями скифского и сарматского времени невелики по абсолютной величине, неопределенны по направлению и, по-видимому, нереальны. В тюркское время удельный вес плосколицего компонента заметно увеличивается. Наконец, серия из уйгурского могильника отличается от тюркской серии более профилированным лицом и мало уступает в этом отношении сериям скифской и сарматской эпох. Таким образом, по степени уплощенности лицевого скелета черепа тюркского времени занимают особое положение среди находящихся в нашем распоряжении серий с территории Тувы.

Выступление носа по отношению к плоскости лица имеет значение не только само по себе, но и в сочетании с высотой переносья. Поэтому размеры, фиксирующие высоту переносья, дакриальные и симотические высоты и указатели играют не меньшую роль в оценке выступления носа, чем угол носовых костей к линии профиля.

Последний признак изменяется не очень отчетливо. Это тем более странно, что он связан высокой межгрупповой корреляцией с углами горизонтальной профилировки лица. Иными словами, в популяциях, характеризующихся плоским лицом, нос выступает слабо, и наоборот. Поскольку серия тюркского времени выделяется более плоским лицом, следовало бы ожидать, что она будет отличаться от серий скифского, сарматского и уйгурского времени и меньшим выступанием носовых костей. Действительно, два женских черепа тюркского времени имеют очень плоские носовые кости. Однако на восьми мужских черепах угол выступления носовых костей выше, чем во всех других сериях. Таким образом, на имеющемся материале по этому признаку не прослеживается четких различий между хронологически одновременными сериями.

Вариации размеров, отражающих высоту переносья, не очень велики по абсолютной величине, но гораздо более определены. Величины дакриальной высоты совпадают в мужских сериях скифской и сарматской эпох. Этот размер понижается на черепах тюркского времени и достигает максимума в уйгурской серии. Аналогичным образом изменяется дакриальная высота при переходе от эпохи к эпохе и в женской группе. Вариации симотической высоты обнаруживают ту же закономерность распределения. Отличие от распределения дакриальной высоты состоит лишь в том, что здесь максимум величины признака падает на черепа сарматского времени.

Относительная высота переносья, выражаемая указателями, варьирует довольно неопределенно. Так, среди мужских групп минимальную величину дакриального указателя имеет серия сарматского вре-

мени, тогда как среди женских групп она характеризуется наибольшей величиной этого признака. Групповые колебания симотического указателя также не обнаруживают определенной направленности.

Суммарное рассмотрение признаков, характеризующих выступание носа и высоту переносья, показывает, что по высоте переносья мужская и женская серии тюркского времени занимают крайнее место в направлении приближения к монголоидным группам. Таким образом, по высоте переносья, так же как и по углам горизонтальной профилировки лица, черепа тюркского времени сближаются с черепами сибирских монголоидов в значительно большей степени, чем черепа из погребений других эпох на территории Тувы. Это обстоятельство говорит об усилении роли монголоидного компонента в образовании антропологических особенностей населения тюркского времени. До сих пор невозможно было отметить этот факт просто из-за недостаточного количества материала, находившегося в нашем распоряжении.

Признаки рас второго порядка. Отнесение любой палеоантропологической серии к тому или иному расовому типу второго порядка всегда является в достаточной мере условным. Это объясняется как изменчивостью типов во времени, так и большими лакунами в имеющихся данных. Все же в отдельных случаях определение места ископаемой серии в пределах типов второго порядка, или малых рас, может считаться достаточно убедительным, и в этом случае оно помогает понять генетические связи оставившего ее населения.

Из признаков, характеризующих отличительные особенности малых рас, наибольшее значение имеют размеры черепной коробки и лицевого скелета и их соотношения, особенно черепной указатель. Поэтому в дальнейшем изложении мы и уделим этим признакам особое внимание.

Горизонтальные диаметры черепной коробки обнаруживают относительно четкую закономерность в изменении их от эпохи к эпохе. Продольный диаметр в общем уменьшается при переходе от ранних серий к поздним как в мужской, так и в женской группе, поперечный диаметр увеличивается. Конечно, выраженность этой закономерности, как и всегда в таких случаях, относительна. Так, мужские черепа сарматского времени имеют несколько более длинную черепную коробку, чем скифские, женские черепа тюркской эпохи тем же отличаются от сарматских. Однако различия ничтожны по абсолютной величине и не меняют общей картины, так же как и ничтожные различия между мужскими сериями скифского и сарматского времени по поперечному диаметру. Более демонстративны различия по поперечному диаметру между тюркской и уйгурской женскими сериями, но и они не повторяются на мужских черепах. Налицо, следовательно, определенная тенденция к уменьшению продольного и увеличению поперечного диаметров в поздние эпохи по сравнению с ранними.

В соответствии с этим изменение черепного указателя также дает ясную картину нарастания по мере приближения к современной эпохе. Единственное нарушение этого правила — уменьшение величины черепного указателя в мужской серии сарматского времени по сравнению со скифским. Однако различия по этому признаку между населением указанных эпох вообще не проявляются на имеющемся материале, так как масштаб различий между женскими сериями ничтожен, хотя сама изменчивость признака имеет обычное направление. С другой стороны, отличия тюркских и уйгурских черепов от более ранних вполне реальны.

Высотный диаметр черепной коробки в общем характеризуется неопределенными колебаниями. Обращает на себя внимание исключительно малая величина этого размера на трех женских черепах тюркской эпохи, но она не может считаться представительной из-за малого числа черепов. Гораздо более значительны по абсолютной величине одинаковые по направлению в мужской и женской группах и поэтому,

несомненно реальные, различия между черепами скифского и сарматского времени. Они привлекли внимание еще в публикации 1959 г.¹³, но тогда оставалось сомнение в их реальности, основанное на недостаточности данных. С тех пор материал количественно возрос, а различия остались прежними. Несомненно, что они отражают реальную разницу между населением перечисленных хронологических этапов по этому признаку.

Ширина лица в скулах также варьирует не очень отчетливо. Правда, бросается в глаза резкое увеличение ее в мужской серии сарматского времени. Однако при суммировании наблюдений по обоим полам разница уменьшается. Среднее превышение величины скулового диаметра в мужских группах над его величиной на женских черепах составляет приблизительно 10 мм. Прибавив 10 мм к показателю скуловой ширины в женской серии скифского времени, мы получим 140 мм, а взвешенная серия по обоим полам будет тогда равна 138,3 мм. Аналогичное вычисление дает для объединенной серии сарматского времени 139,6 мм. Таким образом, реальная разница между черепами скифской и сарматской эпох, если и имеется, то оказывается значительно меньшей, чем это могло бы показаться при сравнении только мужских групп. Что же касается черепов из тюркских и уйгурских могильников, то они характеризуются большими величинами ширины лица, не обнаруживая существенных различий как между собой, так и с сериями предшествующего времени.

По высоте лица черепа из могильников сарматского времени также занимают крайнее место. Величина этого признака на мужских черепах сближается с показателями, характерными для современных сибирских монголоидов. Таким образом, по высоте лица серия сарматской эпохи отличается от других серий с территории Тувы в еще большей степени, чем по его ширине. Как скифские, так и тюркские и уйгурские черепа не обнаруживают специфических отклонений в высоте лица при сравнении между собой. Во всех трех сериях высота лица попадает в категорию средних величин этого признака.

Смена типов. Предыдущий обзор материала по признакам показывает, что различия между хронологически разновременными сериями идут в разных направлениях и, следовательно, не являются только результатом изменчивости самих признаков во времени. Слабая морфологическая связь между большинством рассмотренных признаков позволяет рассматривать их изменение как следствие притока нового населения, принадлежавшего к разным антропологическим типам. К сожалению, место последних в систематике не всегда ясно, что затрудняет решение вопроса о направлении переселения.

Удельный вес монголоидной примеси в скифское время на территории Тувы приблизительно соответствует ее удельному весу в составе ряда современных народов Поволжья — мари, мордвы и чувашей¹⁴. Это обстоятельство не означает, конечно, что она в обоих случаях имеет тождественное происхождение. Ее происхождение в составе скифского населения Тувы может быть выявлено при типологическом рассмотрении имеющихся черепов, поскольку их число недостаточно для внутригруппового статистического анализа. Ряд черепов обнаруживает отчетливо выраженную комбинацию монголоидных особенностей в сочетании с большими размерами лицевого скелета и круглой, низкой черепной коробкой. По-видимому, в данном случае мы имеем в них свидетель-

¹³ В. П. Алексеев, Палеоантропологический материал скифского и сарматского времени с территории Тувы.

¹⁴ М. С. Акимов, Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXIII, М., 1955, ее же, Краниология современного населения Мордовской и Марийской АССР, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXIX, М., 1958.

ство центральноазиатского происхождения монголоидного компонента.

С другой стороны, выделяется и другой монголоидный вариант, характеризующийся небольшими размерами лица. Весьма возможно, что такая комбинация признаков образовалась просто в результате смешения и не имеет реального генетического значения. Однако, если ее реальность подтвердится в ходе дальнейшего накопления материала, можно будет поставить вопрос о связи населения Тувы в рассматриваемую эпоху с представителями низкого монголоидного типа, получившего в специальной антропологической литературе наименование «катангского»¹⁵, и, следовательно, о наличии северного, «таежного» этнического пласта, сыгравшего, по-видимому, не меньшую роль, чем этнические связи с центральноазиатскими народами. Во всяком случае уже сейчас этот вопрос требует рассмотрения на имеющихся археологических материалах.

Что касается проблемы происхождения европеоидного населения, для ее решения в настоящее время не больше данных, чем их было в 1955 г. Тогда было высказано предположение о том, что европеоидный компонент восходит к населению Тувы эпохи бронзы¹⁶. За истекшее время не появилось каких-либо фактов, заставляющих отказаться от этого предположения.

В сарматское время не происходит изменения в соотношении монголоидного и европеоидного населения. Тем не менее физический тип населения изменяется в сравнении с предшествующей эпохой. Как уже было отмечено, реальные различия проявляются в размерах лица, особенно в его высоте и высоте черепной коробки. Большие размеры высоты лица и черепной коробки характерны для типов дальневосточной монголоидной расы. Однако одновременно с этим для них характерна также резкая выраженность монголоидных признаков. Таким образом, приток представителей дальневосточной монголоидной расы имел бы своим результатом не только увеличение высоты лица и черепа, но и усиление монголоидной примеси, чего на самом деле нет. Предположение о миграции населения, принадлежавшего к одному из вариантов дальневосточной расы, не объясняет, следовательно, имеющих сдвиг в антропологических особенностях населения сарматского времени по сравнению со скифским.

Среди типов европеоидной расы нет ни одного, который характеризовался бы такой высотой лица при высокой черепной коробке. Исключение составляют отдельные серии эпохи бронзы с территории Средней Азии, в частности, Туркмении¹⁷. Встречается этот тип на территории Средней Азии и в более позднее время. Речь идет о черепках из Куня-Уза и Канга-Калы, добытых Хорезмской археолого-этнографической экспедицией и датированных первыми веками н. э.¹⁸ Они характеризуются некоторым сдвигом в направлении приближения к монголоидным сериям. Может быть, в сарматское время на территории Тувы появляются пришельцы из этих далеких областей? Однако следует иметь в виду, что высота лица на черепках из погребений эпохи бронзы Туркмении все-таки ниже, чем в серии сарматской эпохи с территории Тувы.

¹⁵ См. Г. Ф. Дебеч, Древний череп из Якутии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXV, М., 1956. Рассмотрение всех относящихся к катангскому типу материалов, так же как и вопроса о границах его распространения, см. в кн.: М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XXXVI, М., 1958.

¹⁶ В. П. Алексеев, Черепки из древних погребений на территории Тувы.

¹⁷ В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова, Черепки эпохи энеолита и бронзы из южной Туркмении, «Сов. этнография», 1959, № 1.

¹⁸ Т. А. Трофимова, Материалы по палеоантропологии Хорезма и сопредельных областей, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1958; ее же, Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 2, 1959.

В тюркское время, как уже было отмечено выше, заметным образом проявляется увеличение удельного веса монголоидного компонента. Однако малочисленность материала мешает решить вопрос о его происхождении, так же как и вопрос о происхождении европеоидной примеси в тюркской серии. Умозрительно можно предполагать, что последняя восходит к населению предшествующей эпохи. Что же касается происхождения монголоидного компонента, то следовало бы ожидать, что оно связано с усиленным проникновением в Туву представителей центральноазиатского типа монголоидной расы. Действительно, среди черепов из тюркских погребений есть несколько, отличающихся особенностями, характерными для этого типа. Тем не менее, серия в целом не обнаруживает сдвигов в направлении приближения к центральноазиатскому типу — увеличения размеров лица, резкой брахикрании. Во всяком случае у черепов из погребений тюркского времени на Алтае и в Минусинской котловине размеры лица определенно больше, чем в рассматриваемой серии. По-видимому, антропологический состав населения Тувы в эпоху тюркского каганата был очень сложен, и находящийся в нашем распоряжении материал ни в коей мере не отражает имевшего места многообразия.

Антропологическая диагностика черепов из уйгурского могильника на речке Чааты не встречает затруднений. При общем европеоидном типе этих черепов некоторая уплощенность лица и сравнительно малое выступание носа говорят о наличии монголоидной примеси. Этот факт, а также круглая форма черепной коробки и относительно крупные размеры лица сближают их с краниологическими вариантами, которые получили в антропологической литературе название «памиро-ферганской расы», или «расы среднеазиатского междуречья». Современными представителями этой расы являются узбеки и таджики, в древние эпохи она была широко распространена на территории Средней Азии и Восточного Туркестана¹⁹. Таким образом, могильник в долине речки Чааты оставлен пришлым населением, связанным своим происхождением с указанными территориями. Контакт между населением Тувы и Средней Азии начался, следовательно, не в XII в. н. э., как можно было судить по материалу из могильника Саадак-Терек, а на три века раньше.

Выводы

1. Население Тувы в скифское время характеризовалось резкой смешанностью и промежуточным положением по отношению к монголоидной и европеоидной большим расам. Наличие в серии скифского времени морфологически противоположных вариантов говорит о том, что смешение между представителями монголоидного и европеоидного расовых стволов не носило характера биологического взаимодействия и что тип населения этого времени не был достаточно однородным.

2. Доля участия представителей монголоидной расы в формировании населения Тувы сарматского времени остается, по-видимому, неизменной по сравнению с предшествующей эпохой. Однако резкое увеличение размеров лица и высоты черепной коробки, по-видимому, свидетельствует о притоке какой-то новой группы. Происхождение ее пока остается неясным. Во всяком случае это не могли быть представители северокитайского типа, на что как будто указывает динамика перечисленных признаков. В этом случае мы имели бы усиление монголоидных особенностей в серии сарматского времени по сравнению со скифской, чего на самом деле не обнаруживаем.

¹⁹ См. Л. В. Ошанин, Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. 1, Ереван, 1957.

3. Удельный вес монголоидной примеси в населении Тувы в эпоху тюркского каганата заметно возрастает. Невозможность фиксировать это явление в предшествующих работах объяснялась как малым количеством материала, так и его неотчетливой датировкой, благодаря чему ряд черепов более ранних эпох был отнесен к тюркскому времени.

4. Черепа из могильника, расположенного на р. Чааты, который, по мнению Л. Р. Кызласова, оставлен уйгурами, обнаруживают особенности брахикранного европеоидного типа, характеризующегося наличием небольшой монголоидной примеси. В наибольшей степени он сходен с типом среднеазиатского междуречья.

SUMMARY

The article deals with the paleoanthropological material collected on the territory of the Tuva Autonomous Republic in 1957-59, which is compared with the previously obtained material, collected during the excavations of S. A. Teploukhov in 1926-29.

In Scythian times, the population of Tuva had a markedly mixed character and held an intermediate place vis-à-vis the Mongoloid and Europeoid races. The intercrossing between the representatives of these two races was not in the nature of biological interaction; the population type in this period was not sufficiently homogeneous. In Sarmatian times, a new population group made its appearance, the origin of which is still unclear. This resulted in a pronounced growth of the size of the face and the cranium. The proportion of the Mongoloid admixture in the population of Tuva registered a noticeable rise in the period of the Turk Caganate. The skulls from the Uigur burial place display an affinity with the type from the Central Asian inter-river area.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

А. Б. ЛЕТНЕВ

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ БЫТ МАНДИНГО

Мандинго, или манде,— группа близкородственных между собой народов Западной Африки. На языках манде говорит около семи миллионов человек. Этническая территория мандинго очерчивается на востоке меридианом Тимбукту, на юго-западе — Атлантическим побережьем, на севере — южной границей Сахары. В пределах этого огромного треугольника наиболее компактный этнический массив мандинго приходится на верховья рек Нигера и Гамбии, а также на среднее течение р. Сенегал. Наряду с другими народами, мандинго населяют десять стран: Сенегал (где они составляют примерно 10% всего населения страны), Мали (51%), Гвинею (50%), Берег Слоновой Кости (21%), Верхнюю Вольту (8%), Мавританию (4%), Либерию (49%), Гамбию (52%), Сьерра-Леоне (46%) и «португальскую» Гвинею (13%)¹. Таким образом, мандинго составляют примерно половину населения двух независимых государств — Республики Мали и Гвинейской Республики. Они играют важную роль в хозяйстве этих двух государств. С другой стороны, примерно половина общей численности мандинго живет именно в Мали и Гвинее. Поэтому хозяйственный быт народов мандинго может быть наглядно охарактеризован на примере манде, населяющих Гвинею и Мали.

В языковом отношении манде делятся на северную и южную группы. К северным манде, или манде-тан, относятся следующие этнические группы: малинке, бамбара (банмана), диула, бозо, сонинке, гирганке, хасонке, васулунке, диалонке, коньянке, торонке, коранко, вай, манья, коно. К южным, или манде-фу², относятся: сусу, менде, кпелле (герзе), тома (лома), гбанле, гбунде, гио, ге, гагу и некоторые другие. Северные манде живут в основном в пределах степных районов (сахельская и суданская климатические зоны), а южные — в пределах гвинейской климатической зоны, или зоны влажного тропического леса.

Почвы в районах расселения мандинго не отличаются плодородием. Они, как правило, бедны перегноем и содержат большой процент окислов железа, что часто оказывает крайне неблагоприятное воздействие на структуру почв. Обширные районы покрываются прочной и мощной латеритовой (железистой) корой. Это значительно сужает площадь годной для обработки земли.

¹ Вычислено на основании данных, приведенных в работе: Б. В. Андрианов, Население Африки, Приложение к карте народов, М., 1960, стр. 61—63. Данные о доле мандинго в населении Ганы, Дагомеи и Нигерии опущены, поскольку она крайне незначительна.

² Словами «тан» (tā) и «фу» (fu) северные и южные манде соответственно обозначают числительное «десять».

Земледельцы по преимуществу, мандинго возделывают различные культуры. Из злаковых выращивают сорго, африканское просо, рис, кукурузу, фоньо. Сорго и африканское просо служат основой пищевого рациона бамбара. Кроме этих основных культур, бамбара выращивают

Рис. 1. Разрыхление почвы мотыгой

и другие злаки (пшеницу, рис, фоньо, кукурузу), бобовые (арахис и земляной горох воандзейю), корнеплоды (ямс, маниоку), огородные культуры (стручковый перец, бамию) и различные фрукты. Сонинке занимаются выращиванием арахиса, проса, кукурузы, бобов. Хозяйство малинке также носит ярко выраженный зерновой характер, но у малинке преобладающей культурой является не просо, а рис. Культивируют также бананы и ананасы. Основной район банановодства приходится на треугольник Дюбрека — Бенти — Маму, населенный главным образом сусу. Эта же область Гвинейской Республики известна как центр выращивания ананасов. Бананы, ананасы, манго и цитрусовые выращивают также бамбара.

Крестьяне используют и некоторые дикорастущие или полукультурные растения: баобаб, паркию, масличное дерево (карите), нете — дерево со съедобными стручками. Особенно велико хозяйственное значение масличной пальмы и дерева кола. Из текстильных экспортных культур возделывают хлопок, сизаль, капок и растение да. Хлопок выращивается малийскими бамбара севернее и восточнее города Сегу, сизаль — хасонке (округ³ Кайес), сонинке и бамбара (округ Бамако).

Сельскохозяйственный инвентарь мандингских крестьян на первый взгляд весьма примитивен. Земельный участок расчищают от растительности при помощи топора и ножей. Пахота или, точнее, разрыхление почвы производится мотыгой (рис. 1). Мотыга же служит орудием окучивания и прополки. Для жатвы используются ножи и серпы. Молотьба производится при помощи длинных изогнутых палок (рис. 2).

Основным сельскохозяйственным орудием является, таким образом, мотыга, или даба⁴. Но ее вес, ширина ее лезвия, длина рукоятки, угол

³ Административные единицы приводятся по старому административному делению, так как в данной статье речь идет о деревне колониального периода.

⁴ «Daba» буквально означает «мотыга». Это мандингское слово не только распространилось по всему Западнему Судану, но и вошло в научный лексикон.

между рукоятью и плоскостью лезвия и способ насадки лезвия на рукоять варьируются. Каждая разновидность приспособлена к почвам данной местности и особенностям определенного вида сельскохозяйственных работ. Для разрыхления земли обычно применяются тяжелые

Рис. 2. Молотба при помощи длинных изогнутых палок

Рис. 3. Обработка почвы мотыгами с укороченной рукоятью

мотыги с длинной рукоятью, для окучевания и прополки — легкие, с укороченной рукоятью (рис. 3). Бамбара применяют особый вид мотыги — донкотан. Это орудие служит для вскапывания легких и рыхлых песчаных почв. Обычное железное лезвие насаживается на короткий толстый сук, расположенный на конце рукояти под острым углом к ней. Для придания рабочей части прочности она крепко перетягивается кожаным ремнем или проволокой.

Известно, что мотыга типа донкотана восходит к глубокой древности. В Луврском музее хранится фреска, обнаруженная в Фивах в гробнице времен 18-й династии, на которой изображено весьма схожее с донкотаном орудие. Тот факт, что бамбара и другие народы манде до наших дней используют типы мотыг, известные еще древним египтянам, жившим в III или IV тысячелетии до н. э., что они не дошли до применения плуга, дает многим буржуазным авторам основание заявлять о примитивизме сельскохозяйственного инвентаря манде. Но это слишком поспешный вывод. Во-первых, он делается без учета климатических и почвенных особенностей суданской саванны; не логичнее ли предположить, что при наличии столь маломощного гумусового слоя мотыжение земли на небольшую глубину имело вплоть до XX в. свои преимущества перед глубокой пахотой при помощи плуга? Во-вторых, нельзя считать безусловно примитивным сельскохозяйственный инвентарь, отличающийся четкой специализацией и прекрасно приспособленный к разнообразным почвенным и климатическим условиям⁵.

В начале XX в. зажиточные крестьяне мандинго стали применять современный сельскохозяйственный инвентарь. В это время колонизаторы, искивая способы увеличения производства сырья, начинают, в частности, внедрять в африканское хозяйство европейский плуг. Пионерами плужного земледелия в Западном Судане были малинке Верхней Гвинеи⁶. Первая пахота датируется здесь 1913 годом. После первой мировой войны в Верхней Гвинее плужное земледелие прогрессировало. Оно постепенно внедрялось и в других районах, но не столь успешно. Так, в 1925 г. в округе Конакри (сусу) было зарегистрировано всего три хозяйства, перешедших к пахоте на волах. Их общая запашка составляла 45 га. К началу 1927 г. число таких хозяйств увеличилось до 14, а их запашка — до 100 га⁷.

После первой мировой войны число плугов в крестьянских хозяйствах еще более увеличилось. Если в 1923 г. во всем округе Куруса (малинке) было 23 плуга и 22 бороны, то в 1954 г. в одной только деревне Кобане, расположенной в этом округе, было зарегистрировано 58 плугов и 23 бороны⁸.

К концу второй мировой войны плуг появился на полях бамбара и сонинке, в частности, в районах рисоводства (малийские округа Масина, Бамако, Бугуни, Дженне). К 1945 г. в этих и некоторых других округах уже ощущалась нехватка плугов, связанная с их ограниченным завозом из охваченной войной Европы. В органах колониальной администрации лежало несколько тысяч неудовлетворенных заявок на приобретение плугов⁹. В послевоенные годы число плугов, применявшихся малийскими крестьянами, стало быстро увеличиваться. Выросло и поголовье рабочего скота.

Как и все их соседи-земледельцы, мандинго применяют переложную систему земледелия. В сухой сезон срубают верхушки деревьев, сгребают их в кучи вокруг пней, которые не выкорчевываются, и подверга-

⁵ О критике теории безусловной примитивности мотыжного земледелия и сельскохозяйственного инвентаря народов Западного Судана см. подробнее в работах: П. А. Баранов, В тропической Африке, М., 1956, стр. 242—244; Д. А. Ольдерогге, Западный Судан в XV—XIX вв., М.—Л., 1960, стр. 18—22.

⁶ В Гвинее этим термином обозначаются северные районы страны — Канкан, Куруса, Сигири.

⁷ P. Vidaud, Le développement de la culture moderne et la naissance du crédit agricole mutuel en Guinée Française, Forcalquier, 1928, стр. 55, 58.

⁸ «Gouvernement Général de l'Afrique Occidentale Française. Guinée Française. L'agriculture indigène. Cultures à la charrue», Conakry, 1923, стр. 12; «Etudes agricoles et économiques de quatre villages de Guinée Française, III, Vallée du Niger. Village de Kobané», Service de la Statistique de la Guinée, октябрь 1955, стр. 35.

⁹ P. Viguier, Le Soudan Français. Ressources et possibilités agricoles, Koulouba, 1945, стр. 36.

ют сушке. Затем кучи, вместе с окружающей их травой, сжигают. В самом начале дождливого сезона производят первое, поверхностное мотыжение земли. При этом происходит перемешивание почвы с пеплом и обогащение ее питательными веществами. За первым мотыжением следует второе, более глубокое. После первых сильных дождей, способных увлажнить почву на достаточную глубину, производят сев. Семена обычно не сортируются. После непрерывного использования в течение ряда лет участок оставляют под залежь. Вместо него точно таким же образом расчищают другой участок. При столь длительной эксплуатации почвы для восстановления ее естественного плодородия требуется 25—30 лет. На практике же крестьянин возвращается к заброшенному участку и раньше. Так, малинке Верхней Гвинеи обычно после непрерывной обработки участка в течение 6—12 лет держат его под залежью от 4 до 15 лет. Такая система земледелия приводит к рассредоточенности поселений. В результате периодической расчистки новых участков, расположенных иногда в нескольких километрах от заброшенного, часть населения деревни несколько месяцев в году живет вне ее. Каждая деревня окружена небольшими хуторами, которые возникают поблизости от участков, намеченных для обработки в течение ближайших лет.

Крестьянин ведет свое хозяйство на очень небольшом участке земли. До второй мировой войны, по оценке сельскохозяйственной службы французской колониальной администрации, в суданской зоне на одного взрослого работника в среднем приходилось всего по одному *га* земли¹⁰. По мнению сенегальского экономиста и историка Абдулая Ли, минимальная площадь земельного участка для семьи из пяти человек не превышает в саванне двух *га*¹¹. Столь незначительные размеры крестьянского хозяйства вызваны вовсе не земельным голодом. В районах расселения мандинго имеется обширный неиспользованный земельный фонд. В результате обмера земель, произведенного в малинской деревне Кобане в 1954—1955 гг., выяснилось, например, что из 4500 *га* годной для обработки земли обрабатывалось лишь 546 *га*¹². Плотность населения на этнической территории манде, как правило, весьма незначительна, что также говорит о наличии неиспользованных земель. В районе Бамако (Мали) плотность населения составляет 1—5, в Верхней Гвинее — 5—10 человек на 1 км² (данные 1956 г.)¹³. При наличии излишка годной для обработки земли минимальные размеры хозяйств можно объяснить только тем, что крестьянин, вооруженный мотыгой, физически не в состоянии обработать участок больших размеров. Один-два гектара — предел для ручной обработки.

Следует еще учитывать, что при переложной системе земледелия крестьянин должен располагать резервным участком земли, который в 5—6 раз больше участка, обрабатываемого им в данном году. Например, в Верхней Гвинее считается нормальным, если на каждого работника, занятого выращиванием риса (суходольная культура), приходится по три гектара резервной земли. Без такого резервного фонда невозможно осуществить обычный десяти-двадцатилетний земледельческий

¹⁰ H. Labouret, *Faysans d'Afrique Occidentale*, Paris, 1941, стр. 214.

¹¹ Abdoulaye Ly, *Les masses africaines et l'actuelle condition humaine*, Paris, 1956, стр. 159.

¹² «Etudes agricoles et économiques de quatre villages de Guinée Française, III, Vallée du Niger. Village de Kobané», Service de la Statistique de la Guinée, октябрь, 1955, стр. 26.

¹³ «Haut-Commissariat Général à Dakar. Service de coordination des affaires économiques et du plan. Etudes et coordination statistiques et mécanographiques. Groupe d'études des comptes économiques. Secrétariat permanent du groupe d'études. Comptes économiques de l'Afrique Occidentale Française 1956», Rapport II, Inventaire des ressources humaines en 1956, март 1959, стр. 10.

цикл, в течение которого поочередно обрабатываются участки с различной степенью плодородия. При этом, если переложная система дает земледельцу минимальную экономическую выгоду вообще, то в районах с относительно высокой плотностью населения (их очень немного) применение ее просто заводит хозяйство в тупик. Возможности экстенсивного земледелия с его неизбежным значительным резервным фондом резко сужаются. В условиях колониального режима лишь ограниченное число крестьян было в состоянии пойти по пути хотя бы частичной интенсификации земледелия. Большинство же хозяев вынуждено было все более сокращать сроки оставления истощенных участков под залежью. Со временем это приводило к полной деградации почв.

Восстанавливать плодородие при помощи удобрений крестьяне не могли. Ни промышленных, ни местных удобрений, если не считать золы от сожженных перед мотыжением земли растений да кухонных отходов, мандинго в большинстве своем не употребляли. Ввозимые из метрополии промышленные удобрения были дороги, а своего скота у мандинго слишком мало.

У мандинго существует своеобразная система чередования сельскохозяйственных культур. Из поколения в поколение передаются приметы, позволяющие определить степень истощения почвы (например, появление тех или иных растений). Устанавливая порядок чередования культур и сроки оставления участка под залежью, земледelec прежде всего учитывает степень плодородия почвы в данный момент, степень ее увлажненности и ее структуру.

Приведем некоторые примеры сочетания и чередования культур у малинке Верхней Гвинеи (следует говорить именно о порядке чередования или смены культур, а не о севооборотах в полном смысле слова, ибо при переложной системе земледелия нет места правильным севооборотам). Рис (суходольная культура) часто чередуется с маниоккой, просом, кунжутom и калебасом¹⁴. При поливном земледелии на одном и том же участке три года подряд выращивают рис, затем в течение четырех-пяти лет последовательно маниоку, кукурузу и арахис, затем в течение двух-трех лет фоньо. После этого участок оставляют под залежью на 8—10 лет. На песчаных почвах первый год возделывают фоньо, второй — ямс, затем три года подряд опять фоньо, после чего на 7—8 лет участок оставляют под залежью и переходят на новый.

В большинстве хозяйств сохранилась описанная выше традиционная агротехника. Однако наиболее зажиточные хозяйства были затронуты новыми веяниями в связи с ростом городов, строительством новых дорог и т. д. Появление плугов, борон, специально натренированных для пахоты волов сказалось на агротехнических приемах и структуре крестьянского хозяйства. В наиболее крупных хозяйствах в период между двумя мировыми войнами, и особенно после второй мировой войны, утвердились некоторые новшества.

В районах товарного земледелия часть крестьян начала выращивать высокодоходные экспортные культуры — хлопок, сизаль, бананы, манго. В результате наметилась тенденция к еще большему сокращению сроков «отдыха» земли после ее интенсивной эксплуатации, что, в свою очередь, приводило к еще большему истощению почв. На приусадебных участках крестьяне стали выращивать огородные культуры, рассчитанные на городского потребителя. Владельцы плугов стали применять агротехнические приемы, немислимые при мотыжном земледелии: запахивание сорняков в качестве зеленого удобрения при подъеме целины (раньше их сжигали), повторную пахоту после первых

¹⁴ «Тыквенное дерево», плоды которого используются для изготовления посуды и резонаторов музыкальных инструментов.

дождей для уничтожения сорняков, боронование поля и обработку его культиваторами. В некоторых районах крестьяне стали переходить от суходольного к гораздо более доходному поливному рисоводству. Зажиточные хозяева стали заботиться об улучшении посевных качеств семян, в частности, приобретать кондиционные семена. В послевоенные годы впервые начали применять минеральные удобрения.

Мандинго занимаются также разведением скота. Наибольшим поголовьем располагают сонинке, живущие на крайнем севере этнического массива манде, в районах, где муха цеце не распространена. Они разводят главным образом лошадей и ослов, в частности в округе Сегу (Мали). Другие народы манде — диавара, хасонке, малинке, бамбара — разводят крупный рогатый скот, ослов, лошадей. У бамбара и малинке, как правило, велико поголовье ослов, есть козы и овцы, но мало лошадей и крупного рогатого скота. У бамбара центр коневодства — округ Сан.

Крупный рогатый скот представлен двумя видами — зебу и ндама. Зебувидные быки отличаются от породы ндама более крупными размерами и подобием горба. Зебувидный скот разводят преимущественно в северных, скот ндама — в южных районах.

Тип скотоводческого хозяйства и применяемые зоотехнические приемы вытекают из традиционной системы земледелия. В качестве кормовой площади бамбара, сонинке и малинке в дождливый сезон используют залежь, а в сухой сезон — жнивье. В дождливый сезон, с момента сева до уборки урожая, стадо пасут пастухи. В сухой сезон, когда урожай убран и опасность потрав отпадает, скот пасется либо под присмотром деревенской детворы, либо без надзора вообще.

Продуктивность животноводства весьма незначительна. Так, в малинских хозяйствах коровы дают по полтора-два литра молока в день. Интенсификация и повышение продуктивности животноводства возможны лишь при условии перехода к более прогрессивным зоотехническим приемам. В условиях колониального режима громадное большинство крестьян не могло себе этого позволить. Однако известная прослойка хозяев уже тогда стремилась переходить к более рациональным формам животноводства. Стимулом для этого послужили развитие плужного земледелия и рост городского населения, а следовательно, и спроса на мясо и молоко в последние три десятилетия. В связи с этим наметился новый подход как к рабочему, так и к продуктивному скоту. Начиная с 20-х годов, поголовье скота в некоторых населенных преимущественно малинке, бамбара и хасонке округах Мали (Бугуни, Бамако, Бафулабе) неуклонно увеличивалось. Все большее значение приобретало животноводческое направление и в хозяйстве земледельцев-сусу (например, южные районы Гвинейской Республики). Скотоводство стало приобретать мясо-молочное направление. Часть стада стали использовать для пахоты.

Подобно животноводству, рыбная ловля играет подсобную роль в хозяйстве. Лишь бозо являются настоящими рыбаками. Они занимаются рыбным промыслом круглый год. Бамбара, малинке, сусу тоже ловят рыбу. В Верхней Гвинее целые деревни малинке, расположенные по обоим берегам Нигера, живут рыбной ловлей. В хозяйстве бамбара и марка (сонинке), населяющих так называемую среднюю (материковую) дельту Нигера (округа Мопти, Сегу, Сан Республики Мали), земледелие сочетается с рыболовством. Сразу после уборки урожая крестьяне переключаются на рыбную ловлю и занимаются ею до начала следующего дождливого сезона.

В речных рукавах и болотистых протоках рыбу ловят при помощи вершей и неводов, устраивают также запруды. Применяют и другие приемы: бьют рыбу остройгой, травят ее дурманящими веществами, отчего она всплывает. В качестве дурмана используют сок некоторых лиан

или семена дерева паркия биглобоза. Малинке ведут и ночной лов — при свете факелов. Наибольшего совершенства техника рыболовства достигла у бозо, потомственных рыбаков и лодочников. Бозо великолепно знают повадки разных пород рыбы, умеют удачно выбрать место и время лова, подобрать снасть.

Техника рыбной ловли целиком определяется особенностями водного режима Нигера и его притоков. Разгар рыболовецкого сезона приходится на июль — август, когда дожди поднимают уровень воды на несколько метров и река выходит из берегов. В это время бозо ловят рыбу сетями. Позднее, когда вода спадает (октябрь — декабрь) и образуется множество болотистых протоков, бозо запруживают их и ловят рыбу вершами и сачками. Рыболовецкий арсенал бозо обширен и разнообразен. Существует множество видов сетей, применяемых в разное время года. У бозо есть также неводы, верши, остроги, различные крючки.

Выловленную рыбу консервируют, так как в условиях западноафриканского климата свежая рыба не годится в пищу уже через несколько часов после того, как она выловлена. Применяются два вида консервации — вяление и копчение. Из одного килограмма свежей рыбы получают около 250 г вяленой. Копчение рыбы производится следующим образом: рыбу раскладывают на земле, тщательно переложив соломой, после чего солому поджигают. Обитатели средней материковой дельты Нигера — бозо и бамбара снабжают вяленой и копченой рыбой весь Западный Судан. По оценке французского автора, относящейся к 1954 г., в среднем течении Нигера ежегодно вылавливалось до 50 000 т рыбы¹⁵.

Некоторым подспорьем в хозяйстве мандинго служит охота, сохранившаяся по двум причинам. Во-первых, охота способствовала увеличению количества белков и жиров в пищевом рационе, постоянная нехватка которых обусловлена слабым развитием животноводства. Во-вторых, она стимулировалась давлением колониального фиска. Охотник всегда располагал дополнительным источником денег, необходимых для уплаты налогов. Подобно скотоводам и рыбакам, охотники не отказались от земледелия как основного занятия. Охотятся они лишь в сухой сезон, а в дождливое время года занимаются полевыми работами. Если в семье и есть охотник-профессионал, то другие ее члены остаются земледельцами или сочетают земледелие с животноводством.

У мандинго сохранилось и собирательство. Оно имеет целью не только добычу пищи, но и сбор ценных сырьевых продуктов. В пищу идут листья и семена баобаба, семена и мякоть околоплодника паркии биглобоза, масло дерева карите, орехи кола. Другие продукты собирательства — гуммиарабик, затвердевшая камедь разных видов акаций, каучук — идут на экспорт.

В свободное от полевых работ время года крестьяне-мандинго занимаются также отхожей добычей золота. Наиболее известные россыпи золота находятся в верховьях реки Фалеме и на горном плато Мандинг. Эти районы населены главным образом малинке. Старатели работают коллективно. Самый опытный старатель возглавляет своего рода бригаду, в которую входят мужчины и женщины. Мужчины при помощи мотыги закладывают шурфы, женщины заняты на вспомогательных работах. Они выгребают землю корзинами и затем промывают ее в калесах, отделяя золотой песок от пустой породы.

Обоснование различных видов ремесла еще не зачершилось у мандинго окончательно. Как правило, мандингский ремесленник — специалист широкого профиля. Кузнец обычно совмещает кузнечное дело с профессиями плотника, столяра и золотых дел мастера. Именно кузнец,

¹⁵ H. Didier, La pêche sérieux appoint dans l'alimentation de l'Afrique Noire, «La Nouvelle Revue Française d'Outre-Mer», новая серия, май 1954, стр. 204.

вернее. семья кузнеца¹⁶, поставляет односельчанам все основные орудия производства и предметы домашнего обихода. Из железа кузнец изготавливает мотыги, топоры, ножи, ножницы, ключи, металлические части конской сбруи. Он же делает золотые, серебряные и медные украшения (кольца, браслеты, подвески, медальоны для амулетов), украшает насечкой оружие. Выступая в роли плотника и столяра, он делает двери, сундуки, деревянные рукоятки для различных орудий и инструментов, челноки для ткацкого станка. Кузнец изготавливает и свои собственные орудия производства (за исключением мехов): молот, наковальню, молотки, железные совки, ножницы, зубила, долота, ножи. Наковальня делается из металла, но еще в начале века у бамбара встречались наковальни в виде куска гранита. Железо выплавляется либо сырострутным способом, либо путем переплавки железного лома. Вторым способом все более вытесняет первый.

Ремесленник, чаще всего именуемый в литературе по Западному Судану «сапожником», в действительности занимается не только изготовлением обуви, но и кожаным и шорным делом. В распоряжении кожевника-сапожника имеются специальные деревянные чаны для вымачивания и дубления кож, деревянные скребки для их обработки и обычный для сапожного и шорного ремесла набор ножей и шил. Ассортимент изделий из кожи довольно обширен: конская сбруя, кожаные подушки, мешки, кузнечные меха, сапоги, туфли без задников и каблучков. Особенно славятся своими изделиями сапожники и кожевники районов Бамако (Мали) и Канкан (Гвинея).

В текстильном производстве у мандинго, в отличие от хауса, профессии прядильщика, ткача, красильщика, вышивальщика и портного часто совпадают. У сонинке и бамбара различные операции успели дифференцироваться, но лишь в пределах семьи ремесленника. Сам глава семьи выполняет лишь промежуточную операцию — тканье. Женщины делают все остальное: собирают урожай хлопка, очищают, сортируют, расчесывают его, прядут и, наконец, окрашивают готовые ткани. Две рейки, чесалка, валец, несколько бечевок и челноков — таков инвентарь ткача. Имея эти основные детали, он всегда и в любом месте может смонтировать при помощи нескольких жердей ткацкий станок и приступить к работе. На таком станке один человек может наткать за день примерно 20 м белой и 15—16 м цветной ткани, в виде очень узких (не более 20—25 см), впоследствии сшиваемых полос. Особенно славятся своими хлопчатобумажными тканями диула, а одеялами — бамбара. Название «сегусские одеяла» (от малийского города Сегу) прочно вошло в обиход.

У некоторых народов манде наблюдается более узкая специализация ремесленников. У малинке и диалонке Гвинеи в начале XX в. существовали профессии шляпника, изготовителя циновок, изготовителя гамаков. В любой деревне, расположенной на берегу Нигера, имеются мастера, в основном из народности бозо, которые делают только лодки.

Помимо удовлетворения потребностей собственного хозяйства, мандингские ремесленники работают на заказ и на рынок. Формы реализации ремесленной продукции различны. Иногда ремесленник делает партию изделий из своего материала, а заказчик расплачивается за них своим трудом, обрабатывая в течение нескольких дней поле ремесленника. Бывают случаи, когда ремесленник бесплатно изготавливает те или иные изделия из материала заказчика (например, ткач, бывший раб, бесплатно тклет полотно для бывшего хозяина). Иногда ремесленник изготавливает изделия из материала заказчика, оплачиваемые сдельно деньгами или натурой; при этом нередко заказчик выступает одновре-

¹⁶ Жена кузнеца обычно занята изготовлением глиняной посуды (без гончарного круга).

менно в роли кредитора: за полученное сырье ремесленник расплачивается либо наличными, либо готовой продукцией, что предполагает продажу этой продукции третьему лицу. По своему экономическому содержанию две первые описанные формы наиболее архаичны и консервативны. Они исключают возможность развития товарно-денежных отношений. В последнем же случае появляются элементы капиталистической работы на дому.

Некоторая часть ремесленников двусторонним сделкам предпочитает работу непосредственно на рынок. В этом случае ремесленник одновременно выступает в роли торговца. Без ремесленников не обходится ни один деревенский базар.

Однако степень отделения ремесла от земледелия у мандинго не следует преувеличивать. Даже ремесленник, работающий на рынок, не окончательно порывает с земледелием. Если лично он и занимается только ремеслом, то члены его семьи остаются по преимуществу земледельцами. Ремесло сочетается также с животноводством, рыбной ловлей, охотой. Факты неполного отделения ремесла от земледелия отмечали многие исследователи¹⁷.

Между двумя мировыми войнами, и в особенности после второй, в результате вытеснения продукции местных ремесленников более дешевыми европейскими изделиями спрос на традиционные предметы обихода резко упал. Это не привело, однако, к полной ликвидации ремесла. Прогресс плужного земледелия вызвал, например, спрос на ярма, под которыми ходят рабочие быки. С развитием рыбной ловли и товарных перевозок по Нигеру увеличился спрос на лодки. В годы же второй мировой войны, когда Африка оказалась отрезанной от мирового рынка, местные ремесленные изделия стали в какой-то мере заменять импортные, что также привело к временному оживлению ремесла. Известную роль играл и европейский спрос на художественные изделия и украшения из дерева, кожи, драгоценных металлов и слоновой кости. Вследствие этого, несмотря на сильную европейскую конкуренцию, ремесло не деградировало окончательно, а приспособилось к новым условиям производства и сбыта. Кожевники, изготавливавшие раньше седла и щиты, делают теперь модные дамские сумочки, обувь, портсигары, бумажники из кожи крокодила, питона, игуана. Ювелиры и резчики по дереву и кости переключились на изготовление декоративных статуэток из металла, слоновой кости и ценных пород дерева, настольных ламп с цоколем из слоновьего бивня, и т. д.

Таковы формы хозяйственной деятельности в мандингской деревне. Основой ее является земледелие, которое сочетается с подсобными занятиями — скотоводством, рыболовством, охотой, а также ремеслом и старательским отхожим промыслом. Общий уровень развития производительных сил мандингской деревни крайне низок. Земледелие и скотоводство носят ярко выраженный экстенсивный характер, урожаи невелики, надон мизерны.

Констатируя эти факты, буржуазные авторы часто объясняют их неблагоприятными географическими условиями и малой плотностью населения в районах расселения мандинго. Бесспорно, повышенная влажность, быстрое угнетение посевов буйной тропической растительностью, незначительная мощность гумусового слоя, кислотность почв, накопление окислов железа в почве и связанное с этим явление латеритизации в общем отрицательно влияют на развитие земледелия. Распространен-

¹⁷ L. Tauxier, *Le Noir de Guinée*, «La Science Sociale», 23e année, Deuxième période, 50e Fascicule, Paris, сентябрь — октябрь 1908, стр. 45; C. Francis-Boeuf, *L'industrie autochtone du fer en Afrique Occidentale Française*, «Bulletin du Comité d'Etudes Historiques et Scientifiques de l'Afrique Occidentale Française», 1937, октябрь — декабрь, т. XX, № 4, стр. 459; H. Labouret, *Les Manding et leur langue*, Paris, 1934, стр. 41.

ность возбудителя сонной болезни действительно тормозит разведение крупного рогатого скота. Сильная рассредоточенность населения на большой территории также не способствует экономическому прогрессу. Но все это лишь одна сторона дела. Есть и другая сторона, о которой буржуазные авторы умалчивают.

Экономический застой народов мандинго обусловлен прежде всего внешней силой — европейским колониализмом, который несет ответственность и за пресловутую рассредоточенность и низкую плотность населения. Преднамеренное физическое уничтожение части населения в ходе колониальных захватов и последовавшие за этим шесть десятилетий грабежа, принудительного труда, использования мандингских солдат в качестве пушечного мяса во время войн, которые вели метрополии, — вот подлинная причина низкого уровня развития производительных сил мандингской деревни. Это тем более очевидно в наши дни, когда молодые государства Западной Африки подводят первые итоги своего независимого существования.

Колониализм оставил слишком тяжелое наследие, чтобы за короткий период, прошедший после завоевания независимости рассматриваемыми нами странами, могли быть решены важнейшие вопросы их государственного строительства. Однако мероприятия по перестройке сельского хозяйства и коренному улучшению жизни основной массы населения — крестьянства — в этих странах уже проводятся.

Правительство Гвинейской Республики решительно взяло курс на перестройку всей структуры экономики страны, изуродованной шестью десятилетиями колониального режима. Особое внимание уделяется развитию сельского хозяйства на рациональных, плановых началах. По первому трехлетнему плану экономического развития (1960—1963 гг.) 18 390 миллионов гвинейских франков, или 47,26% общих расходов, ассигнуются на расширение производства, главным образом сельскохозяйственного¹⁸. Трехлетний план делает упор на механизацию сельского хозяйства. За три года деревня должна получить тысячу тракторов и 50 000 плугов¹⁹. Отметим, что к началу 1957 г. во Французской Гвинее было всего 92 трактора²⁰.

Принимаются меры к развитию животноводства и более рациональному использованию его продуктов. Сюда относятся: борьба с эпизоотиями домашнего скота и птицы, улучшение пород скота, более рациональное использование животных в качестве тягла, систематическое использование навоза для удобрений, повышение продуктивности животноводства. Поставлена задача — добиться прекращения импорта молочных продуктов и яиц и удовлетворения спроса на них за счет внутренних ресурсов.

Залогом дальнейшего развития производительных сил гвинейской деревни служит курс на коллективные формы труда, взятый сразу же после завоевания независимости. По всей стране стали организовываться кооперативы — закупочные, сбытовые и производственные. К началу 1961 г. было создано 50 производственных кооперативов типа сельхозартели, а по трехлетнему плану намечено довести их общее число до 500²¹. Другим видом коллективного труда является добровольное участие крестьян в общенациональной кампании «трудовых капиталовложений» (строительство школ, клубов, починка старых и прокладка но-

¹⁸ Sékou Touré, *L'action politique du Parti Démocratique de Guinée. La planification économique*, Conakry, 1960, стр. 407.

¹⁹ «Правда», 11 апреля 1960.

²⁰ «Afrique Occidentale Française. 1957. Tableaux économiques», Haut-Commissariat de la République en Afrique Occidentale Française, Clichy, 1957, стр. 251.

²¹ «Правда», 12 февраля 1961.

вых дорог, строительство мостов и т. д.), которая в конечном счете направлена на улучшение жизни самого крестьянства.

Через два года после Гвинеи — в 1960 г. на путь независимости вступила Республика Мали. Правительство Мали также разработало ряд мероприятий, направленных на перестройку сельского хозяйства на плановых началах. Сюда относятся: обеспечение крестьян в достаточном количестве плугами и другим инвентарем, тяглом, проведение широких ирригационных работ для расширения посевных площадей под рисом и просом, борьба против лесных пожаров и за восстановление сведенного леса. Среди населения активно ведется пропаганда агротехнических знаний. В частности, крестьянам рекомендуется заботиться о семенном фонде, чаще применять навоз для удобрений, шире использовать для тягла быков породы ндама²². Малийские крестьяне создают коллективные поля, сельские кооперативы, в том числе производственные. Еще за полгода до завоевания независимости в Мали действовало полтора десятка кооперативов и намечалось создание еще шестидесяти²³. Летом 1961 г. в среднем течении Нигера стали создаваться первые рыболовецкие кооперативы. С неменьшим энтузиазмом, чем их гвинейские соседи, малийцы проводят кампанию «трудовых капиталовложений». Принят пятилетний план развития народного хозяйства.

Завоевание политической независимости открыло перед мандинго, как и перед другими народами Африки, перспективу ликвидации тяжелых последствий колониального режима. Нет сомнения в том, что за первыми, пусть еще небольшими успехами последуют новые, которые приведут свободные африканские народы к национальному возрождению и экономическому подъему.

SUMMARY

Considered in the present article are the principal occupations of the peoples of the Mandingo (Mande) group who inhabit the Republics of Guinea and Mali — agriculture, cattle breeding, fishing, handicrafts, etc.

Analysing the Mandingo economy in the colonial period, the author points out the new trends which emerged in the recent decades in Mandingo agriculture and cattle breeding in connection with the penetration of commodity and money relations.

The author also describes the measures taken by the Guinea and Mali governments to reconstruct the rural economy and to improve the peasants' position after these two countries gained independence.

²² «Ezso hebdomadaire», Bamako, 12 февраля 1960 и 27 марта 1961.

²³ Salah Niaré, Evolution de l'économie rurale au Soudan, «Le Mali», Dakar, ноябрь 1959, стр. 21.

М. С. АЛЬПЕРОВИЧ

К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ ИНДЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МЕКСИКИ В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

На протяжении ряда столетий значительная часть Америки находилась под владычеством Испании, которое было здесь окончательно ликвидировано лишь к концу XIX в.

Общезвестны исторические факты, характеризующие колониальную политику Испании и бедственное положение коренного населения ее американских колоний в XVI—XIX вв. О массовом истреблении и жестокой эксплуатации индейцев, об алчности и зверствах конкистадоров, о бесчеловечности установленного ими колониального режима писали современники событий, представители испанской администрации и духовенства в Америке Бартоломе де Лас Касас, Торибио де Бенаvente (Мотолиния), Франсиско Лопес де Гомара, Алонсо де Сорита¹ и ряд испанских историков XVI—XVII вв. Этот вопрос довольно объективно освещен и в трудах буржуазно-либеральных историков XVIII—XIX вв. (в частности, Уильяма Прескотта, Альфреда Деберля, Губерта Бэнкрофта²), а также в работах прогрессивных латиноамериканских исследователей конца XIX—начала XX в.—Хосе Антонио Сако, Хенаро Гарсии, Доминго Амунатеги Солара³ и других.

Однако эта утвердившаяся в исторической литературе объективная оценка испанского завоевания и колонизации Латинской Америки на протяжении последнего столетия подвергается яростным нападкам со стороны представителей реакционной буржуазной историографии, выступающих в роли апологетов испанского колониализма. Свидетельства Лас Касаса и других очевидцев преступлений испанских завоевателей были объявлены клеветой и «черной легендой».

Эта тенденция еще больше усилилась после второй мировой войны, в условиях дальнейшего обострения общего кризиса капитализма и распада колониальной системы империализма, рушащейся под мощными ударами национально-освободительного движения. Чрезвычайно активизировались в послевоенный период историки франкистской Ис-

¹ B. de Las Casas, Breve relación de la destrucción de las Indias Occidentales, Mexico, 1957; T. de Benavente (Motolinia), Historia de los Indios de la Nueva España, Mexico, 1941; F. Lopez de Gómara, Historia de la conquista de Mexico, Mexico, 1943; A. de Zorita, Breve y sumaria relación de los señores de la Nueva España, Mexico, 1942.

² W. Prescott, History of the conquest of Mexico, Boston, 1843; егo же, History of the conquest of Peru, Boston, 1847; A. Deberle, Histoire de l'Amérique du Sud, Paris, 1876; H. H. Bancroft, History of Mexico. The works, т. 9—11, San Francisco, 1883—1885.

³ J. A. Saco, Historia de la esclavitud de los indios en el Nuevo Mundo, Habana, 1932; G. García, El carácter de la conquista española en América y en Mexico, Mexico, 1940 (?); D. Amunátegui Solar, Las encomiendas indianas en Chile, Santiago, 1910.

пании, которая и поныне сохраняет ряд колониальных владений в Африке. Д. Рамос Перес, К. Гамильтон, Л. Вильяронга, Л. Перенья Висенте⁴ и другие всячески превозносят испанское завоевание и колонизацию Америки. Беззастенчиво искажая историческую действительность, они не только умалчивают о зверствах, насилиях и произволе колонизаторов, но пытаются утверждать, что их политика и вся колониальная система отличались будто бы исключительной гуманностью и принесли коренному населению процветание. От франкистских апологетов испанского колониализма не отстают и их североамериканские коллеги (Л. Хэнке, Д. Ф. Бэннон, У. Л. Шурц⁵ и др.).

Среди адвокатов испанского колониализма фигурируют в настоящее время и реакционные латиноамериканские историки. В конце 40-х годов Р. Левене выдвинул тезис о том, что американские владения Испании не являлись по существу колониями⁶. По его предложению аргентинская Национальная академия истории приняла в 1948 г. решение не употреблять больше в работах по истории Америки обозначение «колониальный период»⁷. В 50-х годах в роли апологетов испанского колониализма выступили колумбиец И. Эскобар Лопес, мексиканец Э. Барриос Берумен, аргентинец В. Д. Сьерра⁸ и др.

В связи с этой тенденцией⁹ большой научный интерес и политическую актуальность приобретает вопрос с судьбах коренного населения американского континента и катастрофическом сокращении его численности в результате европейского завоевания и колонизации. Наиболее показателен в этом отношении пример Мексики, которая была до открытия Америки одной из самых населенных ее областей. К тому же проблема изменения численности населения этой страны на протяжении колониального периода привлекла в последнее время особое внимание исследователей, и обилие демографических данных в известной мере облегчает эту задачу.

* * *

Первые сведения о численности индейского населения Мексики в XVI в. восходят к сочинениям участников и очевидцев ее завоевания. Б. де Лас Касас, например, описывая зверства испанских конкистадоров по отношению к индейцам Америки, указывал, что за первые четыре десятилетия XVI в. было истреблено 12—15 млн. чел. В частности, в Мексике с 1518 по 1530 г. погибло, по его словам, 4 млн. индейцев¹⁰. А. де Сорита, характеризуя положение мексиканских индейцев в середине 60-х годов XVI в., указывал, что численность индейцев Новой Испании (как называли Мексику в колониальный период) резко сократи-

⁴ D. Ramos Perez, *Historia de la colonización española en America*, Madrid, 1947; C. Hamilton, *Comunidad de los pueblos hispánicos*, Madrid, 1951; L. Villarronga, *Hispanidad-Catolicidad*, Madrid, 1951; L. Pereña Vicente, *Misión de España en America*, Madrid, 1956.

⁵ L. Hanke, *The Spanish struggle for justice in the conquest of America*, Philadelphia, 1949; его же, *Bartolome de Las Casas*, The Hague, 1951; J. F. Bannon, *History of the Americas*, т. I, New York, 1952; W. L. Schurz, *This New World. The civilization of Latin America*, New York, 1954.

⁶ Этот тезис был подхвачен 33-м Международным конгрессом американистов, проходившим в 1958 г. в Сан-Хосе.

⁷ R. Levene, *Las Indias no eran colonias*, Buenos Aires, 1951.

⁸ I. Escobar Lopez, *La leyenda blanca*, Madrid, 1953; E. Barrios Berumen, *La conquista española*, Mexico, 1954; V. D. Sierra, *Así se hizo America. La expansión de la hispanidad en el siglo XVI*, Madrid, 1955.

⁹ Подробно эта проблема рассматривается в статье: В. Марков и М. Коссоп. О попытках реакционной историографии реабилитировать испанский колониализм в Америке, «Новая и новейшая история», 1960, № 4, стр. 130—141.

¹⁰ B. de Las Casas, *Указ. раб.*, стр. 50, 82.

лась, и к описываемому им времени здесь не осталось и трети коренного населения, имевшегося перед испанским завоеванием¹¹. Мексиканский историк конца XVIII в. Ф. Х. Клавихеро несколько произвольно оценивал численность населения Мексики до ее завоевания примерно в 30 млн. чел.¹²

В XX в. прогрессивные мексиканские ученые, основываясь на официальных документах, свидетельствах современников и других источниках, разоблачали зверства конкистадоров и указывали на массовое истребление ими коренного населения. Об этом писали Х. Гарсия, Л. Кастильо Ледон, А. Молина Энрикес¹³.

Убедительное впечатление производили выводы мексиканского ученого Мигеля Отона де Мендисабаль: исходя из данных испанского географа XVI в., Хуана Лопеса де Веласко, относящихся к первой половине 70-х годов XVI в., Мендисабаль подсчитал, что к началу завоевания Мексики (1519 г.) ее население превышало 9 млн. чел., а за последующие полвека сократилось на две трети, в результате чего уменьшилось до 3 млн. чел.¹⁴

Немецкий географ Карл Заппер, определивший в 1924 г. (исходя из предполагаемой производительности различных типов хозяйства) общую численность населения Америки ко времени ее открытия в 40—50 млн. чел., считал, что на Мексику приходилось от 12 до 15 млн.¹⁵ Итальянский исследователь Д. Камавитто оценивал численность населения Мексики в 1519 г. примерно в 9 млн.¹⁶

Однако в связи с активизацией усилий реакционной буржуазной историографии по опровержению «черной легенды» и реабилитации испанского колониализма, начиная с 30-х годов, в буржуазной демографической литературе явно наметилась тенденция преуменьшить численность коренного индейского населения накануне завоевания и в начале колониального периода; при этом фактически ставятся под сомнение или отвергаются свидетельства современников событий и данные исследователей. Так, американский антрополог А. Л. Крёбер оценивал общую численность населения Америки к моменту ее открытия в 8,4 млн. чел., из которых на Мексику, Гватемалу и Гондурас приходилось, по его мнению, в общей сложности около 3 млн. Правда он оговаривал, что эти цифры, возможно, занижены и их, может быть, придется удвоить¹⁷. Оценку Крёбера для Мексики принял и другой американский антрополог Д. Х. Стюард, определивший численность населения Мексики и Гватемалы около 1500 г. в 3,2 млн. чел., хотя для всей Америки он дал более высокую цифру — свыше 13 млн., а через несколько лет увеличил ее даже до 15,6 млн.¹⁸ Еще один американский автор — Д. Каблер, не

¹¹ A. de Zorita, Указ. паб., стр. 136—149.

¹² F. J. Clavijero, *Historia antigua de Mexico*, Mexico, 1958—1959, т. IV, стр. 324—343.

¹³ G. Garcia, Указ. паб., стр. 351—363, 367—371; L. Castillo Ledon, *La conquista y colonización española en Mexico. Su verdadero caracter*, Mexico, 1932; A. Molina Enriquez, *Esbozo de la historia de los primeros diez años de la revolución agraria de Mexico*, Libro 1, Mexico, 1932, стр. 70.

¹⁴ M. O. de Mendizabal, *La demografía mexicana. Época colonial*, «Boletín de la Sociedad Mexicana de Geografía y Estadística», т. 48, февраль 1939 (см.: A. Rosenblat, *La población indígena y el mestizaje en America*, Buenos Aires, 1954, т. 1, стр. 284).

¹⁵ K. Sapper, *Die Zahl und die Volksdichte der indianischen Bevölkerung in Amerika*, «Proceedings, of the twenty first international congress of Americanists», The Hague, 1924, стр. 100.

¹⁶ D. Camavitto, *La decadenza della popolazione messicana al tempo della conquista*, Roma, 1935 (см.: A. Rosenblat, Указ. паб., т. 1, стр. 283).

¹⁷ A. Kroeber, *Native American population*, «American Anthropologist», т. 36, № 1, 1934, стр. 24—25; его же, *Cultural and natural areas of native North America*, Berkeley, 1939, стр. 166.

¹⁸ J. H. Steward, *The changing American Indian*, «The science of man in the world crisis», New York, 1945, стр. 292; его же, *The native population in South America*, «Handbook of South American Indians», т. 5, Washington, 1949, стр. 656.

называя абсолютных цифр, вынужден был признать факт значительного сокращения численности индейского населения Мексики в XVI в., но он склонен был объяснять его главным образом частыми эпидемиями¹⁹.

Важной вехой в изучении вопроса об изменении численности населения Америки на протяжении колониального периода явилась работа аргентинского исследователя Анхеля Росенблата²⁰.

Считая сведения о численности индейского населения Америки к 1492 г., содержащиеся в сочинениях современников и историков XVI—XVIII вв., преувеличенными, Росенблат назвал для этой даты общую цифру около 13,4 млн. чел., в том числе для Латинской Америки — 12,4 млн., а для Мексики — 4,5 млн.²¹ Характеризуя судьбы индейцев после открытия Америки, автор признавал факт их истребления на Антильских островах, но отрицал, что этот процесс происходил и на американском континенте.

К 1570 г. общая численность индейского населения Америки сократилась, по оценке Росенблата, на 2,5 млн. чел. и составляла менее 11 млн., в том числе на Латинскую Америку приходилось, по его расчетам, менее 10 млн., а на Мексику — 3,5 млн. чел.²² Для середины XVII в. (1650 г.) он соответственно называл цифры около 10 млн., 9,2 млн., 3,4 млн. чел.²³

Данная А. Росенблатом оценка численности населения Америки, в том числе и Мексики, ко времени ее открытия была принята в последующие годы рядом авторов. Так, мексиканский этнограф Гонсало Агирре Бельтран определил численность коренного населения Мексики к 1492 г. в 4,5 млн. чел.²⁴ Эту же цифру назвал для указанной даты Д. Х. Стюард, увеличивший, правда, оценку Росенблата для всей Америки до 15,6 млн.²⁵ С этими данными почти совпадали последние подсчеты известного французского лингвиста П. Риве: 15,5 млн. чел. для всей Америки, в том числе 4,5 млн. для Мексики и Гватемалы²⁶. Ссылаясь на данные Росенблата, В. Аудера оценивал численность населения Испанской Америки к концу XV в. от 10 до 15 млн. чел.²⁷ Родольфо Барон Кастро также ориентируется в основном на расчеты Росенблата, но допускает, что последний мог ошибиться на 30%. Увеличивая соответственно его данные, Барон Кастро получает для Испанской Америки в 1492 г. почти 14,6 млн. (в том числе для Мексики — 5,8 млн.). Для 1570 и 1650 гг. он принимает данные Росенблата — 8,9 млн. и 8,4 млн. чел. (индейское население всей Испанской Америки)²⁸.

Таким образом, если до второй мировой войны исследователи, специально занимавшиеся изучением этого вопроса, оценивали численность

¹⁹ G. Kubler, *Population movements in Mexico, 1520—1600*, «The Hispanic American historical review», т. XXII, № 4, ноябрь 1942, стр. 622—624, 630—641; его же, *Mexican architecture of the sixteenth century*, New Haven, 1948, т. I, стр. 37, 42—52.

²⁰ A. Rosenblat, *La población indígena y el mestizaje en America*, Buenos Aires, (первое издание вышло в 1945 г.).

²¹ A. Rosenblat, Указ. раб., т. 1, стр. 96—102.

²² Там же, стр. 88, 94.

²³ Там же, стр. 59.

²⁴ G. Aguirre Beltran, *La población negra de Mexico 1519—1810*, Mexico, 1946, стр. 203. Приводимые им данные для 1570 г. немногим отличаются от оценки Росенблата (3366 тыс.), однако цифра для 1646 г. (1269 тыс.) значительно меньше соответствующей оценки Росенблата. См. G. Aguirre Beltran, Указ. раб., стр. 205, 221, 237.

²⁵ «Handbook of South American Indians», т. 5, стр. 656.

²⁶ «Les langues du monde», Nouvelle édition, Paris, 1952, стр. 946. В первом издании этой работы П. Риве оценивал численность населения Америки ко времени ее открытия в 40—45 млн. чел. См.: «Les langues du monde», Paris, 1924, стр. 601.

²⁷ V. Audera, *La población y la inmigración en Hispanoamerica*, Madrid, 1954, стр. 24.

²⁸ R. Baron Castro, *El desarrollo de la población hispanoamericana (1492—1950)*, «Cahiers d'histoire mondiale», 1959, т. V, № 2, стр. 330, 336.

населения Мексики накануне испанского завоевания в 9 млн. (при максимальной оценке Заппера 12—15 млн. чел.) и подчеркивали ее резкое сокращение (в три раза за полстолетия) в связи с массовым истреблением индейцев, то в послевоенный период для буржуазной историко-демографической литературы характерны преобладание вдвое меньшей исходной цифры (при максимальной оценке Р. Барона Кастро 5,8 млн.) и признание большинством авторов сокращения численности коренного населения к середине XVII в. лишь примерно на 25%. Подобные выводы сопровождаются отрицанием фактов массового истребления мексиканских индейцев колонизаторами и непрерывного сокращения их численности в течение первой половины колониального периода²⁹.

* * *

В этой связи особый интерес представляют опубликованные в послевоенные годы историко-демографические исследования представителей так называемой «калифорнийской школы» (США), которые по-новому поставили проблему изменения численности индейского населения Мексики в условиях колониального режима. Это направление представлено работами профессоров Калифорнийского университета — Лесли Б. Симпсона, Шерберна Ф. Кука и Вудро Бора, которые не только критически пересмотрели все использованные их предшественниками источники, но и привлекли много новых, еще неопубликованных материалов, хранящихся в архивах Мексики и Испании.

В опубликованной в 1948 г. монографии Ш. Ф. Кука и Л. Б. Симпсона «Население Центральной Мексики в XV веке»³⁰ авторы использовали многочисленные документы: данные об обложении податью (tributo) коренного населения Мексики, описания индейских селений различных областей, находившихся под контролем короны, церкви или крупных землевладельцев (энкомендеро), перечни селений, переданных в энкомьенду, географические описания и т. д. Большинство этих материалов относилось к десятилетию с 1560 по 1570 г. Часть их была опубликована в Мексике или Испании, остальные хранились в испанском Генеральном архиве Индий (Севилья). На основе этих документов Кук и Симпсон установили примерную численность индейского населения Мексики для времени около 1565 г., т. е. для середины этого периода (отличавшегося, по их мнению, наибольшей стабильностью населения в XVI в.), и, исходя из полученных данных, вычислили соответствующие цифры для 1519, 1540 гг. и для конца XVI в.³¹

Авторы использовали еще один весьма важный документ — опубликованную в 1905 г. анонимную и недатированную рукопись под названием «Итог обследования селений в алфавитном порядке» (*Suma de visitas de puebllos por orden alfabético*). По мнению Д. Каблера, эта рукопись была составлена в 1546—1547 гг. и содержит данные о коренном населении Мексики того периода³². Л. Б. Симпсон же считал, что значительная часть сведений, содержащихся в «*Suma de visitas*», относилась даже к 30-м годам XVI в.³³ Обнаружив, что в этой рукописи отсутствуют данные по некоторым важным районам, а имеющиеся сведения очень неоднородны, авторы осторожно использовали этот источник,

²⁹ Следует отметить, что Г. Агирре Бельтран, принимая ту же исходную оценку Росенблата (4,5 млн.) для 1492 г., в отличие от ряда других авторов считал, что к середине XVII в. численность коренного населения Мексики сократилась приблизительно в три с половиной раза. См.: G. Aguirre Beltrán, Указ. раб., стр. 203, 221.

³⁰ S. F. Cook and L. B. Simpson, *The population of Central Mexico in the sixteenth century*, Berkeley and Los Angeles, 1948.

³¹ S. F. Cook and L. B. Simpson, Указ. раб., стр. 1, 4—8, 13—14.

³² G. Kubler, *Population movements in Mexico*, стр. 617—618.

³³ L. B. Simpson, *The repartimiento system of native labor in New Spain and Guatemala*, Berkeley, 1938, стр. 7.

прибегая к нему для установления численности населения в 1565 г. лишь при отсутствии других материалов³⁴.

Тщательный анализ имевшихся в их распоряжении данных привел Ш. Ф. Кука и Л. Б. Симпсона к выводу о том, что оценки численности индейского населения Мексики, сделанные в XVI в., были гораздо ближе к истине, нежели цифры, называемые многими современными авторами³⁵. В частности, они указывали, что данные, содержащиеся в «*Suma de visitas*», очень занижены, так как королевские ревизоры (*visitadores*) редко могли сами производить подсчеты населения и им приходилось полагаться на сведения управлявших городами и сельскими округами коррехидоров и энкомендеро, всегда стремившихся скрыть от мадридского правительства или преуменьшить действительное число подвластных им индейцев³⁶.

Кук и Симпсон определили численность коренного населения Центральной Мексики³⁷ (где была сосредоточена основная масса индейцев) около 1565 г. в 4,4 млн. чел.³⁸ Исходя из этой цифры, а также учитывая свидетельства участников и очевидцев испанского завоевания, они установили, что к 1519 г. в Центральной Мексике насчитывалось около 11 млн. жителей, а без Новой Галисии — 10,5 млн.³⁹ Чтобы проверить правильность этой оценки, Кук и Симпсон сравнили ее с данными, полученными при помощи других методов, установив, что по сведениям духовенства и конкистадоров население Центральной Мексики (за исключением Новой Галисии) составляло в 1519 г. около 9 млн. чел.⁴⁰

Отмечая резкое сокращение численности коренного населения Мексики после ее завоевания, Кук и Симпсон связывали его не только с высокой смертностью, обусловленной болезнями и тяжелыми условиями жизни индейцев, но и с относительно низкой рождаемостью⁴¹. По их подсчетам, индейское население Центральной Мексики сократилось к 1540 г. до 6,4 млн.⁴², к 1565 г. до 4,4 млн., к концу XVI — началу XVII в. — до 2,5 млн., а к 1650 г. — до 1,5 млн.⁴³ Полемизируя с Г. Агирре Бельтраном, который, следуя за А. Росенблатом, давал крайне низкую исходную цифру, составлявшую в географических границах, охватываемых работой Симпсона и Кука, всего 4,1 млн. чел., они отмечали, что из его данных следует, что с 1519 по 1570 г. индейское население Центральной Мексики сократилось всего на 26%, тогда как по их расчетам сокращение превышало 60%⁴⁴.

Опубликование монографии Кука и Симпсона вызвало оживленные дискуссии. Хотя авторы объясняли катастрофическое сокращение численности индейцев главным образом занесенными из Европы эпидемическими заболеваниями (т. е. в общем не зависящими от завоевателей-причинами), многие буржуазные ученые расценивали выводы этого исследования как существенную поддержку так называемой «черной легенды» о бесчеловечном угнетении испанскими колонизаторами коренного населения Америки. Некоторые из них не соглашались с оценками Кука

³⁴ S. F. Cook and L. B. Simpson, Указ. раб., стр. 3—4.

³⁵ Там же, стр. 1.

³⁶ Там же, стр. 4.

³⁷ Под Центральной Мексикой имеется в виду территория между Теуантепекским. перешейком и северной границей оседлых индейских селений в середине XVI в.

³⁸ S. F. Cook and L. B. Simpson, Указ. раб., стр. 16.

³⁹ Там же, стр. 38.

⁴⁰ Там же, стр. 22, 30.

⁴¹ Там же, стр. 18.

⁴² Там же, стр. 43.

⁴³ Там же, стр. 46—47.

⁴⁴ Там же, стр. 38—39. По данным В. Бора, к середине XVI в. число мексиканских индейцев составляло немногим более десятой части их численности накануне вторжения европейских завоевателей; см.: W. B. Borah, *New Spain's century of depression*, Berkeley and Los Angeles 1951, стр. 2—3.

и Симпсона и отказывались признать их выводы. В этом отношении типична рецензия Д. Каблера, который, резко критикуя работу Кука и Симпсона, прямо заявлял, что она направлена против предпринимаемых в последнее время попыток преуменьшить численность индейского населения Мексики в XVI в. Однако даже Каблер, ставя под сомнение оценки Кука и Симпсона для 1519 и 1540 гг., вынужден был согласиться с предложенными ими цифрами для 1565 и 1600 гг.⁴⁵

Работа Кука и Симпсона способствовала активизации научных исследований в данной области, результаты которых вполне подтверждали правильность их выводов, а подчас свидетельствовали даже об их недостаточности. Усилившееся внимание к социально-экономической истории и демографическим проблемам Мексики колониального периода нашло свое отражение, в частности, в ряде работ, опубликованных в конце 40-х — начале 50-х годов как названными выше представителями «калифорнийской школы», так и другими учеными⁴⁶.

В 1956 г. прогрессивный австрийский историк Фридрих Кац в своей работе о социально-экономических отношениях у ацтеков, получившей широкое признание⁴⁷, отметил, что наиболее достоверная оценка численности населения Мексики перед завоеванием дана Симпсоном и Куком⁴⁸. Особенно интересно, что на седьмой Конференции круглого стола Мексиканского антропологического общества, происходившей в сентябре 1957 г. в г. Оахаке, в ходе оживленной дискуссии выяснилось, что, по мнению большинства участников конференции, население Центральной Мексики к началу XVI в. было гораздо более многочисленным, чем считали прежде⁴⁹. Несколькими раньше мексиканский исследователь Барбро Дальгрэн де Хордан пришел к выводу, что для области Мистека оценки Кука и Симпсона, относящиеся к кануну завоевания, следует удвоить⁵⁰.

В 1957 г. Ш. Ф. Кук и В. Бора выступили с исследованием о сокращении численности индейского населения Центральной Мексики в третьей четверти XVI в. Проанализировав опубликованную в 1952 г. Мексиканским национальным архивом опись податей, поступавших из тысячи селений, авторы пришли к выводу, что в период с 1550 по 1570 г. коренное население Мексики сокращалось в среднем на 2—4% в год, то же время как по подсчетам Кука и Симпсона это ежегодное сокращение не превышало 2%⁵¹.

⁴⁵ См.: «The Hispanic American historical review», т. XXVIII, № 4, ноябрь 1948, стр. 556—558.

⁴⁶ S. F. Cook, «The historical demography and ecology of the Teotlalpan, Berkeley and Los Angeles, 1949; его же, Soil erosion and population in Central Mexico, Berkeley and Los Angeles, 1949; L. B. Simpson, The encomienda in New Spain, Berkeley and Los Angeles, 1950; W. Borah, New Spain's century of depression; L. B. Simpson, Exploitation of Land in Central Mexico in the sixteenth century, Berkeley and Los Angeles, 1952; J. Miranda, El tributo indígena en la Nueva España durante el siglo XVI, Mexico, 1952; F. Chevalier, La formation des grands domaines au Mexique, Paris, 1952.

⁴⁷ F. Katz, Die sozialökonomischen Verhältnisse bei den Azteken in 15. und 16. Jahrhundert, Berlin, 1956; см. рецензии: Р. Кинжалов. «Сов. этнография», 1958, № 2, стр. 167—170; М. Kossok, Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1958, вып. 3, стр. 646—651. Даже рецензент «Испано-американского исторического журнала» Ч. Диббл вынужден признать, что «по вопросу о социально-экономической жизни ацтеков эта монография является наиболее исчерпывающей из опубликованных до сих пор» («The Hispanic American historical review», май 1958, стр. 298).

⁴⁸ F. Katz, Указ. раб., стр. 32.

⁴⁹ W. Borah, The Séptima mesa redonda of the Sociedad Mexicana de Antropología, «The Hispanic American historical review», т. XXXVIII, № 1, февраль 1958, стр. 49—50.

⁵⁰ См.: S. F. Cook and W. Borah, The Indian population of Central Mexico 1531—1610, Berkeley and Los Angeles, 1960, стр. 2.

⁵¹ S. F. Cook and W. Borah, The rate of population change in Central Mexico, 1550—1570, «The Hispanic American historical review», т. XXXVII, № 4, ноябрь 1957, стр. 467.

В следующем году Бора и Кук начали исследование численности индейского населения Центральной Мексики, положив в основу его упомянутый выше документ «*Suma de visitas*», который они заново подвергли тщательному изучению и критическому анализу. Результаты их работы были опубликованы в монографии «Население Центральной Мексики в 1548 г.», вышедший в апреле 1960 г.⁵² Отмечая сложный и противоречивый характер указанного документа, исследователи пришли к выводу, что содержащиеся в нем демографические данные о половине всех селений Центральной Мексики, должным образом проанализированные, дают довольно точное представление о численности индейского населения в середине XVI в.⁵³ Анализируя «*Suma de visitas*» и сопоставляя этот источник с более поздними, Бора и Кук вновь подтвердили тезис о непрерывном сокращении численности коренного населения Мексики на протяжении XVI в. Им удалось убедительно объяснить тот факт, что в «*Suma de visitas*» фигурируют, как правило, более низкие цифры численности населения, нежели в многочисленных документах первой половины 60-х годов XVI в. Полемизируя с Д. Каблером, который утверждал, что данные 60-х годов якобы отражали значительный рост индейского населения после эпидемии середины 40-х годов, Бора и Кук указали, что за этот период возросло только податное население. Дело в том, что в «*Suma de visitas*» были включены сведения лишь о лицах, обязанных вносить подушную подать, от уплаты которой в то время были освобождены рабы, часть прикрепленных к земле крестьян и члены индейских общин, несшие повинности в пользу церкви и городов. К началу же 60-х годов все эти категории были обложены податью, и, таким образом, налогоплательщики составляли фактически почти все коренное население⁵⁴.

Бора и Кук уточнили также предложенную ранее Д. Каблером датировку «*Suma de visitas*», придя к выводу, что содержащиеся в этом документе сведения были собраны в 1547—1550 гг.⁵⁵ Взяв в качестве средней даты 1548 г., они на основе данных «*Suma de visitas*» подсчитали численность податного населения в этот период, а затем при помощи податных описей 60-х годов XVI в. установили число жителей селений, не упоминаемых в этом источнике, а также примерную численность освобожденных от уплаты подати общинников, рабов и других категорий населения. В итоге по этим подсчетам общая численность индейского населения Центральной Мексики составляла в 1548 г. примерно 6,3 млн. чел.⁵⁶ Ограничиваясь в данной монографии вычислением цифр, подтверждавших в общем оценку, данную в 1948 г. для этого периода Куком и Симпсоном, авторы указывают, что подсчеты последних для 1519 г. (11 млн.) преуменьшены⁵⁷.

Интересная работа В. Бора и Ш. Ф. Кука получила весьма положительную оценку на страницах мексиканской печати. В опубликованной журналом «*Historia mexicana*» рецензии Луиса Муро на эту книгу была отмечена высокая статистически-демографическая техника исследования и, в частности, тщательность анализа документов. Рецензент полностью солидаризировался с выводами авторов и полученным ими конечным результатом. В то же время он совершенно справедливо указал,

⁵² W. Borah and S. F. Cook, The population of Central Mexico in 1548, Berkeley and Los Angeles, 1960.

⁵³ Там же, стр. 7.

⁵⁴ Там же, стр. 18.

⁵⁵ Там же, стр. 16—17.

⁵⁶ Там же, стр. 109, 112—114. В тексте при подсчете допущена техническая ошибка, в результате которой на стр. 114 ряд цифр дан неправильно. Эта ошибка исправлена авторами в специальном примечании к их работе: S. F. Cook and W. Borah, The Indian population of Central Mexico 1531—1610.

⁵⁷ W. Borah and S. F. Cook, Указ. раб., стр. 115.

что вследствие недостаточности и дефектов имеющихся источников никакие демографические данные, относящиеся к эпохе до открытия Америки и колониальному периоду (особенно к XVI в.), не могут считаться окончательными⁵⁸.

В июне 1960 г. Ш. Ф. Кук и В. Бора выпустили еще одну монографию—об индейском населении Центральной Мексики в 1531—1610 гг.⁵⁹ Источниками ее послужили «*Suma de visitas*» и другие документы, частично опубликованные, частично извлеченные из Севильского и мексиканского Национального архивов. Авторы применили тот же метод исследования, что в свое время Кук и Симпсон. Поскольку они располагали наиболее богатым материалом для периода 1565—1570 гг., Кук и Бора, суммируя данные по отдельным селениям и районам, сравнивая, сопоставляя и проверяя их, произвели подсчет численности населения Центральной Мексики для средней даты этого периода—1568 г., а затем, исходя из полученной цифры, определили вероятные данные для предшествующего и последующего периодов. В результате они пришли к следующим оценкам: в 1532 г.—около 16,8 млн. чел., в 1568 г.—2,6 млн.⁶⁰, в 1580 г.—1,9 млн., в 1595 г.—1375 тыс.⁶¹, в 1605 г.—от 1075 тыс. до 1375 тыс.⁶² Кук и Бора подчеркивают, что их работа иллюстрирует ту же тенденцию непрерывного сокращения коренного населения Мексики, которая была показана еще в монографии Кука и Симпсона. Разница лишь в более высокой оценке численности населения до завоевания и констатации более резкого и быстрого его сокращения⁶³. Правда, в указанном исследовании авторы не приводят демографических данных о населении Мексики до открытия Америки. Однако в августе 1960 г., выступая на заседании XI Международного конгресса историков в Стокгольме, они заявили, что по предварительным расчетам определяют примерную численность населения Центральной Мексики перед испанским завоеванием в 25 млн. чел.⁶⁴

* * *

Несомненно, многие данные и утверждения представителей «калифорнийской школы» требуют проверки, уточнения и дальнейшей разработки. Однако тщательное изучение источников позволило им современными научными методами подтвердить правильность свидетельств очевидцев о большой численности населения Мексики до европейского завоевания и его резком сокращении в XVI—XVII вв. В названных выше работах, как и вообще в буржуазной историографии, мы не найдем всестороннего анализа причин этого явления. Буржуазные ученые предпочитают объяснять его эпидемиями, войнами, перемещениями населения и т. д., лишь мимоходом упоминая об эксплуатации индейцев колонизаторами. Между тем, именно варварское истребление коренного населения завоевателями, непосильный труд бесправных, поработенных полуголодных индейцев на плантациях и рудниках были главной причиной их массовой гибели как в Мексике, так и в других странах Америки.

⁵⁸ «*Historia mexicana*», 1960, т. X, № 1, стр. 151—153.

⁵⁹ S. F. Cook and W. Borah, *The Indian population of Central Mexico 1531—1610*.

⁶⁰ Там же, стр. 47.

⁶¹ Там же, стр. 48.

⁶² Там же, стр. 49.

⁶³ Там же.

⁶⁴ W. Borah and S. F. Cook, *New demographic research on the sixteenth century in Mexico*, «XI-e Congrès international des sciences historiques. Resumés des communications», Uppsala, 1960, стр. 47.

Об этом говорится в марксистской литературе. У. З. Фостер указывает, что «индейцы понесли огромные численные потери, особенно в первый период колонизации». Приводя данные Лас Касаса об истреблении в испанских колониях к 1541 г. не менее 15 млн. индейцев, Фостер, допуская, что эта цифра преувеличена, подчеркивает, что она, «несомненно, свидетельствует о ничем не оправданном истреблении нескольких миллионов индейцев». Он отмечает «массовое истребление людей в таких густо населенных индейцами странах, как Мексика...»⁶⁵. В капитальном труде «Народы Америки» правильно указывается, что «рабство, подневольный труд на рудниках и энкомьенда не в меньшей степени способствовали сокращению индейского населения, чем войны, неурожай и эпидемии»⁶⁶. И. Ф. Хорошаева отмечает, что непрерывные истребительные войны вызвали значительное сокращение численности индейского населения Мексики, продолжавшееся вплоть до середины XVII в. Анализируя причины начавшегося со второй половины XVII в. медленного прироста индейского населения, она справедливо подчеркивает, что их следует искать не только в прекращении истребительных войн против индейцев, но и в изменении экономических условий их существования. «От прямого грабежа и истребления туземного населения колонизаторы переходят к феодальной эксплуатации его труда»⁶⁷.

Причины резкого сокращения численности коренного населения Мексики, как и других американских стран, в результате европейского завоевания нуждаются в дальнейшем специальном всестороннем исследовании. Однако и то, что уже сделано в этой области, наносит сильнейший удар апологетам колониализма, которые безуспешно пытаются реабилитировать политику колонизаторов в прошлом, чтобы оправдать их стремление «новыми методами и в новых формах... сохранить колониальную эксплуатацию народов»⁶⁸.

SUMMARY

The catastrophic decrease in the population size of the aboriginal population of America as a result of European colonization is particularly clearly observed in the case of Mexico, which prior to the European conquest was one of the most densely populated areas of the American continent. Nevertheless, in the bourgeois historical and demographic literature of the recent decades there is an obvious tendency to understate the number of the Mexican Indians on the eve of the conquest and to deny their mass annihilation by the colonialists in the first part of the colonial period. Of especial interest in this connection are the studies by L. B. Simpson, S. F. Cook and W. Borah, published in the USA in the postwar years (1948—1960). These researchers, basing themselves on the latest scientific methods and on a careful study of source materials, confirmed eyewitness testimony about the large size of the Mexican population before the Spanish conquest and its sharp decrease in the 16th-17th centuries.

⁶⁵ У. З. Фостер, Очерк политической истории Америки, пер. с английского, М., 1955, стр. 67.

⁶⁶ «Народы Америки», под редакцией А. В. Ефимова, С. А. Токарева, М., 1959, т. II, стр. 115.

⁶⁷ И. Ф. Хорошаева, Современное индейское население Мексики, «Американский этнографический сборник», I, М., 1960, стр. 172, 175.

⁶⁸ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., 1961, стр. 47.

Н. А. БУТИНОВ

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ НА НОВОЙ ГВИНЕЕ *

Этническая и языковая дробность коренного населения Новой Гвинеи значительна. Но в этом вопросе не следует впадать в крайность, как некоторые зарубежные авторы: Кэпелл, например, насчитывает на Новой Гвинее около 300¹, колониальная администрация — 500², Вурм — 700³ различных языков. При этом речь идет о населении лишь двух третей острова (население одной трети почти не изучено).

Исследователи нередко считают различными папуасскими языками по существу диалекты одного языка, ссылаясь при этом на самих папуасов: папуасы, пишет Вурм, называют все языки, отличающиеся чем-либо от их собственного, «другими языками»⁴. Но решать вопрос о том, разные это языки или диалекты одного языка — задача исследователя.

Однако это лишь один, притом не основной, источник ошибок, ведущих к представлению о преувеличенной этнической и языковой дробности папуасов.

Гораздо важнее другое. На Новой Гвинее наблюдается большая близость по языку соседних групп населения. С. П. Толстов назвал такое явление первобытной лингвистической непрерывностью. По-видимому, это остаток от тех древних времен, когда язык каждой родовой общины был очень близок к языкам соседних родовых общин, и все же несколько отличался от них. С течением времени языковые группы стали крупнее, но лингвистическая непрерывность осталась. На острове нет резких границ между языками. Папуасские языки незаметно переходят один в другой. Существует цепная связь языков, при этом, как писал Вирц о языках побережья Папуасского залива, «каждое звено обнаруживает небольшое отклонение от обоих соседних»⁵. Недавно цепную связь языков К. Рид обнаружил в центральных горных районах Восточной Новой Гвинеи. Он пишет, что в этих районах границы между языками «нигде не являются резкими, обычно существует постепенный переход»⁶. О цепной связи языков на побережье залива Астролябии писал Н. Н. Миклухо-Маклай⁷, в районе реки Сепик — М. Мид⁸. Можно на-

* Доклад, представленный X Тихоокеанскому научному конгрессу (Гонолулу, август—сентябрь 1961 г.).

¹ A. Capell, *A linguistic survey of the South-Western Pacific*, Noumea, 1954.

² «New Guinea Languages» (Map). Prepared by the Department of Education, Port Moresby, 1955.

³ S. A. Wurm, *The changing linguistic picture of New Guinea*, «Oceania», 1960, № 2, стр. 129, 132.

⁴ Там же, стр. 129—130.

⁵ P. Witz, *Beiträge zur Ethnographie des Papua-Golfes*, British New Guinea, Leipzig, 1934, стр. 3.

⁶ K. E. Read, *Cultures of Central Highlands*, New Guinea, «Southwestern Journal of Anthropology», т. 10, № 1, 1954, стр. 34.

⁷ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Собрание сочинений*, т. III, ч. 1, М.—Л., 1951, стр. 92.

⁸ M. Mead, *The Mountain Arapesh*, «Anthropological papers of the American Museum of Natural History», т. XXXVI, ч. III. 1938, стр. 151—152.

помнить, наконец, слова М. Кригера: «папуасские языки незаметно переходят один в другой»⁹, а также утверждение Цоллера о наличии «переходных ступеней» между папуасскими языками¹⁰.

Отсутствие резких границ между языками порождает трудности при отделении их друг от друга.

В районе Горока, например, живет около 20 тыс. папуасов. Население восточной части этого района говорит на другом языке, чем жители западной. Но сколько языков в этом районе? Где провести границы между ними? «Существует,—отмечает К. Рид,—значительное сходство в словаре от языка к языку»¹¹. Кое-какие различия имеются, но они явно недостаточны для того, чтобы отделить один язык от другого. «Например, имеются различия между языком племени гахуку—гама и языками их соседей—гахана, джухаджуха и кабиджуха, но эти различия по своему характеру и значению не больше тех, какие существуют в рамках одного языка, внутри одного и того же племени»¹².

Тем не менее полевой этнограф, как правило, проводит границы языка и границы племени. На практике это выглядит следующим образом.

Данные о племени айга Уильямс собирал в деревне Корисата (здесь он жил несколько месяцев). Именно из этой деревни он предпринимал экскурсии в 15 других деревень племени айга. Вот что пишет по этому поводу сам Уильямс: «Хорошая прогулка к месту назначения; несколько часов работы; ленч... потом еще несколько часов работы; и, наконец, хорошая прогулка домой—таков был распорядок тех небольших экскурсий, которые всегда были самой приятной частью полевой работы»¹³. В состав племени айга и вошли как раз все те деревни, которые Уильямс посетил из деревни Корисата. И неудивительно, что деревня Корисата находится в центре очерченной Уильямсом на карте области племени айга.

Другой пример. Миссионер Каспрус выделил девять подгрупп в составе этнолингвистической группы эм соответственно числу миссионерских школьных центров, расположенных в районе этой группы. «Этот деление,—пишет он,—ни в коем случае нельзя считать произвольным, так как деревни группировались вокруг той школы, которая им наиболее подходит, хотя иногда она была не самой ближней»¹⁴. Но если бы там было не 9, а 15 школьных центров, то Каспрусу пришлось бы выделить 15 подгрупп. Произвольность его деления совершенно очевидна.

Уильямс и Каспрус сами посетили из своих «центров» деревни, включенные ими в состав племен айга и эм. Другие этнографы достигают того же результата, не покидая «центра», путем расспроса папуасов. При этом, однако, может случиться так, что основной информатор окажется не из той деревни, где живет этнограф. Тогда в центре очерченной этнографом языковой и этнической территории окажется, естественно, деревня основного информатора.

Так получилось, например, с американским этнографом Гуднау, жившим в районе племени мае. В центре этнической территории расположена не станция Вабаг (где жил Гуднау), а деревня Лаиагама¹⁵. Это можно объяснить только тем, что основным информатором Гуднау

⁹ M. Krieger, *New Guinea*, Berlin, 1899, стр. 141.

¹⁰ См.: «*Petermann's Mitteilungen*», 1890, стр. 146.

¹¹ K. E. Read, Указ. раб., стр. 7.

¹² Там же, стр. 35.

¹³ F. E. Williams, *Orokaiva Society*, London, 1930, стр. 2.

¹⁴ A. Kasprus, *The languages of the Mugil District, NE-New Guinea*, «*Anthropos*», 1942—1945, стр. 724.

¹⁵ W. H. Goodenough, *Ethnographic notes on the Mae people of New Guinea Highlands*, «*Southwestern Journal of Anthropology*», 1953, № 1, стр. 29.

был папуас из этой деревни. Сам Гуднау не мог в достаточной мере изучить язык (он жил здесь всего одну неделю) и мог полагаться только на расспросы папуасов. По данным австралийского этнографа Меджита (который был здесь за пять лет до Гуднау), жители деревни Лаиагама проводят границы племени мае там, где показал Гуднау¹⁶. Сам Меджит, однако, считает правильными другие границы, а именно те, которые проводят жители станции Вабаг (Вабаг находится в 20 км к востоку от Лаиагама, поэтому и границы передвигаются соответственно на 20 км на восток).

В результате мы имеем два варианта границ племени мае (оба исследователя жили в одном пункте, но имели информаторов из разных мест).

Предположим теперь, что приедет третий этнограф и остановится в деревне Вапенаманда (40 км к востоку от Вабаг). Тогда границы племени мае, как это выяснил тот же Меджит, передвинутся еще на 40 км на восток¹⁷.

Полевой этнограф, попавший в условия цепной связи языков, действует подобно ножке циркуля. Где он останавливается (или из какой деревни происходит его основной информатор), там и будет центр этнической территории. Из этого центра этнограф проводит окружность определенного радиуса (назовем его радиусом этнической общности). Так на карте Новой Гвинеи появляется очередное новое «племя» с указанием занимаемого им района.

Случай с мае любопытен не только тем, что это «племя» имеет скользящие границы. Не менее любопытно и другое. В этом районе Меджит отметил два племени: мае и лаиапу. Жители деревни Лаиагама называют себя мае, а жителей деревни Вапенаманда — лаиапу. Однако сами жители деревни Вапенаманда считают себя мае. Получается, что не только границы племени скользят в связи с изменением центров, из которых ведется исследование, но и сама племенная принадлежность населения меняется¹⁸.

Дело в том, что папуасы, как правило, не имеют племенных самоназваний. Все названия, фигурирующие на этнических картах Новой Гвинеи, даны европейцами. Это — названия деревень, рек, гор, островов, административных пунктов, миссионерских станций, которым придано этнонимическое значение. В создании папуасской этнической терминологии господствует полный произвол¹⁹.

Папуасы обычно проводят различие лишь между «своими» и «чужаками». Если мы спросим, например, кто такие маринд-аним, то нам ответят: это жители нашей деревни и соседних деревень, а все остальные — это икам-аним, чужаки. На этом основании Вирц делает неверный вывод, будто бы «туземец не различает членов своего племени, если они живут далеко от него, от членов других племен»²⁰. На деле этот факт говорит лишь о том, что границы «племени», проведенные Вирцем, неверны.

Во всяком случае, отделить один папуасский язык от другого очень трудно.

Чтобы как-то выйти из этого положения, К. Рид вводит новое понятие: «языковой центр». На Новой Гвинее, пишет он, существуют «зоны

¹⁶ M. J. Meggitt, *The Enga of New Guinea Highlands*, «Oceania», 1958, № 4, стр. 257.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Так, население дельты реки Пурари фигурирует на картах под названием «намау», что на местном языке означает «глупые». Это название дал миссионер после того, как потерпел неудачу в попытке обратить папуасов в христианскую веру. См.: F. E. Williams, *The natives of the Purari Delta*, Port Moresby, 1924, стр. 4.

²⁰ P. Wirz, *Die Marind-anim*, т. II, 1925, стр. 161.

более или менее интенсивной общей жизни». Чем ближе к центру, тем интенсивнее общая жизнь, и наоборот. На окраине зоны — переходная территория, и за нею новая зона. Провести границы между зонами трудно, но центры их указать можно²¹.

Предложение Рида неприемлемо. Нет таких «центров», где не было бы языковых различий. Язык изменяется всюду и постепенно, от деревни к деревне.

Почему Рид ввел это понятие? Потому что он жил в двух соседних пунктах, гахуку и гама. Для него это были два «центра». Язык гахуку, естественно, отличается от языка гама. Далее Рид движется от одного центра к другому. Вот его впечатления: «Существует постепенный переход через взаимосвязанные ряды, при этом районы более интенсивной совместной жизни (то есть гахуку и гама.— Н. Б.) выглядят на карте подобно тени; тень постепенно ослабевает по мере того, как мы отходим от данной точки (от гахуку.— Н. Б.), и затем вновь усиливается по мере того, как мы приближаемся к другой точке (к гама.— Н. Б.)»²².

Впечатления Рида совершенно правильны. Но все дело в том, какую точку принять за центр. Рид предлагает начинать «с какой-либо точки в центральной части долины»²³. Но ведь можно начать с любой точки, и тогда она станет центром, а «тень» (языковая зона, по Риду) расположится вокруг этой точки. Если этнограф начнет с точки А, в «тени» окажется один район, а если с точки В — другой.

Для многих «племен» исследователи не указывают границ. Так, о населении района реки Раму Кэпелл пишет: «Провести границы между языками с точностью до отдельных деревень — это одна из тех задач, которые еще надо решить»²⁴. Многие исследователи не сообщают, в какой деревне жили они сами или их информаторы. Так, К. Шмиц, изучавший в 1956 г. «племя» комба (полуостров Гуон), не указал, где он проводил свои исследования²⁵. О многих «племенах», в том числе и о таких широко известных в науке, как голиаф, песехем, тапиро, мы имеем лишь случайные данные, явившиеся результатом мимолетных посещений.

Что касается тех «племен», о которых у нас имеются достаточные сведения, то в центре (или посредине, если речь идет о прибрежной полосе) территории каждого из них расположена, как правило, деревня, в которой жил исследователь. Исключения редки, они обусловлены зависимостью этнографа от тех «племенных» границ, которые были проведены его предшественником.

Очертания «племенных» территорий, проведенных на карте, могут быть самыми различными. Это может быть окружность («племя» хули). Райен прямо говорит о радиусе в 7,5 км, с помощью которого он провел из станции Менди южную, западную и восточную границы «племени» менди²⁶. Но затем он переселился на 6—7 км к северу от станции Менди, на территорию клана Периколе. Поэтому северная граница отстоит от станции Менди не на 7, а на 13—14 км. Очертание «племенной» территории может напоминать полукруг (сакер, матукар, мейбрат, хуниара, капауку), если исследователь живет на берегу моря, на склоне небитаемых гор или на этнической границе, проведенной до него другим

²¹ K. E. Read, Указ. раб., стр. 42.

²² Там же, стр. 34.

²³ Там же, стр. 41.

²⁴ A. Capell, Languages of Bogia District, New Guinea, «Oceania», 1951, № 2, стр. 131.

²⁵ K. Schmitz, Historische Probleme in Nordost-Neuguinea, Wiesbaden, 1960.

²⁶ D'Arcy J. Ryan, Clan organization in the Mendi valley, «Oceania», 1955, № 2, стр. 83.

исследователем. Это может быть прямоугольник, если исследователь движется по этнической целине и проводит границы справа и слева от линии своего маршрута (территория маринд-аним по обе стороны реки Биаи). Наконец, это может быть прибрежная полоса, с «центром равновесия» посередине (ванимо, моандо и т. д.).

Что можно сказать о таких «племенах»? По нашему мнению, данные о них не столь надежны, чтобы их можно было наносить на этнолингвистическую карту. Ведь если бы этнографы жили в других деревнях или двигались по другим маршрутам, то и границы «племен» были бы иными.

Возьмем «племя» гогодара. Бивер пересек территорию гогодара с юга на север; река Арамиа преградила ему путь, и он провел здесь северную границу этого «племени»²⁷. Лайонс пересек территорию гогодара с запада на восток, по реке Арамиа. Поэтому он «исправил» северную границу, передвинув ее значительно дальше на север, но южную границу оставил, как у Бивера²⁸.

Вирц, отрицая существование резко обособленных племен на побережье Папуасского залива, сделал для гогодара исключение²⁹. Мы видим, однако, что делать такое исключение нет достаточных оснований.

Возьмем «племена» арапеш и абелям. Мид провела границы арапеш, живя в деревне Алитоа³⁰. Служащие колониальной администрации, живя в деревне Маприк (недалеко от Алитоа), провели границы «племени» маприк³¹. Территории этих «племен» перекрыли одна другую. Каберри жила в деревне Калабу (между Алитоа и Маприк) и попыталась уладить этот «пограничный спор», но сделала это неудачно³².

Мы думаем, что это вообще не племена. Прав был Вирц, когда писал: «Это просто группы населения, довольно рыхлые, образовавшиеся в ходе времени благодаря соседству, с одной стороны, и общности языка, с другой»³³. Каждая деревня имеет своих соседей, с которыми она поддерживает контакт, и составляет поэтому центр особой группы населения. Состав этой группы непостоянен, одни деревни могут из нее выйти, другие — включиться в нее. Таких, групп, которые часто принимают за «племена», можно насчитать на Новой Гвинее очень много.

Для таких групп пока нет названия. Между тем они его заслуживают. Поэтому мы рискуем предложить новый термин — конэо (контактная этнолингвистическая общность).

Конэо нельзя путать с племенем. Границы конэо обусловлены тем, от какой деревни ведется счет. Эта деревня окажется, как правило, в центре ее территории. Территория конэо простирается во все стороны от центра на расстояние радиуса этнолингвистической общности.

Понятие этнолингвистической общности относительно. Степень общности может быть разной. Из одного центра можно провести не одну, а две-три окружности, причем в наибольшую будут вписаны остальные.

Так, сделали, например, супруги Берндт. Они жили в деревне Маирапа (два дня ходьбы от Каинанту). Из этого центра они провели одну окружность («дистрикт»; район Kory). Затем взяли радиус побольше, и провели вторую («этнолингвистическая общность», утурупа). Нако-

²⁷ W. N. Beaver, *Unexplored New Guinea*, London, 1920, стр. 188.

²⁸ A. P. Lyons, *Notes on the Gogodara tribe of Western Papua*, «Journal of the Royal Anthropological Institute», 1926, стр. 329.

²⁹ P. Wirz, *Beiträge zur Ethnographie des Papua-Golfes*, British New Guinea, стр. 4.

³⁰ M. Mead, *Указ. раб.*, стр. 156.

³¹ A. P. Elkin, *Social anthropology in Melanesia*, London, 1953, стр. 87.

³² P. M. Kaberry, *The Abelam tribe, Sepik District*, «Oceania», 1941, № 3, стр. 235.

³³ P. Wirz, *Beiträge zur Ethnographie des Papua-Golfes...*, стр. 7.

нец взяли радиус еще больше, и провели третью (группа в целом — утурупа, камано, джате, форе)³⁴.

Сходный случай произошел с Мэри Рэй. Она жила в поселке Миньи. Из этого центра она провела одну окружность (кума), и затем, с помощью большого радиуса, вторую (нангамп)³⁵.

Чем больше радиус, тем общность, естественно, меньше. Подменять пространственный фактор временным и считать, что степень общности зависит от давности ответвления одного языка от другого, было бы ошибкой. Такую ошибку допустил, например, Сэлисбери³⁶.

Сэлисбери попытался применить к сиане и соседним языкам лексико-статистический метод, предложенный американцем Сводешом³⁷. Он установил, сравнивая имеющиеся словари, что ковена и сиане имеют 91% общей лексики, сиане и гахуку — 86%, ковена и гахуку — 84%. Затем он сравнил все три языка с генде и нашел, что процент общей с генде лексики у них примерно одинаков (хотя у гахуку немного меньше). На основании этих данных Сэлисбери построил следующую родословную: сначала был только язык генде; потом от него ответвился язык гахуку, и они начали расходиться в лексике; через некоторое время от языка генде (который успел к тому времени немного измениться) ответвился язык прото-сиане; и, наконец, от языка прото-сиане произошли языки сиане и ковена.

Близость языка в данном случае определяется, однако, близостью их в пространстве, а не во времени. От сиане (речь идет о племени комунку) до ковена примерно 15 км, они имеют 91% общей лексики; от сиане до гахуку 23 км, они имеют 86% общей лексики; от ковена до гахуку 25 км, они имеют 84% общей лексики. По мере увеличения расстояния процент общей лексики уменьшается.

Как уже отмечалось, радиус и степень этнической общности находятся в отношении обратной пропорциональности друг к другу.

Таковы факты, говорящие о том, что на Новой Гвинее до колонизации не было и не могло быть той этнической и языковой раздробленности, из-за которой этот остров называли «островом лингвистических джунглей». Тем более нет этой раздробленности в настоящее время.

К сожалению, этническую дробность подчас пытаются искусственно создать там, где ее на деле не существует. Можно привести два примера этого из районов Чимбу и Хаген.

В районе Чимбу в 1938 г. работала экспедиция в составе трех человек, которая занималась «определением (inter alia) границ основных племен Чимбу»³⁸. В результате в том самом районе, где, по Нильсу, существует только одно «племя» куман, появилось более 20 «племен», и границы их проведены не только на карте: «некоторые племенные границы отмечены теперь рядами деревьев»³⁹, или вбитыми в землю кольями⁴⁰. Эти искусственные «племена» (в том числе «племя» нарегу с центром в поселке Минтьима, откуда велось исследование) навязаны насильно населению района Чимбу: назначены вожди «племен», по «племенному» принципу ведутся контрактация труда, сбор налогов, мобилизация на общественные работы. Эти единицы реально существуют

³⁴ C. Berndt, *Socio-cultural change in the Eastern Central Highlands of New Guinea*, «Southwestern Journal of Anthropology», 1953, № 1, стр. 113—114.

³⁵ M. Reay, *The Kuma*, Melbourne, 1959, стр. 1.

³⁶ R. F. Salisbury, *The Siame language of the Eastern Highlands of New Guinea*, «Anthropos», 1956, стр. 453—454.

³⁷ M. Swadesh, *Lexicostatistic dating of prehistoric ethnic contacts*, «Proceedings of the American Philosophical Society», т. 96, 1952, стр. 453.

³⁸ P. Brown and H. C. Brookfield, *Chimbu land and society*, «Oceania», 1959, № 1, стр. 2.

³⁹ Там же, стр. 3.

⁴⁰ Там же, стр. 14—15.

теперь в системе колониального управления, с их наличием папуасы района Чимбу не могут не считаться.

Другой пример. В районе Хаген на языке медлла говорит 40 тыс. человек. Этот язык, по мнению Элькина, может и должен стать общим для всего района, то есть примерно для 100 тыс. человек⁴¹. Но в районе работают две миссии, католическая и лютеранская. В каждой из них одни и те же слова этого языка произносятся различно. В результате происходит, как отмечает Элькин, «произвольное дробление языка»⁴². Миссионеры ведут дело к тому, что язык медлла может распасться на два самостоятельных диалекта.

Одной из основных задач этнографов, изучающих Новую Гвинею, является выявление реальных этнических групп, а не тех «племен», в центре каждого из которых находится хижина исследователя или его основного информатора. Это не племена, а конзо. К сожалению, данных для выявления реальных этнических общностей собрано очень мало. Здесь предстоит еще большая работа.

Число реальных этнических групп (если иметь в виду лишь папуасские языки) исчисляется не сотнями, а всего лишь десятками.

В центральных горных районах Восточной Новой Гвинеи имеются по существу лишь две этнических группы: западная (Вабаг, Хаген, Чимбу) и восточная (Каинанту, Горока). Эти две группы отделены друг от друга высокими горными хребтами. Здесь этническая граница является довольно четкой⁴³.

В последние годы большую работу по выявлению реальных этнических групп на Новой Гвинее провели австралийские лингвисты А. Кэпелл и С. Вурм. Кэпелл группирует языки, исходя из их грамматической структуры, Вурм — из их «основной лексики». Метод Кэпелла — гораздо более трудоемкий, к тому же, как замечает Вурм, сходства в грамматической структуре вряд ли поддаются статистическому учету⁴⁴. Метод же Вурма не требует больших затрат времени. Вурм берет «основной словарь» (100—200 слов), состоящий из названий важнейших частей тела, некоторых терминов родства, некоторых местоимений и числительных и т. п., и сравнивает на этой довольно узкой основе разные языки. Он приходит к выводу, что в настоящее время на Новой Гвинее имеется всего 12 больших языковых групп.

Вурм идет по стопам глоттохронологической теории, пытающейся определить дату ответвления двух языков от общего языка-предка по проценту сходств в их «основной лексике». Лексика эта называется «основной», потому что (по мнению сторонников этой теории) она не заимствуется. «Такие слова в языке, — пишет Вурм, — вряд ли могут быть заменены словами из другого языка, хотя бы эти два языка находились в контакте»⁴⁵. На это можно возразить, что в условиях цепной связи языков нет и не может быть такой лексики, которая не заимствуется. Ведь не кто иной, как сам Вурм пишет об этом: «Языки, принадлежащие к двум разным подсемьям, или даже к двум разным семьям, но расположенные рядом или недалеко друг от друга, обнаруживают более высокий процент сходства в основной лексике, чем несоседние языки в рамках одной и той же подсемьи или семьи. Это явление можно отнести за счет длительного контакта... за счет взаимных заимствований, распространяющихся и на основную лексику данных языков»⁴⁶.

⁴¹ А. Р. Elkin, Указ. раб., стр. 82.

⁴² Там же.

⁴³ К. E. Read, Указ. раб., стр. 5 и сл.

⁴⁴ S. A. Wurm, The linguistic situation in the Highlands Districts of Papua and New Guinea, «Australian Territories», т. 1, № 2, 1961, стр. 17.

⁴⁵ Там же, стр. 16.

⁴⁶ Там же, стр. 21.

В условиях цепной связи языков родство между ними является результатом двух факторов: 1) данные языки ответвились от общего языка-предка и сохраняют сходные черты, 2) данные языки находятся в тесном контакте и постепенно приобретают сходные черты. Вурм попытался, основываясь на «основной лексике», абстрагироваться от второго фактора, но это ему не удалось. Второй недостаток метода Вурма состоит в том, что он берет один язык в качестве эталона и вычисляет в процентах отклонения в «основной лексике» других языков от этого языка-эталона. Так, он берет язык, на котором говорят жители поселка Вабаг, за основу, «так как лингвистически и географически он занимает самую центральную позицию»⁴⁷, и сравнивает с ним соседние языки. В результате в центре большой языковой группы, очерченной им, оказывается поселок Вабаг. Так же обстоит дело и с некоторыми другими группами, в центре которых расположены поселки Финистегу, Горока, Бенабена, Чимбу, Хаген, Тари, Менди⁴⁸. Это — те же самые конзо, только с большим радиусом этнической общности.

Мы думаем, что если сравнивать языки по лексике в целом (а не по 100—200 слов) и не исходить при сравнениях из одного языка как эталона, то языковые группы будут еще крупнее, а количество этих групп — еще меньше. Это очень важное обстоятельство, так как папуас, говорящий на одном из языков внутри такой группы, «овладевает другим языком той же группы в очень короткий срок и без больших усилий»⁴⁹.

До сих пор мы говорили только о папуасских языках. К этому надо добавить, что в Восточной Новой Гвинее около 200 тыс. населения говорит на меланезийских языках. Этих языков много, но они очень близки. Тот, кто говорит на одном из меланезийских языков, может, по мнению Вурма, овладеть другим менее чем за неделю⁵⁰.

В Западной Новой Гвинее (Западный Ириан) около 100 тыс. чел. говорит на индонезийских языках (голландские лингвисты объединяют эти языки с языками индонезийского острова Гальмагера, в южногальмагерскую западноирианскую группу). Это — результат тесных и древних связей Западного Ириана с Индонезией. Археологические исследования (находки бронзовых топоров в Западном Ириане) свидетельствуют о том, что эти связи восходят еще к эпохе бронзы, когда они простирались на восток до озера Сентани⁵¹, то есть до самой границы с Восточной Новой Гвинеей. Эти связи не прерывались и в последующие века. Западный Ириан входит как составная часть в древние индонезийские государства. В прибрежных районах и на островах залива Гелвинк появляется железо, каменные орудия постепенно выходят из употребления. Ремесло отделяется от земледелия, появляются специалисты по плавке железа, кузнецы и т. д. Все это ведет к изменениям и в этническом облике населения — все шире распространяются в Западном Ириане индонезийские языки, на этой основе формируются крупные племена (например, племя нумфор, насчитывающее около 40 тыс. чел.).

Колонизация Западного Ириана Голландией не прервала этот процесс, но придала ему несколько иное направление. С этого момента в Западном Ириане вводится единый собственно индонезийский язык (раньше его называли малайским). На этом языке ведется общение чиновников колониального аппарата с папуасами, обучение в школах, служба в церквях. Местные языки используются в обучении лишь в

⁴⁷ S. A. Wurm. The linguistic situation in the Highlands Districts of Papua and New Guinea, стр. 22.

⁴⁸ Там же, стр. 19.

⁴⁹ Там же, стр. 133.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ См.: «Nova Guinea», т. III, 1907, табл. 24, рис. 2, 3; «Bijdragen tot de Taal- en Volkenkunde», стр. 272—274.

порядке исключения (нумфор, вондама), но и там наряду с собственно индонезийским⁵². Так, около половины населения, говорящего на языке нумфор, умеет на нем читать и писать, и столько же умеет читать и писать по-индонезийски. На языке вондама читают и пишут 25% говорящего на нем населения, а на индонезийском — половина этого населения. В остальных районах знают, как правило, два языка — местный и индонезийский, а грамотное население читает и пишет только по-индонезийски. Средняя грамотность, согласно официальным данным 1947 г., составляет 25%. Индонезийский язык знают всюду, даже в центральных горных районах. Постепенно он становится вторым родным языком каждого жителя Западного Ириана.

Процесс формирования единой западноирианской народности пока еще нельзя считать завершенным. Но этот процесс происходит на наших глазах, и в последние годы, в условиях борьбы населения Западного Ириана за воссоединение с Индонезией, протекает особенно бурно⁵³.

В Восточной Новой Гвинее мы наблюдаем иные, менее благоприятные условия развития. Но и здесь постепенно идет процесс этнической консолидации населения. Колониальные власти и миссии, стремясь распространить свое влияние, создали на некоторых местных языках письменность, и тем способствовали появлению «больших языков». Таковы языки кате, грагед, ябим, суау, моту, тоарипи. Кроме того, как показал Вурм, здесь существует группа родственных языков с числом говорящих на них около 750 тыс.⁵⁴ Один из языков этой группы может, при благоприятных для этого условиях, стать общим для всей Восточной Новой Гвинее. Широко распространен английский язык (правда, как правило, в довольно уродливой форме пиджин-инглиш, сочетающей английскую лексику с местной грамматикой).

Задача изучения этнического состава Новой Гвинее встает сейчас, в условиях полной и окончательной ликвидации колониальной системы, с особой остротой.

SUMMARY

The ethnic and linguistic diversity of the aboriginal population in New Guinea is considerable. There is reason to believe, however, that the number of ethnolinguistic groups does not amount to hundreds but to dozens. In New Guinea there are no sharp boundaries between the languages. There predominates a propinquity of the contiguous languages. The Papuans as a rule have no tribal names and do not indicate the boundaries of tribal territories. This is first done by ethnologists after the analysis of linguistic data. The place where the ethnologist has lived is generally the geographical centre of the tribal territory which he indicates on the map. Sharp boundaries between neighbouring languages indicated on the maps are not reliable. Attempts to separate one part of the population from the other in practice by means of drawing such boundaries may introduce ethnic diversity where it has never existed.

In the present situation the study of the real ethnic composition of the New Guinea population is very urgent. In distinguishing real ethnic groups it is necessary to consider not only the language community but also that of the culture.

⁵² Следует строго различать индонезийские языки и собственно индонезийский язык. Это в одинаковой мере относится как к Индонезии, так и к Западному Ириану. Население Индонезии говорит на многих языках, но имеет, кроме того, один общий для всех язык, собственно индонезийский. Население Западного Ириана также говорит на многих языках (папуасских и индонезийских), но здесь также находит все более широкое распространение один общий для всех язык, собственно индонезийский.

⁵³ Н. А. Бутинцов, Западный Ириан, «Сов. этнография», 1957, № 4.

⁵⁴ S. A. Wurm, The changing linguistic picture of New Guinea, стр. 132. Всего на Новой Гвинее проживает около 2 млн. чел. коренного населения.

Р. ВУЯ

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА РУМЫНСКИХ КРЕСТЬЯН СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ МОЛДОВЫ

Летом 1955 г. сектор этнографии Академии наук Румынской Народной Республики вел полевые исследования главным образом в северных и западных областях Молдовы. Автор данной статьи, принимавший в них участие, исследовал типы поселений, хозяйства и крестьянских жилищ этих областей. Нами отмечено много общих элементов между жилищем румын Молдовы, с одной стороны, и русским и украинским жилищем — с другой.

Зона рассеянных поселений в северо-западной части восточных Карпат издавна привлекала внимание многих исследователей¹. Наша статья дополняет известные в науке материалы по этой области.

Поселения разбросанного типа встречаются в небольших межкарпатских низменностях², потом на большей высоте, где местность имеет более волнистый рельеф и отлогие скаты мягко спускаются в долину (Молдова Сулица и Дорнеле). Села такого типа расположены и в боковых долинах с более пологими склонами. В недалеком прошлом лес в этих местностях был сведен, а затем они превратились в луговые зоны.

Наличие поселений с изолированными домами в более высоко расположенных областях, особенно на площадках с пологими скатами, было отмечено разными авторами и на Балканском п-ове³. Отмечено также, что более высокие области, в которых лес был сведен недавно, входят в луговую зону, где поселения расположены разбросанно⁴. Боковые долины в горных местностях благоприятны для создания поселений с изолированными домами или небольших деревушек разбросанного типа⁵.

Что касается типов поселения, то нами отмечен новый их вариант — «поселения, разбросанные по долинам» (Фундул Молдовой). В отличие от «долинных сел» (наличие которых отмечено нами в Ардяле⁶), составляющих единое селение, занимающее одну долину, «поселения, разбросанные по долинам», состоят из ряда деревушек, рассеянных по разным долинам; каждая из них может рассматриваться как отдельная деревня.

¹ B. Zaboriski, Die Dorfformen in Polen und ihre Verbreitung, Breslau, 1930, стр. 92—93; V. Mihailescu, O hartă a principalelor tipuri de așezări rurale din România, «Buletinul Societății Române de Geografie», т. XLVI, 1927; егo же, Une carte de l'habitat rural en Roumanie, «Buletinul Societății Române de Geografie», т. LIII, 1934.

² Наличие поселений разбросанного типа в межкарпатских впадинах было отмечено Al. Radulescu, Vrancea, București, 1937, стр. 140.

³ J. Cvijić, La Péninsule Balcanique, Paris, 1918, стр. 208.

⁴ P. Vujević, Siedelungen der serbischen Länder, «Geographische Zeitschrift», Leipzig, 1906, стр. 509; H. Wilhelm, Hochbulgarien, т. I, Kiel, стр. 41, 51.

⁵ A. Helbok, Deutsches Volkstum, Haus und Siedlung im Wandel der Jahrtausende, Berlin und Leipzig, 1937, стр. 101.

⁶ R. Văia, Tara Hațegului și Regiunea Pădurenilor, «Lucrările Institutului de Geografie al Universității din Cluj», т. II, 1927, стр. 82; егo же, Le village roumain de Transylvanie, extraits de «La Transylvanie», Bucarest, 1937, стр. 10—18.

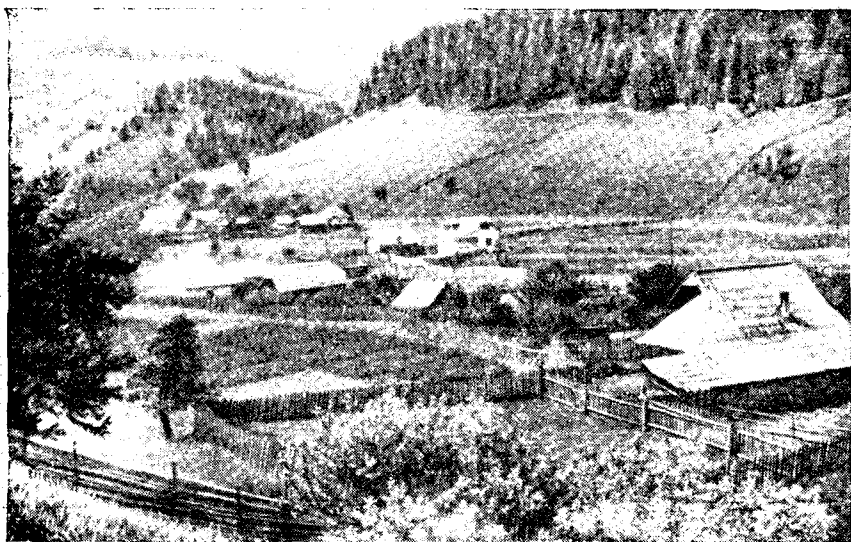

Рис. 1. Пожорыта, обл. Кымпулунг; тип поселения с домами, разбросанными вдоль долины

Различия в типе и структуре поселений долины Быстрицы к югу от Броштень объясняются, по нашему мнению, различием в рельефе, большим числом жителей и особенно влиянием дороги Броштень — Пьятра — Нямц. Эта зона отличается разнообразием планировки сел, особенно таких, которые представляют собой комплекс усадеб нескольких типов. Старейшими были здесь «рассеянные поселения», из которых сформировались долинные и кучевые села, а в очень недалеком прошлом — села, вытянутые вдоль дороги.

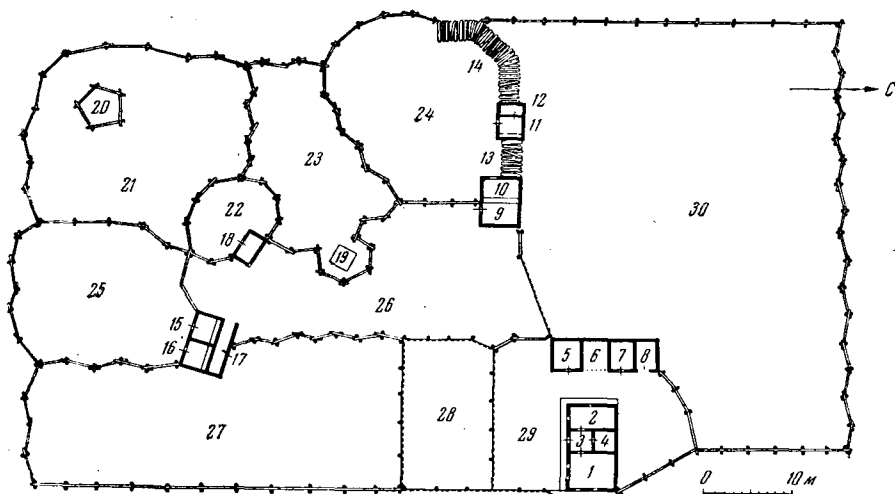

Рис. 2. Усадьба нерегулярной застройки в коммуне Руно, район Нягра Шарулуй. 1 — дом; 2 — хата; 3 — сени; 4 — комора; 5 — чулан для одежды; 6 — деревянный навес; 7 — сарайчик для ведер; 8 — сеновал; 9 — овчарня; 10, 11 — телятник; 12 — хлев для ягнят; 13, 14 — загон для скота; 15, 16 — коровник; 17 — навес для телят; 18 — телятник; 19 — яма для репы; 20 — изгородь для сена; 21 — луг; 22 — окол для телят; 23 — огород под репой; 24, 25 — окол для скота; 26, 27 — луг; 28 — огород; 29 — двор; 30 — сад

Рис. 3. Двойной двор Иона Нуц Тимэн, Фундул Молдовей, обл. Кымпунгур

Здесь отмечается два типа застройки двора: а) беспорядочная застройка с многочисленными постройками и ограждениями (рис. 2) и б) двойные дворы (рис. 3 и 4), состоящие из жилой и хозяйственной части. Для луговой зоны характерны, с одной стороны, усадьбы беспорядочной, нерегулярной застройки, с другой стороны, стремление сосредоточить основные строения вокруг двора квадратной формы, огороженного со всех сторон. Рассмотрим здесь дворы нерегулярной застройки луговой зоны и двойные дворы, так как в исследованной нами области мы наблюдали их в стадии формирования.

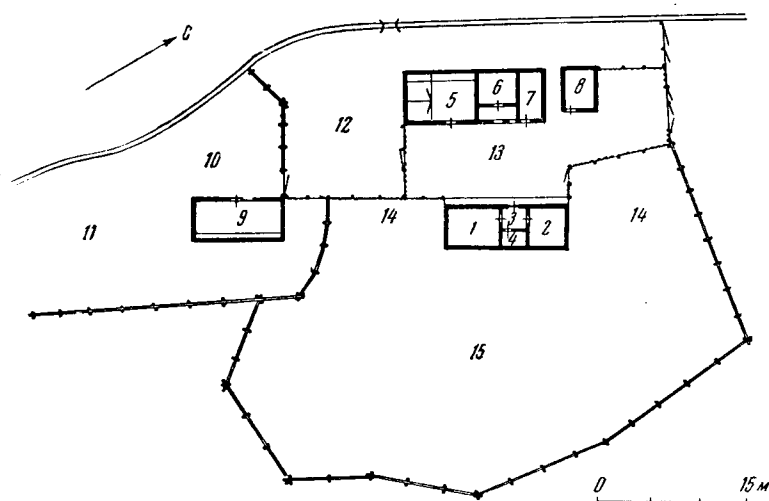

Рис. 4. Двойной двор в Фундул Молдовей, район Тимэу. 1 — горница; 2 — спальня; 3 — сени; 4 — комора; 5 — загон для скота; 6 — чулан для посуды, бочек; 7 — овчарня; 8 — хижина; 9 — загон для скота; 10 — место свалки навоза; 11 — выгон; 12 — окол; 13 — двор; 14 — огород; 15 — луг

Двор нерегулярной застройки для луговой зоны наиболее характерен, он широко распространен и у других народов. В сельскохозяйственной зоне вообще наблюдается тенденция к сосредоточению жилых и хозяйственных построек под одной крышей, тогда как в луговой зоне их рассредоточивают и строят отдельно помещения разного назначения. Дворы этого типа следует рассматривать как архаический пережиток. Тенденция децентрализации помещений была характерна не только для начальных веков нашей эры, но и для более раннего времени, она до наших дней сохраняется местами в Северной, Восточной, Южной и даже в Центральной Европе, в восточных частях альпийских стран⁷.

Из отдельных помещений чаще всего встречаются летняя кухня, клеть (комора), погреб. Летняя кухня составляет одну из самых характерных черт крестьянских дворов и во многих областях, населенных румынами⁸. Комора (или клеть) как отдельное помещение отмечена нами у румынского населения районов Цары Хацегулуй, области Пэдурень и в горах Апусень⁹. Отдельная кухня и, как мы увидим, отдельная комора существовали в очень древние времена и были еще недавно распространены у ряда других народов: эстонцев, латышей, ливов, марийцев, удмуртов и др. Отдельная комора распространена у германских и славянских народов. Из имеющегося обильного сравнительного материала отметим только следующий факт: отдельная комора существовала и существует под названием «клеть» у великорусов, «комора» — у украинцев, «гаден» — в альпийских странах¹⁰. «Гаден» характерна для дворовых построек северных и балтийских стран, в особенности Швеции и Финляндии где она появляется вместе со множеством отдельных помещений.

Нередко коморы используются для сна, для приема гостей, а также как помещение для молодоженов¹¹. У румын отдельная комора была местом приема гостей (долина Жиу Петрошаны). В XIX в. в Арджеше молодожены спали в «челаре» (коморе)¹². У румын отдельная комора наряду с другими архаическими пережитками сохраняется в более изолированных областях: в Цара Хацегулуй, области Пэдурень, в горах Апусень, в некоторых горных областях Молдовы и, вероятно, в других, еще не обследованных областях¹³.

Вероятно, еще более архаическим является обыкновение при более старых молдавских домах, не имеющих фундамента, а следовательно, и подполья, выкапывать в земле так называемую «картофельную яму», иногда имеющую небольшую крышу для защиты от дождя. Ямы для

⁷ Br. Schier, Hauslandschaften und Kulturbewegungen im östlichen Mitteleuropa, Reichenberg, 1932, стр. 268, 272, 400, 401.

⁸ C. Romstorfer, Typen der landwirtschaftlichen Bauten in Herzogthume Bukovina, «Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien» т. XXII, 1892, стр. 199; Gh. Crăiniceanu, Igiena țăranului român, București, 1895, стр. 103; J. R. Bünker, Herde und Ofen in den Bauernhäusern des ethnographischen Dorfes der Millenniumsausstellung in Budapest, «Zeitschrift des Vereins für Volkskunde», Wien, т. VII, 1897, стр. 18; G. Moldovan, Alsófehér vármegye román népe, 1897, стр. 113; V. Păcală, Monografia satului Rășinariu, Sibiu, 1915, стр. 114; R. Vuia, Tara Hațegului..., стр. 100—101; ег о же, Le village roumain, стр. 48—52.

⁹ Br. Schier, Указ. паб., стр. 272; R. Vuia, Tara Hațegului..., стр. 102, 107, 108; ег о же, Le village roumain, стр. 35, 63; H. Phelps, Ost und Westgermanische Baukultur, Berlin, 1934, стр. 14, рис. 6.

¹⁰ K. Rhamm, Ethnographische Beiträge zur germanisch-slawischen Altertumskunde, Braunschweig, 1908, II, 1, стр. 720; II, 2, стр. 14, 17, 79, 114.

¹¹ K. Rhamm, Указ. паб., II, 1, стр. 720; II, 2, стр. 77, 358; Br. Schier, Указ. паб., стр. 268, 363, 395—398; A. Haberlandt, Die volkstümliche Kultur Europas in ihrer geschichtlichen Entwicklung, в кн.: G. Buschan, Illustrierte Völkerkunde, стр. 429.

¹² Gh. Crăiniceanu, Указ. паб., стр. 47.

¹³ R. Vuia, Le village roumain, стр. 7, 24, 25, 42, 63—65; ег о же, Ethnographische Beweise für das Alter und die Kontinuität des rumänischen Volkes in Siebenbürgen, «Siebenbürgen», Bukarest, 1943, стр. 38, 41, 52.

хранения продуктов сельского хозяйства отмечены еще в конце прошлого столетия в окрестностях Брэилы¹⁴. Эти ямы для хранения урожая, видимо очень распространенные в прошлом у румын, известны также у сербов, болгар, латышей, украинцев, причем нет сомнения в том, что они являются пережитком очень древних времен¹⁵.

В планировке дворов нерегулярной застройки ясно проявляется общая тенденция к отделению части двора для жилого дома, а другой части — для содержания скота, причем иногда на усадьбе встречается несколько скотных дворов и конюшен. Это и привело к формированию типа двойного двора (жилого и скотного). Хотя тип двойного двора в его завершенном виде в исследованной области встречается не очень часто, мы должны обратить на него внимание, так как, с одной стороны, мы здесь имеем возможность проследить пути его формирования, а с другой стороны, он широко распространен не только у румын, но и у других европейских народов.

Двойной двор был отмечен нами в Цара Хацегулуй, области Пэду-ренъ¹⁶, в Цара Олтулуй¹⁷, а также у чангеев в Молдове¹⁸. Судя по сообщениям ряда географов, указывающих на отделение «окола» — загона для скота — от остальной усадьбы, этот тип двора, по-видимому, распространен и в других областях, населенных румынами, — на севере Влэсии¹⁹ (к югу от Бухареста) и в низменности Жижики²⁰ (к северу от Ясс в северо-восточной Молдове).

Деление усадьбы заборами на две или три части встречается и в других областях Трансильвании²¹. Там имеются и настоящие двойные дворы с околom; часто же в отделенной части хранят лишь корм для скота, а конюшня и хлевы объединены с домом. В ряде сел Клужской области часть двора, в которой находится только конюшня или хранится фураж, носит название «арие»²². Двойной двор известен также в долине Лэпуш на севере Трансильвании, а в Венгрии — в областях Ниршег и Орманьшаг²³.

Тип двойного двора широко распространен (или был распространен) в южных частях Скандинавии, а также у великорусов; встречается он и в южных альпийских зонах Тироля и Каринтии и даже в Фрисландии, Нормандии, Пикардии и Артуа²⁴.

Что касается типов жилого дома, то местными по происхождению следует считать те, которые развились из однокамерной постройки: дом с холодными сенями (рис. 5) и дом с сенями и коморой, особенно характерный для северо-западной Молдовы (рис. 6). Кроме указанных типов, мы встречаем другие два типа, пришедшие, по-видимому, из других районов: это дом с коморой и трехраздельный дом с сенями посередине.

¹⁴ Gh. Crăiniceanu, Указ. раб., стр. 50.

¹⁵ L. Niederle, Manuel de l'antiquité slave, Paris, 1923, т. II, стр. 799; A. Bielenstein, Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten, S. Peterburg, 1907—1918, стр. 126; D. Zelenin, Russische Volkskunde, Berlin und Leipzig, 1927, стр. 54; Br. Schier, Указ. раб., стр. 303, 394; A. Haberlandt, Указ. раб., стр. 421.

¹⁶ R. Vuia, Tara Hațegului..., стр. 88.

¹⁷ R. Vuia, Le village roumain, стр. 32—34.

¹⁸ G. Lükö, A Moldvai csángók. Budapest, 1936, стр. 124—144.

¹⁹ V. Mihailescu, Vlășia și Mostiștea, «Buletinul Societății Române de Geografie», т. XLIII, 1924, стр. 83.

²⁰ I. Rick, Cercetări geografice și antropogeografice în depresiunea Jijiei, «Buletinul Societății Române de Geografie», т. LI, 1932, стр. 137.

²¹ Gr. Moldovan, A magyarországi románok, Budapest, 1915, стр. 541.

²² Рукопись Музея этнографии в Клуже.

²³ B. Gunda, Az erdélyi és moldvai kettős udvarok, «Nép és Nyelv», I, 1941, № 5, 7, стр. 218—221; егo же. Telekformák települések és a gazdálkodás kapcsolata a Lăpos völgyében. Földrajzi Közlemények, т. LXIX, 1941, стр. 230—246.

²⁴ K. Rhamm, Указ. раб., II, I, стр. 744, 745, 748, 783, 785, 801; II, 2, стр. 136; Br. Schier, Указ. раб., стр. 179, 181, 183, 189, 371, 372, 400, 401.

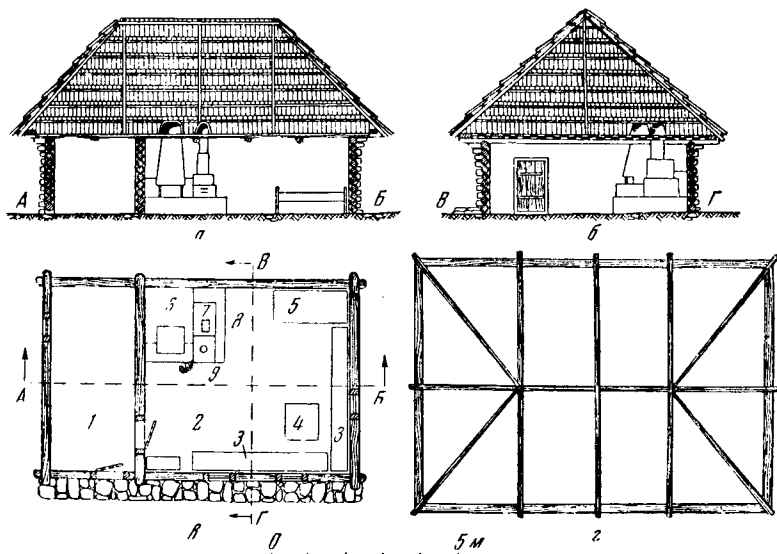

Рис. 5. План и разрез дома с холодными сенями в Лунгенах, обл. Броштеня. а — разрез по А—Б; б — разрез по В—Г; в — план; г — конструкция крыши; 1 — сени; 2 — жилое помещение; 3 — лавки; 4 — стол; 5 — кровать; 6 — хлебная печь; 7 — печь-голландка; 8 — дымоход; 9 — плита

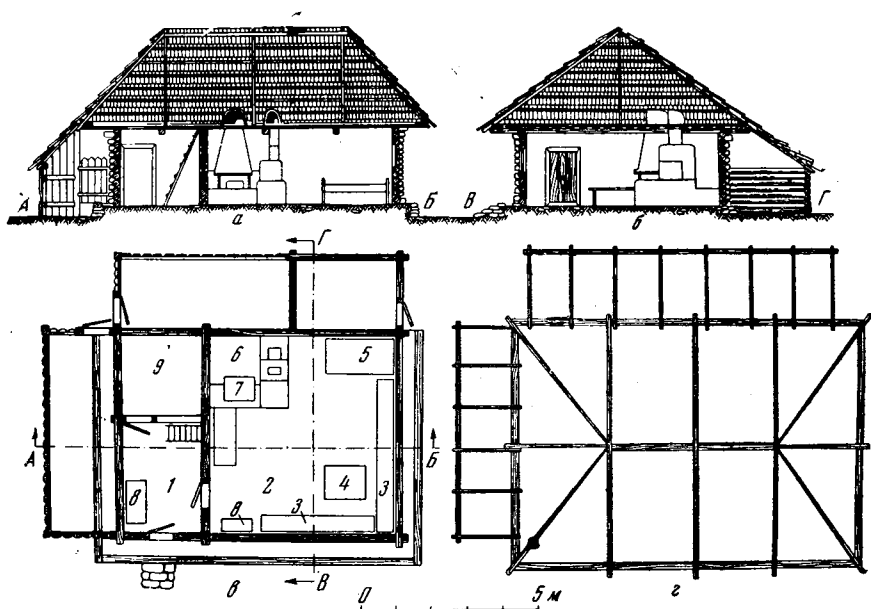

Рис. 6. План и разрезы дома с сенями и коморой в Сабасе, район Борка. а — разрез по А—Б; б — разрез по В—Г; в — план; г — конструкция крыши; 1 — сени; 2 — жилое помещение; 3 — лавки; 4 — стол; 5 — кровать; 6 — печь; 7 — дымоход; 8 — сундук; 9 — комора

Рис. 7. Старый дом в Тимэне, Фундул Молдовой, обл. Кымпулунг

Дом с коморой, редко встречающийся в Молдове, состоит из двух помещений с отдельными входами: жилой комнаты и коморы для припасов. Несомненно, этот тип дома эволюционировал из древнего однокамерного жилища, что подтверждается одинаковым названием и самого дома (в том числе и дома со многими помещениями), и жилой комнаты — «каса маре», «каса мика». Как и у славян, его прототипом была землянка или примитивная колиба типа прямоугольной или конической хижины, названия которых «куча», «коча» относились как ко всему дому, так и к жилому помещению²⁵. Дом с коморой появился тогда, когда комору, бывшую в нерегулярных дворах отдельным помещением, начали подводить под одну крышу с домом, сохраняя два отдельных наружных входа²⁶. Отсюда вытекает, что прототипом не только двора, но и жилого дома на юго-востоке Европы был нерегулярный двор со многими отдельными помещениями различного назначения, при эволюции которых развивалась тенденция к концентрации их под одной крышей.

Архаический однокамерный дом с крыльцом (призба, тарнац, коридор) в фасадной стене развивался различными путями: путем превращения крыльца, либо его части, в комору или другое помещение, как это делается иногда и теперь, или путем перенесения коморы под ту же крышу, продленную по длинной стороне дома²⁷. Следовательно, дом с коморой можно считать также архаическим типом.

Но имеются большие различия между домом с коморой, описанным немецкими авторами (Wohnspeicherhaus), и домом, описанным нами. Первый является не чем иным, как трехраздельным домом, имеющим жилую комнату, холодные сени (Flur) и комору для припасов. Он соответствует, по нашей классификации, трехраздельному жилищу с холодными сенями посередине²⁸. «Дом с коморой», описанный нами, представляет собой двухраздельное жилище, где каждая часть имеет отдельный вход. Подобное жилище является действительно древнего типа

²⁵ L. Niederle, Указ. раб., стр. 719—722; Br. Schier, Указ. раб., стр. 163.

²⁶ Br. Schier, Указ раб., стр. 411; G. Jungbauer, Sudeten- und Karpathen-deutsche Volkskunde, Brünn, стр. 517.

²⁷ Br. Schier, Указ. раб., стр. 159—178.

²⁸ Там же, стр. 175, рис. 2.

домом с коморой, и то обстоятельство, что оба помещения в нем сохранили отдельные входы, указывает на его формирование путем перенесения коморы, которая раньше была отдельным помещением, под одну крышу с домом, но и сохранением отдельного входа.

Близость Трансильвании заставляет предположить, что именно оттуда этот тип дома мог быть перенесен в Молдову древними насельниками, эмигрировавшими из Трансильвании. В Трансильвании он сохранился пережиточно, преимущественно в Цара Хагеулуй²⁹, области Пэдурень и в горах Апусень³⁰. Дом с коморой встречается и у секлеров³¹ и в области Хуедин³².

Как сказано выше, древним типом дома с коморой является трансильванский дом. Это доказывается не только тем, что он сохранил в жилой комнате открытый очаг, но и тем, что у него остались отдельные входы для обоих помещений. Дом с коморой в Молдове, сохраняя тот же план, мог быть перенесен переселенцами из Трансильвании 200—300 лет назад. Известно, что всякое культурное явление, перенесенное в новую среду, у себя на родине остается в качестве реликта или исчезает совсем, но зато сохраняется на своей новой родине³³. Так как трансильванские переселенцы пришли в Молдову главным образом из областей, граничащих с Марамурешем или Нэсрудом, можно думать, что и в этих областях в те времена существовал подобный дом с коморой, который теперь вытеснен другими типами, или же переселенцы пришли из более отдаленных областей, где преобладал дом с коморой. Различие между молдовским и трансильванским домом с коморой состоит в том, что последний сохранил в жилой комнате открытый очаг, а в молдовском доме он заменен печью с очагом перед ее устьем, как и в других типах молдовского жилища.

Исследуем происхождение трехраздельного дома с холодными сенями посередине³⁴. Если происхождение дома с коморой надо искать на западе, то происхождение трехраздельного дома надо искать на востоке, тем более, что его родство с украинским домом характеризуется рядом черт:

1) украинские, как и молдовские дома — трехраздельные, с холодными сенями посередине;

2) эти дома часто имеют «тинду» — сени с двумя входами, одним спереди и другим сзади;

3) сени иногда строятся без потолка;

4) дома этого типа часто окружены призьбой, молдовские — обычно, украинские — реже;

5) к задней стене дома, а иногда с его узкой стороны, пристраивают небольшие длинные и узкие помещения, используемые в качестве хлева, навеса для хранения орудий, коморы. Правда, в исследованных районах эти помещения редко встречаются в трехраздельном доме, окруженном призьбой, но зато часто — в домах остальных типов, а также в украинских жилищах.

В исследованной нами области трехраздельный дом с холодными сенями посередине впервые был отмечен К. Ромшторфером в 1892 г. Автор в своей работе описал и ряд румынских и украинских хозяйств из

²⁹ R. Vuia, *Tara Hațegului...*, стр. 92—101.

³⁰ R. Vuia, *Le village roumain*, стр. 41—52.

³¹ K. Sebestyén, *A székely ház eredete*, «A Náprijzi Muzeum Ertesítője», Budapest, т. XXXIII, 1914, № 1, стр. 43—46, рис. 7, 8, 10.

³² Zs. Bátky, *Néhány adat Bánffyhungyadnak es körnvékének népies építkezéséséz*, «A Magyar Nemzeti Muzeum Néprajzi Osztályának Értésítője», т. VIII, 1907, стр. 57, 59, 60.

³³ K. Rhamm, *Указ. раб.*, II, 2, стр. 151, примечание 1.

³⁴ Р. Мерингер называет его «Mittelflurhaus», см.: R. Meringer, *Das deutsche Haus und sein Hausrat*, Leipzig, 1906, стр. 25, рис. 22.

Буковины³⁵, среди них одно румынское хозяйство из Шкея с типичным трехраздельным домом с холодными сенями, имеющими два входа и призьбу с трех сторон. К задней его части пристроен узкий и длинный навес (шопрон), образованный продолжением крыши дома³⁶.

Некоторые из украинских и гуцульских домов этого типа, опубликованные в работе К. Ромшторфера, имеют четыре помещения, а именно: посередине — холодные сени с двумя входами, находящиеся или между кухней и жилой комнатой³⁷, или между двумя жилыми комнатами³⁸, и комору с отдельным входом, построенную вдоль дома рядом с жилым помещением или кухней. В той же работе автор описывает и два румынских жилища из Пожорыты³⁹ и из уезда Сторожинец⁴⁰, принадлежащие к типу дома с коморой в глубине сеней. То, что эти два типа — дом с холодными сенями и двумя входами и дом с коморой в глубине сеней — сосуществуют в одной области у двух различных народов, позволяет предположить, как мы уже отмечали и раньше, что жилище с сенями является более древним, а жилище с коморой в глубине сеней — более новым, развившимся из первого.

В 1895 г. Г. Крайничану описал основные типы жилища Молдовы и среди них два типа, наиболее для нас интересные⁴¹. Один из них представлен планом принадлежавшего барщинному крестьянину горного дома, имеющего два помещения: сени с печью и очагом, откуда можно пройти в жилую комнату также с печью, очагом и голландкой. Этот дом имеет призьбу по фасаду и одной из стен дома. Сзади к дому во всю его длину примыкает узкий хлев. Крайничану приводит также план венгерского дома (вероятно, чангэйского), более простого, имеющего холодные сени и жилую комнату с печью и очагом; это тот же тип дома с холодными сенями, из которого, как мы полагаем, развились типы жилища в Молдове. Другой тип дома у Крайничану представлен планом более богатого, трехраздельного дома свободного крестьянина, с сенями посередине. Этот план отличается от опубликованных нами трехраздельных домов с сенями посередине тем, что в глубине жилой комнаты, находящейся от сеней справа и отделенной «русской печью» и пристроенной к ней перегородкой, выделилась отдельная узкая комната. Этот дом также имеет с трех сторон призьбу и хлев, пристроенный к задней стене.

Как указывали в своих работах К. Ромшторфер и Р. Кайндл, описывая трехраздельные дома с холодными сенями посередине, в таких домах сени очень часто лишены потолка, так что дым из печи, находящейся в жилой комнате, через дымоход — «бурлан», сделанный в стене, отгораживающей комнату от сеней, беспрепятственно идет на чердак⁴².

Большой интерес для нас имеет работа И. Весловского о крестьянском доме Буковины, где он показывает эволюцию типов жилища (см. его рис. 3—9)⁴³. Он описывает дом с сенями (см. рис. 5 нашей статьи), дом с сенями и коморой (см. рис. 6 нашей статьи). Более развитые из опубликованных им типов имеют сзади дома хлев и навес, а в жилой части узкую отделенную голландкой и перегородкой комнату, которой пользуются молодожены.

³⁵ C. Romstorfer, Указ. раб., стр. 192—215.

³⁶ Там же, стр. 199—200, рис. 1.

³⁷ Там же, илл. № 3.

³⁸ Там же, илл. № 7.

³⁹ Там же, илл. № 6, стр. 209.

⁴⁰ Там же, илл. № 5.

⁴¹ Gh. Crăiniceanu, Указ. раб., табл. III.

⁴² C. Romstorfer, Указ. раб., стр. 202; R. F. Kaindl, Hof und Haus bei den Rusnaken, «Globus», т. LXXI, 1897, стр. 139; его же, Bei den Huzulen in Pruththal, «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», т. XXVII, стр. 19.

⁴³ E. Weslowski, Das rumänische Bauerhaus in der Bukowina, «Zeitschrift für Österreichische Volkskunde», Wien, т. XVIII, 1912, табл. L—III.

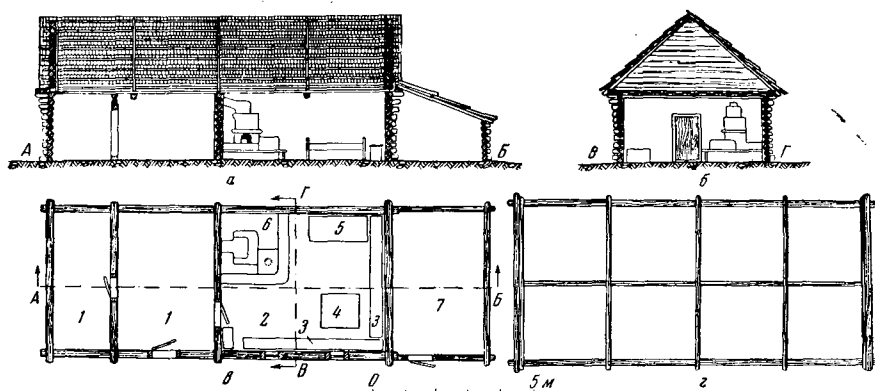

Рис. 8. План и разрез старого гудульского дома в Молдове Сулице. а — разрез по А—Б; б — разрез по В—Г; в — план; г — конструкция крыши; 1 — комора; 2 — жилое помещение; 3 — лавка; 4 — стол; 5 — кровать; 6 — печь; 7 — колежа

Этот тип дома распространен и в других областях, населенных украинцами, от Галиции и дальше на восток до Киевской и Курской областей. В этих областях традиционный украинский дом состоит из хаты, холодных сеней и коморы с двумя входами, а часто и узкого помещения вдоль задней стены дома⁴⁴. Холодные сени, видимо, представляют собою очень древнее и распространенное у славянских народов явление — о них упоминают еще древние тексты⁴⁵; известны они и у западных славян: поляков, словаков и словенцев. К. Рамм утверждает, что у поляков трехраздельный дом (изба, сени, комора) является основой развития крестьянского жилища, а у словаков эта форма всеобщая⁴⁶.

В. Герамб утверждает, что восточноальпийское жилище (Rauchstubenhaus) имеет большое сходство с украинской и белорусской хатой, а затем указывает, что оно имеет очевидное родство с соответствующими типами жилища юго-восточной Скандинавии, Финляндии, Польши и ряда областей России. Это выражается не только в том, что в печи готовят, пекут хлеб и на ней спят, но также и в общности плана дома во всех этих областях, так как, если мы заменим названия помещений в альпийских домах «Rauchstube», «Labn», «Kammer» словами «хата», «хыжа», «сени», «клеть», «комора» — мы получим основную простейшую форму украинского или словенского жилища⁴⁷.

Основной чертой этого типа жилища, помимо его трехраздельности, является то, что холодные сени находятся между жилой комнатой и коморой, причем сени имеют два наружных входа и очень часто, особенно в старых домах, бывают без потолка. Еще первые исследователи отмечали эти особенности румынских и украинских домов Буковины⁴⁸, а мы — трехраздельных домов в Молдове. Мы наблюдали этот тип украинского дома по всей области его распространения и установили, что он часто был старым традиционным типом трехраздельного жилища⁴⁹. Но более важно для нас то, что сени с двумя входами и без по-

⁴⁴ K. Rhamm, Указ. раб., II, 2, рис. 23, стр. 143; рис. 26, стр. 161; рис. 28, стр. 221; рис. 29, стр. 222; П. Г. Юрченко, Народное жилище Украины, М., 1941, рис. 7 и 38.

⁴⁵ L. Niederle, Указ. раб., II, стр. 102, 104, 108; V. Geramb, Die Kulturgeschichte der Rauchstube, «Wörter und Sachen», т. IX, 1923, стр. 59, 60.

⁴⁶ K. Rhamm, Указ. раб., II, 2, стр. 80, 93, 184; см. также: L. Molicki, Zavis kulturay materialney Goralı slashich, Katowice, 1936, стр. 64, рис. 71 и 72.

⁴⁷ K. Rhamm, Указ. раб., стр. 59—60; его же, Zur Geschichte der germanisch-slavischen Hauskultur, «Zeitschrift für slavische Philologie», т. I, вып. 3—4, стр. 321.

⁴⁸ C. Romstorfer, Указ. раб., стр. 199—200, рис. 1—2; R. F. Kaindl, Haus und Hof bei den Rusnaken, стр. 139.

⁴⁹ K. Rhamm, Указ. раб., II, 2, рис. 23, стр. 143; рис. 26, стр. 161.

толка проникли и за Карпаты в Трансильванию, как мы увидим, вместе с другими элементами культуры восточноевропейских народов (великорусов). Этот тип сеней встречается и в Нэсэудской области в трехраздельных домах, где сени расположены посередине и тоже не имеют потолка. Единственное их отличие — открытый очаг, расположенный у стены, отгораживающей сени от жилой комнаты. Несомненно, что раньше и в этих областях сени были холодными, так как открытый очаг с котлом над ним является древней формой очага, находившегося прежде в жилой комнате. Оттуда, когда в жилой комнате он был заменен печью с очагом перед ее устьем, его перенесли в сени ⁵⁰.

Как мы уже указали, трехраздельный дом с холодными сенями встречается и в восточных Альпах и обнаруживает большое сходство с украинским жилищем и в других отношениях. В противовес мнению Рамма, Герамб утверждает, что этот дом появился не на севере, а на востоке, откуда и распространился к западу ⁵¹. Два входа имеют и сени трехраздельных домов, распространенных в области Аусзее (Австрия). Все это заставляет нас рассмотреть систему двух входов или выходов, так как она является очень древней и распространенной.

Эту систему мы встречаем в области Старый Влах (Югославия), где в прежние времена один вход — главный — был расположен в восточной стене, а второй, используемый реже, в западной. В области Ясеница дом имеет «верхнюю дверь» (*gornja vrata*) и «нижнюю дверь» (*donja vrata*). Здесь через верхнюю дверь выходят и входят живые, а через нижнюю выносятся покойников (в других случаях ею никогда не пользуются). Этот обычай доказывает древность существования задней двери, тесно связанной с погребальным обрядом ⁵². Чтобы уяснить себе древность и распространенность устройства этой «двери для мертвых», чрезвычайно важно знать, что обычай выносить покойника из дома через особую дверь распространен и у германских народов. Так, он встречается в Голландской Фрисландии, в верхнем течении Эльбы и был также известен древним скандинавам ⁵³. Дома с двумя входами встречаются и в областях Браньи, Колубары и Млавы (появление в начале прошлого века второго входа в дом было связано с необходимостью защиты от турок) ⁵⁴.

Холодные сени без потолка также широко распространены. Такие сени встречаются на севере Трансильвании и в других ее областях в домах иных типов. Например, в так называемом «доме с бэбурой (щитом) в сенях» (*băbură în tindă*), существующем в Сэлаже и Сомеше, в глубине холодных сеней имеется плетеный свод, обмазанный глиной (напоминающий перевернутую квашню — бэбуру), концы которого упираются в стены, отделяющие сени от других помещений. Сени без потолка бывают и в так называемом «доме с печью в сенях», распространенном в центральных областях Трансильвании, в трансильванских степях, долинах Муреша и Тырнавы и спорадически встречающийся в Цара Хацегулуй, а также у венгров в Траскэу ⁵⁵.

В жилище славян на Балканах также встречаются сени или другие помещения без потолка. В Боснии дом в его простейшей форме имел

⁵⁰ R. Vuia, *Le village roumain*, стр. 60—62, рис. 27, 28.

⁵¹ Там же, стр. 321, 323, рис. 2.

⁵² S. Trojanović, *Starinska srpska jela i pica*, «Srpski Etnografski Sbornik», т. II, стр. 12, 14.

⁵³ «Srpski Etnografski Zbornik», т. V, стр. 271—272; M. Murko, *Zur Geschichte des volkstümlichen Hauses bei den Südslaven*, «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», т. XXXV, 1905, стр. 326.

⁵⁴ K. Rhamm, *Указ раб.*, II 2, стр. 200—201.

⁵⁵ R. Vuia, *Tara Hațegului...*, стр. 104, 105; егo же, *Le village roumain*, стр. 56—62; I. R. Bünker, *Das ethnographische Dorf der ungarischen Milleniums-Landesausstellung in Budapest*, in «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», т. XXVII, 1897, рис. 94, стр. 88.

Рис. 9. Дом с «фойшор» и призьбой, Сабаса, Молдова.

два помещения, одно из которых — кухня (*kuhinja*) с открытым очагом — было без потолка, а во втором — жилой комнате — имелась голландка. Сени без потолка, но отапливаемые, встречаются и в домах Штирии и Тироля ⁵⁶.

Еще несколько сот лет назад в германских домах центральных и восточных областей не все помещения имели потолок. Из сказанного видно, что как дверь в задней стене дома, так и сени без потолка являются очень древними, архаическими для крестьянских жилищ Европы элементами.

Трехраздельный дом с сенями посередине в исследованных нами горных районах Молдовы в его более развитой форме имеет очень характерный элемент — окружающую дом призьбу со столбами или фигурными колоннами. Этот элемент чрезвычайно специфичен для молдовского жилища, но очень редко встречается в украинском, причем и в этих случаях призьба с колоннами идет только вдоль фасадной стены ⁵⁷. Призьба, окружающая дом, во всей области распространения трехраздельного дома с сенями посередине редко встречается и у других народов. Даже К. Ромшторфер, один из первых исследователей крестьянского жилища в Буковине, отмечал различие между румынским и украинским домом из Буковины, состоящее в том, что румынам нравится иметь перед домом, а иногда и вокруг него, призьбу, называемую «шопрец», богато орнаментированные столбы которой подпирают свес крыши ⁵⁸. К. Рамм предполагал, что и крыльцо со столбами, расположенное перед фасадом домов бойков в галицийских Карпатах, возникло под румынским влиянием ⁵⁹. Несомненно, что за исключением балканских народов,

⁵⁶ R. Meringer, *Das volkstümliche Haus in Bosnien und der Herzegowina*, «Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und der Herzegowina», т. VII, 1900, стр. 7; его же, *Die Stellung des bosnischen Hauses und Ethymologien zum Hausrat*, «Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien», Phil.-hist. Klasse, т. CXLIV, 1901, стр. 39, 41, 47, 49; его же, *Das deutsche Haus und sein Hausrat*, стр. 26, 27.

⁵⁷ П. Г. Юрченко, Указ. раб., рис. 19, 20, 21, 22, 80, 81, 82, 83, 85.

⁵⁸ C. Romstorfer, Указ. раб., стр. 212; К. Рамм, Указ. раб., стр. 248.

⁵⁹ К. Рамм, Указ. раб., стр. 248, примечание 1.

в особенности болгар, только в польском крестьянском жилище мы встречаем крыльцо со столбами перед фасадом⁶⁰. Крыльцо со столбами встречается и в венгерском жилище. Но ни у одного народа Юго-Восточной Европы крыльцо со столбами не отделялось так художественно и не было так распространено, как у румын. Художественные достоинства декора румынского дома и чувство пропорций поражали иностранцев, посещавших румынские села. Такая призьба со столбами является не только одной из наиболее характерных черт румынского крестьянского дома, но и показателем высокого художественного вкуса румынского крестьянина. Вместе с тем она является каким-то южным элементом, возможно — средиземноморским.

Рассмотрим еще один элемент, характерный как для молдавского, так и для украинского жилища, реже встречаемый в домах с призьбой и чаще — в молдавских домах более древнего типа. Речь идет об узком и длинном хлеве, пристроенном к задней стене дома под свесом крыши.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении публикациям, мы не можем утверждать, что это узкое помещение, пристроенное к задней стене дома или к одной из других его стен, было широко распространено на Украине⁶¹; чаще всего оно встречалось в Галиции и Буковине⁶² у украинцев и румын⁶³, а также в традиционных домах Молдовы.

По сведениям, полученным от более пожилых информаторов, хлев (шура), пристроенный к задней стене дома, стал известен лишь 50—60 лет назад. И только после первой мировой войны в Молдове стали строить хлевы по трансильванскому образцу. Как и древние славяне, румыны этих областей зимой держали скот под открытым небом, под защитой деревьев или открытого навеса (корлэ). Авторы сообщают нам о таком же содержании скота в Буковине в XVIII в., до ее перехода под австрийское владычество (1784 г.). И только после официального постановления австрийских властей о содержании скота, там начали пристраивать к дому узкие хлева⁶⁴. По-видимому, не будет ошибки утверждать, что именно этим постановлением и нужно объяснить происхождение хлева, пристроенного к задней стене дома, как у украинцев Галиции, так и у украинцев и румын Буковины. Очень вероятно, что отсюда вместе с переселенцами украинцами и гуцулами он распространился в Молдову и Марамуреш под названием «колежна»⁶⁵ (гуцульский хлев в долине Прута носит название «стайни» или «колесни») ⁶⁶. Это же название хлева — «колежна» мы встретили в одной и усадьбы с. Молдова Сулица на севере Молдовы (рис. 8).

Такие же помещения, находящиеся под свесом крыши, встречаются и в других районах Трансильвании и даже за Карпатами, в Мунтении. Так, в Цара Бырсей, в Бране в случае, когда количество скота увеличилось, вокруг дома с квадратным двором стали пристраивать «кросна» или «кросние» — помещения для скота⁶⁷ (этот термин тоже славянско-го происхождения)⁶⁸.

Помещение, находящееся под свесом крыши дома, известно под названием «полета» и в холмистых районах Мунтении и Молдовы. Оно встречается и в равнинной зоне под названием «прилипка». Оба эти

⁶⁰ K. Rhamm, Указ. раб., стр. 247—250; V. Bierbauer, A Magyar ház tornáca, «Magyar Szemle», т. XXXIX, 1940, Budapest, № 3, стр. 206—210.

⁶¹ П. Г. Юрченко, Указ. раб., рис. 38.

⁶² C. Romstorfer, Указ. раб., стр. 204.

⁶³ Там же, стр. 204, 206, рис. 6; стр. 207, рис. 5.

⁶⁴ A. Dachler, Das Bauerhaus in Osterreich-Ungarn und seinen Grenzgebieten, 1906, стр. 34, табл. III, рис. 24; Br. Schier, Указ. раб., стр. 182, 367.

⁶⁵ R. Vuia, Le village roumain, стр. 62, рис. 29.

⁶⁶ R. F. Kaindl, Bei den Huzulen in Pruththal, стр. 217.

⁶⁷ R. Vuia, Указ. раб., стр. 37, рис. 13.

⁶⁸ См.: K. Rhamm, Указ. раб., стр. 106.

названия славянского происхождения. Такие помещения используются в качестве кухни, коморы или хлева. Расположение их в северной части дома, как это часто бывает в обследованных нами районах Молдовы, указывает на то, что они должны также защищать жилище от резких северных ветров⁶⁹.

Хотя по сообщениям информаторов это помещение, пристроенное к задней стене дома, в северных районах Молдовы недавнего происхождения, широкое распространение его в других частях страны заставляет нас предположить большую древность бытования его в этих районах. Славянское происхождение этих названий указывает не только на то, откуда заимствовано это помещение, но и на древность этого заимствования хотя бы для некоторых частей страны. Но можно говорить и о спонтанном их возникновении. Естественно, что в случае нужды особенно бедные крестьяне пользовались этим наиболее легким способом пристройки помещения, даже самого маленького, возле дома. Кто внимательно исследовал дома бедняков на окраинах больших городов, мог часто заметить применение этого практичного и дешевого способа. Очень вероятно, что та же идея могла возникнуть у неимущего человека повсеместно и во все времена.

Нам остается заняться самой важной частью дома: устройством для приготовления пищи и обогрева жилища, которое можно считать сердцем дома. Какими бы важными для определения типа жилища ни были план дома и назначение каждого помещения с характерными их особенностями, все же устройство для приготовления пищи, если даже оно не всегда определяет тип дома, имеет важное значение в этом отношении.

На севере Молдовы устройство для приготовления пищи и обогрева помещения — довольно сложное и больших размеров. Его составные части — печь, где пекут хлеб, и находящийся перед устьем печи очаг — «малай», на котором готовят пищу. К ним сравнительно недавно прибавилась плита (шперхет, шперхерт, шпехэрт), сделанная из камня и глины. Иногда сзади плиты ставят голландку для обогрева комнаты. Это устройство, состоящее из нескольких частей, довольно велико по размерам. В прошлом, когда имела только печь, размеры ее были еще больше: поверхность печи была достаточно поместительной, чтобы часть семьи могла использовать ее в качестве лежанки.

У народов Европы устройства для приготовления пищи и обогрева помещения в крестьянских домах могут быть разделены на три основных типа: а) открытый очаг; б) очаг с камином (у народов Западной Европы и части средиземноморских); в) большая печь, используемая не только для обогрева помещения, но и для приготовления пищи, а на востоке — и для спанья.

К. Рамм отметил многостороннее употребление и характерные черты старославянской печи, а именно: 1) печь имеет большие размеры, занимая до четверти площади комнаты; 2) она помещается в углу у разгораживающей стены, и устье ее направлено к двери; 3) она используется не только для обогрева комнаты, но в ней готовится пища в горшках, которые ставят туда при помощи ухвата; 4) печь используется также как место спанья членов семьи⁷⁰.

Открытый очаг находится либо на уровне пола, либо немного приподнят на цоколе, на котором горит открытый огонь. Принадлежностью открытого очага в первую очередь является котел, цепь которого прикреплена к бревну потолка, либо он поддерживается при помощи «ко-

⁶⁹ М. А. Popp, Valea Prahovei între Predeal și Florești, «Buletinul Societății Române de Geografie», т. XLVIII, 1929, стр. 201, 203, 205, 206; Fl. Stănculescu, Ad. Gheorghiu, P. Stahl, P. Petrescu, Arhitectura populară românească, Regiunea București, București, 1958, стр. 26; там же, Regiunea Ploiești, стр. 105.

⁷⁰ К. R h a m m, Указ. раб., II, 2, стр. 169—187.

кая» или подвижного «выртежа». Этот котел неизвестен восточнославянским народам. Другими принадлежностями открытого очага являются: треножник, на который ставят горшки в непосредственной близости к огню, вертел и «лошадь», или «кошка» (*mîța*) — железная подставка, на которую кладут дрова (*colul*), чтобы огонь лучше разгорался. Второстепенными принадлежностями являются клещи и кочерга (*vătraiul*), при помощи которых подкладываются дрова и размещиваются угли.

Между зонами распространения открытого очага и «русской» печи образовалась переходная зона, идущая полосой — с севера на юг, где наблюдаются взаимовлияния и взаимопроникновения указанных типов. Здесь устройство для приготовления пищи и обогрева помещения состоит из печи, перед которой на цоколе находится открытый очаг. В печи пекут хлеб и изредка готовят пищу, но в основном ее готовят на открытом очаге. Зона распространения печи с очагом перед ней начинается на севере Швеции, проходит через Польшу, Галицию; такое же устройство известно словакам и словенцам⁷¹.

Нет сомнения, что традиционный румынский дом входил в зону распространения открытого очага, основной принадлежностью которого был котел, а хлебная печь находилась во дворе. Доказательством этому служат два известных нам центра — в Цара Хагеулуй, области Пэдурень, и в горах Апусень, которые еще полвека назад сохраняли своеобразный архаический облик.

Вместе с тем в этих областях существовал еще дом с коморой, старый тип румынского крестьянского жилища, в котором был открытый очаг — «кэлониул» с пирамидальным дымоходом (кош) над ним⁷². Ныне такой очаг почти повсеместно заменен современными устройствами для приготовления пищи. Но и сам дом с коморой теперь встречается там реже. В остальных областях Трансильвании, особенно в центральной ее части, этот архаический тип жилища сменился трехраздельным домом с сенями посередине, где стояла хлебная печь с очагом перед устьем. В зону, пограничную с равниной Тиссы, проникли влияния верхненемецкого дома (*oberdeutsches Küchenstubenhaus*) и обычным стал тип, названный нами «дом с глухой голландкой и очагом в сенях» (*casa cu soba oarbă și cu vatra în tindă*). Этот тип проник и за Карпаты, особенно в Олтению и Мунтению, сменив там дом с открытым очагом⁷³.

Устройство для приготовления пищи и обогрева помещения в Молдове, особенно в верхнем течении Молдовы и Быстрицы, совершенно отлично от подобных устройств в крестьянских домах других областей Румынии. Здесь мы встречаем печь довольно большого размера, на которой спят, совершенно такую же, как на востоке Европы, с той разницей, что готовят в ней довольно редко⁷⁴. Пищу готовят на очаге, находящемся перед печью, как и в переходной зоне между областями распространения открытого очага и «русской» печи. Как мы уже видели, печь проникла и в северотрансильванский дом, где встречаются и другие восточные элементы, например, «колежна».

В старых молдавских домах до проникновения туда восточнославянской печи, как и везде у румын, существовал открытый очаг с пирамидальным кошем, через который дым проходил на чердак. И теперь такой очаг встречается в колибах, используемых в качестве летних кухонь. Вместе с очагом были перенесены туда и «выртеж» или «хырлобата», прикрепленные к стене, на которых висит котел. Общеизвестен факт, что когда в доме появляется новое устройство для приготовления пищи и обогрева комнаты, старое устройство переносят в другое

⁷¹ Br. Schier, Указ. раб., стр. 190—256.

⁷² R. Vuia, *Tara Hațegului...*, стр. 95—97; его же, *Le village roumain*, стр. 48—52.

⁷³ G. Grăiniceanu, Указ. раб., стр. 49, 53, 54, 58, 62, 69, 95.

⁷⁴ Там же, стр. 42, 71, 95—96.

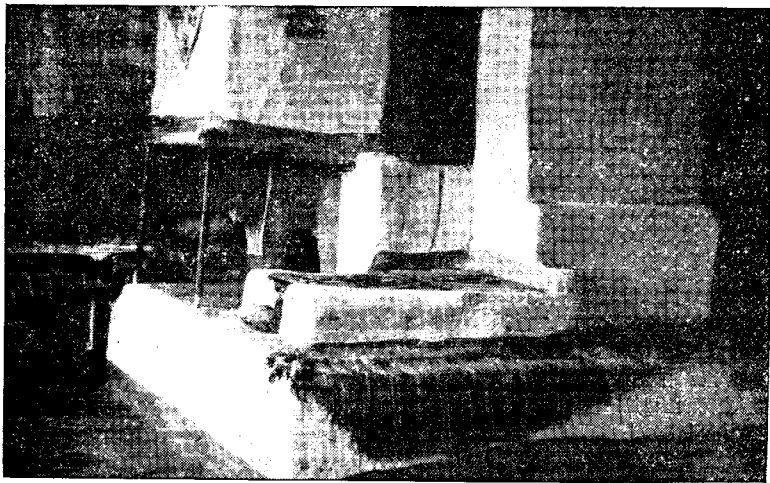

Рис. 10. Печь «куптюр» в Пояна Тейулуй, обл. Бакэу

помещение, как это случилось и со старым очагом нэсэудских домов. В Нэсэуде, когда в жилой комнате появилась печь, старое устройство было перенесено в сени, которые до того были холодным помещением⁷⁵.

Итак, мы можем сказать, что жилище румынских крестьян входило в зону распространения открытого очага. Эта зона делилась на две части: северную, где наблюдалось влияние германского жилища, и южную или балканскую, которая образовалась в результате проникновения в одних случаях славянской печи с устьем в доме, как это было у словаков и словенцев (*Rauchstube*), в других случаях — глухой голландки (*Hinterladerofen*), проникшей с запада в Венгрию, Хорватию, Боснию, а в Румынии — в Банат и Мунтению. Румынский дом с открытым очагом входит в эту южную зону и создает область распространения карпато-балканской культуры. Доказательством этому служит не только открытый очаг, но и его принадлежности: купол (*test*) для выпечки хлеба, кочерга (*vătraul*), лопарул (*loparul*) и маленький столик⁷⁶. Как мы уже указали, в западных частях страны, на равнине Тисы и в Мунтении, румынский крестьянский дом испытал на себе влияние нового типа немецкого дома (*oberdeutsches Küchenstubenhaus*), а в северных частях Трансильвании и особенно в северной Молдове сказало влияние культуры восточноевропейских народов. Здесь мы встречаем не только трехраздельный дом с холодными сенями, распространенный и у украинцев, но и большую печь, на которой спят, как у великоросов.

Однако мы не хотим утверждать, что жители Молдовы заимствовали печь от своих восточных соседей, так как румынскому крестьянину повсеместно была известна хлебная печь, находившаяся во дворе. Доказательством служит и тот факт, что обычно румыны называют печь старым термином латинского происхождения (*cuptor*) и лишь жители Молдовы заимствовали от своих соседей идею перенесения печи в жилую комнату и обычай спать на ней.

Наблюдаются и другие черты, заимствованные от восточных соседей. У украинцев, белорусов и поляков, а также у румын в нижней части дома имеется призьба, защищающая его от холода и дождя⁷⁷. Призьбы

⁷⁵ R. V u i a, *Le village roumain*, стр. 71, рис. 27.

⁷⁶ Там же, стр. 67.

⁷⁷ К. R h a n t, Указ. раб., стр. 98, 144—145.

под тем же названием встречаются у румын не только в исследованной нами Молдовской области, но и в Трансильвании и Мунтении⁷⁸.

Интересно выяснить происхождение одного термина, заимствованного от восточноевропейских народов. В пожорытском доме каменная кладка, защищающая деревянные стены дома от огня очага и голландки, называется «кэбинец». Примерно 30—40 лет назад в Цара Хацегулуй, когда еще сохранялся древний очаг для приготовления пищи и обогрева помещения — «кэлониул», вдоль бревенчатых стен в целях защиты от огня ставили, как и в пожорытской колибе, «кэmineц» — оградку из камня, высотой примерно в 10 см⁷⁹. Такое же устройство из камня в Цара Моцилор и на севере области Хунедоара носит название «каменица»⁸⁰. Как ни соблазнительна возможность вывести этот термин от латинского «сатипус» (как и «камена» у чехов, «комнас» — у полабов, «кетепсе» — у венгров), все же следует думать, что этот термин происходит от «каменка», «каменика», как до сих пор называется печь в русской бане. Эти два последних слова образовались от корня «кам» — камень⁸¹.

Внутреннее убранство крестьянского дома Молдовы испытало сильное восточнославянское влияние. Это в особенности относится к двум важным предметам мебелировки: лавке и полке («лаица» и «полица»). Деревянные лавки, отмеченные у великорусов еще в XVII в., употреблялись, как и жителями Молдовы, для сиденья и спанья⁸². «Полица» — старый и распространенный у всех славянских народов термин — применяется у румын к висящей на стене полке, на которой обычно держат кухонную утварь, и, несомненно, заимствован у восточных славян⁸³. Зато румыны повсеместно сохранили термины «масă» (стол) и «сцаип» (стул), которые мы считаем происходящими от средиземноморских (латинских) слов.

Возникает вопрос и о других заимствованиях — в области техники строительства. Так, более толстые бревна, находящиеся в основании дома, называются «тэлти» или «тэлпе», слово венгерского происхождения, как «костороабеле», бревна верхнего венца (от венгерского «koszori»). Вероятно, эти термины были принесены переселенцами из Трансильвании.

Опираясь на эти два термина, К. Шебештейн настаивает на мадьярском происхождении румынского деревянного дома⁸⁴. Никто не отрицает венгерского происхождения этих двух терминов, но они не подтверждают мнения указанного автора. Наряду с терминами «cosorău», «costoroaba» румыны повсеместно сохранили и чисто румынское название «кунуна» для бревен, на которые опирается крыша. В отношении «талпа касэй» (основание дома) следует помнить, что румыны называют так и стопу ноги («талпа пичорулуй»). То же произошло и со словом «мыглэ» (ключ). Говорят: «кладут бревна в мыглэ» (в угол). По всей вероятности, и это слово венгерского происхождения (от «maglya» куча, груда)⁸⁵. Однако нельзя утверждать, что жители Молдовы заимствовали от венгров самую технику соединения бревен; был заимствован только термин. Будучи знакомы с этим словом в смысле «куча», жители Молдовы применили его к технике соединения бревен «в кучу» при строительстве жилищ.

⁷⁸ См. изображение дома с призьбой из южной Молдовы в кн.: Fr. D a m é, *Incertare de terminologie popora ă română*, București, 1898, рис. 2, стр. 96.

⁷⁹ R. V u i a, *Tara Hațegului...*, стр. 95.

⁸⁰ R. V u i a, *Le village roumain*, стр. 42, 43.

⁸¹ K. R h a m m, Указ. раб., стр. 181, примечание 3, стр. 234; Br. Schier, Указ. раб., стр. 234.

⁸² K. R h a m m, Указ. раб., стр. 123; Br. Schier, Указ. раб., стр. 324.

⁸³ K. R h a m m, Указ. раб., стр. 113, 124; Br. Schier, Указ. раб., стр. 328.

⁸⁴ K. S e b e s t y e n, Указ. раб., стр. 80—85.

⁸⁵ A. S c r i b a n, *Dicționarul limbii românești*, Iași, 1939, cuvîntul mișlă.

Терминологические заимствования, а также заимствование технических приемов — частое явление у народов, живущих на одной территории. Несколько примеров: в хозяйстве чангэев, говорящих на венгерском языке, много терминов, заимствованных у румын Молдовы: «okol», «ogradă», «szarpon», «szuga», «borgye», «hognua» и т. д.⁸⁶ Но это не означает, что чангэям, когда они пришли в Молдову, не были известны окол и ограда; лишь под влиянием окружающих румын они заимствовали у них эти термины. Другой пример: на юге Сербии (Вранья) среди терминов, относящихся к дому, часто встречаются слова турецкого происхождения, проникшие во время турецкого владычества⁸⁷. И у румын наблюдается то же явление (ср. термины «cerdac» — крыльцо, «hogeag», «mirtaci» — дымоход, и др.).

Способ соединения бревен в деревянных домах наиболее важен при изучении техники строительства. В разделе, где мы занимались изучением строительства жилищ в Молдове, мы показали два способа соединения углов румынского дома: «стынеште» и «мыглеште». Нет сомнения, что соединение бревен первым способом — явление наиболее древнее, автохтонное, хотя оно распространено у всех народов, которые строят дома из круглых бревен. Вариации встречаются только в отношении выреза на концах бревен для их соединения. Две другие системы — как будто иностранного происхождения. Об этом нас заставляет думать хотя бы терминология: так, когда концы бревен выступают из места соединения, говорят, что они соединены «по-русски»; вероятно, эти дома строились по способу старых русских жилищ⁸⁸. Второй заимствованный способ соединения «мыглеште», когда бревно имеет четыре стороны. Судя по термину «chiotorî», он венгерского происхождения, а сам технический прием был заимствован у немцев из Буковины, применявших более прогрессивную технику. Доказательством этого служит не только название «по-немецки». Этот способ соединения бревен в Трансильвании называется «немецкое крепление»⁸⁹.

Если разделить терминологию, относящуюся ко двору и жилищу, по группам, выявятся две категории, в которых преобладают заимствования от славян. Первая категория относится ко двору, или лучше сказать, к огороженным местам и постройкам для содержания скота. Эти заимствования мы констатировали, когда изучали дворы Трансильвании и Баната⁹⁰. Сюда входят слова: «ограда», «окол», «градине» (огород), «ливада» (луг), «гард» (изгородь), «пырляз» (перелаз), «котец» (куратник, свинарник), «иесле» (ясли). Вторая категория славянских терминов, особенно многочисленная, относится к частям деревянного дома: «призба», «бырна» (бревно), «стылп» (столб), «стрешина» (стреха), «зэвор» (запор), «бланэ» (доска), «колиба», «кэmineц» и «под» (чердак) с его дериватами «подя», «подялэ» (пол), «подец». Необходимо отметить, что большинство этих слов, а также терминов, относящихся к хозяйству, встречается не только в исследуемой области, но и в других местах.

Из терминов славянского происхождения, относящихся к внутреннему убранству, отметим следующие: «полица» и «ланца» с дериватом «лэичер» (покрывало на лавке), «болерка» (боченок), «полобок» (бочка), «бошер».

Вслед за славянскими по количеству идут заимствованные венгерские и немецкие слова. Но каждая из этих групп не достигает и поло-

⁸⁶ G. Lükő, A moldvai csángok, стр. 142.

⁸⁷ K. Rhamm, Указ. раб., стр. 197.

⁸⁸ Н. А. Ковальчук, Деревянное зодчество. Горьковская область, «Памятники русской архитектуры», М., 1955, стр. 6—7.

⁸⁹ R. Vuia, Le village roumain, стр. 74.

⁹⁰ R. Vuia, Указ раб., 40—41; его же, Ethnographische Beweise стр. 40—41.

вины славянских заимствований. В хозяйстве и особенно в животноводстве были заимствованы два термина венгерского происхождения: «имаш» (выгон) и «корлэ» (навес). Кажется, венгерского происхождения слово «разлог» (от венгерского — грубо отесанная доска)⁹¹.

В конструкции деревянного дома терминов венгерского происхождения меньше, чем славянских, но зато они относятся к двум основным частям конструкции жилища: «талпа» — бревно в основании дома, «кастороба» — бревно верхнего венца, а также «мыглэ» — место соединения бревен. Терминами немецкого происхождения, пришедшими к румынам через мадьяр, являются «соба» и «лец» (планка). Среди терминов венгерского или немецкого происхождения, относящихся к утвари и проникших к румынам через венгров, мы встречаем слова: «fedeles» (круглый деревянный сосуд для жидкостей), «berbintă» (продолговатый сосуд для брынзы), «ciubă» (деревянный сосуд).

Словами немецкого происхождения, относящимися к хозяйству, являются «шопру» и «шурэ»; к устройству для приготовления пищи «шперхерт», «рула», «кехлята»; к мебелировке — «ладэ» (сундук); к утвари — «кана», «кофа», «талжер».

В заключение мы можем констатировать следующее: древний дом у румын был срубным однокамерным домом с открытым очагом и пирамидальным кошем (дымоходом) над ним. Этот старинный румынский дом эволюционировал в двух направлениях: а) в Трансильвании — путем перенесения коморы под одну крышу с жилым домом образовался так называемый дом с коморой, который существовал как у румын, так и у венгров Трансильвании с отдаленных времен; б) в Мунтении и Молдове к жилой комнате пристроилась холодная комната под названием «тинды» (сеней) у входа. В дальнейшем, в результате проникновения глухой печи как у венгров и румын равнины Тиссы, так и в Мунтении румынское жилище этих районов, которое до тех пор имело два помещения — жилую комнату с открытым очагом и пирамидальным кошем и холодные сени у входа, превращается в жилую комнату с глухой печью, а открытый очаг с пирамидальным кошем был перенесен в сени.

SUMMARY

The author of the present article, basing himself on the field materials collected by him in 1955, analyses the types of settlements and dwellings in the north and west of Moldova, and traces a number of elements and features which the peasant dwellings of Moldova have in common with the dwellings of the Eastern Slavs, and of the West European peoples.

⁹¹ L. Săineanu, Dicționar universal al limbii române; R. Scriban, Указ. раб. статья cuvîntul răzlog.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

М. А. ИТИНА

СТЕПНЫЕ ПЛЕМЕНА СРЕДНЕАЗИАТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ II — НАЧАЛЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

При изучении истории человечества на древнейших этапах ее развития, в период господства первобытнообщинного строя, как известно, важнейшим источником является археология. Поэтому не случайно то большое внимание, которое уделяется в нашей науке именно проблемам первобытной археологии.

Развитие работ в этом направлении на территории Средней Азии представляет особый интерес, ибо это область, которая уже с древнейших времен являлась зоной контакта величайших древневосточных цивилизаций с примитивными племенами охотников и рыболовов, а затем с племенами скотоводов и земледельцев северного степного и лесостепного мира. Более того, уже тогда Средняя Азия играла роль посредствующего звена между культурами переднеазиатского мира и культурами таких отдаленных областей, как, например, Западная и Южная Сибирь.

Все эти контакты неизбежно были связаны со сложнейшими этногенетическими процессами, выявлению которых опять-таки могли и должны были способствовать археологи.

Однако эти крупнейшие задачи первобытной археологии Средней Азии были поняты лишь в советское время. Особенного размаха достигли работы в этой области в послевоенный период.

Так, были начаты плодотворные исследования по изучению древнейших памятников земледельческой культуры юго-западной Туркмении; были начаты и успешно продолжают работы по изучению древнейших земледельческих поселений Ферганы; были сделаны интереснейшие открытия в области истории культуры степных племен Ферганы, южного Узбекистана и Хорезма. Наконец, большие работы по первобытной археологии были начаты в Казахстане — области, которая культурно-исторически теснейшим образом связана со Средней Азией. В итоге накопилось огромное количество фактов, которые требуют широкой интерпретации на большом историческом фоне.

В этом смысле эпоха бронзы дает особо богатый материал, ибо развитие пастушеского скотоводства и металлургии меди и бронзы при неравномерном распределении на территории Средней Азии источников сырья — способствовало развитию обмена, развитию культурных сношений между отдельными племенами, наконец, передвижению отдельных племенных групп на значительные расстояния.

Различные географические условия уже с глубокой древности предопределили различное направление хозяйства древнего населения Средней Азии. На юге, в подгорной полосе развивалась земледельческая культура, теснейшим образом связанная с древнеземледельчески-

ми цивилизациями Передней Азии; к северу от этой области, в степной полосе, бытовала в неолите культура охотников и рыболовов, а позднее, в бронзовом веке, культура племен, занимавшихся пастушеским скотоводством и земледелием, основанном на простейших формах искусственного орошения.

История этих степных племен, наиболее бурные события в которой происходят во второй половине II — начале I тысячелетия до н. э., и привлекала наше внимание.

Работы в этой области, в течение многих лет ведущиеся Хорезмской экспедицией под руководством С. П. Толстова, дали множество новых фактов, которые вместе с данными, полученными с сопредельных территорий, проливают свет на историю древнейших насельников среднеазиатских степей.

Изучение Хорезмской экспедицией истории древних русел Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, истории заселения их человеком, позволило установить, что здесь в эпоху бронзы происходили сложные этнокультурные процессы.

Серединой и второй половиной II тысячелетия до н. э. датируется открытая в Южном Приаралье, на территории древней Акча-дарьинской дельты Аму-Дарьи, культура степной бронзы, названная С. П. Толстовым тазабагыябской¹. Ее носители занимались скотоводством и земледелием, жили в полужемлянках, у них бытовала лепная посуда с характерным геометрическим орнаментом; свои орудия и украшения эти люди изготавливали из меди и бронзы, однако изделия из камня продолжали играть немаловажную роль.

Тазабакыябские стоянки и их инвентарь, равно как и инвентарь тазабагыябского могильника Кокча 3, показывают, что в тазабагыябской культуре очень четко прослеживаются два компонента: срубный и андроновский, последний в его западноказахстанском варианте (Алексеевское поселение и могильник)². Это удается установить по формам и орнаментации сосудов, по бронзовым украшениям, по планировке жилищ, по краниологическим материалам. Все это говорит о каких-то более глубоких процессах, объединявших эти области, чем просто культурные связи.

Начавшееся уже к середине II тысячелетия до н. э. проникновение племен — носителей срубной культуры на север в Среднее Поволжье, встречное движение андроновских племен, приведшее к появлению в обеих культурах элементов той и другой — все это привело к тому, что Среднее Заволжье и Южное Приуралье превратились, видимо, в зону контакта этих племен. Процесс этот подтверждается и данными антропологии — краниологические материалы из Южного Приуралья дают смешанный срубно-андоновский тип³. В последнее время получены новые доказательства проникновения волжан в район Актюбинска. Мы имеем в виду раскопки В. С. Сорокина на могильнике Тасты-Бутак I.

¹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 66—67; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 76—77; его же, Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937—1956 гг.), «Сов. этнография», 1957, № 4, стр. 36—42; М. А. Итина, Новые стоянки тазабагыябской культуры, Материалы Хорезмской экспедиции, в. 1, М., 1959, стр. 52—69; ее же, Первобытная керамика Хорезма, Труды Хорезмской экспедиции, т. IV, М., 1959, стр. 5—62; ее же, Раскопки стоянок тазабагыябской культуры Ангка 5 и Кават 3 в 1957 г., Материалы Хорезмской экспедиции, в. 4, М., 1960, стр. 82—103; «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения», Материалы Хорезмской экспедиции, в. 3, М., 1960, стр. 89—118; «Могильник бронзового века Кокча 3», Материалы Хорезмской экспедиции, в. 5, М., 1961.

² О. А. Кривцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник, Труды Гос. исторического музея, XVII, М., 1948.

³ Т. А. Трофимова, Антропологический состав древнейшего населения Прикамья и Приуралья, Материалы и исследования по археологии СССР, 22, 1951, стр. 97—110.

Там были обнаружены черепа, принадлежащие к европеоидному антропологическому типу, имеющему много общего с типом носителей срубной культуры⁴. Интересно, что при этом облик материальной культуры могильника в основном андроновский⁵. Таким образом, Оренбургские степи были зоной смешения андроновской и срубной культур, причем в активные контакты вступали отдельные племенные группы.

В некоторых случаях пришельцы воспринимали культуру аборигенов, как это было в Тасты-Бутак, а в других формировалась культура, содержащая черты и срубной, и андроновской. В чем причина доминирования той или иной культуры в данном комплексе — сказать трудно, однако совершенно прав, на наш взгляд, К. Ф. Смирнов, который делает попытку выделить отдельные культуры андроновского типа как культуры отдельных племенных групп, используя в качестве одного из признаков наличие в них в большей дозе срубных или андроновских признаков⁶. Наличие в тазабагъябской культуре срубных и андроновских черт дает нам основание высказать предположение о прошлом характере тазабагъябского населения Хорезма и о вероятном формировании тазабагъябской культуры именно в указанной зоне контакта срубной и андроновской культур.

О сходстве керамического материала эпохи бронзы из степей Среднего Поволжья и Западного Казахстана с хорезмийским не раз писал И. В. Сеницын⁷. Очень явно прослеживается в тазабагъябской культуре срубный компонент, что особенно четко проявляется в сходных типах украшений⁸. Наконец, не случайно и сходство керамики тазабагъябской культуры с материалом из Алексеевки, который, в свою очередь, содержит множество срубных черт⁹. Интересные факты дает и антропологический материал.

В своих последних работах Т. А. Трофимова¹⁰ четко выделяет среди краниологических материалов могильника Кокча 3 смешанный срубно-андоновский тип, причем характерно, что в целом эти черепа ближе к черепам срубных погребений из Нижнего Поволжья, чем к андроновским. То, что процесс смешения этих срубных и андроновских племенных групп имеет в данном случае некоторую давность, подчеркивается отсутствием здесь типично срубных или типично андроновских черепов. (Лишь погребение 77 дает четко выраженный андроновский тип.)

Итак, по нашему предположению, в середине II тысячелетия до н. э. в степях Южного Приаралья появились пришельцы с северо-запада. Возникает вопрос, не шло ли проникновение племен — носителей тазабагъябской культуры — в южный Хорезм через Восточное Приаралье и далее к югу по древней Акча-дарьинской дельте. В Северной Акча-дарьинской дельте были обнаружены несколько стоянок и целый ряд

⁴ В. В. Гинзбург и Б. В. Фирштейн, Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана, «Сборник Музея антропологии и этнографии», XVIII, 1958, стр. 436.

⁵ В. С. Сорокин, Могильник Тасты-Бутак I (раскопки 1956—1957 гг.), Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры (КСИИМК), 80, 1960, стр. 53—59.

⁶ К. Ф. Смирнов, Проблема происхождения ранних сарматов, «Сов. археология», 1957, № 3, стр. 9.

⁷ И. В. Сеницын, Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья, «Сов. археология», XI, 1949, стр. 195—224; его же, Археологические памятники по реке Малый Узень (Саратовская область и Западный Казахстан), КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 101—112.

⁸ М. А. Итина, Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча 3, Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 5, 1961, стр. 75—82.

⁹ О. А. Кривцова-Гракова, Указ. раб., стр. 129.

¹⁰ Т. А. Трофимова, Палеоантропологические материалы с территории древнего Хорезма, «Сов. этнография», 1957, № 3, стр. 14—15; ее же, Основные проблемы палеоантропологии Хорезма, Материалы Хорезмской экспедиции, в. 2, 1959, стр. 24—29; ее же, Основные итоги и задачи палеоантропологического изучения Средней Азии, «Сов. этнография», 1960, № 2, стр. 112; ее же, Черепа из могильника тазабагъябской культуры Кокча 3, Материалы Хорезмской экспедиции, в. 5, 1961, стр. 139—140, 143.

отдельных находок, относящихся к тазабагъябской культуре¹¹, но, судя по всему, тазабагъябские племена осели в Южной дельте, где и концентрируются основные памятники этой культуры.

Маршрутные исследования на древних руслах Сыр-Дарьи, проводимые под руководством С. П. Толстова, позволили установить, что восточной границей распространения стоянок тазабагъябской культуры являются крайние восточные протоки Северной Акча-дарьинской дельты в зоне соприкосновения их с одним из древнейших протоков Сыр-Дарьи — Инкар-Дарьей в ее нижнем течении¹². Далее к юго-востоку, на среднем течении Инкар-Дарьи, мы встречаем стоянки с типичным андроновским материалом, а в пользу устойчивости в этих районах андроновской традиции говорит материал могильника на возвышенности Тагискен, открытого во время маршрута 1959 г.¹³ Могильник датируется уже началом I тысячелетия до н. э., но в его керамических комплексах мы встречаем сосуды, бесспорно восходящие к андроновским типам.

Если, говоря о генезисе тазабагъябской культуры, мы специально отмечаем наличие в ней тех или иных срубных или андроновских черт, это вовсе не значит, что тазабагъябская культура является просто вариантом одной из указанных культур.

Тазабакъябская культура, исследованная в Южном Приаралье, — вполне самостоятельная культура степной бронзы, которая в своем развитии на данной территории впитала в себя множество компонентов. Ее носители, появившись в Южной Акча-дарьинской дельте в середине II тысячелетия до н. э., нашли эту территорию уже заселенной суярганскими племенами, культура которых имела иной облик и вела свое происхождение из более южных областей¹⁴. Кроме того, весьма возможно, что здесь, на территории южного Хорезма, в те времена еще наблюдались отдельные, уже почти забытые отголоски кельтеминарской культурной традиции, которые при анализе тазабагъябских памятников уловить уже не удастся. В этом смысле большой интерес представляет тот факт, что среди черепов могильника Кокча 3 был встречен и южный дравидоидный тип¹⁵, который, возможно, был представлен среди суярганского населения Хорезма второй половины II тысячелетия до н. э.

Однако открытые А. А. Марушенко и исследованные Т. А. Трофимовой черепа из Монжуклы-тепе (крайний юго-восток Каакхинского района, южная Туркмения) позволили по-новому отнестись к появлению индо-дравидоидного типа на территории Хорезма. Черепа эти датируются временем не позднее IV тысячелетия до н. э. и среди них есть один бесспорно дравидоидный. Это обстоятельство дало основание Т. А. Трофимовой высказать предположение о возможности появления в Хорезме индо-дравидоидного типа еще в эпоху господства кельтеминарской культуры, причем носители последней, по ее же мнению, могли по своему антропологическому составу быть близки суярганским племенам¹⁶. Как бы то ни было, но в свете предположения о вероятном южном происхождении кельтеминарской культуры¹⁷ эта гипотеза заслуживает пристального внимания.

¹¹ «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой...», стр. 115—118.

¹² С. П. Толстов, Приаральские скифы и Хорезм (К истории заселения и освоения древней дельты Сыр-Дарьи), «Сов. этнография», 1961, № 4, стр. 116—117, 119.

¹³ Там же, стр. 141.

¹⁴ С. П. Толстов и М. А. Итина, Проблема суярганской культуры, «Сов. археология», 1960, № 1, стр. 14—35.

¹⁵ Т. А. Трофимова, Черепа из могильника тазабагъябской культуры Кокча 3. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 5, М. 1961, стр. 139—141, 143—145.

¹⁶ Там же, стр. 145, прим. 54.

¹⁷ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 72; А. В. Виноградов, К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, «Сов. этнография», 1957, № 1, стр. 25—45; см. также: В. М. Массон, Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии, «Сов. археология», 1957, № 4, стр. 47—48.

Таким образом, происшедшие на территории Южного Приаралья сложные этно-культурные процессы заставляют нас рассматривать древних тазабагьябцев как совершенно самостоятельную племенную группу, которая ко второй половине II тысячелетия до н. э. уже вполне сформировалась и приобрела собственные, характерные именно для нее черты. И очень может быть, что столь смешанный состав населения Хорезма в эпоху бронзы явился причиной того, что андроновский компонент в антропологическом типе населения Хорезма античного времени, по заключению Т. А. Трофимовой¹⁸, играл незначительную роль, в то время как в Казахстане, где культуры андроновского типа в эпоху бронзы господствовали, он был, по мнению В. В. Гинзбурга¹⁹, основным при формировании типа Среднеазиатского Междуречья.

Широкое распространение андроновской культуры в степях Казахстана относится к интересующему нас времени, т. е. ко второй половине II тысячелетия до н. э., причем некоторые исследователи включают в границы ее распространения все памятники степной бронзы Средней Азии, в том числе и памятники тазабагьябской культуры Южного Приаралья²⁰.

Не затрагивая вопроса о происхождении андроновской культуры, заметим, что на данном уровне наших знаний, по нашему мнению, уже нет оснований рассматривать эту культуру как какой-то огромный единый культурный пласт, а различия в культуре отдельных областей ее распространения — как чисто локальные, не меняющие картины в целом. Вероятнее всего, что мы имеем здесь дело с целым рядом культур степной бронзы, кажущееся единообразие которых связано со сходными для этих культур экономическими и географическими условиями, порождающими сходство в материальной культуре. Ведь совершенно очевидно, что памятники андроновской культуры Северного Казахстана отличаются от центральноказахстанских и восточноказахстанских, причем и последние две области между собой дают отличия в культуре.

Вспомним, что было время, когда все культуры «крашеной керамики» считались единой культурой. И ведь не случайно, что накопление знаний в этой области привело к выявлению из этого огромного культурного пласта целого ряда культур. Нам нет нужды ходить далеко за примерами: ведь сейчас для всех очевидна правильность выделения для территории Ферганы земледельческой культуры типа Чуста в отличие от культур типа Анау или Намазга в юго-западной Туркмении. Нам кажется, что специалистам по степной бронзе Казахстана следовало бы пересмотреть свои позиции в отношении андроновской культуры.

О находках в южных, юго-западных и юго-восточных областях Средней Азии грубой лепной керамики с резным геометрическим орнаментом мы знаем уже давно. Если раньше, когда находки такого рода были единичны, речь могла идти лишь о культурных связях между населением степной полосы Средней Азии и жителями ее южных подгорных районов, то теперь можно ставить вопрос о каком-то передвижении степных племен во второй половине II тысячелетия до н. э. в южном направлении.

¹⁸ Т. А. Трофимова, Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии, Материалы Хорезмской экспедиции, в. 2, 1959, стр. 71.

¹⁹ В. В. Гинзбург, Древние и современные антропологические типы Средней Азии, Труды Ин-та этнографии, новая серия, XVI, 1951, стр. 371 и сл.

²⁰ Мы эту точку зрения, которую и сейчас поддерживают, например, М. П. Грязнов, Б. А. Латынин, С. С. Черников, не разделяем. Наиболее крайнее свое выражение она нашла в карте, опубликованной С. С. Черниковым, и в «Списке поселений и могильников андроновской культуры», опубликованном им же. (См.: С. С. Черников, Восточный Казахстан в эпоху бронзы, Материалы и исследования по археологии СССР, 88, 1960, стр. 110, рис. 20 (вклейка); стр. 156—159).

До недавнего времени все указанные находки расценивались как безусловное доказательство широкого распространения андроновской культуры на всей огромной территории среднеазиатских степей, но открытие и исследование тазабагъябской культуры дало возможность дифференцировать эти находки и отнести многие из них к последней.

Тазабаябская керамика была встречена, помимо территорий Акчадарьинской дельты, в районе древней Присарыкамышской дельты Аму-Дарьи и на Узбое²¹. Известны развезенные стоянки с подобной керамикой и в песках в районе г. Ашхабада²².

К тазабагъябской культуре может быть, бесспорно, отнесена керамика из могильника Заман-Баба 2 на сухом русле Зеравшана — Махан-Дарья и из поселений в районе сухого русла Гурдуш²³. Известны находки керамики тазабагъябского типа в окрестностях Ташкента²⁴. Более того, керамика тазабагъябского типа была обнаружена в керамических материалах ряда южных земледельческих поселений: в слое Намазга VI на Намазга-тепе²⁵, на Теккем-тепе²⁶, на поселениях Тахирбай 3 и Аучин-тепе в дельте Мургаба²⁷.

Судя по этим находкам, движение степных племен шло по водным путям. Кстати, может быть, и находки в дельте Мургаба связаны с ее освоением не только южными земледельческими племенами — носителями культуры типа Намазга VI, но и племенами скотоводческо-земледельческими, носителями тазабагъябской культуры, пришедшими сюда в конце II тысячелетия до н. э.

Некоторые наиболее ранние комплексы на недавно открытых стоянках степной бронзы в Кайрак-Кумах на Сыр-Дарье (Фергана) дают керамический материал, о котором исследовавший его Б. А. Литвинский пишет, что он близок к материалу тазабагъябской культуры, и датирует его последней четвертью II тысячелетия до н. э.²⁸

Археологические исследования Хорезмской экспедиции последних лет дали возможность наметить продвижение степных племен на юг и несколько позднее, на рубеже II и I тысячелетия до н. э.

Дело в том, что еще в начале II тысячелетия до н. э. в низовьях Аму-Дарьи имел место обратный процесс — приход из южных земледельческих областей Средней Азии суярганских племен²⁹. Именно с этим

²¹ О находках на Узбое см.: С. П. Толстов, Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., Труды Хорезмской экспедиции, т. II, М., 1957, стр. 52; М. А. Итина, Памятники первобытной культуры Верхнего Узоя, там же.

²² А. В. Збруева, Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья, «Вестник древней истории», 1946, № 3, стр. 186.

²³ Я. Г. Гулямов, Археологические работы к западу от Бухарского оазиса, Труды Ин-та истории и археологии АН Узбекской ССР, в. VIII, Ташкент, 1956, стр. 151, 156.

²⁴ Т. Г. Оболдуева, Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области, КСИИМК, 59, М., 1955, стр. 148, рис. 62.

²⁵ В. М. Массон, Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина, Труды Южно-Туркменистанской археологической экспедиции, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 312.

²⁶ А. Ф. Ганялин, Теккем-тепе, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, т. II, Ашхабад, 1956, стр. 84—86.

²⁷ В. М. Массон, Первобытнообщинный строй на территории Туркмении, Труды Южно-Туркменистанской археологической экспедиции, т. VII, стр. 251; его же, Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба, КСИИМК, 64, 1956, стр. 62; его же, Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба, КСИИМК, 69, 1957, стр. 59, рис. 19; его же, Древнеземледельческая культура Маргианы, Материалы и исследования по археологии СССР, 73, 1959, стр. 116—117, 179, табл. XI.

²⁸ Б. А. Литвинский, Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-Кумах в 1956 г., Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР, т. ХСІ, Сталинабад, 1959, стр. 46.

²⁹ С. П. Толстов и М. А. Итина, Проблема суярганской культуры, «Сов. археология», 1960, № 1.

населением, как мы уже говорили, столкнулись тазабагъябские племена, появившиеся в Южном Приаралье в середине II тысячелетия до н. э. Археологические данные свидетельствуют о сосуществовании этих племен на данной территории и о наличии между ними тесных контактов.

Однако к концу II тысячелетия до н. э. суярганская культура (но уже на ее позднем, каундинском этапе) становится здесь доминирующей. Население суярганских поселений было более многочисленным, чем на тазабагъябских стоянках, площадь поселения Каунды 1, например, равна уже 250×150 м. Меняется и облик самой культуры. Резко выступают типично суярганские черты, тазабагъябские почти исчезают. Это особенно видно на керамическом материале. Сосуды обычно короткогорлые с довольно сильно раздутым туловом и плоским дном. Орнамент встречается реже и располагается в большинстве случаев лишь в верхней трети горшков. Довольно часто горло опоясано рельефным пояском. Одной из особенностей этих комплексов является наличие в них открытых горшков типа мисок, изготовленных из хорошо отмученной глины, прекрасно обожженных и имеющих лощеную поверхность. Среди этих мисок встречаются и сероглиняные.

Население пользовалось орудиями из бронзы. Развивается земледельческое хозяйство, которое базируется уже на более совершенной системе орошения, продолжает, видимо, развиваться скотоводство.

Завершающий этап развития суярганской культуры демонстрирует амирабадская культура, датируемая IX—VIII вв. до н. э. Наиболее крупное из известных нам поселений этой культуры — поселение Якке-Парсан 2, на котором с 1958 г. ведутся раскопки³⁰. Это — большая деревня с двумя рядами домов и развитой ирригационной сетью. Жители ее селились в полужемлянках, пользовались орудиями из бронзы, которые, судя по находкам литейных форм, изготовляли на месте, делали посуду, которая имеет ряд черт, сближающих ее с суярганскими комплексами. Но это, несомненно, уже новый, более высокий этап в развитии суярганской культуры, и им, видимо, и завершается эпоха бронзы в Хорезме.

За последние годы в южных районах Средней Азии были сделаны находки, свидетельствующие о появлении там степных племен уже в более позднее время — в конце II — начале I тысячелетия до н. э. Это движение степных племен А. А. Марущенко, вслед за Р. Пампелли и Г. Шмидтом, относит к «эпохе варварской оккупации», а культуру этих племен связывает с позднесуярганской³¹. К памятникам с находками такого рода относятся Яшелли-тепе, близ ст. Гуярс³², Елькен-тепе у ст. Каушут (слой ЕД II)³³, Яссы-тепе у Душака³⁴, селище Койне-Кала

³⁰ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г., Материалы Хорезмской экспедиции, в. 4, 1960, стр. 5—8; «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой...» стр. 134—135.

³¹ А. А. Марущенко, Старый Серахс (отчет о раскопках 1953 г.), Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, т. II, Ашхабад, 1956, стр. 173—174, сноска 1. Говоря о сходстве керамики яшеллинского типа с суярганской, А. А. Марущенко polemизирует с С. П. Толстовым по поводу даты суярганской культуры, полагая, что ее следует относить к концу II — началу I тысячелетия до н. э. Он совершенно прав, поскольку привлекает для аналогии материал каундинского этапа суярганской культуры, что же касается камышлинского (раннесуярганского) комплекса, то его более ранняя датировка бесспорна.

³² А. А. Марущенко, Указ. раб., стр. 173.

³³ А. А. Марущенко, Елькен-тепе (Отчет о раскопках 1953, 1955 и 1956 гг.), Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, т. V, 1959, стр. 62—65 и др.; В. М. Массон, Первобытнообщинный строй на территории Туркмении, стр. 252.

³⁴ С. А. Ершов, Холм Яссы-тепе 2 (раскопки 1952 г.), Известия АН Туркменской ССР, 1952, № 6.

(Бахарденский р-н)³⁵, керамику позднесуярганского типа дает и небольшая коллекция с Аучин-тепе³⁶. На раскопанном В. М. Массоном поселении Яз-тепе в дельте Мургаба был выделен слой Яз I (900—650 гг. до н. э.), давший керамику, сходную с посудой из слоя «эпохи варварской оккупации» Южного холма в Анау³⁷. Керамика из слоя Яз I отличается сравнительной грубостью изготовления, и хотя она подчас покрыта росписью, мотивы росписи и принцип ее расположения сближают эту посуду с образцами культуры степной бронзы³⁸. Сходные с интересующими нас формами дают некоторые сосуды с североатрeкских памятников типа Мадау³⁹.

Все это земледельческие поселения, в материале которых, наряду с очень сильной южноземледельческой культурной традицией, проявляются и черты, характерные для культур степной бронзы. При этом характерно, что все эти памятники демонстрируют явное огрубение, варваризацию культуры, по сравнению с предшествующей эпохой.

В этот же круг памятников входят и поселения типа Чуста и Дальверзина в Фергане, которые датируются Ю. А. Заднепровским XIII—IX вв. до н. э. и, по его мнению, находят себе подчас очень близкие аналогии в материалах такого памятника, как Елькен-тепе. Однако для Ферганы уловить момент огрубения земледельческой культуры трудно. Во-первых, мы не знаем культуры, предшествующей культуре Чуста, а во-вторых, в непосредственной близости от них существуют такие типичные памятники степной бронзы, как кайрак-кумские стоянки и ряд могильников, из которых лучше других исследован Вуадильский⁴⁰. Как бы то ни было, наличие в Ферганской долине в сходных условиях памятников степной бронзы наряду с такими типично земледельческими поселениями с крашеной керамикой, как Чуст и Дальверзин, еще раз подтверждает наше предположение о проникновении в эти районы во второй половине II тысячелетия до н. э. степных племен из Среднеазиатского Междуречья⁴¹. Любопытно, что, наряду со средиземноморским, черепа из Вуадилы (исследованы В. В. Гинзбургом) дают наличие андроновского типа, но уже в смешанном виде⁴².

Такое огрубение культуры южных земледельческих областей дало повод А. А. Марущенко сделать вывод, что «захват этими племенами (скотоводческими, родственными тазабагъябским и заманбабинским Нижнего Зеравшана.—М. И.) земледельческой территории ведет к гибели старой культуры и возникновению новой, варварской—ЕД II»⁴³

³⁵ А. А. Марущенко, Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, т. II, Ашхабад: 1956, стр. 6—7; его же, Старый Сарахс, стр. 173, сноска 3.

³⁶ Пользуемся случаем выразить благодарность В. М. Массону за любезно предоставленную нам возможность познакомиться с этой керамикой.

³⁷ В. М. Массон, Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба, КСИИМК, 64, 1956, стр. 64—65.

³⁸ В. М. Массон, Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 121; при этом В. М. Массон подчеркивает, что указанные аналогии на формы посуды не распространяются.

³⁹ В. М. Массон, Археологические работы на Мисрианской равнине, КСИИМК, 69, 1957, стр. 69, рис. 23, правый крайний ряд; его же, Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении, Труды Южно-Туркменистанской археологической экспедиции, т. VII, стр. 410, рис. 25, 5.

⁴⁰ Б. З. Гамбург и Н. Б. Горбунова, Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины, «Сов. археология», 1957, № 3, стр. 132, рис. 3, 1, 11, 19.

⁴¹ Пришлый характер культуры Вуадилы и Кайрак-Кумов отмечает и В. М. Массон (см.: В. М. Массон, Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии, «Сов. археология», 1957, № 4, стр. 53).

⁴² В. В. Гинзбург, Антропологические материалы из Вуадильского и Ак-Тамского могильников, КСИИМК, 1957, стр. 91—92; его же, Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины, Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1956, стр. 86—97, 94—95.

⁴³ А. А. Марущенко, Елькен-тепе, стр. 70.

(Елькен-тепе II.— М. И.). Эта крайняя точка зрения не была поддержана В. М. Массоном, который полагает, что, если по материалам слоя Яз I и наблюдается явное огрубение культуры, то это еще не доказывает гибели культуры предшествующего времени, тем более, что между керамикой типа Яз I и Намазга VI можно усмотреть определенную эволюционную связь⁴⁴. Нам представляется, что в данном случае прав В. М. Массон и что вряд ли верно рассматривать результаты крупных племенных передвижений эпохи бронзы как результаты завоевательных походов более позднего времени. Мы имеем немало примеров взаимопроникновения одних племенных групп на территорию других (срубные и андроновские племена, тазабагыбские и суярганские и т. д.) и ни в одном случае мы не можем сказать, что происходила резкая смена культур. Вероятнее всего, происходил постепенный процесс ассимиляции, в ряде случаев пришельцы воспринимали в конце концов культуру аборигенов, а иногда постепенно вытесняли ее, но не сразу и не окончательно.

Однако, если мы не принимаем тезиса о гибели культуры, то самый факт крупных передвижений степных племен на юг на протяжении второй половины II — начала I тысячелетия до н. э. для нас бесспорен. Археологические материалы позволяют зафиксировать продвижение этих северных скотоводческих племен по руслам таких рек, как Узбой, Атрек, Теджен, Мургаб, Аму-Дарья и Сыр-Дарья. Здесь мы никак не можем согласиться с В. М. Массоном, который ставит этот тезис под сомнение, считая, что археологических доказательств продвижения культуры степной бронзы с севера на юг у нас нет⁴⁵. И далее он пишет: «Обнаружение соответствующих памятников первоначально в Сибири и Казахстане, а затем лишь в Средней Азии еще не доказывает этого. Наоборот, есть все основания полагать, что культурные влияния шли в обратном направлении с юга на север»⁴⁶. Помимо ряда археологических фактов, количество которых все время увеличивается, мы имеем данные антропологии, которая фиксирует широкое продвижение так называемого андроновского типа на юг, появление в Средней Азии смешанного срубно-андоновского типа, и лишь предполагает возможность проникновения в северные степные области Средней Азии долихокранного восточно-средиземноморского типа, столь широко распространенного в эпоху энеолита и бронзы в южных областях Средней Азии.

Кроме того, удивляет сама постановка вопроса. Ну кто же станет спорить о том, что южные влияния, и не только влияния, действительно имели место на протяжении истории тех же среднеазиатских племен в древности. Но ведь нельзя серьезно говорить, что эти процессы были односторонними. Так, для интересующего нас времени, т. е. для конца II — начала I тысячелетия до н. э., когда мы фиксируем появление степных племен на юге Средней Азии, в низовьях Сыр-Дарьи, в Казахстане, мы имеем уже упоминавшийся нами выше могильник Тагискен, который дает необычайно интересный археологический комплекс. С одной стороны, это типичный дандыбаевско-бегазинский материал с очень сильными андроновскими реминисценциями, проявляющимися не только в керамике, но и в элементах погребального ритуала. Таким образом, налицо элементы, свидетельствующие о местном происхождении этой культуры. С другой стороны, в этой культуре отчетливо проступают черты, сближающие ее с южными цивилизациями. Люди, хоронившие своих покойников в Тагискене, строили для них великолепные мавзолеи из прямоугольного сырцового кирпича, причем тех стандартов, которые издавна существовали на земледельческом юге. Они же изготовляли великолепные сосуды совершенно неизвестных

⁴⁴ В. М. Массон, Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 120—121.

⁴⁵ Там же, стр. 121.

⁴⁶ Там же.

для этих мест форм и притом на гончарном круге. А в целом — это одна культура, и это еще один довод в пользу тезиса о возможности мирных сношений и глубоких взаимовлияний различных племенных групп друг на друга.

Совершенно очевидно, что контакты между северными, степными, и южными, земледельческими, племенами сыграли огромную роль в этнической истории среднеазиатских народов.

С. П. Толстовым было высказано мнение, что контакты между носителями культуры «крашеной керамики» и носителями сначала охотничье-рыболовной, а затем скотоводческо-земледельческой культуры евразийского севера явились одной из важнейших предпосылок индоевропейского этногенеза вообще и сложения индоиранской группы индоевропейцев в частности⁴⁷.

Он же высказал предположение о том, что появление в Хорезме в середине II тысячелетия до н. э. племен — носителей тазабагьябской культуры может быть, видимо, связано с «...первой значительной волной индоевропейских, индоиранских или иранских племен, проникших в Хорезм с северо-запада»⁴⁸. Предположение об индоевропейской принадлежности среднеазиатских (включая и Казахстан) племен культуры степной бронзы и о возможном отождествлении последних с легендарными ариями, якобы завоевавшими Индию во второй половине II тысячелетия до н. э., высказывалось целым рядом исследователей⁴⁹.

Учитывая все вышеизложенное, С. П. Толстов и автор настоящей статьи сочли возможным вновь поставить вопрос о путях проникновения индоиранских племен на территорию Афганистана и Индии⁵⁰.

Конец великих цивилизаций Мохенджо-Даро и Хараппы, датируемый сейчас большинством исследователей 1600—1500 гг. до н. э., является в то же время началом нового периода в истории древней Индии, называемого «темным веком» («Dark age»). Этот период датируется серединой II тысячелетия до н. э. — III в. до н. э. и археологически характеризуется появлением совершенно новых культур, создание которых приписывается ариям — племенам-завоевателям, будто бы разрушившим древние цивилизации долины Инда.

За последние годы индийскими археологами исследован целый ряд памятников, содержащих послехараппские слои, но поиски культуры, которая с достаточным основанием могла бы быть приписана индоевропейским «завоевателям», остаются, на наш взгляд, безуспешными. Сейчас существует точка зрения, приписывающая ариям культуру «серой керамики», но, во-первых, она является спорной, а во-вторых, это уже, видимо, явление второго порядка, т. е. эта культура развилась уже на индийской почве. Наиболее четкую стратиграфическую картину, демонстрирующую появление, в частности, в долине Инда новых культур, дают верхние слои Чанху-Даро⁵¹. Оба эти слоя оставлены людьми, жившими уже на развалинах города времени Хараппы.

⁴⁷ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 68.

⁴⁸ С. П. Толстов, Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, стр. 41.

⁴⁹ А. Н. Бернштам, Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа, Фрунзе, 1954, стр. 4; его же, Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности, Краткие сообщения Ин-та этнографии, XXVI, 1957, стр. 19; И. М. Дьяконов, История Индии, М.—Л., 1956, стр. 124 примечание 5; С. В. Киселев, Исследование бронзового века на территории СССР за 40 лет, «Сов. археология», 1957, № 4, стр. 41; В. М. Массон, Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии, «Сов. археология», 1957, № 4, стр. 54; его же, Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 116—121. Следует заметить, что почти все указанные авторы имеют в виду андроновские племена и лишь С. В. Киселев пишет об андроновско-тазабагьябском расселении.

⁵⁰ С. П. Толстов и М. А. Итина, Проблема суярганской культуры, стр. 34—35.

⁵¹ Е. Маскау, Chanhudaro Excavations, 1935—1936, New Haven, 1943, стр. 132—133.

Первый из этих слоев, слой Джукар (Jhukar) демонстрирует, может быть, приход в долину Инда племен из Белуджистана, племен земледельческих, в культуре которых, однако, имеются определенные черты сходства с памятниками бронзового века Ирана и Южной Туркмении. (эпоха Намазга VI)⁵².

Второй из этих слоев, т. е. самый верхний слой Чанху-Даро, слой Джангар (Jhangar) дает материал, свидетельствующий о появлении здесь степных племен.

В этом слое найдена керамика из серой глины, сформованная на круге медленного вращения, лощеная, несложных форм и с типичным для степной бронзы резным орнаментом в виде пояса заштрихованных треугольников, ломаных линий и т. д.⁵³. Такая же керамика была найдена раньше в местечке Джангар (Синд)⁵⁴, которое и дало имя этой культуре, но там она стратиграфически так четко не увязывалась. Трудность в датировке этой культуры связана с тем, что здесь, кроме керамики, ничего не найдено. Пигготт датирует эту культуру не ранее, чем последними веками I тысячелетия до н. э.⁵⁵, однако нам представляется, по аналогии с переднеазиатскими и среднеазиатскими материалами, что речь может идти скорее о начале I тысячелетия до н. э.

Как и в Средней Азии, где нам удалось проследить два этапа продвижения степных племен на юг, в Индии предполагают появление еще одной группы пришельцев с северо-запада где-то на рубеже II и I тысячелетий до н. э.⁵⁶

Очень важно отметить, что в культуре племен послехараппского времени прослеживаются традиции и земледельческих, и степных культур эпохи бронзы, что вполне естественно, если предположить, что пришли они сюда с северо-запада, по долинам Герируда и Гильменда, из зоны контакта степняков-скотоводов и земледельцев.

Очень может быть, что культура Джангар отражает для Индии дальнейшие судьбы той культуры «эпохи варварской оккупации», следы которой обнаружены теперь на целом ряде памятников вдоль северных окраин Иранского плоскогорья. Вероятно, в Индии черты этой культуры будут проявляться слабее, но все же дальнейшие судьбы этих степных племен могут быть прослежены только при том условии, если в пограничных районах Афганистана и Ирана, равно как и в Северной Индии, будут вестись археологические работы в этом направлении.

И только scrupulous археологические исследования, охватывающие большие территории, смогут дать искомые результаты, так как, конечно, речь может идти не о завоевании и, соответственно, полной смене культур, а о постепенном просачивании на территорию Северо-западной Индии индоевропейских племен⁵⁷. Процесс этот был длительным и захватывал, вероятно, всю вторую половину II тысячелетия до н. э. При этом здесь происходили те же процессы, которые мы имели возможность наблюдать на среднеазиатском материале, — ассимиляции, культурных заимствований и т. д. И, конечно, трудно будет выделить элементы

⁵² В. М. Массон, Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 119.

⁵³ E. Mackay, Указ. раб., стр. 132—133; табл. XXXIX, XL.

⁵⁴ N. G. Majumdar, Explorations in Sind, Memories of Archaeological Survey of India, т. 48, 1934.

⁵⁵ S. Pigott, Prehistoric India to 100 B. C., London, 1950, стр. 227.

⁵⁶ Там же, стр. 240.

⁵⁷ Эта точка зрения высказывалась в советской литературе рядом авторов. См., например: Д. В. Деопик, Н. Я. Мерперт, К вопросу о конце цивилизации Хараппы, «Сов. археология», 1957, № 4, стр. 209, 211; В. М. Массон, рец. на кн. W. A. Fairervis, Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan, «Сов. археология», 1960, № 3, стр. 352; Г. М. Бонгард-Левин, Хараппская цивилизация и «арийская проблема», «Сов. этнография», 1962, № 1, стр. 44; Г. Ф. Ильин, Арийское завоевание Индии, Сов. историческая энциклопедия, т. 1, М., 1962, стр. 727—728, и др.

культуры, характерные для пришельцев, если брать в расчет только памятники или слои послехараппского времени, не учитывая их предысторию и ограничивая эти исследования территориально.

На проходившей в декабре 1961 г. в Дели Международной конференции по археологии Азии вопросу падения цивилизации Хараппы и поискам культуры пришельцев — ариев было уделено много внимания. В докладе индийского археолога Рея «Индоарийцы и их материальная культура»⁵⁸ была подчеркнута та же мысль, что и высказанная нами. Он считает, что индо-арийцы, появившись в Индии, жили, видимо, приспосабливаясь к местным условиям и воспринимая элементы местной материальной культуры. Поэтому до сих пор не найдены остатки их культуры, элементы которой, по мнению Рея, могут быть выявлены лишь путем тщательного изучения синхронных культур окружающих территорий и сопоставления их с индийскими культурами. Дальнейшие археологические работы на территории Индии и сопредельных стран должны пролить свет на решение этой интереснейшей проблемы.

Мы полагаем, что рассмотренный нами материал по истории среднеазиатских степных племен в эпоху развитой и поздней бронзы и активно идущий процесс его накопления, связанный с большим размахом археологических работ на территории Средней Азии, дает основание рассматривать эту проблему уже с многих точек зрения, а главное, вносит некоторую ясность в понимание той большой исторической роли, которую играли степные племена Средней Азии эпохи бронзы во всемирно-историческом процессе.

SUMMARY

The progress of research in the field of prehistoric archaeology of Central Asia achieved in the Soviet period made it possible to reconstruct the history of ancient Central Asian population.

The different geographical conditions had since most ancient times predetermined the various trends of economy of the ancient population in Central Asia. Agricultural techniques closely connected with the ancient agricultural civilizations of the Near East developed in the south, in the foothills area. North of that region, in the steppe area, there prevailed in the Neolithic Age the culture of hunters and fishermen, and later, in the Bronze Age, the culture of tribes which combined in their economy nomadic cattle breeding with rudiments of agriculture. This article is devoted to the history of those steppe tribes which was especially eventful in the later part of the second — the beginning of the first millennia B. C.

A study by the Khorezm expedition of the history of the ancient Amu Darya and Syr Darya river beds and the history of their population has made it possible to establish that a complex ethno-cultural progress took place there in the Bronze Age. The study of the so-called Tazabagyab and Suyargan culture of Khorezmian Bronze Age made it possible to raise the question about some southward migrations of steppe tribes in the later part of the second millennium B. C. and at the turn of second and the first millennia B. C.

Archaeological data indicate that the migration of those northern cattle-breeding tribes took place along the beds of such rivers as the Uzboy, Atrek, Tedjen, Murghab, Amu Darya and Syr Darya.

The hypothesis about the Indo-European origin of the tribes of the steppe bronze culture, the archaeological evidence of their appearance in the south of Central Asia in the above mentioned period—all that made it possible for S. P. Tolstov and the author of this article to raise again the question regarding the ways of penetration of Indo-Iranian tribes into the territory of Afghanistan and India. It is quite possible that for India the post Harappian Jhangar culture reflects the subsequent fate of the Central Asian culture of the «barbarian occupation» period whose traces have now been found in a great number of monuments along the northern boundaries of the Iranian plateau.

⁵⁸ S. C Ray, Indo-Arians and their early culture. Благодаря любезности С. П. Толстова, участвовавшего в работах Конференции, мы могли познакомиться с тезисами этого доклада.

Э. А. РИКМАН

К ВОПРОСУ О «БОЛЬШИХ ДОМАХ» НА СЕЛИЩАХ ЧЕРНЯХОВСКОГО ТИПА

Черняховская культура получила свое название по имени первого обнаружения в селе Черняхове Киевской области. Открыл эту культуру на рубеже XX в. В. В. Хвойко. В ходе дальнейших исследований найдены сотни поселений и могильников черняховского типа, распространенных в лесостепи от Подунавья до водораздела Днепра и Дона. Широкая территория распространения этой культуры, огромное число найденных селищ и могильников с богатым и разнообразным инвентарем придают особую важность изучению этих памятников. Вместе с тем трудность решения этногенетических вопросов, стоящих перед исследователями черняховской культуры, которые пытаются выявить в археологическом материале первой половины I тысячелетия н. э. этнографические особенности славян, германцев, сармат и фракийцев и выяснить, как взаимодействовали их культуры, вызвала острую дискуссию по проблемам черняховской культуры¹.

В ходе обсуждения большинством исследователей, мнение которых разделяет и автор настоящей статьи, пришло к выводу, что черняховская культура относится к II—IV вв. н. э., доживая, может быть, в отдельных областях до начала V в. Лишь немногие археологи продолжают считать, что черняховская культура существовала до VI и даже VII в. н. э. (А. Т. и М. Ю. Брайчевские, Е. В. Махно).

Особенно горячо спорят о том, кто были создателями и носителями черняховской культуры. Высказано мнение, что носителями этой культуры являются готы (М. И. Артамонов). Некоторые полагают, что носителями черняховской культуры были славяне (А. А. Спицын, В. В. Хвойко, Ю. В. Готье, А. Т. и М. Ю. Брайчевские, Е. В. Махно, Э. А. Сыманович).

В последние годы исследователи все больше склоняются к мысли, что черняховская культура создана разноплеменным местным населением (славяне, готы, сарматы, поздние скифы) под сильным нивелирующим влиянием позднеантичной культуры. Мнение о разноплеменности носителей черняховской культуры высказывали Б. А. Рыбаков, М. А. Тиханова, Г. Б. Федоров и другие ученые. Эти взгляды наиболее обоснованы и подтверждаются археологическими данными — выявлением на территории распространения черняховской культуры различных локальных вариантов. К тому же заключению приводит изучение сведений древних авторов, которые упоминают о пребывании на рассматриваемой территории гетов, сармат, готов и, видимо, славян. Во-

¹ Сводки взглядов опубликованы в статье Л. А. Голубевой «Совещание, посвященное проблемам черняховской культуры», «Сов. археология», 1957, № 4, а также в «Очерках по истории СССР», М., 1958, стр. 58—84. Дискуссия по проблемам черняховской культуры проводится на страницах журнала «Сов. археология».

прос об этнической принадлежности носителей черняховской культуры и их роли в формировании племен и народов Восточной Европы в I тысячелетии н. э. не может еще считаться полностью решенным.

Черняховская культура создана на последних этапах развития первобытнообщинного строя оседлыми земледельческими племенами, обитавшими в неукрепленных поселениях с жилищами, группирующимися в несколько параллельных рядов. Отмечены наземные жилища и полуземлянки. Черняховцам были известны различные производства и ремесла: железоделательное, ювелирное, ткацкое, гончарное и некоторые другие. Римские провинции поддерживали с черняховцами весьма оживленные торговые связи, о чем свидетельствуют находки на черняховских поселениях большого числа импортных изделий: амфор, стеклянных и краснолаковых сосудов, а также монет. Торговлей занимались и сами черняховцы. Тесные связи с Римской империей обусловили тот позднеантичный унифицированный характер, который имеет черняховская культура на огромной территории ее распространения. Вследствие этого зачастую стираются черты этнических отличий ее создателей, что и вызывает особые трудности при попытках увязать отдельные группы черняховских памятников с теми или иными племенами.

Однако этногенетические проблемы, связанные с черняховской культурой, не являются неразрешимыми. Здесь может помочь дальнейшее углубленное исследование погребального обряда, отдельных категорий предметов, поселений и жилищ. Изучение жилищ имеет особую важность для решения этногенетических вопросов, что и побудило автора взяться за тему предлагаемой работы.

* * *

Большая разница в площади жилищ, характерная для поселений черняховской культуры, нуждается в особом объяснении. На поселениях II—IV вв. н. э. имеются остатки землянок площадью в 10—15 м² и различных по площади наземных домов. Жилища площадью 10—30 м² встречаются наиболее часто. Так, на селище Будешты найдены наземные жилища площадью в 20—30 м², на Кантемировском² — 28 м². Кроме того, на многих селищах обнаружены фрагменты домов площадью до 10 м². Выделяются постройки площадью до 100—120 м² на селищах Загайканы, Делакеу, Будешты, Комрат, Лепесовка, Викнины Великие, Сухостав, Ягнятин, Леськи. Эти «большие дома» значительно превосходят своей площадью не только малые жилища черняховской эпохи, но и, например, современные крестьянские молдавские дома, площадь которых, по данным М. Я. Салманович³, не превышает 65 м².

В сводной работе о черняховской культуре М. А. Тиханова⁴ дала общую характеристику черняховских жилищ, но вопрос о «больших домах» ею не был поставлен. В работе М. Ю. Смишко, где описаны «большие дома», не разъяснены причины возникновения этих огромных жилищ. Е. В. Махно считала вскрытые ею большие наземные сооружения производственными постройками, исходя прежде всего из их большой площади. Правильнее подошел к решению вопроса о размерах черняховских жилищ М. Ю. Брайчевский, который малые дома площадью 10—20 м² считал жилищами индивидуальных семей, а «большой дом»

² Е. В. Махно, Кантемировське поселення та могильник культури політ поховань, «Археологічні пам'ятки УРСР», т. III, 1952, стр. 234.

³ М. Я. Салманович, Жилища коренного населения Молдавской ССР, «Сов. этнография», 1947, № 4, стр. 214.

⁴ М. А. Тиханова, О локальных вариантах черняховской культуры, «Сов. археология», 1957, № 4, стр. 171.

площадью 9,5×4,5 м он вместе с А. Т. Брайчевской считал местом обитания большой патриархальной семьи⁵, впервые предположив существование ее у черняховцев. На побережье Черного моря также найдены «большие дома» местного населения первых веков н. э., культура которого отличалась от черняховской. М. С. Синицын также считает, что каменные дома площадью до 115 м², относящиеся к первым векам н. э., открытые на Петуховском городище в районе Одессы, принадлежали большим патриархальным семьям⁶. Однако вопрос о «больших домах» черняховских селищ в археологической литературе достаточно широко не ставился.

Цель настоящей статьи выявить распространенность «больших домов» на черняховских поселениях, в различных локальных вариантах черняховской культуры, созданных этнически различным населением, выяснить происхождение и возникновение этих сооружений в общественно-экономических условиях первых веков н. э.

При раскопках 1957 г. автором настоящей статьи на селище у с. Загайкины (Дубоссарский район Молдавской ССР) вскрыто жилище 3, которое позволяет понять ряд особенностей «больших домов» на черняховских селищах вообще и поэтому описывается мною здесь особенно подробно (рис. 1). На селище Загайкины, кроме большого, были обнаружены малые черняховские жилища. Строительный материал жилища 3 представлен прежде всего обломками обожженной глины (до 25×10×5 см), которые залегали по склону довольно ровным слоем, параллельным поверхности земли, обычно плотно, и представляли собой преимущественно развалины стен древнего жилища, перекрывавшие пол, очаги и другие сооружения дома. Куски глины неправильной геометрической формы лежали бессистемно, но все вместе образуя в плане прямоугольник. На обломках имеются отпечатки соломы, с которой замешивали глину, и каркаса: веток с листьями, жердей и стволов деревьев диаметром 1—10 см, досок и брусков. Сохранилось и по нескольку параллельных отпечатков жердей. Крупные куски обмазки стен имеют одну сторону плоскую, на другой — отпечатки жердей и стволов. Встречены обломки плитчатой формы толщиной около 1 см. Цвет преобладающего числа обломков — красный, кирпичный, но есть и куски коричневого, желтого цвета. В жилище 3 селища Загайкины по контуру находились довольно крупные необработанные известняковые камни, вероятно, использовавшиеся в отстоях рядом с домом.

В западной и юго-восточной части жилища сохранились остатки пола — слой обожженной глины малинового цвета толщиной в 2—3 см. Ниже, примерно на ту же толщину, земля была обожжена. Вероятно, земляная площадка пола была обмазана глиной и обожжена специально.

Очаг А у восточного края жилища выложен по полу в виде овальной в плане вымостки из плитчатых необработанных известняковых камней. Кладка камней нерегулярная, без раствора. Камни у восточного края очага на каменном поде — по-видимому, остатки борта; поверхность их обожжена. Около очага найдены крупные поделки из слабо обожженной глины. Круглые в плане и сегментообразные в сечении предметы, судя по их местонахождению, представляют собой, вероятно, обломки крышки очага. Подобные заслонки-крышки в настоящее

⁵ М. Ю. Брайчевский, Анський період в історії східних слов'ян, «Археологія», VII, 1952, стр. 34; А. Т. Брайчевская, М. Ю. Брайчевский, Раскопки в с. Леськи близ Черкасс, «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», вып. 8, 1959, стр. 54.

⁶ М. С. Синицын, Про суспільний розвиток осілого населення Дністро-Бузького Причорномор'я сарматського часу. «Одеський державний археологічний музей. Матеріали з археології Причорномор'я», вып. III, 1959, стр. 106.

время используются молдаванами села Токмазея Тираспольского района Молдавской ССР для перекрытия дымоходов печей (рис. 2).

Очаг Б в середине жилища по характеру залегания и устройства почти не отличается от очага А. Средняя часть его возвышается над краями. У западного края — бортик высотой в 20—30 см над уровнем пода из нескольких поставленных вертикально плитчатых камней.

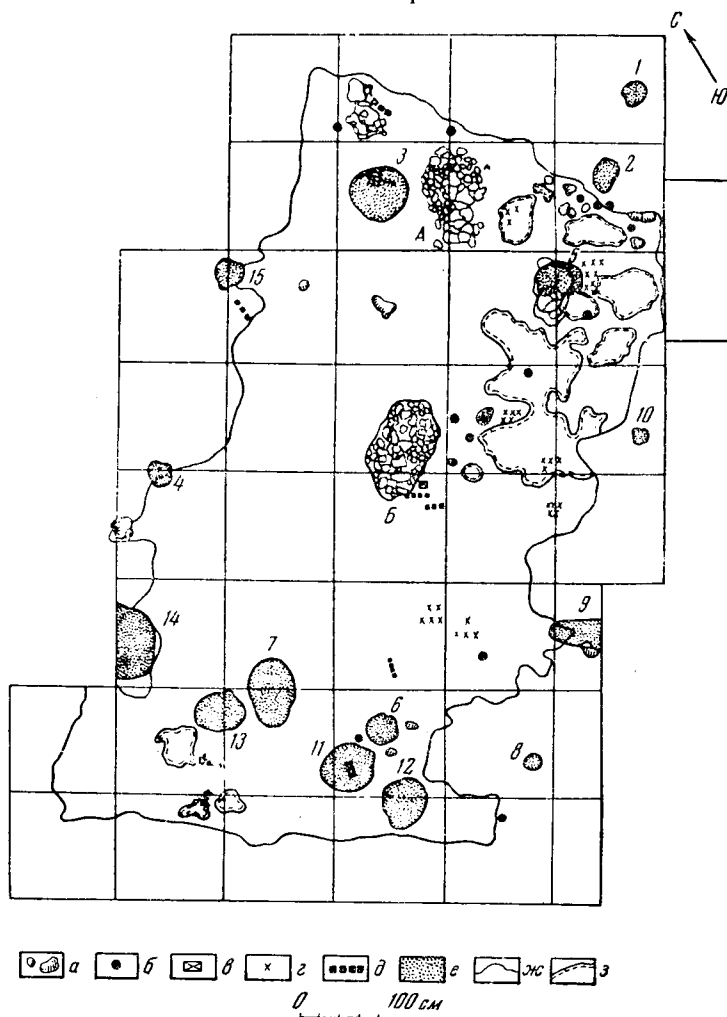

Рис. 1. Селище Загайкины. План жилища 3. А, Б — очаги; 1—15 — ямы. Условные обозначения: а — камни; б — индивидуальная находка; в — кость; г — фрагменты керамики; д — древесный уголь; е — заполнение ямы; ж — граница развала; з — граница остатков пола

Над полом жилища 3 между очагами на 20 см возвышается сооружение цилиндрической формы из камней, напоминающее небольшой «столик», пригнанный из нескольких крупных известняковых камней. Под камнями «столика» — глиняная «подушка» коричневого цвета, а под ней прослойка древесного угля. Поверхность камней «столика» обожжена. Это сооружение использовалось для бытовых и хозяйственных надобностей.

В северо-восточном углу жилища 3 была обнаружена круглая в плане вертикально стоящая «труба» диаметром в 45 см из обожженной легко крошащейся глины желтого и красного цвета, частично раз-

рушенная и обвалившаяся. Стенки сооружения переходили в горизонтальное его основание той же толщины. Под основанием имелся слой слабо обожженной глины, служившей слою рода фундаментом сооружения. Общая высота «трубы» — 50 см — определялась суммой высот сохранившегося и обвалившегося сооружения. Среди развалин найден обломок жернова.

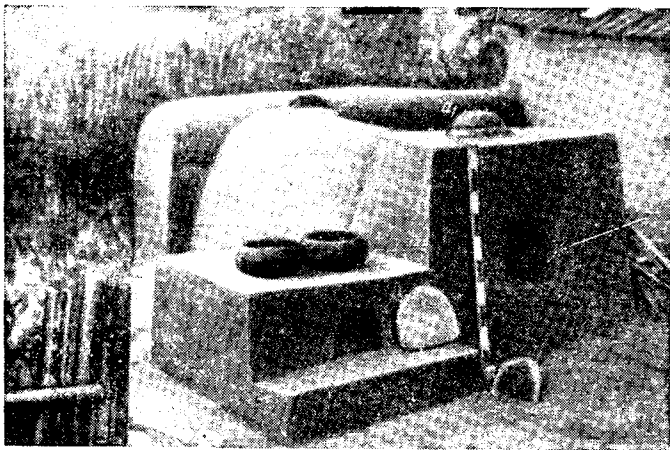

Рис. 2. Молдавская печь. a и a_1 — глиняные заслонки дымохода

Раскопками выявлена также система ям разных диаметров. Ямы небольшого диаметра расположены по периметру прямоугольника развала стен и служили для укрепления столбов. На северной длинной стороне жилища расположены ямы 4 и 15, у южной — ямы 8, 9 и 10, причем показательно, что расстояние между ямами 9 и 10 южной стороны и 4 и 15 северной — равны.

Таким образом, при постройке этого дома применялись глина, камень, столбы, ветки. Судя по находкам ям и обломкам глины с отпечатками, в жилище 3 глиняные стены опирались на вертикально поставленные бревна и переплетавшие их горизонтально ветки — конструкция, наблюдаемая почти во всех наземных черняховских домах. План дома определяется неправильным прямоугольным контуром развала стенок со столбовыми ямами по краям. На селищах Будешты, Леськи и прочих наблюдается такое же сочетание. Площадь жилища ($15,2 \times 6,0$ м) равна примерно 90 м². Постройка длинной осью ориентирована по направлению северо-восток — юго-запад, по склону оврага.

Как указывалось, западная граница дома определяется расположением остатков пола и обломков обожженной глины. При таком представлении о контурах жилища ямы 6, 7, 11, 12, 13 попадают внутрь дома. Помещения для жилья с очагами занимают две трети площади дома в восточной его части. Значит, западная треть жилища 3 представляет собой кладовую, где размещались ямы-хранилища к югу и северу от длинной оси жилища, причем получается проход шириной в 1 м. Здесь, вероятно, был вход в дом со стороны ручья.

Эти ямы, а также яма 3, расположенная внутри дома у восточной границы жилища рядом с его длинной осью, отличаются от столбовых ям большими диаметрами.

Ямы-хранилища внутри жилища обнаружены на глубине 0,7 м. В плане они овальные, стенки — слегка скошенные, дно — неровное. Диаметры большинства ям около 0,8—1 м, глубина от древней дневной поверхности 0,6—0,7 м. Некоторые ямы (6, 7, 11 и 13) заполнены куль-

турным слоем желтоватого цвета с включениями древесины, что, вероятно, представляет собой остатки стоявших в них кадушек.

Ямы 1 и 14 рядом со зданием сохранились от кладовых, существовавших вне жилища. Возможно также, что яма 14 входила в систему столбовых ям, будучи аналогичной яме 8 у южной границы жилища. В жилище найдено несколько крупных сосудов, от которых сохранились скопления обломков в южной части дома в помещении с очагами, где готовилась и хранилась пища. В кладовой скоплений обломков сосудов не было. В пределах помещения с очагами найдены предметы, принадлежавшие обитателям жилища, а в юго-восточном его углу — пять пирамидальных глиняных грузил ткацкого станка. Глиняные грузила ткацких станков и на других селищах находят кучно (Будешты, Делакеу, Мырзешты)⁷, что указывает на место, где в доме находился ткацкий станок. Пряслице найдено неподалеку. Следовательно, прядением и ткачеством занимались в южной оконечности восточной, отапливаемой части дома.

В той же части дома найдены две бронзовые фибулы с подвязными приемниками, обломками стеклянного кубка с отшлифованными снаружи орнаментальными овалами, железный нож, каменный точильный брусок. Обломок жернова и железный плужный лемех обнаружены в кладовой дома.

На селище Будешты⁸ (Дубоссарский район Молд. ССР) обнаружены два «больших дома» из тех же строительных материалов и такой же конструкции, как жилища селища Загайканы. Некоторые ямы и пятна на поверхности материка, такого же характера, как и на селище Загайканы, расположены вдоль западной, восточной и южной сторон предполагаемого прямоугольника жилища 2 (рис. 3, 3) селища Будешты и могут считаться доказательством каркасно-столбовой конструкции. Диаметры ям и, следовательно, врытых в них столбов значительны, так как столбы могли устанавливаться по два или по одному, толстом с комлем. Отмостки вокруг жилища состояли из известняковых необработанных плоских камней. В постройке применялись железные кованные гвозди.

Жилище 2 имеет в плане очертания, близкие к прямоугольнику, площадью в 100 м² (12×8 м), ориентированному по направлению северо-запад — юго-восток. С юго-западной стороны развал постройки сужается. Вероятно, здесь был проход в соседнюю постройку.

По длинной оси жилища 2 (запад — восток) расположены в четырех метрах друг от друга два очага из камней. К западному очагу с западной же стороны, видимо, примыкал бортик: найдены камни, два обломка жерновов, налегавших с этой стороны на овальный в плане под из необработанных известняковых и песчаниковых плитчатых камней. В центре был большой камень. Поверхность камней обожжена. К поду примыкала предочажная каменная вымостка прямоугольной формы площадью 1×6 м, от которой сохранился юго-восточный угол. Примерно на той же глубине, что и очаг, охарактеризованный выше, рядом с ним под развалинами глиняных стен найден угол каменной вымостки с небольшой стенкой. Это сооружение, вокруг которого лежали обломки жерновов, представляет собой остаток основания ручной мельницы. У восточной границы здания на одной линии с западным очагом найден еще один очаг — овальная каменная вымостка из плоских кусков известняка и песчаника, среди которых были три об-

⁷ См., например: Г. Б. Федоров, Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э., «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), № 89, М., 1960, стр. 325.

⁸ Э. А. Рикман, Жилища Будештского селища. (О домостроительстве в черняховскую эпоху), МИА, № 82, 1960.

ломка жерновов. Третий очаг из камней находился в северо-восточном углу здания.

Описываемое сооружение, как и дом селища Загайканы, состоит из отапливаемой части, занимающей две трети площади, и неотапливаемой, на территории которой найдено несколько ям. Отапливаемая и неотапливаемая камеры находились под одной кровлей.

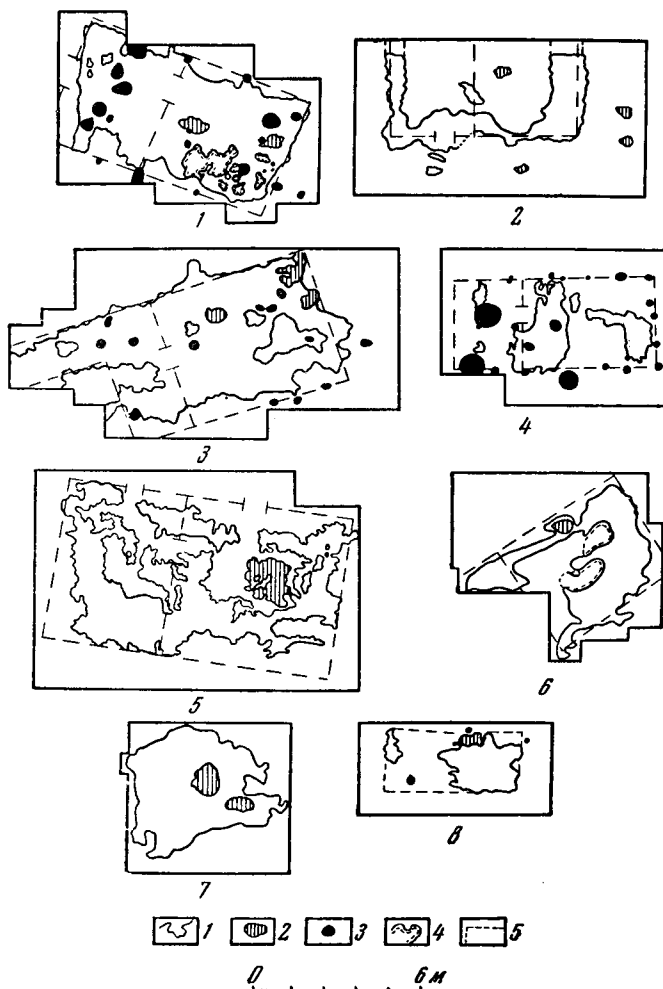

Рис. 3. Жилища первых веков н. э.: 1 — Загайканы; 2 — Делакеу, жилище 2; 3 — Будешты, жилище 2; 4 — Будешты, жилище 1; 5 — Ягнятин, жилище 3, 6 и 7 — Викнины Великие; 8 — Будешты (малый дом). Условные обозначения: 1 — линия границ развала; 2 — очаг; 3 — яма; 4 — граница остатков пола; 5 — границы жилища (реконструкция)

Состав находок говорит о том, что постройка была жилая: черняховская керамика, кости домашних животных, обломки двух дуршлагов для изготовления творога, каменные бруски для натачивания железных шильев и ножей, обнаруженные главным образом в центральной части жилища, пряслица, бронзовая игла. Найдены бусы стеклянные и пастовые, последние — с многоцветной инкрустацией, а также сердоликовая плитчатая бусина со срезанными углами и ракушка. Обна-

ружен обломок бронзовой фибулы III—IV вв. н. э. с подвязным приемником. В развалинах жилища встречены обломки венчиков и днищ импортных стеклянных кубков III—IV вв. н. э., один из которых украшен снаружи орнаментальными отшлифованными овалами.

От жилища 1 селища Будешты сохранились остатки, подобные развалинам двух описанных выше жилищ (рис. 3, 4). Значит, конструкция всех этих жилищ была сходной. Очертания плана постройки представляют собой прямоугольник 12×6 м, ориентированный длинной осью по направлению запад — восток. По контуру постройки расположены ямки столбов, поддерживавших стены, и плитчатые необработанные известняковые камни отмоксты. В западной трети постройки находятся две большие ямы — остатки кладовых. Вероятно, постройка была спланирована так же, как описанные жилища в селищах Загайканы и Будешты, т. е. западная треть ее была хозяйственным помещением с ямами, а остальная часть — жилой, отапливаемой. Печь не сохранилась. Жилой характер постройки определяют находки бытового и отчасти производственного характера в её развалинах и окружающем грунте: фрагменты горшков, мисок, кувшинов, несколько обломков амфор II—IV вв. н. э., обломок глиняного дуршлага для изготовления творога, глиняные пряслица и грузила с отверстием небольшого диаметра от ткацкого станка, глиняное рыболовное грузило с широким отверстием, сверло и небольшой глиняный тигелек. Кроме того, в развалинах дома найдены: каменные точильные бруски, бронзовый фигурный гвоздик, стеклянные бусы-колечки, костяной составной гребень черняховского типа, обломок бронзовой фибулы с подвязным приемником, язычок бронзовой пряжки.

При раскопках селища Делакеу⁹ (Бульбокский район Молд. ССР) найдено наземное жилище 2 площадью 12×8 м, т. е. 96 м^2 , аналогичное обнаруженным на селищах Будешты и Загайканы (рис. 3, 2). Найденные в Делакеу куски глиняной обожженной обмазки стен, часто встречающиеся в других жилищах, служат свидетельством того, что конструкция стен этой постройки была также плетневой с глиняной обмазкой и применением вертикальных опорных столбов. Яснее, чем в других жилищах, прослеживается отмостка из камней и гальки, залегавшая под развалом стен. Жилище 2 — прямоугольное в плане и ориентировано длинной осью по направлению запад — восток. Найдены стены: южная целиком, длиной 12 м, и фрагменты западной и восточной, перпендикулярные южной. По аналогии с постройкой, обнаруженной на селище Загайканы, восстанавливается ширина жилища селища Делакеу. Рассматривая очаг этого жилища лежащим на длинной оси, получаем ширину постройки удвоением расстояния от очага до южной стены — 8 м. Остатки стены представляют собой скопление кусков обожженной глины шириной в 1—2 м, толщиной около 0,2 м.

Жилище селища Делакеу по внутренней планировке аналогично домам селищ Загайканы и Будешты: восточная его часть, большая по площади, была отапливаемой, жилой, а западная — неотапливаемой, хозяйственной. Между этими камерами внутри дома заметны следы перегородки. Очаг жилища представлял собой глиняный под на субструкции из гальки. С восточной стороны сохранился невысокий бортик из крупных камней, как и в других очагах на селищах Делакеу, Загайканы и Будешты. На селище Делакеу очаги приблизительно такой же конструкции открыты также к востоку и югу от дома. Это обычные для южных местностей наружные дворовые очаги. Свидетельством тому, что открытая на селище Делакеу постройка является жилищем, служат

⁹ Отчеты Э. А. Рикмана об археологических работах 1959 и 1960 гг. Хранятся в архиве Академии наук Молд. ССР.

находки исключительно бытового характера внутри сооружения: несколько обломков жерновов, фибула, пряслица, точильные бруски. На селище Делакеу, как и на селищах Будешты и Загайканы, именно в жилищах концентрируются находки.

Наиболее южным селищем черняховской культуры, на котором встречены «большие дома», является селище Комрат I, расположенное в 6 км к северу от города Комрата в Молд. ССР. Это селище в 1960 г. раскапывал автор настоящей статьи.

На селище Комрат I ясно наблюдалось расположение жилищ рядами, причем в рядах были большие и малые дома (рис. 4). В каркасе глинобитных стен этих домов применялся наряду со строительными материалами, известными по другим домам (столбы, прутья), и камыш. Применение его обусловлено тем, что поселение находится на правом берегу реки Ялпук, заросшем камышом. Площадь домов — 104 и 96 м². Дома сильно разрушены распашкой, но все же угадывается их прямоугольная форма. Ориентировка длинной осью — по направлению запад — восток и северо-восток — юго-запад. Можно предположить их внутреннее деление на восточную или северо-восточную отапливаемую жилую и западную — хозяйственную камеру. Так, в западной части жилища 5 (рис. 5, 2) найдено на большой площади скопление зерен злаков, что отмечает местонахождение хозяйственной части дома. В восточной же части очаг, к сожалению, не сохранился. В северо-восточной части жилища 6 по длинной оси на полу из желтой глины обнаружен очаг из камней, что говорит о размещении жилой отапливаемой части дома в восточной оконечности (рис. 5, 3). Внутренняя планировка жилища 1 (рис. 5, 1) характеризуется тем, что признаки хозяйственного помещения в нем сохранились в северо-западной оконечности. О том, что вскрытые на селище Комрат I сооружения были жилищами, свидетельствуют также находки бытового и хозяйственного назначения, концентрирующиеся внутри этих построек.

По материалам раскопок в Молдавии, главным образом жилища 1 в Делакеу, архитектором А. Я. Розеном и Э. А. Рикманом выполнена реконструкция (рис. 6). Из рисунка видно, что высота дома представляется равной человеческому росту. Толщина стен несколько превышает толщину каркаса из вертикальных бревен и переплетавших их веток. Каркас был обмазан глиной. Крыша — простейшая соломенная, опирающаяся на осевые стойки с развилками сверху, коньковую балку и стропила. Последние опираются на горизонтальные следи, лежащие в развилках вертикальных бревен стен. Восточная, отапливаемая камера дома отделена от неотапливаемой перегородкой, которая была необходима, чтобы сберечь тепло в жилой камере. Показаны две двери:

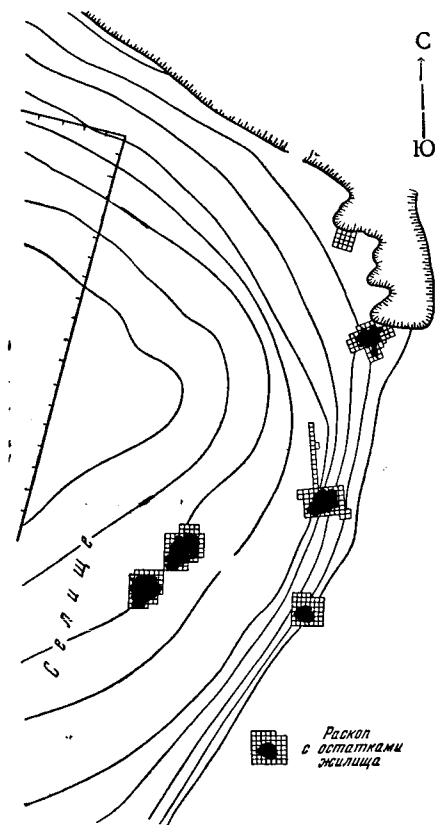

Рис. 4. Размещение домов на черняховском селище Комрат I

из жилой камеры в хозяйственную и из хозяйственной наружу (с южной стороны). В доме должно было существовать для освещения хотя бы одно окно, которое помещено предположительно с восточной стороны. У подножья дома находится дренажная канава с заполняющими ее мелкими камнями и галькой. Это заполнение было нужно, по-види-

мому, для передвижения обитателей вокруг дома, чтобы канава не мешала. Очаг находится в восточной камере на осевой линии дома. У юго-восточного угла жилища показан дворовый очаг. Предлагаемая реконструкция дома из Делакеу напоминает конструкцию восточнославянских столбовых домов, известных этнографам¹⁰.

Выше довольно подробно сказано о «больших домах», раскопанных в Молдавии, в Нижнем Поднестровье; аналогичные дома известны и на Волини и в Среднем Поднестровье. Постройка, раскопанная М. Ю. Смишко в Викинах Великих¹¹ на селище черняховского типа и названная им жилищем II, принадлежит к намеченной в настоящей статье группе жилищ (рис. 3, 6). Она выглядела в раскопе в виде слоя кусков обожженной глины, сплошного в восточной оконечности, от которого в западном направлении отходили остатки

стен — две «ленты» причудливых очертаний разной длины, состоявшие из обломков обмазки стен. Слой обмазки имел в длину 11,5 м, а в ширину — до 8 м. Общая площадь сооружения составляла 92 м². М. Ю. Смишко предполагает, что жилище II было четырехугольным, ориентированным длинной осью по направлению запад — восток. В его восточной оконечности найден очаг в виде сильно обожженного слоя глины, угля и кусков глины, обожженной на поверхности. Пол был земляным. Глиняная обмазка идентична известной в жилищах селищ Загайкань, Будешты и Делакеу. Назначение постройки как жилища определяется находками в нем керамики, костей домашних животных и пряслиц. В Викинах Великих отапливаемая часть дома находилась

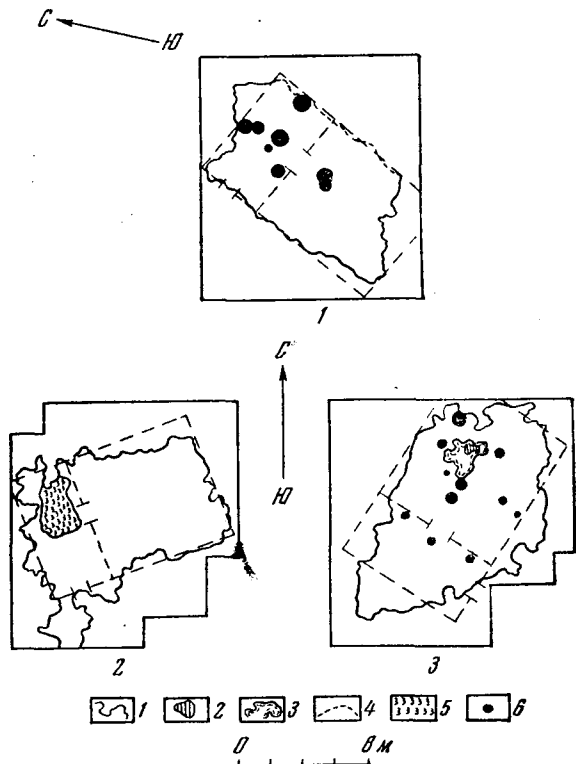

Рис. 5. Селище Комрат I: 1 — жилище 1; 2 — жилище 5; 3 — жилище 6. Условные обозначения: 1 — граница развала; 2 — очаг; 3 — граница остатков пола; 4 — граница жилища (реконструкция); 5 — обугленные зерна; 6 — ямы

¹⁰ Е. Э. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов, «Восточнославянский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXXI, М., 1956, стр. 84—87.

¹¹ М. Смишко, Селище доби політ поховань у Вікінах Великих, «Археологія», Київ, 1947, стр. 115.

с восточной его стороны. По очертаниям развала глиняной обмазки — следов северной, восточной и южной стен жилища, по площади эта постройка ближе всего к жилищу из Делакеу.

Большое прямоугольное в плане трехкамерное жилище черняховского типа с двумя печами было найдено М. Ю. Смишко также при раскопках 1951 г. на селище Сухостав (Копычинецкий район Тарнопольской обл. УССР)¹².

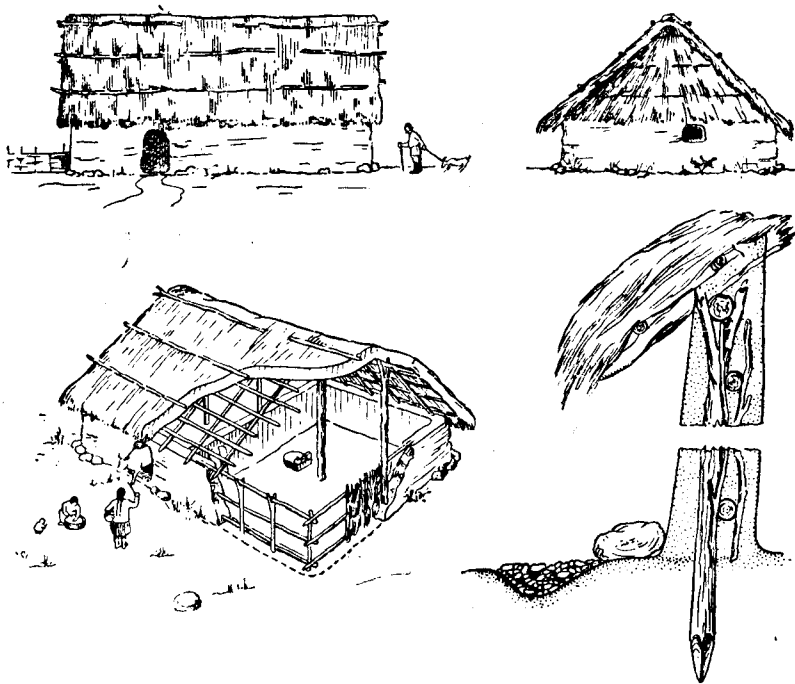

Рис. 6. Селище Делакеу. Реконструкция жилища 1

Два наземных дома III—IV вв. н. э. найдены при раскопках М. А. Тихановой¹³ селища Лепесовка на Волыни. Оба дома прямоугольные, ориентированы длинной осью по направлению запад — восток. Первый дом — площадью $16,5 \times 8$ м (132 м²). На длинной оси были расположены печь и культовый очаг. Западная, неотапливаемая треть дома имела хозяйственное назначение, остальные две трети с очагом и печью служили жильем. Второе из раскопанных наземных жилищ — также двухчастное, состоявшее из восточной отапливаемой жилой и западной неотапливаемой хозяйственной камер. Площадь его — $13,5 \times 7,5$ м ($101,25$ м²). По периметру сохранился развал стенок из обожженной глины шириной 0,3 м. На длинной оси дома у коротких сторон были столбы, поддерживавшие двускатную кровлю, а в центре отапливаемой камеры — очаг из камней. Пол был из утрамбованной глины. В той же камере у стен два скопления грузил отмечают местонахождение ткацких станков. Неподалеку найден жернов ручной мельницы, а в хозяйственной камере — зерна и навоз. Это жилище больше всего напоминает «большой дом» из Делакеу.

¹² Материал не опубликован. Любезное сообщение автора раскопок.

¹³ Доклад М. А. Тихановой во время пленума Института археологии АН СССР и Института археологии АН УССР, посвященного итогам раскопок 1959 г., на секции славяно-русской археологии; печатается с разрешения М. А. Тихановой.

«Большими домами» являются раскопанные Е. В. Махно на Ягнятинском селище¹⁴ наземные сооружения I и III черняховского типа (см. рис. 3, 5). Устройство очагов и стен у них аналогично таким сооружениям, известным по жилищам селищ Будешты, Загайканы, Делакеу. Пол — из утрамбованной земли. Сооружение I — площадью 120 м², сооружение III — 105 м²; в плане оба — вытянутые прямоугольники не совсем правильной формы, ориентированные длинной осью по направлению с северо-запада на юго-восток. Каждая постройка, как пишет Е. В. Махно, имела по два входа с северной стороны. Постройки были двухкамерными. Сохранились следы перегородки, разделяющей обе камеры. Очаг находился в них в восточных камерах. Западная, неотапливаемая часть сооружения III, судя по представленному Е. В. Махно плану, была разделена в свою очередь на две камеры.

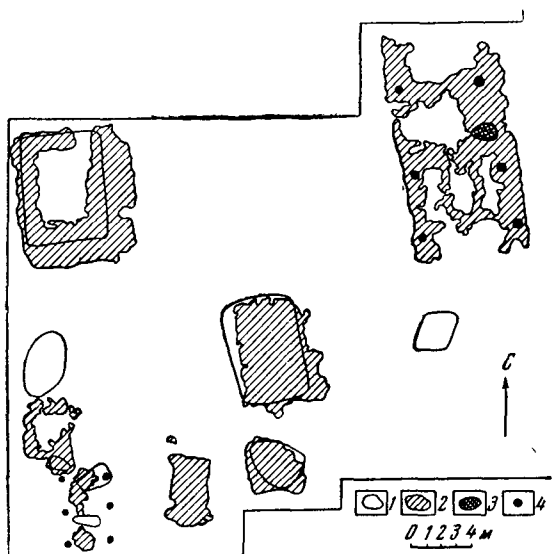

Рис. 7. План двора на селище Леськи (по А. Т. и М. Ю. Брайчевским). 1 — ямы и выемки в земле; 2 — развал печины; 3 — место печи; 4 — ямки от столбов

Е. В. Махно, исходя из большой площади сооружений I и III, из конструкции печей, считает эти постройки не только жилищами, но и мастерскими гончаров. Сходство планировки ягнятинских построек с планировкой жилищ селищ Загайканы, Будешты и Делакеу

показывает, что большая площадь не служит основанием к тому, чтобы считать первые постройки производственными, тем более, что в них нет керамического брака, да и сама конструкция очагов не говорит о производственном их назначении. Это обычные очаги, аналогичные известным на селищах Делакеу, Будешты, Загайканы, и совершенно отличные от обжигательных гончарных печей, хорошо известных на черняховских селищах. Эти очаги могли иногда использоваться для обжига посуды. Находки, сделанные в жилищах, имеют бытовой характер и говорят о жилом характере построек. В целом жилища Ягнятина относятся к описанному выше типу жилищ с отапливаемой жилой и неотапливаемой хозяйственной камерами.

Аналогичные жилища найдены при раскопках 1956 г., произведенных А. Т. и М. Ю. Брайчевскими¹⁵ на селище Леськи Черкасского района Черкасской обл. УССР (рис. 7). В одной из раскопанных усадеб центральным сооружением был «большой дом» площадью 9,5×5,5 м, имевший прямоугольный наружный контур; дом был ориентирован длинной осью по направлению север — юг. Стены были глинобитные, опиравшиеся на каркас из столбов, переплетенных ветками. Указанная авторами площадь (9,5×5,5 м) нуждается в уточнении. Приложенный к статье чертеж показывает, что площадь дома была вместе с «крылеч-

¹⁴ Е. В. Махно, Ягнятинська археологічна експедиція, «Археологічні пам'ятки УРСР», т. III, Київ, 1952, стр. 154—164.

¹⁵ А. Т. Брайчевская, М. Ю. Брайчевский, Раскопки в с. Леськи..., стр. 48—50.

ками — 14×7 м (98 м^2). Дом был разделен перегородками на четыре помещения, наименьшее из которых имело площадь $4,5 \times 2$ м. Кроме того, с южной и северной стороны к внешним стенам, по-видимому, примыкали пристройки. Остатки печи были обнаружены в центральной части здания и обогревали, по мнению авторов, обе половины дома. На усадьбе были обнаружены также остатки погреба, хлева, двух курятников, свинарника, двух построек производственного назначения, сарая (или амбара). Хозяйственные постройки были расположены так, что ограничивали чистый внешний двор и внутренний скотный двор.

К востоку от описанной усадьбы обнаружены остатки другой усадьбы. Здесь также находился «большой дом», подобный описанному выше и состоявший по меньшей мере из двух камер, в каждой из которых было по печи. Близ дома находились надворные печи и хозяйственные ямы. Авторы раскопок, относя селище Леськи к IV в. н. э. и к более позднему времени, считают, исходя из членения дома на четыре камеры, что вскрытая ими первая усадьба принадлежала самостоятельной хозяйственной единице типа большой семьи, состоящей из главы семьи и его трех взрослых сыновей с их семьями.

Описанные 14 больших жилищ сходны по площади и по удлиненной прямоугольной форме, что видно из приводимой ниже таблицы. Лишь на селище Викнины Великие отмечен большой, почти квадратный дом (рис. 3, 7), что напоминает дом черняховского типа, раскопанный на селище Новопокровском¹⁶.

Большие дома черняховских селищ

Название селища	Колич. камер	Площадь, м^2	Длина, м	Ширина, м	Ориентировка	Число печей	Предположительная площадь хозяйственных камер, м^2	Номер жилища
Загайканы	2	90	15,2	6	СВ-ЮЗ	2	30	3
Будешты	2	100	12	8	СЗ-ЮВ	3	30—40	2
Будешты	2	72	12	6	З-В	1	24	1
Делакеу	2	96	12	8	З-В	1	30	2
Комрат I	2	104	13	8	СВ-ЮЗ	—	—	1
Комрат I	2	96	12	8	СВ-ЮЗ	—	30	5
Комрат I	2	104	13	8	СВ-ЮЗ	1	35	6
Викнины Великие	2	92	11,5	8	З-В	1	—	II
Сухостав	3	72	12	6	—	2	—	—
Лепесовка	2	132	16,5	8	З-В	2	—	—
Лепесовка	2	101,25	13,5	7,5	З-В	1	30	—
Ягнятин	3	120	—	—	СЗ-ЮВ	1	60	I
Ягнятин	2	105	—	—	СЗ-ЮВ	1	—	III
Леськи	4	98	14	7	СЮ	1	50	I

По внутренней планировке можно выделить следующие типы «больших домов»:

1) с расположенной с западной стороны хозяйственной частью, занимающей примерно треть площади дома (Загайканы, Будешты, Делакеу, Лепесовка);

2) с расположенной с западной стороны неотапливаемой камерой, занимающей примерно половину площади дома, разделенной еще на две камеры (Ягнятин);

3) с расположенной с южной стороны неотапливаемой камерой, занимающей примерно половину площади дома, разделенной на три камеры (Леськи).

¹⁶ Ю. В. Кухаренко, Новопокровський моги́льник і поселення, «Археологія», VI, 1952, Київ, стр. 43—44.

Глинобитные стены домов были сооружены на каркасе из вертикальных бревен и переплетавших их веток. Пол дома в Загайканах представлял собой слой обожженной глины, а в жилищах других селищ он, видимо, был земляным. Могут быть выделены дома одноочаговые (Делакеу, Комрат I, Ягнятин, Викнины Великие), с тремя очагами (Будешты), с очагом и печью (Лепесовка), а в Леськах — многокамерный дом с одной печью. Очаги обнаружены в виде овальных или почти прямоугольных вымосток из плитчатых камней (Загайканы, Будешты, Ягнятин, Викнины Великие, Лепесовка), с двумя очагами (Зайгайканы, Ягнятин, Викнины Великие). Другие очаги отличаются от описанных наличием вертикальных непонятного назначения бортиков с одной из торцовых сторон (Загайканы, Будешты, Делакеу). Внутри некоторых жилищ (Загайканы, Комрат I, Будешты) имелись хозяйственные ямы.

По-видимому, увеличение числа очагов в больших жилищах отражает деление большой семьи на малые семьи. В исторической последовательности следует первыми назвать жилища с одним очагом, затем — с двумя и с тремя. Многокамерные жилища из Ягнятина и Лесек следует поставить в конце ряда.

«Большие дома» не были культовыми помещениями. Предположение об их культовом назначении не находит никакой опоры в материалах из этих построек. Не меняет этого представления обнаружение культового очага в доме из Лепесовки, так как весь остальной материал этого дома — бытовой. Культовый очаг может находиться и в обычном жилище. Нет оснований говорить о социальных различиях между жителями больших и малых домов. Нельзя признать «большие дома» и общественными постройками для коллективных работ или собраний. Такому представлению противоречат находки только обычного бытового и хозяйственного инвентаря, аналогичного обнаруженному в малых жилищах. Наиболее правильным кажется предположение, что «большие дома» были местом обитания патриархальных больших семей, о чем говорит прежде всего их большая площадь, которая остается весьма значительной даже за вычетом хозяйственных помещений, составляя 50—60 м². Мнение о существовании в первых веках н. э. в Восточной Европе большесемейных коллективов не противоречит имеющимся в исторической науке представлениям об общественном строе той поры, когда развитие первобытнообщинного строя подошло к своему завершению. В среде племен Восточной Европы складываются в этот период обширные племенные союзы, приобретающие черты примитивных государств¹⁷. На смену родовым связям в пределах поселений начинают выступать территориальные. Это отражено в могильниках черняховского типа, где имеются рассеянные, не группирующиеся погребения (однако кое-где в Будештском и других могильниках можно наблюдать группировку погребений). Ряды погребений изображены В. В. Хвойкой при издании материалов из Черняховского могильника¹⁸. Исходя из площади жилищ и группировок погребений, территориальные общины первых веков н. э. у черняховцев надо предположительно считать состоящими не только из малых, но и из больших семей.

Определить численность населения большого черняховского дома можно только благодаря этнографическим аналогиям. Привлекаемое ниже в качестве такой аналогии жилище горных таджиков, описанное Н. А. Кисляковым, отдалено от черняховских домов во времени и территориально. Но все эти дома служили местом обитания больших семей, что должно было отразиться на их планировке и размерах. Так, жилище площадью в 120 м² из Ягнятина можно сравнить с большесемей-

¹⁷ П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, М., 1953, стр. 100, 144.

¹⁸ В. В. Хвойко, Поля погребений в среднем Поднепровье, «Записки Русского археологического общества», нов. серия, вып. I и II, СПб., 1901.

ным домом горных таджиков, где площадь центрального помещения с двумя очагами составляла 121 м². Вдоль стен этого помещения были расположены глинобитные нары, разделенные рядом деревянных перегородок на спальни отдельных малых семей. При доме были летние помещения, пристройки для гостей, крытые террасы, пять кладовых, ясли для скота, четыре хлева, конюшня, кладовая для молока, два сарая для соломы, мельница. Дом этот заселяла семья из 54 человек: братья с женами, их дети с женами и мужьями и внуки¹⁹. Численность жителей ягнятинского жилища была, возможно, примерно такой же. Судя по этнографическим аналогиям с большесемейными домами горных таджиков, словаков²⁰ и сербов²¹, черняховские «большие дома» могли разделяться в их неотопливаемых частях на камеры, предназначенные для отдельных супружеских пар. Такие камеры найдены лишь в черняховских домах из Лесек и Ягятина.

О положении «больших домов» на селищах имеется мало данных, так как селища целиком почти не раскапывались. В Лесках «большой дом» входил в комплекс усадьбы. Селища Комрат, Будешты и Загайканы дали сочетание в рядах больших и малых жилищ. Сосуществование больших и малых жилищ на селищах может говорить о бытовании семей обоих типов. Аналогичные факты отмечены у разных народов неоднократно²². Впрочем, этнографические параллели с жилищами больших семей балканских славян могут говорить и о том, что малые дома черняховцев могли принадлежать отдельным супружеским ячейкам, объединившимся в большие семьи.

В описываемых домах жили земледельцы, занимавшиеся и скотоводством. Об этом говорят почти постоянные находки жерновов ручных мельниц.

«Большие дома» черняховских селищ не имеют исторических предшественников и последователей на территории, занятой этой культурой, и тесно связаны именно с черняховцами. Ни на предшествующих лукашевско-полянских, липицких, зарубинецких, скифских поселениях, ни на последующих славянских, салтово-маяцких селищах не известны подобные жилища. Наземные дома II—I вв. до н. э. карпо-дакийских племен — носителей лукашевско-полянских культуры — гораздо меньших размеров (16—20 м²) и по особенностям строительных материалов и планировки отличаются от больших черняховских жилищ²³. Зарубинецкие наземные дома²⁴ (площадь 20—25 м²) также отличаются от больших черняховских жилищ. То же можно сказать о больших и малых скифских наземных домах, изученных на Каменском городище. По площади скифские жилища зачастую больше, чем черняховские «большие дома», а по конструкции совершенно отличны от них²⁵. Жилища племен липецкой культуры — полужемлянки и землянки площадью в 10—36 м²²⁶ по основным особенностям отличаются от интересующих нас «больших домов». Несходство в площади и планировке наблюдается между черняховскими «большими домами» и более поздними жилищами восточных славян, салтовоцев (поздних алан) и поздних кочевников — тюрков.

¹⁹ Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахно-Боло, М.—Л., 1936, стр. 59—61.

²⁰ Н. Н. Грацианская, Жилище и хозяйственные постройки словацкого крестьянства в XIX — начале XX в., «Славянский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. I XII, М., 1960, стр. 202, 203.

²¹ Л. Нидерле, Славянские древности, М., 1956, стр. 256.

²² М. О. Косвен, Очерки истории первобытной культуры, М., 1953, стр. 187.

²³ Г. Б. Федоров, Указ. раб., МИА, № 89, 1960, стр. 309, табл. 3.

²⁴ «Памятники зарубинецкой культуры», под ред. П. Н. Третьякова. Введение, МИА, № 70, 1959, стр. 9.

²⁵ Б. Н. Граков, Каменское городище на Днепре, МИА, № 36, 1954, стр. 52.

²⁶ В. Д. Баран, Поселение первой половины I тысячелетия н. э. у с. Черепин Львовской обл., Автореферат канд. дисс., Львов, 1958, стр. 5.

Хорошо известны небольшие прямоугольные в плане полуземлянки второй половины I тысячелетия н. э. у восточных славян. Лучше всего изученные при раскопках Саркела — Белой Вежи жилища салтовцев представляют собой либо небольшие по площади углубленные «юрты» со стенами на жердевом каркасе, либо — углубленные же прямоугольные в плане помещения с двускатной кровлей. Наземные жилища салтовцев — также небольшие по площади, прямоугольные в плане — имеют черты сходства с «большими домами» черняховцев. В тех и других отмечены глинобитные полы, глиняные стены на каркасе из кольев, переплетенных ветками, крыши из соломы. Особенностью, которая также сближает салтовские и черняховские жилища, является расположение хозяйственных ям внутри этих построек. Жилища осевших в Саркеле поздних кочевников представляют собой небольшие прямоугольные в плане наземные постройки с кирпичным очагом²⁷.

Все сказанное дает основание поставить вопрос о появлении «больших домов» именно у черняховцев. Наиболее близкие аналогии существуют между черняховскими и древнегерманскими «большими домами». С глубокой древности (вплоть до современности) для северных и восточных германцев был характерен тип большого дома, в котором под одной кровлей объединены неотапливаемая хозяйственная и отапливаемая жилая камеры. Обычной была ориентировка этих домов длинной осью по направлению запад — восток. Стены их состояли из вертикальных столбов и переплетающих их веток, обмазанных глиной. В жилой камере дома устраивали очаг. Двускатная кровля опиралась на стены, иногда и на дополнительные столбы, расположенные по длинной оси внутри дома. На поселениях эти дома находились в окружении меньших по площади жилищ и хозяйственных построек.

Приведем несколько примеров. Большие дома, где под одной кровлей находились жилье и хлев, с плетневыми стенами, опиравшимися на столбы, с очагами отмечены в северо-германской земле Шлезвиг-Гольштейнии для периодов первобытности и средневековья. Имелись они и в первые века нашей эры²⁸. В нижней Силезии в бургундском поселении Каролат I в. н. э. раскопан наземный дом, в плане прямоугольный, площадью 15×8 м, ориентированный длинной осью по направлению запад — восток. С западной, торцевой стороны, были расположены сени. Два очага были в западной, жилой камере. Восточная часть постройки, неотапливаемая, служила, видимо, хозяйственной камерой. Неподалеку от этой постройки находится малый дом²⁹. «Большие дома» первых веков нашей эры отмечены в Бэрхорсте (например, площадью 27×5 м), где они сочетались с жилищами скромных размеров. В «больших домах» прямоугольной формы под одной кровлей находились жилое и хозяйственное помещения. Исследователи указывают для этой эпохи значительное число длинных (50 и даже 80 м) «больших домов» в западной, северной и восточной Германии. Среди этих домов некоторые, вероятно, предназначались для собраний, культовых церемоний и работ всей общины, остальные «большие дома» были местом обитания больших семей или более крупных родовых коллективов. Планировка поселений, при которых вокруг таких домов группируются малые, прослеживается до VI—IX вв. н. э.³⁰.

Итак, «большие дома» черняховских селищ сходны с древнегерманскими жилищами размерами площади, применением для устройства

²⁷ В. Д. Белецкий, Жилища Саркела — Белой Вежи, МИА, № 75, 1959, стр. 42, 43, 47, 56, 58, 60, 66.

²⁸ A. Bantelmann, Neuere Forschungsergebnisse zur Besiedlungsgeschichte der Marschen Schleswig-Holstein, Berlin, 1959, стр. 232—239.

²⁹ F. Behn, Die Entstehung des deutschen Bauernhauses, Berlin, 1959, стр. 56, табл. 31.

³⁰ W. Radig, Die Siedlungstypen in Deutschland und ihre frühgeschichtlichen Wurzeln, Berlin, 1955, стр. 55—64.

стен глины и каркаса из столбов и веток, наличием под одной кровлей жилой и хозяйственной камер, ориентировкой. Планировка поселений с сочетанием больших и соседних малых домов характерна как для древнегерманских, так и для черняховских поселений. Все это позволяет предполагать какие-то культурно-исторические связи носителей черняховской культуры II—IV вв. н. э., среди которых имелись и германские племена, с областями Северо-Восточной Европы, где жилища такого типа часто встречаются с глубокой древности.

Возникновение больших германских домов было обусловлено складыванием крупных родовых и семейных коллективов. Высказанное предположение косвенно подкрепляется данными письменных источников. Большая семья у германцев I в. н. э. отмечена Тацитом. Говоря о военном строе германцев, Тацит указывает, что их военные подразделения образуются из *familiae* (*Germania*, VIII)³¹, т. е. из больших семей, ибо отдельное воинское подразделение из боеспособных членов малой семьи немыслимо. Альтернативно с *familia* Тацит употребляет выражения *domus* и *universa domus*, что опять-таки обозначает большую семью или семейную общину³². Видимо, большая семья существовала не только в I в. н. э. у германцев, но и во II—IV вв. н. э. у тех племен лесостепной зоны Восточной Европы, которые известны под именем черняховцев. Существование большой семьи оставило свой след в наличии «больших домов» на черняховских селищах.

Распространившись в Северном Причерноморье, может быть из Северо-Западной Европы, «большие дома» приобрели важные особенности по сравнению с северо- и восточногерманскими большими жилищами — глиняную твердообожженную обмазку стен, эту очень характерную особенность больших и малых домов черняховских селищ. Таким образом, домостроительство, как и вся культура племен, населявших Северное Причерноморье, в первых веках нашей эры подверглось переработке и унификации. «Большие дома» существовали в различной этнической среде. Такие жилища отмечены на территории локальных вариантов черняховской культуры (по М. А. Тихановой): в Среднем Поднепровье (Ягнятин и Лески); на Волини (Викины Великие, Лепесовка, Сухо-став); в Поднестровье (Будешты, Загайканы, Делакеу, Комрат I) (рис. 8). По мнению Тихановой, эти локальные варианты черняховской культуры принадлежат соответственно сильно сарматизованному местному населению, славянам и гето-фракийцам.

М. А. Тиханова несколько упростила картину этнического состава Поднестровья; обитателями отмеченных нами в Поднестровье жилищ могут быть не только гето-фракийцы. Письменные источники говорят о том, что Прутско-Днестровское междуречье было во II—IV вв. н. э. заселено не только гето-фракийцами, но и сарматами, и готами. У села Будешты, где раскапывались могильник и селище черняховского типа и найдены «большие дома», выявляется смешанное, одновременно обитавшее там население: геты, сарматы и готы³³. Антропологические исследования М. С. Великановой устанавливают механическую смесь сарматского и какого-то другого населения, в котором, по-видимому, следует видеть гетов. Следовательно, «большие дома» сооружались различными в этническом отношении племенами.

Исследование черняховских «больших домов» только начато. Материал невелик, но он позволяет высказать предположения о планировке, происхождении и назначении этих интересных сооружений. Изучение

³¹ М. О. Косвен, Патронимия у древних германцев, «Изв. АН СССР», серия истории и философии, т. VI, 1949, № 4, стр. 357.

³² Там же, стр. 359.

³³ Э. А. Рикман, Раскопки у с. Будешты. (К вопросу о населении Днестровско-Прутского междуречья в первых веках н. э.), «Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики», Кишинев, 1960.

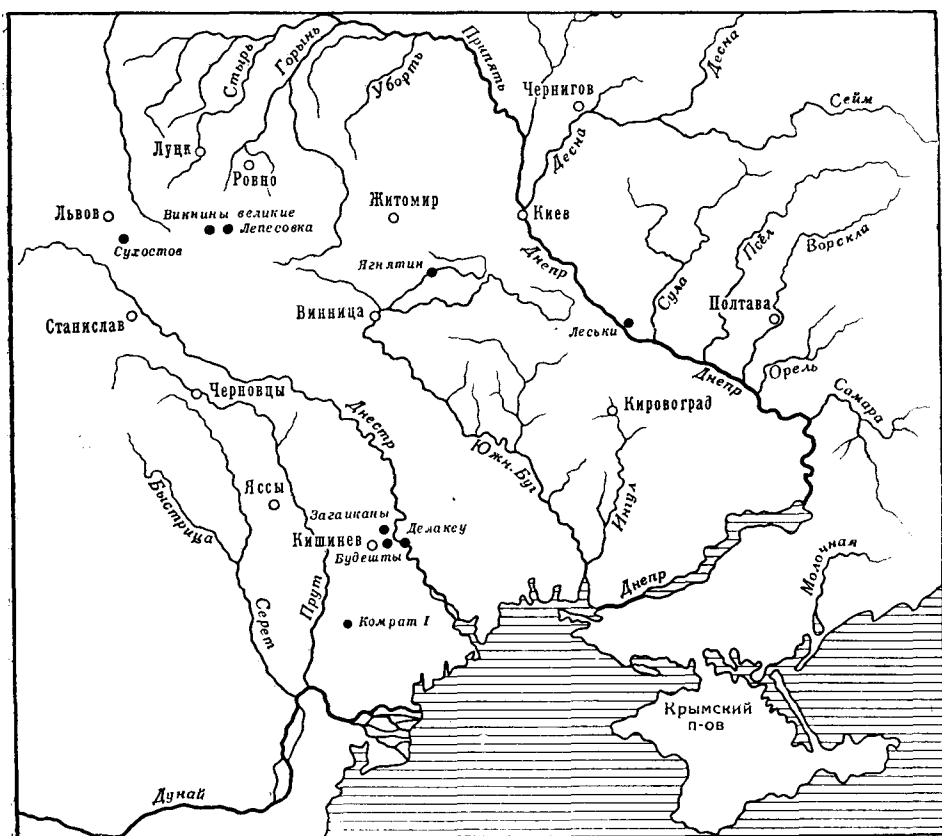

Рис. 8. Карта распространения черняховских селищ с «большими домами».

«больших домов» поможет правильной оценке вклада различных, в особенности восточногерманских, племен в формирование черняховской культуры, что будет содействовать изучению этногенеза народов Восточной Европы в I тысячелетии н. э.

SUMMARY

Certain settlements of the 2nd-4th centuries A. D., belonging to the Chernyakhov culture which was spread over the wooded steppe zone from the Danube area to the Dnieper-Don watershed, had «large houses» up to 120 square metres of floorspace, with log frame walls interlaced with branches and plastered with clay. The houses had a ridged roof, and their interior was generally divided into two parts—the living premises and the storerooms. Each house had hearthes, ranging from one to three in number. Such houses were apparently occupied by large patriarchal families. They have not been traced either among the forerunners of the Chernyakhov culture bearers or among the population that replaced them in the Chernyakhov culture area.

The closest parallel in size and planning to the Chernyakhov «large houses» are those of the ancient Germans. This warrants the hypothesis about the existence of cultural-historical ties between the Chernyakhov culture bearers and certain areas of north-eastern Europe, where such dwellings have been discovered at many ancient sites. Spreading over the northern Black Sea area, the «large houses» acquired a characteristic feature missing in the East-German houses—hard-baked wall plastering. The «large houses» were built by ethnically different tribes which produced the Chernyakhov culture (Getae, Sarmatians, Slavs). Studies of the «large houses» help to appraise correctly the contribution made by different tribes to the formation of the culture of the population in the northern Black Sea area in the first centuries A. D.

В. П. КОБЫЧЕВ

АЙРУМЫ

(К вопросу происхождения этнонима)

Айрумы — этнографическая группа азербайджанцев, проживающая в западной части Азербайджанской ССР, в горной местности на просторстве от оз. Гёк-гёль до р. Акстафы (по современному административному делению здесь расположены районы Дастафюрский, Кедабекский, Ханларский, Шаумяновский, Таузский, Казахский и Кельбаджарский); в других местах айрумы слились со своими соседями — азербайджанцами и армянами. Область расселения их в прошлом простиралась от персидско-турецкой границы, где охватывала район оз. Урмии и окрестности Хоя, Маку, Салмаста (т. е. примерно территорию бывшего ханства Аваджик)¹ до Куры (исторические провинции Борчала, Шамшадиль, Казах)², и занимала как горные, так и низменные местности.

Письменные известия об айрумах крайне скудны: из специальных работ имеются только две небольшие статьи — К. Каракашлы³ и А. Алекперова⁴, отдельные разрозненные данные находятся в Актах Кавказской археографической комиссии⁵ и в некоторых ранних работах В. Ф. Минорского, И. И. Мещанинова и М. Г. Велиева (Бахарлы).

По вопросу этногенеза айрумов в литературе существует несколько взаимоисключающих точек зрения, из которых более или менее аргументированными можно считать лишь гипотезы А. Алекперова и К. Каракашлы, все другие представляют собой априорные догадки и голословные утверждения.

По мнению Бахарлы, предками айрумов были малоазийские турки, которые после разгрома их государства в Анатолии в 1301 г. нашли себе убежище в пределах Закавказья. В пользу этого, считает Бахарлы, свидетельствует сам этноним данного народа, представляющий собой соединение двух слов: «эль» — по-тюркски — род и «Рум» — наименование тюркского султаната в Малой Азии⁶. Замечания об айрумах как о более поздних пришельцах на Кавказе содержатся в работе В. Ф. Минорского «Курды»⁷ и в одной из газетных заметок И. И. Мещанинова, в которой указывается, что они «пришли из Персии во время персидско-турецкой войны в XVII в.»⁸.

¹ В. Ф. Минорский, Курды. Заметки и впечатления, Пг., 1915, стр. 3.

² См. «Акты Кавказской археографической комиссии» (далее — АКАК), тт. I—IX. Предметный указатель, Тифлис, 1866—1878.

³ К. Каракашлы, Об айрумах, «Изв. об-ва обследования и изучения Азербайджана», № 8, вып. 1, Баку, 1929.

⁴ А. Алекперов, У айрумов, «Изв. об-ва обследования и изучения Азербайджана», № 5, Баку, 1928.

⁵ АКАК, т. I—IX, см. Предметный указатель на «Айрумы».

⁶ Приводится по А. Алекперову, Указ. раб., стр. 240.

⁷ В. Ф. Минорский, Указ. раб., стр. 3.

⁸ Цит. по К. Каракашлы, Указ. раб., стр. 35.

В противовес этим миграционным теориям А. Алекперов и К. Каракашлы выдвинули тезис об автохтонном происхождении айрумов, который, правда, каждый из них обосновывал по-своему.

В результате наблюдений над культурой и бытом айрумов К. Каракашлы утверждает, что они «по своему этнографическому и общественно-хозяйственному быту отличаются от равнинных тюрков постольку, поскольку горец может отличаться от аранца», т. е. жителя равнины⁹. Имя же «айрум», по мнению этого исследователя, могло произойти «вследствие перемены территориального района и ухода, вернее, отделения одной части населения от другой и заселения ею нового края отдельными группами или семьями»¹⁰ («отдельно» по-азербайджански — «айры», отсюда — «айрым», как себя называют айрумы). В подтверждение этого своего предположения К. Каракашлы ссылается на толкование данного этнонима самими айрумами, которые уверяют, что в далеком прошлом аранцы отделили от себя их предков якобы за уклонение от участия в какой-то войне «за веру», и при этом рассказывают следующую легенду. В давние времена где-то на Аране (т. е. в равнинной части Азербайджана) происходила большая война, причиной которой послужили религиозные распри между отдельными владельцами страны. Предки айрумов, жившие далеко от театра военных действий, не хотели принимать в этой войне участия, но открыто отказаться побоялись и поэтому прибегли к некоторой уловке. Они отправились на войну не на лошадях, а на медлительных волах, так что пока добрались до места сражений, война уже успела закончиться. Однако эта хитрость была разгадана, и соседние народы стали смотреть на них как на изменников общему делу и начали постепенно отделять от себя. «Вероятно, поэтому,— заканчивают этот рассказ айрумы,— нас сейчас и называют «айрым»¹¹. Приведенная легенда, по словам записавшего ее К. Каракашлы, излагается айрумами довольно путано и без каких-либо конкретных координат времени и пространства, в лучшем случае ее приурочивают к жизни одного из первых 12 имамов, чаще всего к Хусейну. Она известна и остальному шиитскому населению Азербайджана и нередко использовалась мусульманским духовенством во время обряда «Шахсей-Вахсей» для поддержания религиозного экстаза верующих, напоминая о каре, постигшей некий коварный народ за его холодность к делам веры, муллы грозят нерадивых причислить к числу «воловых воинов»¹².

О своем происхождении айрумы рассказывают и другое предание, гораздо шире распространенное. В прошлом, гласит оно, в горах, ныне населенных айрумами, жили армяне. Предки айрумов занимались скотоводством на Аране. Каждое лето, поднимаясь со своим скотом на горные пастбища, они вынуждены были проходить через земли армянского населения. Чтобы скот не потравил посевов, скотоводы по требованию горцев надевали на голову каждой скотине по особой корзине, которую снимали только далеко от армянских земель, за горой Кошкарком, в местности, которая до сегодняшнего дня называется «себятгачмез», т. е. «корзинка больше не наденется». Тем не менее полностью избегать потрав посевов скотоводам не удавалось, в результате чего отношения между ними и земледельцами были крайне обостренными, пока однажды не произошел инцидент, повлекший за собой открытую войну. В этой войне на стороне айрумов выступили гянджинский хан и лезгинцы, и она закончилась полным истреблением армянского населения в горах. В опустошенных землях никто не пожелал селиться, и тогда гянджинский хан распорядился вызвать на эти земли жителей из Рума

⁹ К. Каракашлы, Указ. раб., стр. 37.

¹⁰ Там же, стр. 38.

¹¹ Там же, стр. 32.

¹² Там же.

которые здесь основали 25 селений¹³. К. Каракашлы, записавший это предание, добавляет, что в одном селении старый айрум заключил повествование об этих событиях следующими словами: «В наших жилах течет кровь очень многих народов, произошло очень большое смешение, в нас армянская кровь, и лезгинская, и персидская, и тюркская, а сами мы айрумы-мусульмане»¹⁴.

Помимо приведенных легенд, айрумы рассказывают еще много различных историй, в которых они представляют себя менее культурными по сравнению с жителями соседних плоскостных районов и, в частности, гор. Гянджи (ныне Кировабад)¹⁵.

Заключение К. Каракашлы о том, что айрумы представляют собой «фрагмент земледельческо-скотоводческих равнинных жителей», происхождение которых следует искать «не в каких-то „Румах“, а в пределах самого Кавказа» и в частности в «Казахском уезде, откуда большинство айрумов переселилось в горы Кошкара и Кяпаза»¹⁶, особых возражений не вызывает. Однако мы не можем согласиться с предложенным им объяснением возникновения этнонима «айрум» («айрым»). Во-первых, хотя в тюркских языках основа «айры» действительно используется в качестве ядра для образования слов со значением «отделять», «разделять», тем не менее в азербайджанском языке указанные понятия выражаются словами «сюркюн», «говуммуш», «узаг», «захид». Во-вторых, К. Каракашлы ошибается, когда утверждает, что форма «айрум» не свойственна азербайджанскому языку и возникла исключительно под влиянием русского языка, ибо, как доказал еще А. Алекперов, в письмах Джавад-хана Гянджинского (1804 г.) русскому командованию, мы встречаем выражение طایفة ایرومی (тайфа Айруни, или Айруми), т. е. род, племя Айрумов¹⁷, что свидетельствует скорее о том, что огласовка «айрым» возникла под влиянием особенности артикуляционной базы азербайджанского языка.

Далее, в Казахе имеются рядом два селения: Даданис и Даданис-Айрум, из которых второе, как указывает А. Алекперов, в понятии местного населения отнюдь не означает села отщепенцев¹⁸. Наконец, как об этом свидетельствуют многочисленные топонимические наименования¹⁹, генеалогия айрумских селений²⁰, предания айрумов²¹ и исторические источники²², предки этой группы азербайджанцев еще в недалеком прошлом проживали не только в горах, но и на равнине, где зимой пасли скот. При этом они поддерживали самые тесные хозяйственно-экономические связи с равнинными жителями, в частности, с населением гор. Гянджи, о чем свидетельствует сохранившееся любопытное посла-

¹³ К. Каракашлы, Указ. раб., стр. 31.

¹⁴ Там же, стр. 32. Между прочим, эту легенду К. Каракашлы записал со слов старика, родившегося в 1804 г.

¹⁵ К. Каракашлы, Указ. раб., стр. 33—34.

¹⁶ Там же, стр. 30.

¹⁷ А. Алекперов, Указ. раб., стр. 256; АКАК, т. I, № 824, стр. 611.

¹⁸ А. Алекперов, Указ. раб., стр. 257.

¹⁹ См. Д. Д. Пигарев, Указатель к пятиверстной карте Кавказа, Тифлис, 1913. Географические названия с топонимом «айрум» встречаются как в горных местностях, так и на равнине, причем преимущественно на последней.

²⁰ К. Каракашлы сам указывает, что многие айрумы «твердо знают и утверждают, что их предки — основатели того или другого села — пришли в разные времена из различных равнинных местностей, большинство из Казаха». По подсчетам автора, самому древнему айрумскому селению в горах не более 300—350 лет (К. Каракашлы, Указ. раб., стр. 39—40).

²¹ Ср. легенду о борьбе с армянами за горные пастбища, согласно которой айрумы жили первоначально на равнине.

²² В переписке Джавад-хана Гянджинского указано, что «айрумы входят в число гянджинских элов», т. е. кочевых обществ (АКАК, т. I, № 824, стр. 610—611). Насиб-бек сообщал ген. Цицианову, что при приближении персидских войск айрумы — выходцы из Шамшадия — ушли в Гянджинские горы (АКАК, т. II, № 1124, стр. 571).

ние елисаветпольских (гянджинских) старшин генералу Тормасову от 1810 г., в котором говорится следующее: «...еще известились мы, что в В. Выс-ву угодно переселить айрюмцев в Шамшадиль. Мы, ниже подписавшиеся, уверяем В. Выс-во..., что айрюмский народ служит нам, разоренным, крепкою стеною и, если они будут переселены, то нас съедят волки, собаки и чекалки; пропитание же наше зависит от них так, что если одну неделю прервется их сообщение, то... и мы все стеснены будем, потому что они доставляют нам все потребности наши, т. е. масло, сыр, молоко пресное и кислое, айран, сало (разрядка наша. — В. К.), мед, скотину, баранов и лес на построение домов, которые они нам привозят и продают здесь в городе, чем они нашу нужду удовлетворяют... Ради бога, да соизволите оставить их в своем месте...» (подпись 75 азербайджанских и 38 армянских старшин)²³. Известно, что айрумы занимались также еще развозом соли из Нахичеванских соляных копей²⁴ и состояли в родственных связях с жителями многих равнинных селений, в частности с шамшадильцами²⁵.

Когда русские войска в 1804 г. заняли гор. Гянджу, они нашли там свыше 500 сбежавшихся из ближайших окрестностей айрумских семейств²⁶, тогда как другие айрумы вместе с карапапахами ушли из русских пределов в долину Даралагеза²⁷. О какой же изолированности и отчужденности айрумов от остального населения может идти после этого речь? Мы полагаем, что К. Каракашлы, пытающийся осмыслить этноним «айрум» («айрым») как «отделившийся», «отщепенец», идет в данном случае на поводу у народной этимологии. Но, если следовать по этому пути, то можно подыскать и другое не менее «удачное» толкование данного слова, а именно, «пещерник» от армянского «айри» — пещера, тем более, что в Гяндже (Кировабаде) на вопрос о том, где живут айрумы, часто отвечают поговоркой: «айрум живет в айруме», т. е. в пещере, имея в виду его убогое земляное жилище — карадам²⁸. Однако при этом допущении, как и в предположении К. Каракашлы, совершенно невозможно без откровенных натяжек обосновать появление в конце слова фонемы «м», что выносит окончательный приговор всем подобным домыслам.

Более аргументированным выглядит на первый взгляд предположение А. Алекперова, который пришел к заключению, что в материальной и духовной культуре айрумов явственно проступают напластования двух разнородных культур — оседлой земледельческой, уходящей своими корнями в местную этническую среду, и пришлой скотоводческой, связанной с появлением в Азербайджане кочевых тюркских племен²⁹. Оседлые предки айрумов — древние албанцы — в начале средних веков в процессе христианизации края подпали под сильное влияние армянской церкви и в значительной степени были ассимилированы армянами, что, по мнению А. Алекперова, подтверждается наличием развалин древних храмов с армянскими надписями, сохранившихся в айрумских горах до наших дней. Однако в V в. Халкедонский церковный собор расколол всех армян и албанцев на два враждебных лагеря — монофизитов, или халкедонитов, — поборников греческого православия и диофизитов, или антихалкедонитов, — сторонников старой армянской церкви, из которых первые за свою приверженность к Византии и получили в просторечьи прозвище «хай-хором», т. е. армян-греков³⁰. В Армении халкедониты

²³ АКАК, т. IV, № 705, стр. 493.

²⁴ Там же, т. VII, № 95, стр. 96.

²⁵ Там же, т. IV, № 690, стр. 487.

²⁶ Там же, № 678, стр. 483.

²⁷ Там же, № 685, стр. 485.

²⁸ А. Алекперов, Указ. раб., стр. 230.

²⁹ Там же, стр. 240.

³⁰ См. А. Худобашев, Обозрение Армении, СПб., 1859, стр. 386.

остались в меньшинстве и вынуждены были впоследствии эмигрировать из страны, но в Албании их оказалось гораздо больше и одно время они даже завладели церковным престолом³¹. В последующие века тюркизация и исламизация Азербайджана, протекавшие в этих краях, судя по некоторым преданиям айрумов³², нередко в весьма жестокой форме, а также развернувшаяся в XVIII в. кровавая вражда между армянскими меликами Карабаха и тюркскими ханами соседних областей Азербайджана привели к полному исчезновению здесь христианской религии и к забвению первоначального смысла термина «хай-хором», который в усеченной форме «айрум» сохранился до наших дней как название части аборигенного населения, уже тюркского по языку и мусульманского по религии³³.

Однако А. Алекперов допускает ошибку, когда полагает, что название «хай-хором» послужило основой для образования интересующего нас этнонима: оно являлось, по всей видимости, сугубо книжным выражением, так как по данным полевых исследований и топонимики в повседневном обиходе употреблялось более краткое наименование — «хором»³⁴.

В гипотезе А. Алекперова есть и другое слабое место. Если бы айрумы в прошлом представляли собой раскольников, то они не были бы сосредоточены в одном каком-либо месте, а были бы рассеяны по различным уголкам исторической Армении и Азербайджана (Албании, Агвании) и даже за их пределами, как это обычно бывает со всякой гонимой сектой. Именно так обстояло дело с халкедонитами: «Их потомки, — отмечал в середине прошлого столетия А. Худобашев, — в весьма малом числе находятся в настоящее время в Кесарии, Ахене, Такате, Эрзеруме и в Константинополе и сохраняют за малыми исключениями совершенно тот же язык, те же обычаи, как и армяне, с тем только различием, что содержат вероисповедание церкви греческой и зависят от греческого патриарха»³⁵. Но мы знаем, что этих армян называют не айрумами, а просто «греками» («хоромами») или «ромеями» («урумами») ³⁶. Таким образом, стройная, на первый взгляд, гипотеза А. Алекперова при ближайшем рассмотрении также оказывается лишенной всякой фактической опоры и рушится, как и гипотеза К. Каракашлы.

Но если все гипотезы о происхождении айрумов, основанные на одном лишь осмыслении их этнонима, оказываются несостоятельными, может быть правильное будет допустить, что айрумы — одна из этнических групп тюрков или каких-либо древних аборигенов, сохранивших до наших дней свою обособленность и старое племенное наименование, какими являются, например, падары, карапахи, шахсевены и другие этнографические группы нынешних азербайджанцев. Однако от этого нас удерживают следующие соображения. Во-первых, во всех русских официальных документах прошлого века айрумы неизменно именуются «айрумским народом» и ни разу не названы «племенем» или «татарами», т. е. азербайджанцами, от которых они в этих документах всегда обо-

³¹ М. Каганкатваци, История агван, СПб., 1861, стр. 238—239.

³² См. К. Каракашлы, Указ. раб., стр. 31.

³³ Религиозная дискриминация часто приводит к гипертрофии конфессионального признака в ущерб национальному. Например, в Турции урумами называют не только греков, но и придерживающихся православного вероисповедания армян и грузин. См. А. И. Робакидзе, К вопросу о некоторых пережитках культа рыбы в Грузии, «Сов. этнография», 1943, № 3, стр. 120, прим.

³⁴ См. у А. Д. Ерицева: православных армян «простонародье называет хоромами, т. е. греками», «Список населенных пунктов Эрзерумской области, находившейся во временном управлении России», Приложение к «Изв. Кавказского отдела Русского географического Об-ва», т. 8, вып. 1, Тифлис, 1883, стр. 17; см. так же, стр. 12.

³⁵ А. Худобашев, Указ. раб., стр. 286.

³⁶ Н. Я. Марр, Арк'аун — монгольское название христиан, в связи с вопросом об армянах-халкедонитах, СПб., 1905, стр. 28.

соблюдаются. В то же время карапахи, шахсевены и другие этнические группы азербайджанцев и даже курды сплошь и рядом квалифицируются теми же источниками как «племя», либо же объединяются под общим собирательным термином — «татары»³⁷. Единственным исключением из этого правила является упомянутое письмо Джавад-хана, в котором трижды употреблено выражение «тайфа Айруми», т. е. род, племя айрумов. Тем не менее, в официальном русском переводе того времени этот оборот изменен в двух случаях на топонимическое наименование «Айрум», а в третьем — на традиционное «народ айрумский»³⁸.

Этот последний случай, на наш взгляд, особенно примечателен, так как знаменует преднамеренное уклонение от употребления слова «племя» в отношении айрумов со стороны русского переводчика, что, безусловно, не могло быть сделано без достаточных к тому оснований. По мнению А. А. Алекперова, русские источники потому айрумов называют «народом», что в начале XIX в. наряду с айрумами-тюрьками существовали еще айрумы-армяне³⁹. К сожалению, А. А. Алекперов не указывает конкретного документа, из которого он почерпнул известия об «айрумских армянах» и «айрумских татарах», чем значительно снижается ценность его сообщения, ибо в противном случае всякий вопрос о племенной принадлежности айрумов отпал бы сам собой.

Нам удалось обнаружить в «Актах...» один документ, в котором говорится о «шамшадильских и айрумских армянах и татарах», но, кажется, здесь допущена просто стилистическая небрежность⁴⁰.

Тем не менее, имеется еще одно веское возражение против того, чтобы считать айрумов одним из тюркских племен, а их имя обычным племенным названием. Дело в том, что для тюркских языков весьма характерно финитивное ударение, приходящееся на последний или один из последних слогов слова. Однако в нашем этнониме ударным является первый слог⁴¹, что скорее свидетельствует в пользу его иностранного происхождения.

Это последнее замечание, однако, не только не решает проблему происхождения айрумов, но ставит перед нами новый логический вопрос: в силу каких причин тюркская речь айрумов в таком глубоко народном и важном термине, как этническое имя, отступила от привычной для нее артикуляции и перешла на совершенно несвойственное ей произношение. Известно, что обычно язык проявляет очень большую устойчивость по отношению к заимствованным иностранным словам и подчиняет их своим грамматическим и фонетическим законам. Поэтому единственное возможное объяснение нашему прецеденту мы видим в том, что, по видимому, в этнониме «айрум» имеет место какое-либо забытое древнее грамматическое сочетание двух различных слов, из которых первое было главным, определяющим, а второе определяемым. Такими словами уже по самой морфологии нашего термина могли быть только известные уже нам имена «ай» (с придыхательными «х») — этническое наименование армян и «Рум» — название Византийской империи у ряда народов Востока в средние века. Однако отсюда отнюдь не следует, что так назы-

³⁷ См. АКАК, тт. I—IX. Предметный указатель на слова: «Айрумы», «Курды», «Карапахи», «Шахсевены».

³⁸ Там же, т. I, № 824, стр. 611.

³⁹ А. Алекперов. Указ. раб., стр. 256—267.

⁴⁰ Речь идет об одном письме ген. Цицианова полк. Карягину, в котором последнему предлагается уточнить данные камерального описания г. Гянджи и прилегающей округи (АКАК, т. II, № 1196, стр. 599). Однако в ведомости, на которую указывает Цицианов, айрумы, как всегда, выделены в особую группу и помещены в одну графу с азербайджанцами (АКАК, т. II, № 1192, стр. 597). Можно допустить, что Цицианов имел в данном случае в виду не народ, а географический район по аналогии с Шамшадилем.

⁴¹ К. Каракашлы, Указ. раб., стр. 35.

ваемую прародину айрумов следует искать где-то в «чужих» далеких землях — в Анатолии или у оз. Урмии, как поступали некоторые другие сторонники подобного же толкования данного этнонима. Мы полагаем, что она находится здесь же в Закавказье, тем более, что одна из наиболее достоверных родословных легенд айрумов, в которой фигурирует гянджинский хан, лезгины и некий «Рум», не позволяет иначе и думать: пределы Гянджинского ханства никогда не распространялись далее Карабахского нагорья и западной части азербайджанской плоскости — Арана.

Действительно, внимательное изучение топонимики в местах нынешнего расселения айрумов дает нам значительное количество географических названий с корнем «рум»: это гора и населенный пункт Урум-базар, река Урум-базар-чай у стыка Шахдагского, Мровдагского и Зангезурского хребтов, гора Урумыс (или Рамис) к югу от Севана, гора Айрумча и три селения Айрум, Гюлядзар-айрум и Чарвадар-айрум, местность под названием «айрумское кочевье» — в северной части Карабахского нагорья, сел. Чоирум на берегу Куры, сел. Хейрум — в Казахе на границе с Арменией и другие ⁴². Все эти топонимы сосредоточены на относительно ограниченной территории, тянувшейся узкой полосой от южного берега Куры в районе несколько выше впадения в нее Алазани и Иори, через горы Карабаха по направлению к Нахичевани. Вне этого пространства, особенно на востоке, подобных наименований не встречается вовсе. Спрашивается, каким образом в глухие Карабахские горы, на Куру, оказались занесены названия, в основе которых содержится имя одной из средневековых феодальных монархий? Ответ на этот вопрос мы находим в истории края.

В начале средних веков западный Азербайджан состоял в очень тесных культурных и политических отношениях с соседней Арменией. Здесь было распространено христианство григорианского толка, существовала письменность, построенная на общей с армянским алфавитом графической основе. Армяне составляли значительную часть населения края, занимая в нем преимущественно горные местности (Карабахское плато, древняя область Арцах), тогда как коренное население — албанцы — проживало преимущественно на прилегающей плоскости — Аране ⁴³. В 591 г. во время второго раздела Армении между Византийской империей и Сасанидской Персией по территории западного Азербайджана прошла граница, которая отделила часть армянского населения вместе с албанцами от остального населения страны. Как указывает армянский историк Себеос, современник излагаемых событий, к Византии по этому разделу отошли «Арвастан от Мцбина (Нисибина. — В. К.), из армянской земли... дом Танутерский до реки 'Ураздан и область Котайк до местечка Гарни и до Бзнунийского моря, и Арестава, и область Гоговит до 'Ацюна и Маку. Страна Васпураканского гунда осталась под властью персидского царя, а из армянских нахараров большинство осталось в греческой стороне, а меньшинство — в персидской...». Большая часть Грузии до города Тбилиси также отошла к Византии ⁴⁴. По указанию Ст. Малхасянца, переводчика и комментатора Себеоса, река Гураздан или 'Ураздан — это нынешняя Занги, протекающая мимо гор. Еревана; кантон Котайк составляет западную часть исторической Араратской провинции, которая орошалась рекой Занги; Коговит, или Гоговит — область этой же провинции к западу и юго-западу от массива горы Арарат; Арестава — область на северо-восточном берегу оз. Ван ⁴⁵. Следо-

⁴² См. ген. Раевский, Пятиверстная карта Кавказского края, [б. м. и г.], Листы НО — 10, 11; ЛМ — 10, 11.

⁴³ Моисей Хоренский (Ананий Ширакаци), Армянская география VII в., СПб., 1877.

⁴⁴ «История епископа Себеоса», Ереван, 1939, стр. 43.

⁴⁵ Там же, стр. 155, прим. 82.

вательно, граница между двумя государствами проходила от северо-восточной оконечности оз. Ван (в прошлом Бзунийское море), далее восточнее горы Арарат и западнее местечка Гарни и г. Тбилиси и буквально разрывала страну пополам⁴⁶.

Раздел 591 г. в дальнейшем был закреплен договором 628 г. между Византией и Персией и про существовал до падения Сасанидской империи и нашествия арабов на Закавказье, т. е. почти до конца VIII в. В этих условиях в пограничной полосе и могло, по нашему мнению, сложиться новое этническое наименование «хай-рум» или, в армянской огласовке, «хай-хором» в качестве отличительного прозвища той части аборигенного населения, которое после раздела оказалось в пределах Византийской империи. При этом новое название в равной степени могло применяться как для наименования народа, так и для обозначения занимаемой им территории, как это было, например, с названием «греки» в древней Руси или «урум» на Востоке. Пословица, слышанная А. Алекперовым в Гяндже, служит убедительным тому примером⁴⁷. Что же касается до перемены этнического наименования в результате изменения политической ситуации, то в истории это явление довольно частое. Сошлемся на пример потомков тех же византийских греков — урумов, этноним которых возник в результате названия их государства — Восточной Римской империи. В русской истории известен случай, когда часть белорусов, долгое время находившихся под властью Литовского государства, была прозвана «литвинами»⁴⁸. У армянского историка Себеоса имеется сообщение о группе армян, переселенных в персидскую провинцию Апар, которые вследствие этого стали именоваться апархайками⁴⁹.

Весьма важно отметить также, что закрепление политического наименования в качестве этнического имени или топонима совершается зачастую после того, как обусловивший это явление фактор уже исчез с исторической арены и, на первый взгляд, как будто не в состоянии больше оказывать какое-либо воздействие на происходящие в мире события. Так, этнонимы «урум», «румын», вызванные к жизни существованием Восточной Римской империи, получили широкую известность фактически только после ее падения. Существенно и то, что местом возникновения и сохранения новых названий становятся преимущественно периферия и далекие окраины, тогда как на их родине, в метрополии они довольно быстро забываются и исчезают из народной памяти. Такая судьба постигла, например, наименования «Рим», «Римская империя», перекочевавшие на Восток — на Балканы и в Малую Азию (ср. средневековые «Рум», «Румелия»), или термины «Русь», «русские», забытые на землях бывшего Киевского государства и сохранившиеся в Закарпатье (русины) и на северо-востоке (Россия, русские). Арабы и турки-сельджуки, захватив у Византии гор. Феодосиополь (бывший армянский Карин), переименовали его в Арзан-ар-Рум — Земля Рума. Можно предполагать, что нечто подобное произошло и с нашим этнонимом «айрум», который вошел

⁴⁶ См. С. Т. Еремян, Атлас к книге «История армянского народа», ч. I, Ереван, 1952, карта Армении V—VII вв.

⁴⁷ А. Алекперов, Указ. раб., стр. 230. Мы не согласны с объяснением автора, будто поговорка: «айрум живет в айруме», означает, что «айрумы живут в пещерах» (по-армянски «айры» — пещера). По нашему глубокому убеждению, подобная трактовка поговорки является позднейшим осмыслением более раннего факта, а именно того, что часть Нагорного Карабаха называлась Айрумом. Об этом свидетельствуют названные выше топонимические имена, в основе которых лежат корни «рум», «урум», «айрум». Толкование А. Алекперова неубедительно также и потому, что азербайджанская поговорка объясняется при помощи армянского языка.

⁴⁸ См. «Народы СССР, Краткий справочник», М.—Л., 1958, стр. 7.

⁴⁹ Моисей Хоренский (Ананий Широкаци), Армянская география VII в., примечание К. П. Патканова, № 201, стр. 74.

в обиход после того, как господство Византийской империи в Закавказье уже пало, а она сама стала достоянием истории.

Новая политическая ситуация, сложившаяся в Армении и западном Азербайджане в результате разделения этих стран между Персидской и Византийской империями, получила отражение и в исторической литературе, и в топонимике края. Баладзори, автор IX в., упоминает в Азербайджане «область Урума», в которой арабам пришлось подавлять восстание армян и азербайджанцев⁵⁰. А. Алекперов склонен эту область локализовать в Карабахе, где до наших дней сохранились топонимические названия с корнем «рум». Связывать «область Урума» с районом оз. Урмии не представляется возможным, так как Баладзори дает несколько иную транскрипцию названия озера⁵¹. С точки зрения нашей гипотезы последний вопрос не имеет никакого принципиального значения, так как созвучная данному названию топонимика обоих указанных районов возникла вследствие одного и того же исторического факта — раздела Армении между Персией и Византией.

Из большого числа новых географических наименований, имеющих в основе корень «рум» или «урум», которые возникли на всем протяжении линии раздела от берега Куры на севере до оз. Ван и Урмия на юге, для нас наибольший интерес представляют топонимы Урум-базар, Чоирум и Хейрум. Имя Урум-базар носят гора, река и селение, расположенные на древнем торговом пути из Азербайджана в Армению, в том месте, где дорога из Карабахских гор выходит в Севанскую котловину. Эта магистраль по кратчайшему расстоянию связывала столицы двух указанных государств — Партав (Барду) и Двин — и была в то время весьма оживленной⁵². Поэтому вполне естественно, что после проведения границы между двумя крупнейшими государствами средневековья на ней возник торговый пункт с характерным названием — Румский базар.

Другой топоним — сел. Чоирум на Куре, переводимый нами как «река Рума», не менее выразителен по своему семантическому значению и точно указывает на то место, где линия раздела упиралась в Куру, по которой затем поднималась дальше до Тбилиси⁵³. «Оканье» в этом слове, совершенно несвойственное современному азербайджанскому языку, служит лишним подтверждением древнего происхождения данного топонима.

Но наилучшим подкреплением нашего мнения служит наименование Хейрум (Хайрум?) в горах Казаха на самой границе с Арменией, в имени которого до нас дошла первоначальная неусеченная форма этнического наименования рассматриваемой группы азербайджанцев.

Процесс образования новой этнической и топонимической терминологии не был, конечно, односторонним и происходил также и по другую сторону рубежа — в персидской части Закавказья, где уже в VII в. в исторических сочинениях упоминаются области под характерными названиями — Перс-Армения⁵⁴ и Арцах-Парсакан⁵⁵. Вполне вероятно также, что распространенное в средние века наименование прилегающей

⁵⁰ Баладзори, Книга завоевания стран, «Материалы по истории Азербайджана», вып. 3, Баку, 1927, стр. 26.

⁵¹ А. Алекперов, Исследования по археологии и этнографии Азербайджана, Баку, 1960, стр. 91.

⁵² Я. С. Манандян, О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен, Ереван, 1954, стр. 241.

⁵³ В Атласе карт к истории Армении С. Т. Еремяна граница второго раздела страны в рассматриваемой части проведена по западному берегу Севана, что, по нашему мнению, является ошибкой: здесь совершенно нет топонимических названий с корнем «рум» (см. С. Т. Еремян, Указ. раб., карта Армении V—VII вв.).

⁵⁴ Армянская география VII в., стр. 47.

⁵⁵ М. Каганкатваци, Указ. раб., стр. 54.

с востока к Карабаху части плоскости — Аран в своей первооснове восходит тоже к этническому имени персов — «иран»⁵⁶.

Предложенная нами гипотеза дает возможность осветить некоторые темные места истории айрумов, как, например, особенности их расселения узкой полосой от среднего течения Куры до водораздела озер Ван и Урмия, а также вызывавший в прошлом недоумение вариант этнонима «айрумлу» (как именуются айрумы Ирана). Как мы теперь знаем, такое меридиональное расселение с севера на юг было обусловлено проведением в этом направлении границы раздела Армении и западного Азербайджана в конце VI — начале VII в., с которым связано само происхождение айрумов. Те из них, которые впоследствии в силу каких-либо причин оторвались от этой «прародины», стали уже именоваться «айрумлу», буквально — «вышедшие из Айрума» (в азербайджанском языке окончание «лу» является показателем принадлежности). Действительно, согласно свидетельству В. Ф. Минорского, «племя айрумлу» было зафиксировано им значительно восточнее тех мест, где некогда проходила линия раздела между двумя империями, и обитало в новых краях сравнительно недавно⁵⁷.

Итак, изучение всех имевшихся в нашем распоряжении материалов привело нас к выводу, что айрумы представляют собой тюркизированных и исламизированных потомков армян и части армянизированных албанцев, которые после второго раздела Армении в конце VI в. оказались в пограничном районе с византийской стороны, вследствие чего и получили наименование «хай-рум» или в армянской огласовке «хай-хором», откуда произошло усеченное «айрум», означавшее армянина, подданного Византии. В пользу этого предположения свидетельствуют легенды самих айрумов, которые помнят о предшествовавшем армянском населении в горах Казаха и «румской» прародине своих предков; расселение айрумов узкой полосой от среднего течения Куры до иранских провинций Хоя, Маку и Салмаста, а главное — наличие на всей занятой ими территории многочисленных географических названий с основой «рум», «урум», «айрум».

SUMMARY

The Airums are a small Azerbaijanian ethnographic group dwelling in the mountains in the northwest of the Azerbaijanian SSR and the contiguous territory of Iran. Until recently, their origin remained unclear. The ethnic name of the Airums in particular gave rise to misconceptions; certain researchers with reason regarded it as a combination of the words «Hai» (the name by which the Armenians designate themselves) and «Rum» (the appellation given to the Byzantine Empire in the East in the medieval period). Comprehensive studies of the totality of historical facts and in particular of the toponymy of the area have led us to believe that the ancestors of the Airums were the aboriginal Armenian and the Armenianized Albanian population which, following the political partitions of Armenia by Byzantium and Sassanid Iran (in 591 and 628), found itself in the border zone on Byzantine territory; this population came to be called «Hairums», meaning Armenian subjects of Byzantium. In the later Middle Ages the Airums were affected by Turk and Islamic influences and lost their last links with the Armenian people as they became incorporated in the Azerbaijanian population as a distinct ethnographic group.

⁵⁶ Ср. у К. П. Патканова, «...Великий Иран или Великий Аран. В имени этой области сохранилось у армян название Аррана». («Армянская география VII в.», стр. 49, прим. 168); М. Каганкатваццэ эту часть Азербайджана называет также «Мец-Аран», «Мец-Иран» (Указ. раб., стр. 90, 266, 271).

⁵⁷ В. Ф. Минорский, Указ. раб., стр. 6.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О МЕСТЕ И РОЛИ ВОЖДЕЙ В АФРИКАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

(По поводу статьи А. С. Орловой «О месте и роли традиционных властей африканского общества в прошлом и настоящем»¹).

Статья А. С. Орловой представляет большой теоретический и практический интерес. Она рассматривает ряд проблем, мало освещенных в советской историографии, и отличается правильной политической направленностью.

Многие выводы автора не вызывают сомнений, однако наряду с ними есть утверждения спорные или требующие уточнения.

Разделение автором всей Тропической Африки на две основные зоны в зависимости от степени развития общественных отношений вполне приемлемо. Автор совершенно правильно выделил пять основных районов древней государственности: степную полосу Западного Судана, Гвинейское побережье, южную часть бассейна Конго, Междуречье и области современных Южной Родезии и Южного Мозамбика. Но почему-то Восточный Судан и Эфиопия оказались вне этих районов, хотя известно, что именно здесь в древности существовали такие государства, как Аксум, Напата, Мероэ. По непонятной причине автор пропустил эти районы, отнеся их, вероятно, к Северной Африке, что абсолютно неправомерно.

Весьма спорно утверждение автора о том, что европейцы-колонизаторы, придя в XIX в. в Африку, лишь опирались на уже сложившийся или складывавшийся феодальный строй. Приход колонизаторов, а еще раньше — торговцев (в частности — работорговцев) сыграл большую роль в развитии общественных отношений в Африке. Причем колонизаторы не только использовали сложившиеся феодальные производственные отношения, но и всей своей политикой способствовали их углублению, расширению и кое-где возникновению.

Именно приход колонизаторов сыграл определенную роль в дальнейшем развитии феодальных отношений в некоторых районах Африки. Поддерживая господствующие классы завоеванных государств или политических объединений, европейские империалисты усиливали позиции этих классов, а так как в ряде случаев правители являлись фактическими владельцами земли, то отношения между ними и рядовой массой земледельцев приобретали характер феодальных производственных отношений. Сам же автор статьи указывает на огромную роль английского аграрного законодательства в Уганде в укреплении позиций феодалов.

¹ «Сов. этнография», 1960, № 6.

Известно, что закон 1900 г. о земле закрепил феодальные права владыки страны Буганды — кабаки и большой массы вождей².

Спорно утверждение А. С. Орловой о наличии феодальных отношений во всех тех государственных образованиях, которые возникли до прихода европейцев на развалинах первобытнообщинного строя. Нам представляется, что феодальные отношения существовали лишь в некоторых из районов, очерченных автором. Несомненно, что господствующим общественным строем в Северной Нигерии, Бенине, Ашанти, Уганде, Западном Судане был феодализм. Но в других районах Африки, где имелись зачатки государственности, не обязательно возникало феодальное общество. Так, в государстве Мирамбо, образовавшемся в середине XIX в. в Восточной Африке у ньямвези, общественные отношения приняли форму военной демократии. Здесь земля была собственностью общины не только формально, но и фактически, и власть правителя основывалась на традиционных привилегиях, а также жреческих и военных полномочиях. Вожди, являвшиеся представителями наиболее зажиточной части населения, обладали определенной политической властью, но это не было связано с какими-либо их правами на землю³.

Наиболее спорно утверждение А. С. Орловой об исчезновении в указанных ею государственных образованиях с развитыми феодальными отношениями племени, как формы политической и общественной организации. Утверждение ее о сохранении лишь туманного представления о принадлежности к единой группе людей общего происхождения и одного наименования весьма сомнительно. Складывается впечатление, что в полемике с буржуазной историографией, которая стремится доказать всеобщую и закономерную отсталость африканского общества, автор преувеличивает уровень общественного развития Африки до прихода европейцев.

Конечно, племя и род возникают в период первобытнообщинного строя. Однако особенностью Африки является весьма длительное сохранение многих форм и обычаев первобытности, что, без сомнения, связано с воздействием внешних сил, а также со спецификой внутреннего развития Африки.

Внешние факторы — работорговля и колониальное закабаление, которые отбросили Африку и ее народы на много веков назад, — сыграли крайне отрицательную роль во всей последующей истории народов материка. Однако нам представляется, что имеются также внутренние, своеобразные черты самого африканского общества, которые сыграли определенную роль в отставании народов и в сохранении большого количества пережитков первобытнообщинного строя.

Определенное влияние на медленное развитие производственных отношений в африканской деревне имело сохранение крестьянской общины как самодовлеющего, экономически целостного объединения производителей.

Необходимо также отметить, что африканский феодализм целым рядом особенностей отличается от типов феодализма, сложившихся в других странах. Конечно, Африка развивалась по тем же законам, что и все человечество, но в разных районах этого континента возникали отличные друг от друга формы феодальных отношений, связанные с местными условиями. В то же время нельзя отрицать и того, что в Африке существовали определенные общие тенденции, наложившие свой отпечаток на различные формы феодальных отношений. Наиболее характерно отсутствие закабаления крестьян, а также широкое исполь-

² См.: R. Buell, *The Native Problem in Africa*, New York, 1928, т. I, стр. 590—599.

³ D. Westermann, *Geschichte Afrikas*, Köln, 1955, стр. 364—368.

зование сохранившейся родовой организации или ее пережитков. Отсюда значительная трудность изучения феодальных отношений в странах Африки не только в прошлом, но и в настоящем.

Возвращаясь к утверждению А. С. Орловой об исчезновении племени как общественно-политической формы, хотелось бы отметить, что навряд ли колонизаторы возродили термин «племя» и назвали по ассоциации феодалов и правителей «вождями» по собственному произволу. Можно не сомневаться, что все эти наименования или их синонимы существовали в тогдашней африканской действительности. Племя как объединение общин, имеющих общего предка и общую религию, и подчиненное одному, часто наследственному, правителю, сохранилось в Африке даже в районах образования феодальных государств⁴.

Вообще, сомнительно утверждение А. С. Орловой, что термин «вождь» был введен из-за ошибки или из-за стремления колонизаторов оживить пережитки родоплеменных отношений. В конце концов, если бы колонизаторы застали в Африке в достаточной степени сформировавшееся феодальное общество и феодальные отношения, то они назвали бы их соответственными терминами. Многие примеры опровергают посылки автора. Там, где европейцы встретили сильные государственные формирования, они не называли правителей вождями, а сохранили местные туземные наименования, подразумевая под ними королей, герцогов, эмиров. Кабаку Буганды, мукаму Буньоро, оманехене Ашанти или алафина Ойо никто не называл вождями.

Сохранение в ряде районов Африки племен и вождей вполне закономерно и в некоторой степени связано с сохранением многочисленных пережитков первобытнообщинных отношений.

Не совсем ясно сформулировано утверждение автора о том, что работорговля привела к позднему и бурному развитию рабовладельческого уклада в Африке. По всем признакам автор имел в виду усиление рабовладения в результате работорговли, ибо как уклад, причем в его самой примитивной форме, оно возникало значительно раньше и прослеживается почти у всех народов Африки. Другое дело, что работорговля привела к целым экспедициям по ловле рабов, сделала пленение врага целью межплеменных войн.

Очень интересны в статье А. С. Орловой описание и анализ положения вождей после империалистического раздела Африки. Приводимый автором факт превращения назначенных французскими властями кантональных вождей в феодалов крайне важен и дает ключ к пониманию многих классовых изменений, происшедших в странах Африки в XX в. Надо сказать, что подобное положение характерно не только для стран бывшей Французской Африки. Та же картина наблюдалась, например, в Сомали и в Танганьике.

У народа сукума, самого многочисленного в Танганьике, многие наследственные вожди были вопреки традициям смещены и английскими властями на их место были поставлены лица из числа рядовых общинников. Получив в свои руки некоторую власть над членами племени и право наблюдения за распределением земель, эти вожди превратились в феодалов. Подобные явления наблюдались и у других народов и племен Танганьики: у хайя, ньямвези, гого⁵.

⁴ О существовании племени как политического объединения пишут такие различные авторы, как: J. D a n q u a h, *Gold Coast: Akan law and custom and the Akim Abuakwa constitution*, London, 1928; R. Buell, *The Native Problem in Africa*, New York, 1928; C. Meek, *Land tenure and land administration in Nigeria and the Cameroons*, London, 1957.

⁵ D. Malcolm, *Sukumaland. An African People and their Country*, London, 1953, стр. 28; H. Cory, *Sukuma law and custom*, Oxford, 1954, стр. 119—129; его же, *Customary Law of the Haya tribe*, London, 1945, стр. 113—127.

А. С. Орлова совершенно правильно осветила цели и задачи косвенной системы управления, ее характер и содержание. Эта система была создана английскими чиновниками для удобства управления и всецело опиралась на наиболее консервативные стороны жизни африканских народов. Введением косвенной системы управления английские власти на много лет задержали развитие политической жизни в ряде стран Африки. Недаром такой апологет колониальной политики англичан, как М. Перхэм, писала, что «наибольшая заслуга системы состоит в придании туземным институтам устойчивости»⁶. Иначе говоря, косвенная система управления предусматривала сохранение на долгий период власти вождей. Правда, в ряде случаев превращение племени в своего рода административную единицу оказывалось в противоречии с политикой предоставления «устойчивости» племенным институтам. К сожалению, концепция А. С. Орловой об исчезновении племени как объединения привела к тому, что был обойден вопрос об использовании племен и их традиционной территории в качестве административной единицы.

Так, например, населяющие отроги Килиманджаро джагга (или чагга), жившие до колонизации небольшими родами, были искусственно объединены в несколько племен, а затем даже в одно племенное объединение (между прочим, А. С. Орлова ошиблась, утверждая, что джагга были разделены империалистами)⁷.

Джагга были настолько недовольны созданием должности верховного вождя, что английские власти вынуждены были провести в 1960 г. референдум, который привел к отмене этой должности и созданию совета из представителей различных племен и родов во главе с избранным президентом⁸.

Административная деятельность англичан по соединению и разединению племен хорошо видна на примере народа сукума. В послевоенные годы английские власти в Танганьике создали федерацию сукума, объединение народа, у которого ничего подобного никогда не было. Сукума жили отдельными племенами, возглавляемыми вождями — нтеми, и создание федерации проводилось лишь для удобства управления. С этой же целью английские власти сменили многих традиционных вождей сукума, назначив на их место рядовых общинников, которые, как уже отмечалось, скоро приобрели ту же самую власть, что и их предшественники.

Среди сукума и ряда других племен и народов Танганьики феодальные отношения настолько тесно связаны с пережитками патриархальных отношений, что их правильнее было бы назвать патриархально-феодальными. Подобные отношения существовали еще до прихода европейцев, и превращение вождей в чиновников местной администрации мало изменило их взаимоотношения с соплеменниками. В некоторых случаях произошло даже укрепление позиции феодалов.

По поводу наличия феодальных отношений у сукума, хайя, сумбва и других народов Танганьики хотелось бы отметить, что в основном все они базируются на двух видах ренты: отработочной и ренты продуктами. Их сохранение и даже развитие оказывают определенное влияние на положение в стране, ибо, как известно, обе эти формы таят в себе причины отставания и застоя. Причем обе эти формы ренты встречаются во многих странах Африки. Денежная рента занимает пока значительно меньшее место во взаимоотношениях крестьян с феодалами.

Тезис А. С. Орловой об антифеодальном характере происходящей в Африке революции подтверждается всей историей стран Африки, осо-

⁶ M. Perham, *Some problems of indirect rule in Africa*, London, 1934, стр. 4.

⁷ «African World», London, июнь 1952, стр. 2; «Journal of African Administration», London, 1953, т. V, № 3, стр. 134—135.

⁸ «Sunday News», Dar es Salam, 18 декабря 1960.

бенно в последние годы. В течение всего колониального периода вожди являлись основной опорой колонизаторов и вернейшими их союзниками в борьбе с народными освободительными движениями.

И теперь, какие бы позиции феодалы ни занимали в период общенационального движения за освобождение, они остаются носителями наиболее реакционных тенденций внутри африканского общества, и борьба с ними неизбежно возникает при упорочении государственной самостоятельности. Наглядным подтверждением этого является история самостоятельных Ганы и Гвинеи. Конечно, имеются отдельные исключения, так как некоторые завоевавшие независимость страны просто не имеют феодалов (как, например, республика Конго со столицей в Браззавиле); есть страны, где феодалы участвовали в освободительном движении, и вопрос о борьбе с ними не приобрел еще своей остроты (например, в Нигерии).

Реакционность вождей можно наглядно обрисовать на примерах из истории Танганьики.

В 1953 г. на этой подопечной территории развернулась активная борьба передовых африканцев за введение избирательной системы.

В эти дни вождь сукума Кидаха Маквайя и вождь народа хехе Чопра выступили против самой идеи наделения африканцев избирательными правами. «Мы не готовы к выборам,— говорил Маквайя,— так как африканцы не способны голосовать»⁹. Вождь джага Томас Марееалле, выступая в 1957 г. перед членами Совета по опеке, заявил, что предоставление независимости Танганьике возможно не ранее, чем через десять—пятнадцать лет¹⁰. И эти слова произносились в тот момент, когда возглавлявший освободительное движение «Национальный Союз африканцев Танганьики» требовал предоставления независимости в ближайшие несколько лет. Тот же Марееалле в беседе с немецким журналистом Груббе говорил, что он против предоставления независимости Танганьике, ибо страна может оказаться «перед ночью фанатичного движения масс, руководимых людьми, которые ничего не имеют и поэтому ничего не смогут потерять»¹¹.

Понятно, что борьба с феодалами как носителями политической реакции и как представителями господствующего класса, сдерживающего развитие стран, приобретает все большее значение в Африке.

При рассмотрении положения вождей А. С. Орлова, к сожалению, не остановилась на таком важном факте, как обуржуазивание этого класса.

Очень многие вожди в ряде стран Африки становятся на капиталистический путь эксплуатации крестьянства, применяя, правда, и старые феодальные методы.

Трудно также согласиться с утверждением, будто большинство классовых обществ Африки к моменту империалистического раздела находились на стадии феодализма. Правильнее было бы сказать, что здесь наблюдалось довольно сложное переплетение различных укладов, находящихся в той или иной степени развития. Наряду с феодальными отношениями внутри африканского общества существовали первобытно-общинные отношения, находящиеся в различной степени разложения, и рабовладельческие отношения.

Опубликование статьи А. С. Орловой сыграло весьма положительную роль в нашей научной жизни, дав толчок к оживленной и интересной дискуссии и обратив внимание советских африканистов на ряд мало разработанных проблем истории африканских народов.

В. Я. Кацман

⁹ «East Africa and Rhodesia», London, 1953, т. 30, № 1518, стр. 298.

¹⁰ «ООН. Доклад Совета по опеке за период с 15 августа 1956 года по 12 июня 1957 года», Нью-Йорк, 1957, стр. 26.

¹¹ R. Grubbe, Die Trommeln verstummen. Wiesbaden, 1947, стр. 125.

SUMMARY

Analysing A. S. Orlova's article («The Place and Role of Traditional Authorities of African Society in the Past and in the Present», «Sovetskaya Etnografiya», № 6, 1960) the author considers that before the 19th century feudal relationships had taken shape in far from all areas of Tropical Africa enumerated by A. S. Orlova.

The author also contends A. S. Orlova's statement concerning the disappearance of the tribe as a form of political and social organization in the feudal African states indicated by her. The tribal structure which arose within the primitive communal system was preserved in Africa even in the areas where feudal states took shape. The institution of tribal leaders in itself has extremely archaic roots.

With the establishment of the colonial regime the tribal leaders were transformed into the officials of the colonial administration.

At present the traditional leaders are the bearers of the most reactionary tendencies in African society; the consolidation of state sovereignty is inevitably bound up with struggle against these leaders.

* * *

Статья А. С. Орловой «О месте и роли традиционных властей африканского общества в прошлом и настоящем»¹ рассматривает ряд актуальных вопросов, важных не только в научном отношении, но имеющих также большое политическое и практическое значение для молодых африканских государств. Вопросы эти до сего времени слабо разработаны как в советской, так и зарубежной африканистике.

А. С. Орлова дает глубокий научный анализ систем колониального управления, правильно освещает и такой важный вопрос, как последствия работорговли для народов Тропической Африки. Работорговля и европейская колонизация не только надолго задержали социально-экономическое развитие народов Африки, но далеко отбросили их назад. Можно привести много примеров в подтверждение этих выводов и положений автора.

Интересна и постановка вопроса о правомерности употребления термина «вождь» применительно к африканской действительности периода проникновения европейцев в Африку. В тот период у африканских народов шел процесс разложения общинно-родового строя и становления классового общества; изменялись, естественно, и функции традиционных властей. К тому же колонизаторы старались создать надежную систему управления поработанными народами, обеспечивающую им наиболее эффективную эксплуатацию неисчерпаемых богатств Африки. Своих ставленников на местах они стали называть вождями, но функции этих вождей не соответствовали традициям и нормам общинно-родового строя.

Это отмечает, например, Манукян у народов Северной Ганы: «Клань без традиционной системы вождей управляется старостами, которые называют себя в настоящее время „вождями“ и представляют новую власть вождей»². Но нам представляется, что А. С. Орлова сильно преувеличивает развитие феодальных отношений у африканских народов и недооценивает распространение общинно-родовых отношений.

Чтобы определить способ производства того или иного общества, необходимо исследовать в первую очередь его производительные силы и производственные отношения. К сожалению, в большинстве исторических работ мало проанализированы производительные силы африканского общества. Ни слова о них нет и в статье А. С. Орловой. Между тем, как

¹ «Сов. этнография», 1960, № 6.

² М. Manoukian, Tribes of the Northern territories of the Gold Coast, London, 1952, стр. 52.

указывает Карл Маркс, «Такую же важность как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»³.

Политика колонизаторов сводилась к тому, чтобы превратить колонии в аграрно-сырьевые придатки метрополий и всячески тормозить развитие их производительных сил. В результате этого 90% африканского населения и сейчас занято в сельском хозяйстве, и основными сельскохозяйственными орудиями до сего времени остаются мотыга и катлас. Даже деревянная соха — редкое явление в африканской деревне. Например, в 1947 г. на Мадагаскаре из 53 крестьян только один имел соху; в Гвинее одна соха приходилась на 30 крестьян; в Нигерии 137 сох на 250 тыс. крестьян⁴. Отсюда ясно, что орудия производства, применяемые большинством населения Тропической Африки, характерны не для феодального, а для менее развитого способа производства. А именно уровень развития производительных сил определяет и характер производственных отношений.

Для большей части народов Тропической Африки основой производственных отношений в деревне в настоящее время является все-таки сельская община, основанная уже не на кровнородственных отношениях, а по территориальному принципу. По религиозным воззрениям большинства африканцев, земля является собственностью предков и принадлежит всему народу, а вождь — ее хранитель и вместе с советом старейшин распоряжается ею. Такое воззрение переходило и переходит из поколения в поколение.

До сего времени земледелие ведется примитивным подсечно-огневым или переложным способом, наносящим большой ущерб хозяйству. Например, в Либерии ежегодно уничтожаются тропические деревья ценных пород на площади 30 тыс. акров, что приносит убыток около 1 млн. долларов⁵.

Для того чтобы расчистить участок от тропического леса, необходимы колоссальные затраты физического труда. Через год-два (в зависимости от выращиваемой культуры) участок забрасывается, он становится собственностью общины, его старый владелец теряет право на него. После восстановления плодородия почвы этот участок может принадлежать любому члену общины и совершенно необязательно, что он вновь достанется прежнему владельцу. Получить землю не представляет затруднения. Вначале члены общины сами выбирают участок, затем с различными подношениями идут к вождю и просят разрешения на обработку выбранного ими участка. Как правило, вождь единолично решает этот вопрос, не спрашивая мнения совета старейшин. Трудность заключается не в получении земли, а в том, что, применяя примитивные сельскохозяйственные орудия, африканцы не в состоянии обработать достаточное количество земли. Поэтому богатым считается тот, кто имеет много рабочей силы. Эти отношения характерны в настоящее время не только для Либерии и северных территорий Ганы, но и для многих районов Тропической Африки.

Существование сельской общины почти во всех странах Тропической Африки признается многими учеными-африканистами. «Крестьянская

³ К. Маркс, Капитал, т. I, М., 1949, стр. 187.

⁴ «Положение сельского хозяйства и крестьянства в колониях и других слаборазвитых странах», М., 1958, стр. 386.

⁵ «Listener», 15 января 1961 г.

поземельная община,— пишет И. И. Потехин,— действительно сохранилась в тропических странах Африки. В ней уже имеются элементы разложения (выделение капиталистической прослойки, появление частной собственности на землю); в одних странах процесс разложения общины зашел уже далеко, в других он еще мало заметен. Но почти во всех странах существование крестьянской общины является непреложным фактом»⁶.

Общезвестно, что сельская община является переходной формой от бесклассового общества к классовому, в ней сочетаются элементы как частной, так и общественной собственности.

В колониальной Тропической Африке земля у большинства африканских народов до сих пор является общественной собственностью (хотя и имеются отдельные элементы частной собственности), и сельская община продолжает оставаться основой производственных отношений в африканской деревне. В этой связи вызывает сомнение утверждение А. С. Орловой, что в большей части Африки уже в VIII—XV веках господствовали феодальные отношения и «лишь часть Африки жила в условиях первобытно-общинного строя. Лишь в применении к этой части Африки и только для этого времени мы можем говорить о вождах племен»⁷.

Изучение социально-экономических отношений в африканских обществах имеет большое политическое и практическое значение. Завоевав независимость, народы Африки хотят построить новое общество, свободное от эксплуатации человека человеком, с развитым сельскохозяйственным и промышленным производством. Естественно, встает вопрос о путях построения нового общества с учетом конкретных условий, сложившихся в странах Тропической Африки.

Существование сельской общины облегчает переход африканских народов к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что общинная собственность на землю может стать исходным пунктом коммунистического развития при условии, если пролетариат экономически развитой страны одержит победу и окажет соответствующую помощь народам слаборазвитых стран. В. И. Ленин уделял большое внимание вопросу о некапиталистическом пути развития экономически слаборазвитых народов. Он неоднократно указывал, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»⁸.

В настоящее время, когда образовалась мировая социалистическая система, перед народами Африки открываются широкие пути некапиталистического развития. Они имеют реальную возможность перенять богатый опыт социалистического строительства в Советском Союзе и других социалистических странах и получить всестороннюю бескорыстную помощь и могучую поддержку, в которой они нуждаются, со стороны мировой системы социализма.

Какой путь развития изберут народы Африки — это внутреннее дело самих африканцев. Прогрессивные и более дальновидные африканские лидеры, хорошо знающие социально-экономические условия в современной Африке, делают правильные выводы о пути развития африканских народов. Выступая на открытии первой конференции народов Африки.

⁶ И. И. Потехин, Африка смотрит в будущее, М., 1960, стр. 20.

⁷ А. С. Орлова, О месте и роли традиционных властей африканского общества в прошлом и настоящем, «Сов. этнография», 1960, № 6, стр. 95.

⁸ В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 31, стр. 219.

президент Ганы д-р Кваме Нкрума говорил: «В обширных сельских районах Африки существует общинное землевладение, и народ работает на основе кооперации и взаимной помощи. Таковы главные черты, все еще господствующие в африканском обществе, и мы ничего не можем сделать лучшего, как приспособить их к требованиям более современной социалистической структуры общества»⁹.

Первые результаты деятельности сельскохозяйственных кооперативов в Гвинее, Гане, Мали и других странах, популярность их среди населения наглядно подтверждают реальную возможность некапиталистического пути развития для африканских народов.

В статье А. С. Орловой совершенно правильно отмечено, что африканские народы находились и находятся на различных ступенях социально-экономической лестницы и было бы неправильным рассматривать африканское общество как нечто единое. Это относится и к отдельным странам. Уровень развития производительных сил и производственных отношений в районах Центральной Ганы резко отличается от Северных территорий. В Ашанти и Прибрежных районах сложились новые, более развитые отношения, которые необходимо учитывать, ибо, как указывал В. И. Ленин: «Никакие кредиты, никакие мелиорации, никакая „помощь“ крестьянину, никакие излюбленные бюрократами и либералами меры „содействия“ не дадут никаких серьезных результатов, пока остается гнет крепостнических латифундий, традиций, систем хозяйства. И наоборот, аграрный переворот, уничтожающий помещичье землевладение и разрывающий старую средневековую общину (национализация земли, например, разрывает ее не полицейским, не чиновничьим путем), непременно послужил бы основой замечательно быстрого и действительно широкого прогресса»¹⁰.

Некоторые ученые считают сложившиеся у ашанти отношения характерными для феодального общества, другие отрицают это. Не удивительно поэтому та бурная дискуссия, которую вызвал доклад И. И. Потехина на XXV Конгрессе востоковедов о феодализме у ашанти. Действительно, у ашанти уже сложилось классовое общество, устройство которого характерно для эпохи феодализма, но в нем еще сильны родовые отношения. Земля у ашанти считается собственностью предков и принадлежит всему обществу. За каждой общиной закреплена определенная, но не имеющая точных границ территория. В связи с быстрым развитием культуры какао, горнодобывающей промышленности и лесоразработок значительно возрос спрос на землю. Возникли многочисленные тяжбы из-за границ. Так, например, Беккет, сделавший подробный обзор деревни Акокоасо, указывает, что на тяжбы из-за границ с соседними двумя деревнями жители этой деревни израсходовали только за 1929—1933 гг. 1200 фунтов стерлингов¹¹. Это слишком большое бремя для населения Акокоасо. Среднегодовой доход деревни составляет всего около 3,5 тыс. ф. ст., причем 60% хозяйств имеют доход менее 10 ф. ст. в год¹².

Полноправные члены общины владеют обрабатываемыми участками земли, за что они выполняют определенные повинности и делают вождю различные подношения. Вождь под видом взимания сборов и подношений присваивает прибавочный продукт общинников.

Необрабатываемые земли полностью находятся в ведении вождя, который вместе с советом старейшин, а чаще всего единолично, распоря-

⁹ Цитируется по кн.: И. И. Пстехин, Африка смотрит в будущее, М., 1960, стр. 10.

¹⁰ В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 15, стр. 71.

¹¹ W. H. Beckett, Akokoaso. A survey of Gold Coast village, London, 1944, стр. 30.

¹² Там же, стр. 51. Среднегодовой доход деревни и процент хозяйств вычислены нами.

жается ими (сдает в аренду иностранным концессиям, выделяет наделы новым поселенцам и т. д.). Никто, кроме вождя, не знает, на каких условиях предоставлена земля тому или иному лицу или иностранной компании. Доходы вождя, получаемые им за сдачу в аренду необрабатываемой земли, в сущности никем не контролируются. Если члены совета старейшин получают какую-то долю от этих сделок, то рядовые общинники не получают ничего.

Нередки и сейчас случаи, когда иностранные компании получают право добывать полезные ископаемые и вести лесоразработки всего за несколько фунтов стерлингов, истратив их на различные подношения (главным образом, спиртные напитки) вождю, оформив эту сделку соответствующими документами. В то же время у пришлых поселенцев нет никаких документов на право пользования землей, и новый вождь снова требует платы за землю¹³. Общественность Ганы настоятельно требует в настоящее время пересмотра всех прав иностранных компаний на эксплуатацию природных богатств страны и упорядочения законодательства о землевладении.

У ашанти распространена также кабальная издольная система, называемая «абуса», по которой $\frac{2}{3}$ собранного урожая идет владельцу земли и только $\frac{1}{3}$ — арендатору. Собственниками земель в большинстве случаев являются вожди и старосты деревень.

В ашантийской деревне господствует ростовщический капитал; в среднем около 75% крестьян имеют ростовщическую задолженность¹⁴. Все эти факты говорят о том, что у ашанти феодальные отношения получили значительное развитие. Эволюция производственных отношений у ашанти подтверждает предположение А. С. Орловой о том, что феодальные отношения начали складываться в недрах первобытнообщинного строя.

Но не следует забывать, что ашанти — это наиболее развитая народность не только в Западной, но и во всей Тропической Африке. Отношения, сложившиеся у ашанти, не типичны для большинства районов Тропической Африки.

Нам представляется, что у большинства африканских народов в период европейской колонизации шел процесс разложения первобытнообщинного строя и образования классового общества, и лишь у некоторых наиболее развитых народов феодальные отношения получили широкое распространение.

Нельзя полностью согласиться и с выводами А. С. Орловой о том, что «как правило, правители африканских государств шли на сговор с английским империализмом, предавая свои народы ради сохранения собственных прерогатив и права эксплуатировать эти народы»¹⁵. Ведь даже немногочисленные факты, приведенные в статье, свидетельствуют об участии традиционных вождей в упорной борьбе африканских народов против колонизаторов. Об этом свидетельствуют семь войн народа ашанти и длительная героическая борьба матабеле и машона против английских поработителей.

Французские власти, например, смещали и расстреливали представителей традиционных властей, активно боровшихся против завоевателей¹⁶. Длительную борьбу против колонизаторов вели и правители государств Межозерья¹⁷. Нет необходимости продолжать эти примеры. История африканских народов насыщена героикой борьбы против европейских поработителей и угнетателей.

¹³ «Report of the Committee on agricultural indebtedness», 1957, стр. 31.

¹⁴ Там же, стр. 22.

¹⁵ «Сов. этнография», 1960, № 6, стр. 99.

¹⁶ Там же, стр. 96.

¹⁷ Там же, стр. 99.

Безусловно, были и такие вожди, которые предавали интересы своего народа и прислуживали своим новым хозяевам, но их было явное меньшинство, большинство же представителей традиционных властей выступало вместе с народом против завоевателей и не мирилось с жестокой эксплуатацией своих народов европейскими колонизаторами.

Это же соображение необходимо учитывать при рассмотрении вопроса об участии представителей традиционных властей в национально-освободительном движении африканских народов на современном этапе.

П. И. Куприянов

SUMMARY

Entering into polemics with A. S. Orlova («The Place and Role of Traditional Authorities of African Society in the Past and in the Present», «Sovetskaya Etnografiya», № 6, 1960), the author analyses the rural commune in Tropical Africa and raises the question of the possible ways of the further development of the African village.

While admitting a considerable progress of feudalism among the Ashanti, the author believes that the case of the Ashanti, the best-developed people of Tropical Africa, is not typical of the greater part of other areas, where the process was taking place of the disintegration of the primitive communal system and the emergence of a class society.

The author does not agree with the statement made by A. S. Orlova to the effect that the traditional tribal leaders for the most part betrayed the interests of their peoples in the struggle against the colonialists, and cites several examples to illustrate the participation of these leaders in the struggle waged by the African peoples against the European invaders.

НАРОДЫ МИРА

(ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

С. И. БРУК, В. И. КОЗЛОВ

НАСЕЛЕНИЕ ЗЕМНОГО ШАРА

(Основные этно-демографические показатели)

К числу основных показателей, характеризующих население земного шара и отдельных его районов, относятся его численность и динамика численности, связанная с естественным движением населения (рождаемость, смертность и пр.) и механическим движением (миграциями); распределение населения по территории и по типам населенных пунктов (городское и сельское); состав классовый, профессиональный, по полу, возрасту, семейному состоянию, грамотности, уровню образования; расовый, национальный, религиозный состав и т. д. Анализ этих показателей представляет большой интерес для целого ряда наук, в том числе и для этнографии.

Состояние статистического учета населения мира до последнего времени не позволяло составить континентальные или общемировые сводки основных показателей народонаселения. Во многих странах переписи населения не проводились, и поэтому даже общая численность их населения оценивалась крайне приблизительно¹. Перед началом второй мировой войны переписями было охвачено лишь 75% населения мира. После второй мировой войны наблюдается быстрое распространение статистического учета населения, особенно в странах Азии и Африки, получивших независимость и начавших социально-экономические преобразования; так, в 1953 г. была проведена всеобщая перепись населения в крупнейшей стране мира — Китае. Появилась возможность без больших погрешностей составить общие сводки в различных аспектах народонаселения по миру в целом².

¹ Численность населения Афганистана оценивалась от 10 до 15 млн. чел., Саудовской Аравии — от 3,5 до 7 млн., Эфиопии — от 15 до 22 млн.; численность населения Китая преуменьшалась более чем на 100 млн. чел. и т. д.

² В настоящее время формально перепись населения проведена в странах, где живет около 98% населения земного шара, причем в большинстве из этих стран (в 160 странах из 195) последние переписи населения были проведены сравнительно недавно — после окончания второй мировой войны. Однако в приведенную выше цифру включен ряд стран Африки (главным образом, бывшие французские и бельгийские владения), переписи населения которых, проводимые колониальными властями, учитывали лишь европейцев, т. е. небольшую часть их населения. Всего в таких странах Африки живет свыше 60 млн. чел., или четвертая часть всего населения континента. Если же прибавить те страны, где переписи населения не проводились уже в течение нескольких десятилетий (Сирия, Ливан, Лаос, Уругвай), то окажется, что надежными статистическими данными в настоящее время охвачено лишь четыре пятых всего народонаселения мира. К числу стран, где никогда не было переписей населения, относятся: Эфиопия, Либерия, Афганистан, Саудовская Аравия, Йемен, протекторат Аден, Оман, Договорный Оман, Катар и Кувейт. Общая численность населения в этих странах сравнительно невелика (примерно около 50 млн. чел.), но они занимают большие территории в Азии и Африке.

Настоящая статья посвящена анализу некоторых основных показателей этно-демографического характера: 1) численность, динамика, воспроизводство и механические передвижения населения; 2) географическое распределение по территории и типам населенных пунктов; 3) половозрастной состав; 4) расовый, национальный и религиозный состав. Для их исчисления нами использованы различные статистические справочники Организации Объединенных Наций³, работы Виттхауэра⁴, справочник ЦСУ⁵ и другие. При исчислении этнических показателей были использованы текстовые приложения к региональным картам народов, изданных Институтом этнографии АН СССР, и работа С. И. Брука⁶, являющаяся приложением к карте «Народы мира».

I

Общая численность населения земного шара на середину 1961 г. составила 3033 млн. чел. и по частям света распределялась следующим образом⁷:

Т а б л и ц а 1

	Численность населения в млн. чел.	Процент от общей численности населения мира	Площадь в млн. кв. км	Плотность населения, чел./кв. км
СССР ⁸	218	7,2	22,4	10
Европа	428	14,1	4,9	87
Азия	1702	56,1	27,1	63
Африка	257	8,5	30,3	9
Америка	411	13,6	42,0	10
Австралия и Океания	17	0,5	8,6	2
Всего	3033	100,0	135,3	22

В четырех крупнейших странах мира (Китай, Индия, СССР, США) сосредоточено около половины человечества. В странах социалистического лагеря проживает более одной трети всего населения земного шара.

Динамика численности населения. Населенность континентов и стран мира, обусловленная особенностями естественного движения населения (в первую очередь — соотношением между рождаемостью и смертностью) и миграциями, является результатом сложного исторического процесса социально-экономического развития человечества. К сожалению, действие этих факторов в прошлые исторические эпохи может быть рассмотрено, за неимением точных статистических данных, лишь в самых общих чертах.

Имеющиеся в настоящее время исследования по исторической динамике народонаселения говорят о том, что численность первобытных людей была небольшой. К началу неолита (т. е. примерно 10—15 тыс. лет назад) — в период, когда первобытные племена расселились уже по

³ United Nations, Demographic Yearbook 1955—1960, New York, 1956—1961.

⁴ К. Witthauer, Die Bevölkerung der Erde, Gotha, 1958; его же, Die Verteilung von drei Milliarden nach Erdteilen und Ländern, «Petermanns geographische Mitteilungen», Gotha, 1961, Н. 1.

⁵ Народное хозяйство СССР в 1960 г., ЦСУ, М., 1961.

⁶ С. И. Брук, Карта народов Китая, МНР и Кореи, М., 1959; его же, Карта народов Индокитая, М., 1959; его же, Народы Передней Азии, М., 1961; Б. В. Андрианов, Народы Африки, М., 1961; С. И. Брук, Население земного шара (приложение к карте «Народы мира»), М., 1961.

⁷ Составлено по К. Witthauer, Die Verteilung von drei Milliarden...

⁸ Данные по Советскому Союзу во всех таблицах приводятся отдельно и не включаются в показатели по Европе и Азии.

✓ всем материкам, общая численность их не превышала, по-видимому, нескольких миллионов человек⁹ и росла крайне медленно, что было связано с низким уровнем развития производительных сил и тяжелыми условиями борьбы первобытных людей за свое существование. Сильное влияние на рост народонаселения в тот период оказывала природная среда. В благоприятных условиях первобытные племена быстро увеличивались в численности, а в неблагоприятных условиях уменьшались или даже полностью вымирали от голода и болезней, гибли от стихийных бедствий, в столкновениях с враждебными племенами и т. д.

Таблица 2

Годы	Зарубежная Европа	СССР	Азия	Африка	Америка	Австралия и Океания	Весь мир
1650	103		327	100	13	2	545
	18,8%		60,0%	18,4%	2,4%	0,4%	100%
1750	144		475	95	12	2	728
	19,7%		65,4%	13,0%	1,6%	0,3%	100%
1800	192		597	90	25	2	906
	21,2%		65,9%	9,9%	2,8%	0,2%	100%
1850	274		741	95	59	2	1171
	23,4%		63,3%	8,1%	5,0%	0,2%	100%
1900	423		915	120	144	6	1608
	26,3%		56,9%	7,5%	8,9%	0,4%	100%
1930	356	176	1072	155	244	10	2013
	17,7%	8,8%	53,2%	7,7%	12,1%	0,5%	100%
1950	395	181	1376	198	331	13	2494
	15,8%	7,2%	55,3%	7,9%	13,3%	0,5%	100%
1961	428	218	1702	257	411	17	3033
	14,1%	7,2%	56,1%	8,5%	13,6%	0,5%	100%

Положение существенно изменилось как только человек перешел от примитивного использования природы — от охоты и собирательства — к скотоводству и земледелию, с развитием которых наступил конец того постоянного, нередко очень сильного влияния природной среды на процесс воспроизводства населения. Развитие производительных сил дало толчок росту населения древнего мира, однако из-за постоянных войн, частых эпидемий, неурожайных лет и голода существовавшая в то время высокая рождаемость почти перекрывалась высокой смертностью, и темпы естественного прироста оставались небольшими. К началу нашей эры общая численность народонаселения составляла, как предполагают, около 300 млн. человек; две трети из которых жили в странах Азии¹⁰.

В средние века, в связи с дальнейшим развитием производительных сил, темпы роста населения несколько увеличились, особенно в странах Европы, которые в своем развитии стали обгонять другие страны мира. Быстрое экономическое и культурное развитие стран Европы, в первую очередь — Западной и Центральной Европы, в эпоху первоначального накопления капитала и промышленных революций создало условия для борьбы с высокой смертностью населения (главным образом путем борьбы с детской смертностью и эпидемиями), что, при сохранении довольно высокой рождаемости, обеспечило повышенные темпы естественного прироста населения. Из табл. 2 видно¹¹ (в млн. чел. и в процентах), что за последние три столетия численность населения в Европе росла быст-

⁹ См., например, E. S. Deevey, Population, «American Scientist», 1960, № 3.

¹⁰ См. Ф. Д. Маркузон, Население мира от начала нашей эры до середины XX в., «Вопросы экономики, планирования и статистики», М., 1957, стр. 388—404.

¹¹ В таблице использованы сводные данные оценки и исчислений по Виттхауэру и демографическим ежегодникам ООН.

рее, чем в других частях света. Особенно быстрый рост европейского населения отмечался в XIX столетии, что было связано с экономическим развитием и с крупными успехами медицины. Доля европейского населения во всем народонаселении земного шара, как показывает табл. 2, значительно возросла. Она, несомненно, еще увеличилась бы, если бы не потери от нескольких войн (особенно — наполеоновских) и голодных лет, а главным образом — потери от эмиграции, принявшей с середины XIX в. огромные размеры. Общее число уроженцев Европы, переселившихся во внеевропейские страны, преимущественно за океан, в страны Америки (где вследствие этого численность населения росла ускоренными темпами), составило за XIX столетие около 30 млн. человек. В последующие десятилетия доля Европы в общей численности населения мира стабилизировалась, а после 30-х годов XX в. начала постепенно уменьшаться, что было связано главным образом с замедлением естественного прироста европейского населения, большими потерями от двух мировых войн (только прямые потери — около 40 млн.) и с повышением темпов прироста населения в других странах мира, особенно в Азии и Америке. Известную роль сыграла и продолжающаяся эмиграция в заокеанские страны, вследствие которой общие потери населения Европы составили к 1957 г. еще около 20 млн. человек.

Естественное движение населения. По особенностям естественного движения населения все страны мира можно разделить на три основные группы. Первая группа характеризуется высокой рождаемостью и высокой смертностью при общих умеренных темпах прироста; вторая — высокой рождаемостью и пониженной смертностью, что дает высокие темпы естественного прироста; третья — низкой рождаемостью и низкой смертностью, при невысоких темпах естественного прироста. Следует указать, что это разделение, более или менее отчетливо выявившееся лишь в последние десятилетия, страдает известным схематизмом, так как внутри каждой из групп наблюдаются довольно существенные различия; однако оно может помочь лучше понять общую картину естественного движения по частям света и всему миру. Основные показатели естественного движения населения за 1954—1959 гг. даны в табл. 3 (в промилле) ¹².

В первую группу, охватывавшую в прошлом все народы мира, входит сейчас значительная часть народов колониальных и зависимых стран Азии и Африки. Слабо развитый статистический учет населения в этих странах не позволяет обычно провести детальный анализ показателей рождаемости и смертности, но можно сказать, что рождаемость обычно превышает 40‰, а смертность — 25—30‰; в некоторых случаях (негритянские племена и народы Западной Тропической Африки и др.) смертность настолько велика, что численность населения почти не возрастает, а в отдельных племенах она даже снижается.

Во вторую группу входят главным образом народы слаборазвитых стран, где в последнее время, обычно после освобождения их от колониальной или полуколониальной зависимости, были приняты меры по

Таблица 3

	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
СССР	26	8	18
Европа	19	10	9
Азия	42	23	19
Африка	46	27	19
Америка	34	14	20
Австралия и Океания	25	9	16
Весь мир	36	19	17

¹² Таблица составлена по данным: «United Nations, Demographic Yearbook 1960», New York, 1961.

борьбе с высокой смертностью населения. Резкое снижение смертности в этих странах, кое-где даже до уровня ее в экономически развитых странах, при современном уровне развития медицины было достигнуто путем довольно простых и дешевых мероприятий (применение препаратов ДДТ против насекомых — бациллоносителей, прививка оспы, распространение антибиотиков, налаживание акушерской службы, охрана водоемисточников и т. д.). К этой

Таблица 4

	Рожда- емость	Смерт- ность	Естест- венный прирост
Иран	45,0	25,0	20,0
Египет	43,0	18,5	24,5
Цейлон	36,4	10,0	26,4
Мексика	46,5	12,8	33,7
Великобритания	16,2	11,6	4,6
Франция	18,6	11,9	6,7
США	24,6	9,4	15,2
Польша	27,2	9,3	17,9
СССР	25,5	7,9	17,6

группе относятся почти все страны Латинской Америки, а также ряд стран Азии и Африки (Индия, Пакистан, Цейлон, Индонезия, Египет и др.). Если учесть, что по темпам естественного прироста в эту группу должны быть включены и некоторые страны социалистического лагеря, в частности крупнейшая страна мира — Китай, где снижение смертности было достигнуто при сохранении высокой рождаемости, то будет ясно, что именно эта группа стран, охватывающая свыше половины всего человечества, и оказывает сейчас решающее влияние на общую динамику численности населения мира.

В третью группу входят страны, уже сравнительно давно вставшие на путь индустриального развития; наиболее характерными для нее являются развитые капиталистические государства Европы (Великобритания, Франция, ФРГ и др.). Процесс снижения смертности в этих странах, развернувшийся в основном после промышленной революции, сопровождался постепенным сокращением рождаемости; резкое и усиливающееся падение рождаемости в большинстве этих стран, начиная со второй половины XIX в., и особенно — со вступлением их в стадию империализма, сильно понизило показатели естественного прироста, а в некоторых случаях (Франция) даже поставило их перед угрозой депопуляции. Большой урон населению экономически развитых стран был нанесен двумя мировыми войнами, в которых почти все они приняли участие. После окончания второй мировой войны в таких странах было отмечено повышение рождаемости, однако этот, по выражению буржуазных демографов, «baby boom», связанный главным образом с нормализацией жизни и возвращением мужчин с военной службы, имел временный характер. Следует сказать, что почти во всех странах социалистического лагеря, где государство берет на себя заботу о матери и ребенке, где нет безработицы и трудящиеся уверены в завтрашнем дне, рождаемость обычно более высокая, а смертность более низкая, чем в капиталистических странах, что обеспечивает социалистическим странам повышенные темпы естественного прироста населения.

Для сопоставления основных показателей естественного движения населения некоторых стран мира приводим таблицу этих показателей (табл. 4) в среднем за 1954—1959 гг.¹³ (в промилле).

Численность населения мира за последние три столетия, как показывает табл. 2, возросла более чем в четыре раза, причем для первого удвоения этой численности потребовалось примерно 200 лет, для второго — 100 лет, а сейчас темпы роста народонаселения таковы, что для очередного удвоения его численности потребуются менее 50 лет, и к 2000 году, по приблизительным подсчетам, оно достигнет цифры в 6,3 млрд. человек¹⁴. Если учесть, что наибольшие темпы прироста насе-

¹³ Таблица составлена по материалам Demographic Yearbook, 1960.

¹⁴ United Nations, The Future Growth of World Population, New York, 1958.

ления наблюдаются в экономически слаборазвитых странах Азии, Латинской Америки и Африки, то станут понятны те трудности, с которыми приходится сталкиваться населению этих стран, старающемуся повысить свой жизненный уровень. И неудивительно, что после второй мировой войны за рубежом появилось множество работ, авторы которых, вслед за Мальтусом, пытаются доказать, что человечеству угрожает голод. В настоящее время трудно предполагать, как будет возрастать население в будущем, вероятнее всего, темпы его прироста снизятся; однако, если даже они останутся на высоком уровне, человечеству не может грозить нехватка средств существования, как предсказывают современные мальтузианцы. Средства существования росли и растут значительно быстрее, чем численность народонаселения. Человечеству не страшна перенаселенность; современное бурное развитие науки и техники дало ему невиданные возможности для увеличения производства средств существования. Пример Советского Союза и других стран социалистического лагеря наглядно показывает, что трудящиеся массы путем решительных социально-экономических преобразований могут в короткое время ликвидировать свою прежнюю экономическую отсталость и резко поднять жизненный уровень населения.

Миграции населения. Возвращаясь к вопросу о распределении населения по земному шару, следует отметить, что видную роль в заселении континентов и стран мира играли миграции населения. Миграции населения столь же древни, как и история человечества. Выделившись из животного мира сотни тысяч лет тому назад в какой-то, пока точно не установленной области Старого Света (большинство исследователей теперь полагает — в Африке), человек заселил континенты Старого Света (кроме северных его областей) еще в эпоху раннего палеолита. Гораздо позднее (всего десятки тысяч лет тому назад) человек проник в Австралию и в Америку, а многие острова Океании были заселены лишь в I тысячелетии до н. э.

Крупные миграции населения, оказавшие огромное влияние на этногенез многих народов Европы и Азии, произошли в конце античной эпохи и раннем средневековье (так называемая «эпоха великого переселения народов»); в последующие столетия большое значение имели арабские завоевания, сопровождавшиеся распространением арабских племен по странам Ближнего Востока и Северной Африки, а также — монгольские и особенно тюркские завоевания, сопровождавшиеся, в частности, проникновением тюркских племен в Малую Азию и Юго-Восточную Европу. Примерно к этому же времени относится окончательное расселение племен банту по странам Южной Африки.

Эпоха великих географических открытий положила начало новому развитию миграций населения. После открытия Америки европейцами туда направляется поток переселенцев: сначала испанцев и португальцев (в страны Центральной и Южной Америки), затем — французов и англичан (главным образом — в страны Северной Америки). Существенную роль в заселении многих стран Америки играл и ввоз туда рабов-негров из Африки. Захват рабов сопровождался непрерывными войнами. Общие потери от работорговли и войн составили десятки миллионов человек, и именно это обстоятельство привело к снижению абсолютной численности населения Африки в XVIII столетии (см. таблицу 2).

Эмиграция из Европы получила особенно большой размах во второй половине XIX — начале XX в., что было связано с бурным развитием капиталистических отношений и возникновением явлений относительного перенаселения¹⁵. В середине XIX столетия основную массу переселенцев

¹⁵ Возникновение явлений относительного перенаселения обусловлено тем, что закон населения при капитализме есть, как открыл Маркс, закон относительно избыточного населения, создаваемого за счет разорения и вытеснения из сферы производства мелких производителей (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 693—694).

составляли выходцы из стран Западной и Северной Европы (Великобритании, Ирландии, скандинавских стран и др.); к концу XIX в. на первое место выдвигаются страны «новой эмиграции» (Италия, Австро-Венгрия и др.). Основной поток переселенцев шел в страны Америки, особенно в США, наряду с этим часть эмигрантов направлялась в Австралию и Новую Зеландию, страны Северной Африки (особенно Алжир) и Южной Африки. Во второй половине XIX в. развернулись и миграции населения из Европейской России в Сибирь, а также — миграции китайского населения в страны Юго-Восточной Азии (Малайю, Таиланд, Индонезию) и миграции индийцев в страны Южной и Восточной Африки. После первой мировой войны, в период общего кризиса капитализма, миграции населения по экономическим причинам сильно уменьшились, так как многие страны (США, Новая Зеландия и др.) ограничили допуск иммигрантов. Большое значение в это время приобрели миграции населения по политическим, религиозным и другим мотивам. К наиболее значительным миграциям подобного типа относится выселение из Малой Азии свыше 1 млн. греков и переселение турок из стран Юго-Восточной Европы. Миграции населения по неэкономическим причинам приобрели особенно широкий размах в годы второй мировой войны и после нее; к числу миграций, в которых принимали участие сотни тысяч, а нередко и миллионы людей, относятся, в частности, переселение немецкого населения из стран Восточной Европы — в Германию, миграции еврейского населения из многих стран мира в Палестину — Израиль и выселение арабского населения из Израиля в соседние арабские страны, переселение массы военных беженцев и так называемых перемещенных лиц из Европы в Америку и Австралию, миграции мусульманского населения из Индии в Пакистан, а индусов — из Пакистана в Индию после образования этих государств и т. д. После окончания второй мировой войны возобновились миграции населения по экономическим причинам, направленные преимущественно из отставших в своем развитии стран Юго-Западной Европы, отличающихся повышенными темпами естественного прироста (Италия, Испания и др.), во Францию и за океан. Существенное влияние на размещение населения СССР оказало плановое заселение целинных и залежных земель Казахстана и Сибири.

Плотность населения. Города. Переходя к характеристике географии населения, отметим, что по земному шару оно размещено крайне неравномерно; наряду с совершенно не освоенными человеком областями, общая площадь которых составляет около 10% всей суши (главным образом — Антарктида и приполярные районы Азии и Америки, а также ряд пустынных районов в Африке и Центральной Азии), имеются густонаселенные районы, плотность населения в которых превышает 500—1000 чел. на 1 кв. км.

По исчислениям немецкого ученого К. Виттхауэра¹⁶, в наиболее густонаселенных районах земного шара, занимающих 7% суши, живет примерно 70% всего населения мира.

Плотность населения стран мира обусловлена совместным влиянием целого ряда факторов, к числу которых относятся длительность обитания человека в данной области, исторически сложившиеся особенности развития производства, природные условия и др. Самые слабо заселенные области находятся в пустынях Северной Африки, сухих степях, полупустынях, пустынях и высокогорьях Центральной Азии, тропических лесах Африки и Южной Америки, в тундре и тайге Северной Азии и Северной Америки. В жарком поясе — родине человека — в настоящее время сосредоточено все еще около половины населения, а в Восточном полушарии, заселение которого произошло раньше, чем Западного полу-

¹⁶ К. Wittingauer. *Die Bevölkerung der Erde*

шария, — свыше 85% всего человечества. Наиболее густо заселены древние области искусственного орошения, расположенные в долинах крупнейших рек Южной и Юго-Восточной Азии и Северной Африки, а также промышленные районы Европы и Северной Америки, рост населения в которых начался в основном в период развития капиталистического способа производства.

Средняя плотность населения обитаемых материков составляет около 22 чел. на 1 кв. км, в том числе в Европе — 87, Азии — 63, СССР — 10, в Америке — 10, Африке — 9, в Австралии и Океании — около 2 чел. на 1 кв. км.

В СССР наиболее заселен юг Европейской части (особенно Западная Украина и Донбасс), центральные промышленные районы, долины Кавказа и долины крупных рек Средней Азии. Вместе с тем север Европейской части, значительная часть Сибири и Дальнего Востока, а также ряд полупустынных и пустынных областей Средней Азии и Казахстана заселены очень слабо. Средняя плотность населения Молдавской ССР — 86 чел. на 1 кв. км, средняя плотность Туркменской ССР — всего 3 чел. на 1 кв. км.

В Европе полоса густого населения тянется от центральной и южной Англии через Бельгию и Голландию, долину Рейна и Силезию — и далее севернее Карпат на территорию Украины. Эта полоса наиболее развита в сельскохозяйственном отношении, и здесь же расположены самые крупные промышленные районы, такие, например, как район Рура. Другая полоса густого населения, идущая с севера на юг, по долине Рейна в северную Италию, прерывается Альпами. Слабо заселена Северная Европа — Скандинавские страны и особенно — Исландия, где плотность населения составляет всего 2 чел. на 1 кв. км.

В Азии густо заселены долины великих рек Восточной и Южной Азии (Хуанхэ, Янцзы, Ганг, Красная река) и устьевые части более мелких рек. Очень высокая плотность населения отмечена в районах древней культуры риса; в некоторых районах поливного рисосеяния на Яве плотность сельского населения доходит до 1500 чел. на 1 кв. км, в долине Ганга и дельте Сицизия — нередко превышает 1000 чел. на 1 кв. км. Слабо заселены высокогорные и полупустынные районы Центральной Азии и страны Передней Азии. Наиболее высокая средняя плотность населения — в Японии, Корее, Индии, наиболее низкая — в странах Аравийского п-ова (Оман, Катар и др.).

Высокая плотность населения в Африке характерна для долины Нила, прибрежных равнин Магриба, низовьев р. Конго и области Больших озер. Очень слабо заселены обширные пространства Сахары и Ливийской пустыни и тропические леса в бассейне Конго.

В Америке наиболее густо заселены о-ва Карибского моря (особенно — Бермудские и Пуэрто-Рико); восточное побережье США, область Великих озер и некоторые районы тихоокеанского побережья (вокруг Сан-Франциско и Лос-Анжелоса); приатлантические районы Южной Америки. Почти лишены населения обширные арктические районы Гренландии и севера Канады, тропические леса и болота бассейна Амазонки и пустынные районы в Чили.

Основная масса населения Австралии сосредоточена на ее восточном и юго-восточном побережье, а также на юго-западе вблизи Перта. На всем остальном пространстве, занимающем более 90% всей площади материка, плотность населения менее 0,5 чел. на 1 кв. км.

Численность кочевников, составлявших в средние века значительную часть населения земного шара, в связи с продолжающимся переходом их на оседлость за последние десятилетия быстро снижается. Наиболее крупные группы кочевников сохранились в странах Западной и Центральной Азии (всего до 10 млн. чел.) и Северной Африки (около 5 млн.).

Социально-экономическое развитие стран мира, и в первую очередь развитие в них промышленности сопровождалось быстрым ростом городского населения и относительным, а иногда и абсолютным сокращением сельского населения. Многие крупные города мира (Рим, Александрия, Афины, Ханчжоу, Мехико и др.) возникли еще в глубокой древности как центры рабовладельческих государств, однако большинство городов возникло сравнительно недавно. Особенно сильный рост городов наблюдается в XIX—XX вв. в связи с быстрым развитием капитализма. Во многих промышленных районах мира (районы Ланкашира и Бирмингема в Англии, район Рура в ФРГ, Верхнесилезский район в Польше, некоторые районы Новой Англии в США и др.) рост городов привел к образованию сплошных полос сросшихся друг с другом городов, так называемых «конурбаций».

В настоящее время в городах¹⁷ (включая конурбации) живет несколько более трети всего населения мира. В Австралии и Океании городское население составляет 75, Америке — 52, Зарубежной Европе — 52, СССР — 50, Зарубежной Азии — 20, Африке — 13%. Наиболее высокий процент городского населения отмечен в Англии (82), Австралии (79), Израиле (76), ФРГ (78), США (66). Во всем мире насчитывается 75 городов с числом жителей свыше 1 млн. каждый. Из их числа находится: в Азии — 31 город, Америке — 13, Европе — 21, СССР — 5, Африке — 3, Австралии — 2.

В Европе высокий процент городского населения характерен для промышленно развитых стран Центральной Европы и Великобритании. Сравнительно низкий процент городского населения наблюдается в странах Юго-Восточной и Юго-Западной Европы (Албания — около 28%, Португалия — 32%).

Процент городского населения в странах Азии колеблется в очень широких пределах (от 76% в Израиле и 60% в Японии до 5% в Йемене, Саудовской Аравии и др. странах). Большинство крупных городов расположено в странах Восточной и Южной Азии. Из числа крупных городов, насчитывающих 1 млн. и больше жителей, в Китае находится 14, Японии — 6, Индии — 5.

В связи со слабым экономическим развитием большинства государств африканского континента численность городского населения там невелика. Средний процент городского населения составляет 12, причем в Южно-Африканской Республике он возрастает до 43, Тунисе — 36, Египте — 30, Алжире — 24, а в большинстве остальных стран держится на уровне 5—15%. В Западном Судане этот процент снижается до 8, а в странах Тропической Африки — до 5. Городов с населением свыше 1 млн. всего три: Каир, Александрия и Йоганнесбург.

В Америке резко выделяются высоким уровнем урбанизации четыре страны — США, Канада, Аргентина и Чили; здесь процент городского населения превышает 60. На долю этих государств падает 70% общего числа городских жителей Америки (при общей доле в численности всего населения в 59%). В Уругвае процент городского населения равен 50, в Мексике — 42, а в остальных странах колеблется от 25 до 35. Из общего числа городов с числом жителей больше 1 млн. свыше половины находится в США — 7.

Половой и возрастной состав. В странах, где ведутся многолетние статистические наблюдения, установлено, что число родившихся мальчиков, как правило, несколько превышает число родившихся девочек (среднее соотношение — 105 к 100); вероятно, эта закономер-

¹⁷ Отметим, что понятие городского населения в разных странах и разных переписях населения имеет различное толкование. В некоторых странах в число городов включаются все населенные пункты, имеющие свыше 5 тыс. жителей, в других — свыше 10 тыс., в третьих — имеющие официальный статус «города», и т. д. Нередко даже в одной и той же стране понятие городского населения меняется от переписи к переписи.

ность распространяется и на все остальные страны мира. Известно также, что смертность среди мальчиков, особенно в первые годы после рождения, постоянно больше, чем смертность среди девочек, так что примерно к десятилетнему возрасту соотношение полов выравнивается, а в дальнейшем отмечается уже численное преобладание девочек. В зрелом возрасте у мужчин, в связи с их большей трудовой активностью, показатель смертности остается более высоким, чем показатель женской смертности, и поэтому создавшийся новый разрыв между численностью полов продолжает увеличиваться. Однако последнее характерно лишь для стран, развитых в экономическом и социально-культурном отношении, где значительная часть женщин не занята в сфере производства. Что же касается отсталых, слаборазвитых стран, где женщина нередко выполняет основные работы не только дома, но и в поле, а также из-за ранних браков, раннего материнства и частых родов женская смертность обычно заметно превышает мужскую; в этих странах численность мужчин, как правило, больше численности женщин.

В целом, как показывает табл. 5¹⁸, в Европе и СССР общее число женщин резко превышает число мужчин, что связано не только с отмеченными выше закономерностями, но главным образом с большими потерями мужского населения во время двух мировых войн. В ГДР на каждые 1000 мужчин приходится 1250 женщин, в Польше — 1160, в ФРГ и Австрии — по 1150 и т. д.; в СССР на каждые 1000 мужчин приходится 1230 женщин. В Америке общая численность женщин также, хотя и не намного, превышает численность мужчин, однако это превышение создается в основном за счет диспропорции полов в населении США, где мужчин на 2 млн. меньше чем женщин; в ряде стран (Аргентина, Канада и др.) женщины уступают в численности мужчинам, что объясняется, по-видимому, сильным влиянием иммиграции (среди иммигрантов обычно преобладают мужчины). Наибольшая диспропорция полов наблюдается в Аргентине (на каждые 1000 мужчин — 955 женщин) и Чили (на каждые 1000 мужчин — 1030 женщин).

В Африке общая численность мужчин примерно равна численности женщин, однако в некоторых странах отмечена большая диспропорция; так, в Алжире (мусульманское население) на 1000 мужчин приходится 950 женщин, в Мозамбике — 1085 женщин и т. д.

В большинстве стран зарубежной Азии отмечено значительное преобладание мужчин (в Пакистане на 1000 мужчин приходится 885 женщин, в Малайской Федерации и на Цейлоне — по 895, в Китае — 930, в Индии — 942 и т. д.). Преобладание мужчин в крупнейших странах мира (в Китае — свыше 24 млн., в Индии — 12 млн. и т. д.) приводит к тому, что общая численность мужчин во всем мире несколько превышает численность женщин.

Процент лиц среднего возраста (15—59 лет) в большинстве стран не обнаруживает больших различий; значительные расхождения наблюдаются лишь в проценте молодых и старых возрастов. Страны с высокой рождаемостью, большой (или снижающейся) смертностью и в среднем невысокой продолжительностью жизни (к числу таких стран

Таблица 5

	Процент мужчин	Процент женщин	больше (+) или меньше (-) мужчин в млн.
СССР	45,2	54,8	—21
Европа	48,2	51,8	—16
Азия	51,4	48,6	+48
Африка	49,8	50,2	— 1
Америка	49,7	50,3	— 2
Австралия и Океания	50,1	49,9	0
Всего	50,1	49,9	+ 8

¹⁸ Таблица составлена по материалам демографических ежегодников ООН за 1958—1960 г.

относятся многие страны Азии, Латинской Америки и Африки) характеризуются, как правило, повышенным процентом детских возрастов и низким процентом лиц пожилого возраста. Во многих странах Африки и Азии число детей приближается к числу лиц производительных возрастов, и это обстоятельство влечет за собой ряд серьезных экономиче-

Таблица 6

	Процент населения в возрасте		
	до 14 лет	15—59 лет	60 лет и выше
СССР	33	59	8
Европа	25	62	13
Азия	38	56	6
Африка	42	52	6
Северная Америка	27	61	12
Латинская Америка	40	55	5
Австралия и Океания	30	58	12
Всего	34	58	8

ческих проблем. Напротив, страны с умеренной или небольшой рождаемостью, низкой смертностью и высокой продолжительностью жизни, в число которых входит большинство стран Европы, Северной Америки и Австралия, характеризуются более низким процентом детских возрастов и значительным процентом старых возрастов, в связи с чем ученые развитых капиталистических стран постоянно пишут о процессе «старения» их наций. Возрастная структура населения приводится в табл. 6 (на 1950 г.)¹⁹.

Этнический состав. Современный национальный состав населения земного шара представляет собой результат сложного и дли-

тельного развития этнических общностей. В настоящее время одновременно существуют такие этнические общности, как нации, народности, группы родственных племен, отдельные племена, и по существу, часто между ними отсутствует резкая граница. При характеристике национального состава того или иного государства или района мы употребляем одно общее понятие — «народ», охватывающее все виды этнических общностей и обозначающее исторически сложившуюся группу людей, связанных общностью территории своего формирования, общностью языка и культуры.

Определение общего числа народов, населяющих в настоящее время земной шар, — дело весьма сложное. Если можно более или менее определенно говорить о нациях и народностях, то уже группы племен и самостоятельные племена следует рассматривать или в отдельности, или объединять по близости языков и другим этническим признакам в более крупные общности. Все зависит от степени подробности, с которой мы подходим к изучению той или иной страны (или этнической общности) и поставленной цели. Так, например, число индейских народов Америки (включая мелкие племена) по некоторым оценкам достигает более 700. Между тем многие из этих народов очень близки друг к другу и говорят на сходных языках; некоторые из индейских народов очень малочисленны, потеряли свой родной язык и сливаются с окружающими их крупными народами. Поэтому в действительности число индейских народов значительно меньше. Во Вьетнаме насчитывается около 70 народов, говорящих на различных языках. Но многие из этих горных народов-племен говорят на близких языках, и можно предполагать, что их национальное развитие в ближайшее время пойдет по пути быстрой консолидации и образования крупных народностей. Так, например, более 20 племен, говорящих на близких языках группы таи, уже сейчас могут рассматриваться как единая формирующаяся народность; также сближаются и племена, говорящие на малайских языках (так называемые горные чамы, или тямы).

¹⁹ Таблица составлена по данным «The Future Growth of World Population».

Лингвисты насчитывают сейчас в мире до 2,5 тысяч языков²⁰. Однако в это число включены многие диалекты и говоры. Кроме того, такое дробное деление во многом формально и не учитывает широко развитых процессов языковой (и этнической) консолидации. Поэтому общее число народов на земном шаре можно свести примерно к одной тысяче или даже к несколько меньшей цифре²¹. Более половины этих народов являются весьма небольшими и насчитывают менее 100 тыс. чел. каждый. По численности все народы можно сгруппировать следующим образом.

Таблица 7

Численность каждого народа	Число народов	Их общая численность в млн. чел.	В процентах к общей численности населения мира
свыше 100 млн.	4	1052,4	34,7
от 50 до 100 »	6	439,3	14,5
от 25 до 50 »	13	472,3	15,6
от 10 до 25 »	22	317,0	10,5
от 5 до 10 »	44	309,8	10,0
от 1 до 5 »	140	309,4	10,0
менее 1 млн.	ок. 770	132,8	4,7
Итого	ок. 1000	3033,0	100,0

Таким образом, оказывается, что 229 народов, насчитывающих более 1 млн. чел. каждый, составляют свыше 95% всего населения земного шара, а 45 наиболее крупных народов (свыше 10 млн. чел.) составляют три четверти человечества.

Для того, чтобы сгруппировать народы и выявить определенные закономерности, применяются различные системы классификации. Поскольку основным элементом этнических общностей служит язык, наиболее ценна в научном отношении и наиболее распространена классификация народов по их языковой принадлежности. За основу классификации принимается группировка по степени родства языков (так называемая генеалогическая классификация), что в значительной степени помогает определить близость и родство народов. Следует отметить, однако, что существуют такие группы языков, которые в настоящее время почти не поддаются генеалогической классификации (в значительной мере это связано с их слабой изученностью), или же изолированные языки, не обнаруживающие определенного родства ни с одной из существующих языковых семей.

В табл. 8 дана численность народов по языковым семьям и группам. Семьи и приравненные к ним группы (группа хауса, восточная бантоидная группа, сонгаи, западная бантоидная группа, гвинейская группа, канури, койсанская группа) составляют в этой таблице первую таксономическую единицу; к ней же отнесены такие группы народов, которые объединены скорее по географическому или культурно-историческому признаку, чем по лингвистическому²² (народы Центрального и Восточного Судана, папуасские народы, австралийцы-аборигены, палеоазиатские народы), а также народы, говорящие на изолированных языках, не входящих в какую-либо лингвистическую семью (баски, буриши, кеты, корейцы, японцы, андаманцы, айны). В одну группу в табл. 8 условно объединены также все индейские народы, языки которых относятся ко многим языковым семьям.

²⁰ А. А. Реформатский, Введение в языкознание, М., 1955, стр. 298.

²¹ На карте «Народы мира» (масштаб 1:15 млн.), выпущенной в свет в 1961 г., выделено около 800 народов.

²² Термин «языковая семья» употребляется лишь в тех случаях, когда определенно установлено генетическое родство языков.

Вторую таксономическую единицу составляют лингвистические группы, являющиеся частью семей. Некоторые семьи (индоевропейская, китайско-тибетская и др.) состоят из многих групп, другие — не делятся на группы.

Таблица 8

*Численность населения земного шара по языковым семьям и группам
(на середину 1961 г.)*

Наименование языковых семей и групп	Общая численность в млн. человек	В процентах к общей численности населения мира	Наименование языковых семей и групп	Общая численность в млн. человек	В процентах к общей численности населения мира
<i>Всего</i>	3033,0	100,0	18. Уральская семья	22,4	0,7
1. <i>Индоевропейская семья</i>	1456,7	47,9	Финская группа	8,87	0,3
Славянская группа	244,7	8,1	Угорская »	13,5	0,4
Летто-литовская группа	4,5	0,2	Самодийская группа	0,03	—
Германская »	365,8	12,0	19. <i>Алтайская семья</i>	67,1	2,2
Кельтская »	9,5	0,3	Тюркская группа	60,55	2,0
Романская »	357,5	11,8	Монгольская »	3,5	0,1
Албанская »	2,5	0,1	Тунгусо-маньчжурская группа	3,05	0,1
Греческая »	9,5	0,3	20. <i>Кеты</i>	0,001	—
Иранская »	41,0	1,3	21. <i>Корейцы</i>	37,0	1,2
Индийская »	418,0	13,7	22. <i>Японцы</i>	95,0	3,1
Армянская »	3,7	0,1	23. <i>Китайско-тибетская семья</i>	788,7	26,0
2. <i>Кавказская семья</i>	4,9	0,2	Китайская группа	684,2	22,5
Картвельская группа	3,0	0,1	Группа таи	36,0	1,2
Адыго-абхазская группа	0,6	0,1	Группа мяо-яо	4,6	0,2
Чечено-дагестанская группа	1,3	—	Тибето-бирманская группа	37,5	1,2
3. <i>Баски</i>	1,0	—	Вьетнамская группа	26,4	0,9
4. <i>Буриши</i>	0,05	—	24. <i>Мон-кхмерская семья</i>	8,0	0,3
5. <i>Семито-хамитская семья</i>	115,5	3,9	25. <i>Семья мунда</i>	5,8	0,2
Семитская группа	98,5	3,3	26. <i>Дравидская семья</i>	115,3	3,8
Кушитская »	11,5	0,4	27. <i>Андаманцы</i>	0,001	—
Берберская »	5,5	0,2	28. <i>Малайско-полинезийская семья</i>	132,05	4,4
6. <i>Группа хауса</i>	11,0	0,4	Индонезийская группа	130,35	4,4
7. <i>Семья банту</i>	69,75	2,3	Полинезийская »	0,6	—
8. <i>Восточная бантоидная группа</i>	6,5	0,2	Меланезийская »	1,1	—
9. <i>Центральная бантоидная группа</i>	7,8	0,3	29. <i>Папуасские народы</i>	2,0	0,1
10. <i>Сонгаи</i>	0,9	—	30. <i>Северо-хальмахерцы</i>	0,18	—
11. <i>Западная бантоидная группа</i>	11,2	0,4	31. <i>Австралийцы (аборигены)</i>	0,05	—
12. <i>Семья манде(мандинго)</i>	7,5	0,2	32. <i>Айны</i>	0,02	—
13. <i>Гвинейская группа</i>	25,0	0,8	33. <i>Палеоазиатские народы</i>	0,02	—
14. <i>Народы Центр. и Вост. Судана</i>	7,0	0,2	34. <i>Эскимосско-алеутская семья</i>	0,06	—
15. <i>Нилотская семья</i>	8,0	0,3	35. <i>Индийские народы</i>	23,0	0,8
16. <i>Канури</i>	2,3	0,1	Прочие	1,02	—
17. <i>Койсанская группа</i>	0,2	—			

Как видно из таблицы, народы, говорящие на индоевропейских языках, составляют почти половину, а вместе с народами китайско-тибетской семьи — около трех четвертей всего человечества. На языках восьми крупнейших языковых семей (свыше 50 млн. чел. каждая) говорит 2842 млн. чел. — свыше 90% населения мира.

Основная часть народов, входящих в ту или иную семью, расселена в пределах одного континента. Исключение — народы индоевропейской семьи, расселенные по всем континентам и только в Африке составляющие сравнительно невысокий процент — 4% (в Европе — 95,5, в Амери-

ке — 93,6, в СССР — 84,4, в Австралии и Океании — 81,6, в Азии — 26,4%) и народы семито-хамитской семьи (72% общей численности народов семито-хамитской семьи живет в Африке и 27% — в Азии).

Расовый состав. Человеческие расы — исторически сложившиеся крупные группы людей, связанные единством происхождения и различающиеся между собой некоторыми физическими признаками, передающимися по наследству. Все человечество делится на три большие или основные расы: монголоидную, европеоидную и экваториальную (или негро-австралоидную), которые в свою очередь делятся на ветви и расы второго порядка (или группы типов и типы) ²³.

Монголоидная большая раса подразделяется на азиатскую и американскую (америндскую) ветви. Азиатская, в свою очередь, делится на тихоокеанскую и сибирскую ветви. В состав сибирской ветви входят: байкальская, центральноазиатская и арктическая расы, в состав тихоокеанской — южноазиатская и дальневосточная. Американскую ветвь иногда делят на североамериканскую, среднеамериканскую и патагонскую расы. Монголоиды заселяют Восточную и Юго-Восточную Азию, а также ряд районов в Америке (индейцы и эскимосы).

Европеоидная большая раса делится на две ветви — северную, светловолосую и южную, темноволосую, между которыми лежит полоса переходных типов. В северную ветвь входят две расы — североευропейская и балтийская. В составе южной ветви выделяются пять рас — индоафганская, памироферганская, переднеазиатская, средиземноморская, динарская. Типы средней полосы Европы имеют смешанное происхождение и занимают промежуточное положение между северными и южными европеоидами; здесь выделяют альпийскую, понтийскую и центральноевропейскую расы. Европеоиды составляют абсолютное большинство в СССР, Европе, в Северной Америке, Северной Африке, Передней Азии, северной части Индии и в Австралии.

Экваториальная большая раса делится на две ветви — негроидную и австралоидную. Негроидная ветвь делится на ряд рас второго порядка — собственно негроидную, негрилльскую, бушменскую. В состав австралоидной ветви входят следующие расы второго порядка: австралийская, меланезийская, веддоидная, негритосская и айнская. Меланезийскую и негритосские расы, представители которых внешне сходны с негроидами, некоторые антропологи включают в состав негроидной ветви. Представители экваториальной расы в большинстве живут к югу от экватора и населяют Африку к югу от Сахары, ряд районов Австралии и Океании, а также отдельные места в Юго-Восточной Азии; к ним относится и негритянское население Америки.

В областях наиболее древнего контакта больших рас образовались промежуточные расы: эфиопская и дравидская — на стыках экваториальной и европеоидной рас и лапоноидная (некоторые антропологи выделяют также уральскую и южносибирскую расы) в районах древнего смешения европеоидов и монголоидов, полинезийская — в областях контактов монголоидной и экваториальной рас.

Сильные смешения расовых типов происходили и в более позднее время в связи с крупными переселениями народов — арабов в Северную Африку, европейцев и африканских народов в Америку и т. д. Так образовались смешанные в расовом отношении группы людей — мулаты ²⁴ в Северной и Южной Америке, метисы ²⁵ в Центральной и Южной Аме-

²³ Если по вопросу о делениях первого порядка среди антропологов нет каких-либо существенных расхождений, то по вопросу о выделении более мелких таксономических единиц (ветви, расы второго порядка, типы) существует много различных точек зрения.

²⁴ Потомки от смешанных браков между негроидами и европеоидами.

²⁵ В данном случае — потомки европеоидов и монголоидов (индейцев). Часто этот термин употребляется в более широком смысле, для обозначения вообще всех потомков от браков представителей различных человеческих рас.

рике, «цветные»²⁶ на юге Африки, смешанные европеоидно-монголоидные типы в Средней Азии, Западной Сибири, на Урале и в Поволжье и европеоидно-негроидные — в Северной Африке. Общая приблизительная численность людей отдельных рас приведена в табл. 9²⁷.

Таблица 9

Расы	Численность в млн. чел.	Процент от общего числа	Расы	Численность в млн. чел.	Процент от общего числа
<i>Монголоидная большая раса</i>	1100	36,3	<i>Переходные расы</i>	183	6,0
Тихоокеанская ветвь	1060	34,9	Лапоноидная раса	0,35	—
Сибирская »	15	0,5	Эфиопская »	26	0,9
Американская »	25	0,9	Дравидская (южноиндийская) раса	156	5,1
<i>Европеоидная большая раса</i>	1400	46,1	Поллинезийская раса	0,65	—
Южная ветвь	740	24,4	<i>Смешанные расы</i>	175	5,8
Переходные типы	440	14,5	Европеоидно-негроидная Сев. Африки	25	0,9
Северная ветвь	220	7,2	Европеоидно-монголоидная Средн. и Центр. Азии	13	0,4
<i>Экваториальная большая раса</i>	175	5,8	Европеоидно-монголоидная Зап. Сибири, Урала и Поволжья	2,5	0,1
Негроидная ветвь	167	5,5	Мулаты Америки	50	1,6
собственно негроидная раса	167	5,5	Метисы Америки	83	2,7
негрильская раса	0,15	—	«Цветные» Южной Африки	1,5	0,1
бушменская и готтентотская расы	0,20	—			
Австралоидная ветвь	8	0,3			
австралийская раса	0,05	—			
меланезийская »	4	0,2			
веддоидная »	3,5	0,1			
негритосская »	0,08	—			
айнская »	0,02	—			
			Общая численность населения	3033	100,0

Основная часть населения СССР (почти 95%) относится к европеоидной расе, в составе которой преобладают переходные типы. К монголоидам относится всего около 3% населения (якуты, буряты, калмыки, почти все малые народы Севера, большая часть казахов, киргизов, каракалпаков, часть туркмен и башкиров).

Все население Европы относится к различным антропологическим типам европеоидной расы. Население средиземноморских стран принадлежит к южной ветви этой расы, население Северной Европы — к северной ветви. На севере Балканского полуострова в Дунайском бассейне, на юге Германии и Польши, в Чехословакии, Швейцарии, в северной части Италии и средней Франции преобладают антропологические типы, занимающие промежуточное положение между южными и северными европеоидами. В количественном отношении эти типы распределяются примерно следующим образом: южная ветвь — 30%, северная ветвь — 20%, переходные типы — 50%.

В Азии распространены все три большие расы человечества. К монголоидам (63% населения) относится почти все население Восточной и Юго-Восточной Азии, а также небольшие группы в Индии и Передней Азии. Монголоиды представлены здесь тихоокеанской ветвью, к которой относятся также два своеобразных антропологических типа — японский и корейский. Европеоидная раса (27%) представлена различными

²⁶ Так в Южной Африке называются потомки от смешанных браков между европейцами и коренными жителями, главным образом готтентотами.

²⁷ Таблица составлена по данным о численности отдельных народов и процентному соотношению тех или иных расовых типов в составе каждого народа. В связи с тем, что данные об этом процентном соотношении являются ориентировочными, а границы между расами — весьма условными, численность отдельных рас следует считать приближенной (поэтому и складывание чисел производит с округлением).

типами, главным образом южной ветви, у народов Передней Азии и Северной Индии. Представители экваториальной расы по численности занимают весьма скромное место (менее 0,4% всего населения), но встречаются у многих небольших народов в различных районах Азии; негроидные типы составляют значительный процент у населения прибрежных районов Аравийского полуострова, веддоидные, негритосские и меланезийские типы встречаются у ряда народов Юго-Восточной Азии, айнский тип — у айнов Японии и у небольшой части японцев. В Южной и Центральной Индии преобладает дравидская, или южноиндийская переходная раса (свыше 9% всего населения Азии).

Население Африки по своему расовому составу делится на три основные группы. Вся северная часть континента вплоть до южных границ Сахары населена народами южной ветви европеоидной расы (25% всего населения), еще около 10% составляет смешанное европеоидно-негроидное население, живущее на юге этой области. В районе Абиссинского нагорья и на Сомалийском п-ове живут народы эфиопской переходной расы (11%). Все остальные районы Африки заселены народами экваториальной расы (53%), среди которых подавляющее большинство составляют собственно негроиды. В тропических лесах бассейна рек Конго, Огове и Уэле небольшими группами расселены низкорослые негрилли (пигмеи). В пустыне Калахари живут малочисленные группы готтентотов и бушменов, у которых типично негроидные черты сочетаются с монголоидными (монголоидные черты у них образовались конвергентно и ни в коей мере не свидетельствуют о родстве с монголоидной расой). В Южно-Африканской Республике значительный процент составляют смешанные европеоидно-негроидные типы. Многие обитатели Мадагаскара, особенно в его центральной части, относятся к монголоидной расе.

Формирование населения Америки из самых разнородных элементов привело к сильному смешению антропологических признаков. К европеоидной расе относится около 55% всего населения; в Канаде и в США это преимущественно представители северной ветви европеоидной расы и переходных форм, в Латинской Америке — преимущественно южной ветви. Монголоидов в Америке насчитывается около 25 млн. человек — 6% всего населения (в основном принадлежат к американской ветви), негроидов — 25 млн. человек (6% всего населения). Кроме этих представителей основных рас, значительный процент составляет смешанное в антропологическом отношении население — мулаты (около 12% всего населения) и метисы (около 20%).

В Австралии подавляющая часть населения относится к европеоидной расе, преимущественно к северной ее ветви и переходным типам.

Австралийцы-аборигены составляют особую расу внутри экваториальной большой расы. Население Меланезии относится к меланезийской (папуасской) расе. Коренное население Микронезии антропологически очень смешанно, представляет как бы переходную группу между меланезийцами и южными монголоидами.

Религиозный состав. Религия оказывала и продолжает оказывать заметное влияние на общественную жизнь многих стран мира, на процессы формирования народностей и наций и т. д., и поэтому учет религиозного состава населения имеет большое научное и практическое значение. Официальный учет религиозной принадлежности в настоящее время проводится лишь в немногих странах мира, а учет верующих, проводимый церковными организациями (регистрация крещений и пр.), страдает серьезными погрешностями. В зарубежной литературе иногда можно встретить довольно подробные цифры о числе последователей той или иной религии, о религиозном составе стран и частей света и т. д., однако достоверность большинства этих данных не выдерживает критики. Наиболее распространенный порок этих оценок и исчислений заклю-

чается в значительном преувеличении числа верующих, т. е. в недоучете того важного факта, что за последние десятилетия во многих странах быстро растет число неверующих. Этот процесс характерен для многих стран, однако в полную силу он развернулся в странах социалистического лагеря. В связи с этим обстоятельством ниже мы ограничимся лишь самыми общими цифрами, служащими в основном для сопоставления численности представителей различных религий²⁸.

Наибольшее распространение по числу своих последователей в настоящее время имеют две так называемые мировые религии: христианство (св. 800 млн. чел.) и ислам, или мусульманство (около 350 млн. чел.). Христианство еще в середине XI в. разделилось на две церкви: восточную (греко-православную) и западную (римско-католическую). Из католической церкви впоследствии (в основном с XVI в., в период реформации) выделились многочисленные протестантские церкви и секты (кальвинизм, лютеранство, англиканская церковь, баптизм и др.). Число католиков на земном шаре определяется примерно в 450 млн. чел., число протестантов — свыше 200 млн. чел.: в том числе кальвинистов — свыше 40 млн., баптистов — около 40 млн. В зарубежной литературе общая численность православных обычно определяется в 125—150 и даже 175 млн. чел. Однако эти цифры, относящиеся главным образом к населению СССР и некоторым странам Юго-Восточной Европы, явно преувеличены.

Кроме христианства и ислама к числу мировых религий, т. е. религий, распространенных в разных странах и среди разных народов, относится буддизм, число последователей которого составляет 150 млн. чел. Многие исследователи относят к числу мировых религий и иудаизм (израилизм), сложившийся в I тысячелетии до н. э. среди еврейского населения Палестины, хотя правильнее было бы отнести его к числу так называемых национальных религий. Число иудаистов на земном шаре составляет немногим более 10 млн. чел. Из числа других крупнейших религиозных систем необходимо отметить индуизм (свыше 300 млн. чел.) и конфуцианство (около 300 млн. чел.).

Перейдем к краткой характеристике религиозного состава населения различных частей света.

Основная масса населения СССР по своему вероисповеданию в прошлом принадлежала к христианской греко-православной церкви, от которой в XVII в. в результате «раскола» отделились старообрядцы. К православной церкви принадлежало большинство коренных народов Европейской России, некоторые народы Кавказа (грузины, часть осетин и др.) и Сибири (якуты, зап. буряты); в Армении преобладала особая христианская, так называемая армяно-грегорианская церковь. Литовцы и часть латышей были католиками, эстонцы и большинство латышей — протестантами. Ислам получил преимущественное распространение у народов Средней Азии, у большинства тюркоязычных народов Европейской России и у ряда народов Кавказа; буддизм-ламаизм — особая форма северного махаянистского буддизма — у восточных бурят и калмыков. У многих коренных народов Сибири сохранялись старые племенные религии и культы, в частности — шаманизм. В настоящее время большинство населения СССР отошло от религии.

В Европе православие было распространено преимущественно среди народов Восточной и Юго-Восточной Европы; католичество — среди народов Южной и Западной Европы, у ряда народов, входивших ранее в состав Австро-Венгерской империи (австрийцы, венгры, чехи и словаки), поляков и ирландцев; протестантство — главным образом в стра-

²⁸ Приводимые цифры взяты из справочника «The World Almanac 1958», New York, 1959; B. J. Landis, World Religions, New York, 1957; Religionskarte der Welt, Bern, 1955 и др.

нах Центральной и Северной Европы. Последователи других религий немногочисленны; ислам исповедует большинство албанцев и часть славянских народов (боснийцы, часть болгар); общее число иудаистов — около 1,4 млн. чел.

Религиозный состав стран Америки был в значительной степени обусловлен составом иммигрантов из стран Европы. В странах Латинской Америки резко преобладает католицизм, в США и Канаде преобладают протестантские церкви и секты (в частности — баптизм), однако влияние католической церкви там тоже очень сильно. В США в настоящее время находятся и наиболее крупные группы последователей иудаизма (свыше 5,5 млн. чел.). В Австралии и Новой Зеландии преобладают протестантские церкви.

Религиозный состав Азии — родины всех мировых религий — весьма сложный. Из числа мировых религий наибольшее распространение здесь имеет ислам, господствующий в странах Передней Азии, Пакистане, Индонезии и Малайе; крупные группы мусульман находятся в Индии и Китае. «Хинаянистский» (южный) буддизм ныне господствует на Цейлоне и в странах Индокитая; «махаянистский» (северный) буддизм преобладает в Непале, Японии, Корее, а его особая форма — ламанизм — в Тибете и Монголии. В Китае буддизм сочетается с даосизмом и культом предков, который поддерживался древним морально-этическим учением — конфуцианством; в Японии буддизм сочетается с конфуцианством и синтоизмом. Христианскую религию исповедуют народы Филиппин (католики), половина населения Ливана, а также небольшие группы населения других стран (особенно в странах Индокитая). Последователи иудаизма в Азии сконцентрированы в большинстве в Израиле. Основная масса населения Индии и часть населения Цейлона и Пакистана исповедует индуизм (брахманизм), из числа последователей других религий Индии, кроме мусульман, наиболее известны сикхи и парсы (зороастрийцы). У многих остальных народов Азии сохраняются старые анимистические верования и племенные культы.

Религиозные воззрения большинства коренных народов Африки связаны с культом предков и анимизмом. На севере континента, в районах расселения арабов и берберов господствует ислам. Так, почти целиком мусульманскими странами являются ОАР, Ливия, Тунис, Алжир (коренное население), Марокко, Мавритания. Сильно распространено мусульманство и в некоторых странах «черной» Африки (Сенегал, Мали и др.). В Республике Судан около двух третей населения исповедует ислам; остальные являются христианами или анимистами. Христианство с давних времен получило распространение в Эфиопии (монофизитского толка) и среди части населения ОАР (коптов). В результате чрезвычайно интенсивной деятельности миссионеров в настоящее время христианство исповедуют мальгаши и значительные группы среди других коренных народов Африки. Основная масса «белого» населения Южно-Африканской Республики принадлежит к протестантам.

Кроме рассмотренных вопросов, значительный интерес для этнографов представляет характеристика социального состава населения, грамотности и ряда других показателей, однако их анализу следует посвящать другую статью.

С О О Б Щ Е Н И Я

П. Т. ВАЩЕНКО, Б. О. ДОЛГИХ

ПРЕДАНИЯ О ТОТЕМИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯХ РОДОВ У НГАНАСАН

К настоящему времени у народов Сибири отмечено довольно большое количество родовых имен, образованных от названий животных; многие исследователи — А. М. Золотарев¹, С. А. Токарев², Д. Е. Хайтун³, В. Н. Чернецов⁴ и др. — склонны рассматривать эти имена как тотемические. Конечно, если тотемический характер подобных названий восходит к отдаленному прошлому и подкрепляется соответствующими преданиями, традициями, нормами поведения и обрядами, нет основания отрицать их тотемическую сущность.

Установление тотемического характера родовых названий, как и связанных с тотемизмом представлений у народов Сибири — важная задача советской этнографии.

Изучение тотемизма, его значения в истории развития общественной идеологии еще далеко до своего завершения; остается еще много неясного в этом сложном явлении. Поэтому всякий новый материал о тотемизме, способствующий лучшему пониманию разных стадий его развития, заслуживает пристального внимания.

С точки зрения изучения пережиточных проявлений тотемизма очень большой интерес представляют материалы, собранные среди нганасан — самого северного и в недавнем прошлом одного из наиболее отсталых народов Евразии.

В 1926 г. у авамских нганасанов было пять родов: Нгómде — 76 чел., Нгámтусо — 34, Линанчера — 139, Чунанчера — 103, Нинонде — 175 чел.; у вадеевских нганасан было шесть родов: Нгойбуо — 12 чел., Асянду — 33, Купчик — 71, Кокары — 73, Лапсаха — 24, Нёрхо — 11 чел. В отдельном роде Око было 69 человек.

Типичный тотемический характер из этих двенадцати родовых названий имеет только название «кокары», которое значит «журавль» и в настоящее время является фамилией потомков членов данного рода. Другие названия потомков нганасанских родов не носят тотемического характера. Это касается, в частности, названий родов Нгómде и Нгámтусо. В этих родах можно видеть потомков древнейших палеоазиатских обитателей Крайнего Севера, ассимилированных самодийцами — выходцами из Южной Сибири⁵. Название Нгómде сейчас нганасаны переводят не могут. Мы считаем, что оно связано со словом *нго* (нганасанское «шаман») и восходит к прозвищу со значениями «шаманский». Сейчас потомки этого рода имеют фамилию Момде. В XIX — начале XX в. они носили фамилию Пирогов, происходившую от собственного имени нганасана Фирого, жившего в XVIII в. Название Нгámтусо переводится «щедрый». Потомки членов этого рода носят фамилию Костеркин, которая появилась в начале XIX в. и восходит, вероятно, к русскому личному прозвищу одного из нганасанов этого рода.

Таким образом, в настоящее время ни название Нгомде (Момде), ни название Нгамтусо не содержат ничего тотемического.

По этнографическим данным, однако, известно, что род Нгомде имел раньше название «Орел», а род Нгамтусо — название «Ворон». Что касается названия Орел, то эти данные очень скудны. В 1934 г. нганасан Нирсупте Турдагин сообщил Б. О. Долгих, что род Нгомде имеет другое название — *ленгхе*, которое по-нганасански означает

¹ А. М. Золотарев, Пережитки тотемизма у народов Сибири, Л., 1934.

² С. А. Токарев, Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 479, 491, 495, 510.

³ Д. Е. Хайтун, Пережитки тотемизма у народов Сибири и Дальнего Востока. «Уч. зап. Таджикского гос. ун-та», т. XIV, 1956, стр. 111—142.

⁴ В. Н. Чернецов, К истории родового строя у обских угров, «Сов. этнография», т. VI—VII, 1947, стр. 162—170; см. и др. работы того же автора.

⁵ Б. О. Долгих, Происхождение нганасан, «Сибирский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XVIII, М.—Л., 1952, стр. 41—47.

«орел». По Кастрену и Прокофьеву *luñje||lenje* тоже значит «орел»⁶. Звук «j» в нганасанском языке часто чередуется с «х». Таким образом, сопоставление *лэнгхе||ленге* вполне правомерно. Сведение, полученное от Нирсулте Турдагина, подтверждается известием об «Орловом городке» у предков нганасан в начале XVII в.⁷ и другими данными.

Гораздо больше у нас сведений о том, что предки рода Нгамтусо носили название Вóроны: *кулá* — по-нганасански; *кул(р)уке*, *куреке* — по-энецки. К энецкому названию ворона восходит и название *кураки*, под которым предки рода Нгамтусо были известны русским служилым людям в XVII в.⁸ В декабре 1926 г. первый встреченный Б. О. Долгих нганасан Табуле Костеркин сказал, что их древняя «фамилия» Кула́, и в дальнейшем это показание неоднократно подтверждалось и нганасанами и энцами.

Однако, не говоря уже о названии Орлы, даже по названию Вóроны, у нас до недавнего времени не было никаких материалов, которые могли бы бросить свет на происхождение этих названий в качестве родовых и на их осмысление нганасанской исторической традицией. Поэтому надо считать большой удачей то, что 3 декабря 1957 г. П. Т. Ващенко удалось записать у нганасана Демниме Костеркина⁹ три предания об обоих этих родах. Запись была произведена по-русски на фактории Старый Авам. Приводим содержание этих легенд.

1. О происхождении рода Орла

Очень давно, когда еще совсем мало было людей, далеко в тундре, около гор, стояли два чума. Больше на этой земле чумов не было. В одном чуме жил Нгомде, у него были жена и дочь. В другом чуме жил Ня¹⁰, у него были жена и сын. Тундра была совсем чистая — не было никакого леса, топили тальником.

Однажды дочь Нгомде, по имени Миндя, пошла собирать тальник и ушла далеко от чумов, так как близко весь тальник был уже вырублен.

Вдруг опустился такой густой туман, что не было видно даже вытянутой руки. Миндя заблудилась и пошла, сама не зная куда. Так она шла семь дней.

Началась мокрая пурга. Миндя замерзла, выбилась из сил. Кругом ее были каменные хребты. Наконец она вышла на высокую скалу, под которой шумело море. Рядом она увидела ветвистое дерево, низко склонившееся над водой. Она полезла по этому дереву к его верхушке, так как боялась диких зверей. Там она удобно улеглась и замерзшая, обессиленная, быстро уснула.

Вдруг ей стало тепло. Особенно тепло стало спине, и оттуда тепло пошло по всему телу. Это орел прикрыл ее своим телом и обнял крыльями. Оказывается, девочка забралась в орлиное гнездо. Но орел ее не тронул. Это был бог орлов¹¹. Он носил ей еду, кормил, согревал. Орел говорил Минде, что он ее «сделает» большой шаманкой, и учил шаманить и рассказывал ей все, что надо знать шаману.

Нгомде, отец Минди, искал ее по всей тундре, но нигде не мог найти. Так прошло около двух месяцев.

Нгомде был шаман. Он решил шаманить и шаманил три дня. Вечером третьего дня он позвал Ня и его сына к себе в чум. Они стали советоваться, где искать Миндю. Нгомде сказал:

— Она, по-моему, жива. Ее надо искать на горе Яумалы. Поедем, Ня-парень, ее искать. Она будет твоей женой. Надо искать большую скалу и дерево на ней. Так сказали мне боги.

Долго они ехали по хребтам. Уже выпал снег. Наконец, они увидели высокую сопку. Вершину ее закрывал туман. С той стороны, откуда они приехали, был пологий склон. Они доехали до места, откуда начинался туман, и остановились. Дальше были голые камни. Шаман Нгомде сказал:

— Ня-парень! Оставайся здесь. Я пойду на вершину искать дочь. Ня-парень, жди меня, пока я вернусь.

Он пошел и скоро скрылся в тумане. Ня-парень долго ждет, очень боится, но не убегает.

Нгомде идет в тумане. Ничего не видит, держит впереди вытянутые руки, чтобы не удариться о камни. А туман становится все гуще.

Долго ходил Нгомде в тумане. Наконец он услышал шум моря, и вытянутые его руки что-то поймали. Но кроме большого пера, он ничего не увидел в руках. Нгомде спрятал перо подальше в карман и завязал его. Пошел обратно. Ня-парень его ждал, кормил оленей. Когда Нгомде пришел, они быстро поехали к чумам.

Приехав домой, Нгомде всех выгнал из чума, сказал, чтобы никто не заходил в чум, пока не услышат в нем двух голосов, остался один и начал шаманить. Он шама-

⁶ М. А. Castren, Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen, St. Petersburg, 1855, стр. 56; «Язык и письменность народов Севера», ч. I, М.—Л., 1937, стр. 58.

⁷ Б. О. Долгих, Происхождение нганасан, стр. 44—45.

⁸ Там же, стр. 46—47.

⁹ Это один из сыновей известного шамана Дюфаде Костеркина. В 1957 г. рассказчику было 45 лет.

¹⁰ Ня (няа) — самоназвание нганасан означающее «товарищ», «друг», «соплеменник».

¹¹ Рассказчик называл его также Дямодяту, Дямозяту, а позже Дямозыту.

нил два дня. Два дня он ревел, требовал у богов свою дочь, просил бога орлов отдать дочь. Два дня люди в другом чуме, слыша, как ревет шаман, не спали, не ели, тряслись от страха и старались услышать второй голос.

Вдруг на третью ночь они услышали в чуме шамана два голоса. В чуме Нгомде шаманили два голоса. Люди из чума Ня побежали в чум к Нгомде. В чуме стояли Нгомде и его дочь Миндя.

Нгомде еще на сопке в тумане догадался, что данное ему перо — это его дочь и что это сделал бог орлов. Теперь бог орлов вернул дочь Нгомде, но она уже стала большой шаманкой.

Ня-парень женился на Минде. У них было семь детей, мальчики и девочки. Когда Миндя состарилась, она сказала: «Я скоро умру», — и назвала день, в который умрет. «Вы женитесь, чтобы у вас были дети, и помните, что мне всегда помогал орел. Он будет помогать и вам. Орел — добрый бог нашего народа. Он кормил вашу мать».

В назначенный день старуха ушла в камень (горы), остановилась у скал и сама сделалась каменной. И сейчас она там стоит, но увидеть и узнать ее может только большой шаман. Ее дети поженились между собой. У них у всех были дети. И их род стал называться родом Орла.

Как мы видим, это предание явно связывает род Орла с современным родом Нгомде. Любопытно, что прародительницей рода оказывается женщина, т. е. можно предполагать, что род Орла первоначально был материнским родом. Особенно интересен характер связи между орлом и родом Нгомде. Получается, что прародительница рода была воспитана орлом, и поэтому орел стал покровителем ее потомства. Конечно, как обычно это имеет место в подобных преданиях, здесь имеются и противоречия. Название «Нгомде» предполагается существовавшим уже тогда, когда этот род еще не был родом Орла, тогда как в действительности название Нгомде («шаманский»), которое, по-нашему мнению, появилось не ранее конца XVI в., конечно, более новое, чем тотемическое имя «орел». Рядом с Нгомде показана семья Ня, т. е. каких-то игнорированных без родового названия. Может быть, здесь под персонализированным образом Ня имеются в виду предки родов Чунанчера и Нинонде — тавги, к которым в XVII в. примкнули роды Орла и Ворона (т. е. Нгомде и Нгамтусо) и, таким образом, образовали племя авамских игнасан? Любопытно упоминание о горе Ямалы. Очевидно, здесь имеется в виду Ямальский шайтан (по-ненецки Ямал-хэ) на полуострове Ямал, близ мыса Хаен¹². Наличие в этом предании шаманов и шаманистической идеологии, несомненно, более позднее наслоение.

Переходим к преданиям о роде Вёрона.

2. О происхождении рода Вёрона

Кончились перья для оперения стрел. Стрела без оперения, выпущенная из лука, не попадает в цель. Охота стала неудачной.

Шаман Ниндими с соседским парнем поехали в горы добывать перья. В горах на выступе скалы жила семья вёронов. А для оперения стрел перо ворона считалось самым лучшим. Долго они шли и наконец пришли к скале. Внизу, в ущелье, на выступе скалы, виднелось гнездо вёронов. Шаман привязал парню под мышки веревку и опустил в ущелье. Парень добрался до гнезда, набрал перьев и крикнул, чтобы его тащили вверх. Но у шамана были черные мысли. Он боялся, что вёрон будет мстить ему за то, что он взял у него из гнезда перья. И он решил отдать ворону этого парня взамен перьев.

Когда парень показался над обрывом, шаман сначала взял у него перья, а затем ударом ножа перерубил веревку. Парень полетел вниз в ущелье.

Шаман даже не посмотрел вниз и быстро ушел. Парень упал в гнездо ворона. Оно было старое и очень толстое. Поэтому парень не разбился, а только потерял сознание. Когда он пришел в себя, понял коварство шамана, но уйти отсюда он не имел никакой возможности.

Прилетели вёроны. Они не тронули парня. Стали его кормить и учить шаманить. Так у вёронов парень прожил несколько лет. Молодые вороны выросли и стали большими птицами. Они сказали парню:

«Мы тебя вынесем наверх, на ровное место. Ты пойдешь в сторону чума шамана. Идти надо три дня. Когда ты дойдешь до чума, старый шаман умрет. Ты будешь большим шаманом. Ты начнешь род, так как других парней в чумах нет. Мы тебе будем помогать шаманить».

Парень пошел к чумам. На третий день он увидел чумы. В это время умер шаман. Парень стал большим шаманом. Его дети поженились, и стало много народа. Потом этот род называли родом Вёрона, так как вороны воспитали и хранили первого человека, от которого пошел этот род.

Здесь мы также видим, что основатель рода воспитывается теми птицами, от которых род получает свое название. В отличие от предания о роде Орла, здесь основателем рода является уже мужчина. Это, очевидно, более позднее изменение, внесенное в предание, как и шаманистическая идеология, которой оно проникнуто.

Эпизод из дальнейшей истории рода Вёрона рисует последнее из преданий, записанных П. Т. Ващенко.

¹² Б. М. Житков, Полуостров Ямал, СПб., 1913, стр. 227.

3. О роде Вóрона

Далеко в тундре стоял чум. Это был очень маленький чум, сделанный из тальника и коры. На много верст кругом не было людей. В чуме жила два брата — Ниндили и Миндили. Ниндили был старший брат, он был шаман. Младший брат спросил шамана:

— Где наша родня? Где наши родители?

— Всех взял Сырада-нгус¹³, — сказал шаман Ниндили. — Мы тоже умрем с голоду, если останемся здесь. Надо идти искать людей.

— Куда пойдем? Что есть будем?

Миндили боялся, что они без еды никуда не уйдут.

— Пойдем к русскому царю в Козуту¹⁴, — ответил шаман Ниндили.

Долго они шли по тундре. Ниндили опирался на посох, на верхнем конце которого изображены были три человеческих лица. Питались корнями трав, мышами. Голодные и обессиленные они пришли к двум домам. Это и была Козута. Братья стали просить, чтобы их пустили ночевать и дали поесть. Но их никто не пустил в дом, все закрылось на крючки. Тогда они легли спать на щепках около дров. Здесь они увидели топор. Ниндили говорит:

«Все равно помирать будем от голода. Давай рубить дом. Силой возьмем еду».

Они сломали сени и стали рубить дверь в дом. Царь испугался и стал просить, чтобы не рубили его дом. В это время братья увидели железных воронов. Они летели прямо на царский дом. Вороны сели на крышу, железными клювами быстро разломали доски и стали выбрасывать из чердака еду: мясо, рыбу, хлеб... Царь был хитрый и прятал еду на чердаке, но вороны помогли братьям найти еду. Царь совсем испугался и стал просить оставить его в живых:

«Берите коней, коров, еду, только меня не убивайте».

Братья набрали целый аргшиш еды и уже хотели ехать, когда царь спросил их имя. Они не назвали своих имен, и царь дал им имя воронов. После этого братья всегда называли себя воронами.

Затем братья аргшишли к *хоро-сочема*¹⁵, жившим тогда в районе современного Норильска. Там они нашли чум, в котором жили люди, похожие на долган. По одну сторону очага сидели старик и старуха. У обоих на лбу было вышито по три черты. По другую сторону сидели семь девушек. Старик спросил:

— Какие вы люди? Откуда пришли?

— Мы сыны воронов. Победили русского царя и взяли его коней, коров, еду и идем далеко в тундру.

Старик разрешил им жить в его чуме. Потом они скоро договорились со стариком и женились на его дочерях. У этого старика было много оленей. Старик отдал половину оленей Ниндили и Миндили, и они ушли кочевать в тундру. С этого времени стал жить и расти род Вóронов.

В этом предании отражены дальнейшие этапы истории рода Вóронов, хотя сами нганасаны, видимо, рассматривают его тоже как рассказ о происхождении этого рода. Но, разумеется, железные вороны стали помогать героям предания потому, что видели в них своих сородичей. В этом предании отражено несколько исторически верных фактов из прошлого нганасан.

Предки рода Нгамтусы были единственным родом авамских нганасан, которые в русских официальных документах XVII в. числились под своим настоящим тотемическим названием — кураки, т. е. вороны. Очевидно, русские служилые люди употребляли наименование «вороны», поэтому и возникло предание, согласно которому братья якобы получили название «вороны» от русского царя.

Татуированные тунгусы в районе современного Норильска, с которыми «люди-вороны» вступили в брачные отношения, — это предки нганасанского рода Линанчера; они действительно были когда-то тунгусами, жили в XVII в. в районе озера Пясины и современного Норильска и, очевидно, были ассимилированы «людьми-воронами» и «орлами» благодаря перекрестным бракам. В русских документах XVII в. предки рода Линанчера известны под названием *тидирисы*, восходящим, видимо, к энецкому словосочетанию *тидиро-ося*, что значит примерно «братья матери — тунгусы». В XVII в. кураки и тидирисы были соседями, кураки жили к северу от тидирисов, главным образом по верховьям р. Пясины и по ее притоку — р. Пуре. Отдельные тидирисы иногда встречаются в списках кураков первой половины XVII в. По-видимому, оба брата «ворона» до своего путешествия в Дудинку жили на озерах в истоках р. Пуры, где, по историческим воспоминаниям энецов, когда-то действительно жили безоленные «люди-вороны». Может быть, приведенное выше предание отражает и тот путь, каким «люди-вороны» стали оленеводами, хотя вероятнее, что первых оленей они все же получили не от тунгусов, а от самоедов.

¹³ По объяснению рассказчика, это бог голода, дословно Сырада-нгуо — значит бог льда.

¹⁴ Козута (русс. казенка) — старое энецкое и нганасанское название Дудинки.

¹⁵ Дословно «к лицам шитым», т. е. татуированным. Так, нганасаны в преданиях называют эвенков. «Аргшишь» (производное от «аргйш» — «караван санок», «дневной переход») — значит «пепекочевывать».

Таким образом, это третье предание переносит нас из темных, далеких от нас тысячелетий, о которых речь идет в первых двух преданиях, когда на территории тундры и лесотундры низовьев Таза, Енисея, Хатанги лишь складывались роды охотников на дикого северного оленя с тотемическими названиями Орлы, Вороны и др., к временам вполне историческим, к XVII в., когда русские служилые люди уже обосновались в низовьях Енисея и от имени царя «всея великия, малые и белые России» начали собирать здесь ясак. Упоминание о Дудинке является, конечно, анахронизмом. Речь первоначально, несомненно, шла о Хантайском зимовье: от него путь в землю кураков как раз шел через территории тидрисов. Может быть, в этом предании нашло также свое отражение какое-то нападение кураков на служилых людей, например их участие в восстании предков современных нганасан в 1666 г., но об этом можно только гадать.

Таковы предания авамских нганасан о тотемических названиях их родов в прошлом. Два первые из них, несомненно, восходят к древним мифам, и наш краткий комментарий, конечно, далеко не исчерпал их содержания. Необходимо также сопоставление этих преданий с соответствующими энецкими и ненецкими преданиями, тем более, что происхождение родов Нгомде и Нгамтусо связано с историей формирования в пространстве между Тазом и Пясиной энецких племен. Про род Нгамтусо (Воронов) нганасаны нам прямо говорили, что он происходит из «тазовской стороны» и что они людей рода Нгамтусо не считают настоящими нганасанами. Мы также видим, что с течением времени названия родов изменились. Тотемические названия сменились названиями иного происхождения.

Культе вороны, как известно, — характерная черта мифологии и религии северо-восточных палеоазиатов, эскимосов и северо-западных индейцев Америки. В специальной работе Л. Я. Штернберга¹⁶ показано широкое распространение культа орла у коренных народов Сибири. Таким образом, тотемические названия двух нганасанских родов связаны с очень широко распространенными характерными чертами древних культов народов Сибири и Северной Америки. В обоих нганасанских преданиях, о которых сейчас идет речь (1 и 2), фигурируют орлиные и вороновые перья. Стремление достать перья и попытки убийства из-за них представляют существенный элемент сюжета предания 2. В связи с этим отметим, что в упомянутой работе Штернберга не рассмотрен широко распространенный в фольклоре народов Сибири сюжет о ссоре из-за орлиных перьев. Такой ссорой обычно объясняется разделение и переселение родов. Этот фольклорный сюжет заслуживает специального исследования. Заметим, что еще в XVII в. некоторые народы Сибири платили натуральные подати своим иноземным господам орлиными перьями. Может быть, в свое время и в хозяйственной жизни, и в фольклоре народов Сибири, наряду с орлиными, имели важное значение и перья воронов и, как об этом свидетельствует приведенное предание 2, имели хождение предания о ссорах не только из-за орлиных, но и из-за вороновых перьев. Возможно, что все эти предания восходят к делению какого-то древнего населения Северной Азии на фратрии Орлов и Воронов. Нганасаны и энцы, в частности, до недавнего времени считали грехом убивать и есть орлов и воронов, хотя, например, канюков, полярных сов, луней, чаек, лебедей, гагар (кроме одного вида), куликов, песцов, волков и т. д. они ели. В 1957 г. в разговоре на эту тему информатор-нганасан сказал так: «Орла и ворона не едим, для еды они не предназначены». Орлы и вороны, пожалуй, единственные птицы, кроме таких промысловых, как гуси, полярные куропатки и утки, к которым нганасаны проявляли особый интерес и тревожились, если они долго не появлялись в тундре.

Выше было сказано, что у вадевских нганасан один род называется Кокары, т. е. «журавль». Для объяснения этого названия нганасан Нгатеси Кокары рассказал Б. О. Долгих в 1938 г. предание о том, что предком этого рода был татуированный тунгус. Однажды он увидел, как его два малолетних сына переходят вброд речку, высоко поднимая ноги. Увидев это, он воскликнул: «Вот идут два журавля!» После этого потомство этого тунгуса стало называться «журавли» — кокары (по Кастрену, *кокарэ*).

Как видим, это довольно наивное объяснение названия, происхождение которого явно забыто. Но если тамги членов рода Нгомде, вероятно, восходят к изображению орла с распростертыми крыльями, а тамги членов рода Нгамтусо — к рисунку, изображающему ворона со сложенными крыльями, то тамги членов рода Кокары, как, впрочем, тамги большей части вадевских нганасан, изображают отпечаток птичьей лапы, вероятно, в данном случае лапы журавля¹⁷.

Вопрос о тотемических названиях родов народов Сибири представляет большой научный интерес как пример сохранения свойственных материнскому родовому строю тотемических названий в условиях отцовского рода. Наиболее ярко выраженный тотемический характер имеют в Сибири названия селькупских родов; однако приведенные выше материалы о названиях нганасанских родов показывают, что иногда даже среди позднейших родовых наименований можно обнаружить в качестве более раннего, позабытого их слоя древние тотемические родовые имена, с которыми бывают также связаны некоторые традиции и предания.

¹⁶ Л. Я. Штернберг. Культе орла у сибирских народов, Л., 1925.

¹⁷ Б. О. Долгих, Тамги нганасан и энцев. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXVII, М., 1957, стр. 20—34.

А. С. БЕЖКОВИЧ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АЛЬБОМ РИСУНКОВ Д. К. ЗАЦЕПИНА (1871—1886 гг.)

При разборе коллекций фотографий и другого иллюстративного материала бывшего Музея народов СССР (Москва), переданных Государственному музею этнографии народов СССР в 1948 г., автором в 1952 г. был обнаружен альбом, содержащий 57 акварельных рисунков.

Рисунки хранились в специальной альбомной папке размером 30,5 × 42 см темно-зеленого цвета с вытисненной внизу правого угла надписью: «Альбом для рисования». Судя по фактуре обложки, она была изготовлена в советское время, рисовальная бумага впоследствии была вырвана, а испорченное место на корешке заклеено. В эту папку, мало приспособленную для хранения, и были вложены рисунки. На втором листе

обложки внутри имеются два шифра, написанные разными чернилами: охран. ключ № 84
III.21 п.3

КПХМ

и другой: №№1119 — 1176. Последний расшифровывался так: «Книга поступления художественных материалов», где рисунки были зарегистрированы под № 1119—1176. Во время проведения новой регистрации в Государственном музее этнографии народов СССР этот шифр был зачеркнут и написан другой: ГМЭИЛ № 17741—17797. Под этим шифром рисунки хранятся в архиве Государственного музея этнографии народов СССР (Ленинград).

Рисунки выполнены на бумаге форматом 20,5 × 30,5 см, наклеены на паспарту из чертежной или рисовальной бумаги, чисто белой, пожелтевшей или совсем желтой. Размеры паспарту 27 × 37,5 см. Сохранность рисунков хорошая.

Все рисунки датированы: указан год (с 1871 по 1886), месяц и число выполнения рисунка. На многих рисунках указано и место выполнения. Чаще всего это Ташкент, реже — другие города Средней Азии и местности, занятые кочевыми племенами.

Почти все рисунки кратко или довольно подробно аннотированы. Аннотации сделаны карандашом и довольно разборчиво, подпись же неразборчива. Можно прочитать: «Д. Зац...».

Детальное изучение рисунков и прочтение всех подписей позволили установить авторство. Г. Н. Чабров, искусствовед из г. Ташкента, изучающий русских художников в Средней Азии, подтвердил, что автором этих рисунков действительно является Дмитрий Константинович Зацепин — военный инженер, полковник, работавший в Строительно-дорожной комиссии Сыр-Дарьинского областного правления, а впоследствии там же областным инженером. В этих учреждениях он работал с 1871 по 1882 год.

Как попала эта коллекция в Музей народов СССР (Москва), установить пока не удалось, но известно, что другая коллекция рисунков Д. К. Зацепина (65 экземпляров) находится в Государственном историческом музее в Москве, куда она поступила от Л. Черданцевой в 1938 г. со следующей запиской: «Переданные мною Историческому музею 65 акварельных и карандашных рисунков, характеризующих этнографию Туркестана 70-х и 80-х годов XIX в., являются любительскими рисунками Зацепина. Насколько я знаю, Зацепин был в Ташкенте крупным чиновником и одновременно занимался научной работой. Мне известна книга Зацепина по этнографии Туркестана.

Рисунки Зацепина (переданные мною музею) приобретены случайно в начале XX в. Черданцевым Никанором Степановичем для своего десятилетнего сына Платона (моего мужа), имевшего большое тяготение к рисованию. Эти рисунки служили ему учебно-вспомогательным материалом в его художественной деятельности. Л. Черданцева. 21—III—1938 г.».

Есть основание считать, что и рисунки, поступившие в Музей народов СССР, являются частью общей коллекции Д. К. Зацепина, разделенной и предложенной Л. Черданцевой тому и другому музею.

На рисунках Д. К. Зацепина, хранящихся в Государственном музее этнографии народов СССР, изображены преимущественно городские жители, которых тогда называли сартами, а также казахи и киргизы.

Художественные достоинства рисунков не одинаковы. Первые из них, выполненные в семидесятых годах, имеют существенные погрешности в анатомии изображенных людей. Но по мере совершенствования мастерства автора все чаще встречаются грамотно выполненные рисунки. С художественной точки зрения рисунки эти ценности не представляют, этнографически же выполнены вполне точно и интересны как научное пособие для изучения быта и культуры народов Средней Азии в прошлом.

Рисунки имеют девятидесятилетнюю и восьмидесятилетнюю давность. Некоторые из них выполнены спустя пять лет после присоединения г. Ташкента к России. Это обстоятельство придает рисункам Д. К. Зацепина особую ценность. Благодаря Д. К. Зацепину современные этнографы имеют возможность установить, например, изменения в женской, мужской и детской одежде, рабочей и праздничной, а также в женских украшениях и головных уборах. Имеются рисунки, изображающие строительство жилищ (включая и такие детали, как штукатурка) и такие производственные моменты, как стрижка овец, продажа лепешек, бритье головы и бороды и т. п.; зарисованы дар-баз (канатоходец) и музыканты, гуляющие дети, семья, идущая в гости, ряд уличных сцен. Рисунки дают представление и о пейзаже (вид Чаткальских гор с юртами, степь, укрепленная станица и т. п.).

Портретные зарисовки с некоторыми антропологическими и биографическими данными на полях рисунков имеют большую ценность для антрополога и этнографа. В альбоме 24 женских портрета. Все они выполнены акварелью. Это дает ясное представление о цвете одежды и ее орнаменте.

Почти все портреты пояснены, что несколько снижает их этнографическую ценность, так как мы не имеем возможности увидеть одежду полностью. Но зато на этих рисунках прекрасно показаны плечевая одежда, головные уборы, украшения и прическа женщин, и молодых, и старых. Имеются портреты девушек. Это дает возможность проследить одежду и в возрастном аспекте.

Под каждым портретом карандашом написано имя изображенной женщины, чья она жена или дочь, иногда указаны возраст и рост, а также дата и место выполнения рисунка и подпись автора с замысловатым росчерком, часто неразборчивая.

Приведем несколько аннотаций:

«Ихлим Доя-Хатын, 60 лет, бабка-повитуха, повивальным делом занимается более 30 лет».

«Махсат, 15 лет, 2 арш. 2 вершка, молодая женщина...».

«Таяйде, 23 лет. Одна из жен Худояр-Хана, оставленная им после восстания в Кокане. Живет в Ташкенте в Шахандаурской части. 1881 г. июня 8 дня».

Иногда встречаются аннотации, представляющие собою биографическую и антропологическую характеристику. Вот, например, аннотация к портрету Ай-Ярач-Яончи: «...дочь богатого сословия родителей, выращена в полном довольствии. Из дому отдана за богатым, но старым человеком Сортоличи Бай-Бича, владельца на большом базаре 8 лавок, имеет дома и сады. Беш-Агачской части. Ай-Ярач-хан принесла большое приданое ... а одевается по средствам роскошно, рубашка кетменского класса, камзур индийский, парча, ее отец умер Нут-ходжа, мать жива Изсат. Ай-Ярач-хан 18 лет, детей не имеет, росту 2 арш., 4 3/8 верш...». И еще: «Ай-Харач-хан, 18 лет, богатая, дочь ходжи, замужем 5 лет, очень богатого семейства. 1880 год 5 сентября. Ташкент».

Поясной портрет красивой женщины по имени Улпат-хан подписан: «Молодая женщина, 19 лет, не имела детей, росту 2 арш. 5 1/8 верш., жена Сатарата, ...1879 год. 25 июня. Ташкент». Рисунок с двух сторон обрамлен орнаментом.

Д. К. Зацепина интересовали представители не только имущих классов Ташкента, но и бедняки. На одном из его рисунков изображена Хамра, «девушка бедного класса работников, росту 2 арш. 1 верш., величина головы 9 дюймов, груди козьей формы, общая пропорция 7 1/2 голов в росте, нижняя часть сокращена,—ноги коротки, руки несколько длинны. 1876 года 17 сентября. Ташкент». Женщины позировали, как видно по портретам, с открытыми лицами и не стеснялись присутствия художника, русского мужчины. Очевидно, Д. К. Зацепин пользовался большим доверием тех семей, в которых он

Рис. 1. Женщина в праздничной одежде

делал эти зарисовки. Кроме того, эти семьи, вероятно, не соблюдали мусульманского запрещения изображать человека.

Мужских портретов только три, и они удались лучше. Хорошо передан цвет и узор тюбетеек и халатов. Очень любопытна одна деталь многих женских и мужских костюмов: к рукавам верхней одежды (халата и камзола) выше локтя пришит или надет нарукавник (на рисунке это неразборчиво), из другой, преимущественно белой и тонкой ткани. Это добавление рукава значительно удлиняет его. Он получается длиннее

Рис. 2. Рахматули в праздничном халате с наставленными рукавами

руки с вытянутой кистью. Края такого рукава наглухо защиты (рис. 1, 2). Работать в такой одежде нельзя. Этим, очевидно, подчеркивали принадлежность к сословию или классу, вообще не работающему.

Любопытны зарисовки детей; они дают представление о детской одежде, а также об одежде учеников медресе в г. Ходженте.

Интересна зарисовка парикмахерской (рис. 3), дающая представление о процедуре бритья головы. Клиент становится на колени, а парикмахер подвязывает ему спереди красную тряпку, свисающую до пола, и в таком положении бреет. Работают два парикмахера, очереди ожидают восемь человек. Один из рисунков изображает любимое в Туркестане народное развлечение дар-баз (канатоходец), которое и теперь еще широко бытует у народов Средней Азии. Канатоходец полуголый, на нем только белые штаны с подвернутыми до колен штанинами; балансируя, он стоит одной ногой на канате на высоте 3—4 м, а в руках держит шест длиною в 3—3,5 м, на концы которого насажено по одному кружалу в виде маленьких колесиков. Тут же у дар-баз шесть музыкантов играют на местных народных инструментах, а корнайчи трубят в корнай, призывая зрителей на дар-баз. С одной стороны дар-база стоит толпа женщин, перед ними дети, по другую сторону стоят мужчины, одетые в нарядные цветные халаты, одни в тюбетейках, другие в чалмах. Под рисунком написано: «Дар-баз, 1876 г., Зенгиты, декабрь 9 дня»

Рис. 3. Парикмахерская на базаре

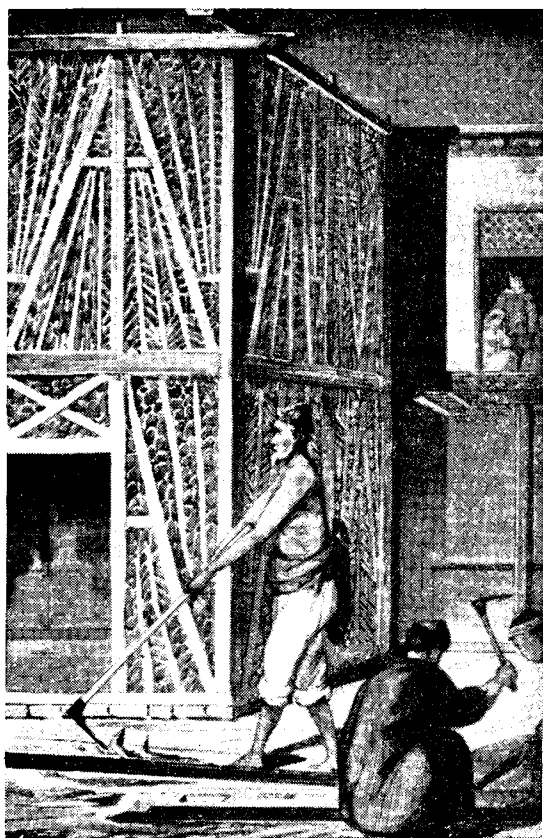

Рис. 4. Постройка дома из комков глины на деревянном каркасе

Пятью рисунками Д. К. Зацепин дает довольно полное представление о строительстве жилища и об инструментах, при помощи которых выполняется работа (кетмень, тиша малая и большая). Эти рисунки представляют большой интерес для этнографов, изучающих народное жилище Узбекистана. Почти все строители до пояса раздеты и работают в одних белых штанах, подвернутых до колен, и в тюбетейках (см., например, рис. 4).

Рисунки: «Ишан и дивана. 1881 г. 8 мая», «Розничный способ развозки угля. 1876 г. сентябрь» (Ташкент), «Чимкентская караванная дорога. 1881 г. сентября 20» и «Вид укрепленной станции между Ходжен-том и Ташкентом в 1875 г.» дают представление об одежде того времени, а также о розничной торговле древесным углем. На рисунке показаны способ упаковки и навьючивания угля на осликов и внешний вид развозчика топлива, одетого лишь в короткие белые штаны и войлочную белую шляпу. Рисунок станции дает представление о том, как русские после присоединения Туркестана налаживали почтовую связь народов края. На этом же рисунке изображена двухколесная арба.

Рисунок «Идут в гости. 1875 г., май» — единственный из всей коллекции, на котором изображены три женщины, одетые в паранджу, но две из них с открытыми лицами, а одна — с закрытым. В гости идут с детьми и подростками-девочками; одна из девочек несет на голове поднос с фруктами, а другая — узел с гостинцами. Такие бытовые сцены можно наблюдать и теперь в кишлаках Узбекистана. Вся эта композиция дана на фоне дувала, утыканного по верху палками.

Любопытны четыре рисунка, изображающие обнаженных женщин. На двух из них — сцены в ташкентских банях — «хаммам», на третьем — молодые женщины, купающиеся в хаузе или в реке; на четвертом — обнаженная молодая женщина позирует под открытым небом под деревьями, лежа на разостланной постели. Вызывает интерес, каким образом Д. К. Зацепину удалось выполнить зарисовки с натуры — в бане, у реки и особенно — специально позирующей обнаженной женщины. Ведь у мусульманского населения существовал строгий обычай, запрещавший женщине показываться чужому мужчине с обнаженным лицом и ногами.

На одном рисунке изображена пахота на паре волов, запряженных в омач. За омачем идет полуголый мужчина в подвернутых до колен штанах, с войлочной узбекской шляпой на голове, в руке он держит пал-

Рис. 5. Волостной управитель Курганчикской волости и почтосодержатель (1880 г.)

Рис. 6. Степь Кара-Кум, ст. Алтын-Кудук. 1880 г.

ку, которой погоняет волов. Тут же нарисованы вороны, грачи, цапля и другие птицы. На горизонте — горы, а с левой стороны — мазар. Это единственный рисунок из всей коллекции без подписи, датировки и аннотации.

Три рисунка изображают казахов. На одном из них (рис. 5) — волостной управитель Курганчикской волости Алман-Бет Утибаев и почтосодержатель киргизской станции Авдыр-Мынды-Куанов, пришедшие к русскому чиновнику, очевидно, уездному начальнику в Казалинске, с какой-то просьбой.

На втором (рис. 6) — казах и три казашки, стоящие у юрты, в характерной для того времени одежде. Две казашки одеты в широкие теплые шаровары, заправленные в голенища сапог, вместо платьев — теплые блузы, заправленные в шаровары, на головах платки, повязанные старинным казахским способом. Одна казашка, видимо, девушка, одета в тонкие шаровары, платье и шубу, а на голове шапка с меховой оторочкой. На казахе широкие навыпуск штаны, сшитые, очевидно, из овчины, и куртка, заправленная в штаны, на голове меховая шапка малахай со спускающейся на спину нижней частью.

На третьем рисунке изображена сцена приезда русского в казахский аул по какому-то делу. Рисунок дает представление о деловых связях русских людей с казахами и об сдержке казахов того времени.

Один рисунок, судя по одежде и головным уборам, изображает четырех киргизок у юрты. Он датирован 1876 г., внизу под рисунком написано: «Типы киргизских женщин: 1 женщина первый год замужем, 2 и 3 молодые женщины, живущие в одном семействе, 4 — старуха-хозяйка (старшая жена или мать)». Хорошо изображена одежда и головные уборы киргизок.

В заключение дадим краткую характеристику коллекции рисунков Д. К. Зацепина, поступивших в Государственный исторический музей. По сведениям, полученным от Г. Н. Чаброва, рисунки этой коллекции были выполнены в 1869—1881 гг. Особый интерес представляют первые в русском искусстве портреты узбекских народных мастеров, например, «Усто Осман-Оглы-Берды, домосторитель в Ташкенте (1871 г.)» или «Серебряник Усто Талый-Джан, Ташкент. (1873 г.)». Среди прочих рисунков много видов Ташкента, по преимуществу старого, Катта-Кургана, Ходжента, Камышлы-Баша и др. Вероятно, Д. К. Зацепин немало поездил по Средней Азии. Весьма примечательна акварель, рисующая сцену и зрителей узбекского кукольного театра, впервые изображенного русским художником. Имеются уже знакомые нам рисунки обнаженных женщин в бане.

Коллекция Д. К. Зацепина, насчитывающая в общем 123 рисунка, является очень ценным источником для научных и практических работ. Рисунки эти доступны для научного использования как в архиве Государственного музея этнографии народов СССР (Ленинград), так и в Государственном историческом музее (Москва).

Р. Л. САДОВЫЙ

ДРЕВНЕЙШИЙ КАМЕННЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ИЗ ВЬЕТНАМА

Настоящее сообщение посвящено одному из самых необычных музыкальных инструментов, когда-либо найденных при археологических раскопках. Литофон (так назван музыковедами этот инструмент) по своей конструкции не имеет аналогий в ряду известных науке каменных музыкальных инструментов. Историческое инструментоведение получило ценный материал, позволяющий заглянуть в эпоху, до настоящего времени совершенно не изученную музыковедами.

Рис. 1. Древнейший каменный музыкальный инструмент из Вьетнама

Литофон хранится в Париже, в Музее Человека (инвентарный номер 50.24.101 (I—II)). Он был найден рабочими во время строительства железной дороги близ селения Ндут Льянг Крак (провинция Дарлак, южный Вьетнам) в феврале 1949 г. Одиннадцать каменных плит, вырытые из земли, вызвали любопытство и толки местных жителей. Спустя несколько дней по этим местам проезжал французский этнограф Ж. Кондомина и узнал из разговоров о находке. Прибыв на место, он собрал и установил плиты литофона *in situ*. Как оказалось, они стояли под обрывистым холмом, засыпанные сползшим сверху грунтом. В насыпи они располагались вертикально и кучно, тесно прижатые друг к другу. Это обстоятельство, а также сходство с мегалитами и другими, поставленными вертикально камнями Верхнего Лаоса, известными ученым как древние культовые сооружения, свидетельствовали о культовом назначении и этой находки. Однако необычный облик каменных плит, их обработка, форма и ряд других признаков натолкнули на мысль, что это — неизвестная науке конструкция каменного музыкального инструмента. Литофон был транспортирован во Францию, и в июне 1950 г. Ж. Кондомина сделал сообщение об этом инструменте во Французском институте антропологии. Через год сообщение было опубликовано¹, а вслед за ним вышла небольшая специальная работа известного музыковеда А. Шеффнера, посвященная литофону².

Инструмент состоит из одиннадцати плоских каменных плит разных размеров и веса. Каждая плита представляет собой узкий плоский прямоугольник с закругленными или скошенными под острым углом концами. Поверхности этих плит обработаны широкими плоскими сколами, бока мелко и аккуратно ретушированы. Одиннадцатая

¹ G. Condominas, Le lithophone préhistorique de Ndut Lieng Krak, «Bulletin de l'Ecole française d'Extrême Orient», 1951, fasc. 2.

² A. Schaeffner, Une importante découverte archéologique: le lithophone de Ndut Lieng Krak (Vietnam). Extrait de la revue de musicologie, XXXIII Année, Nouvelle Série, № 97—98, Juillet, 1951.

плита еще в древности была разбита и поэтому в настоящее время никакой роли в звукоряде инструмента играть не может; она была использована в качестве материала для анализа. Плиты, как определили специалисты, сделаны из метаморфического сланца (роговика). Он черного цвета с серым налетом на поверхности. Для ознакомления с размерами и весом десяти сохранившихся плит литофона составлена следующая таблица³.

Плиты	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Длина (в см)	100,5	101,7	93,9	80,6	83,5	69	68,8	70,2	65,5	70,2
макс. Ширина (в см) мин.	14,7	15,1	15,4	13,3	15,85	12,9	13,1	11,9	13,9	14,3
	13,8	12,8	12,6	12,8	15,4	12,4	12,1	10,6	12,8	12,1
макс. Толщина (в см) мин.	5,8	6,5	5,7	6	6,3	5,2	5,5	3,7	4,7	4,5
	3,1	3,2	3,3	3,6	3,6	2,9	3,4	2,4	2,4	3,1
Вес (в кг)	10,440	11,210 (11,510)	11,710	7,810	10,460	6,150	6,870	4,810	5,820	6,970

По своей конструкции литофон приближается к инструментам типа ксилофонов и металлофонов, т. е. тем инструментам, клавиши которых располагаются горизонтально⁴. Все найденные до сих пор каменные музыкальные инструменты — будь то китайские литофоны с плитками из шлифованного нефрита и каменные колокола⁵, или «звучащие» камни из Венесуэлы⁶, — предполагают вертикальное расположение плит (подвешивание). В этом различии заключена одна из оригинальных особенностей литофона. Для звучания литофона обязательна его изоляция от земли. В Музее Человека литофон установлен над ящиком-резонатором; изолирующим материалом служит каучук. В древности, по-видимому, концы плит литофона лежали на деревянных балках, а резонатором могла быть и простая яма, вырытая в земле.

Трудно сказать, каким образом интонировали звук на литофоне. Вероятно, по плитам ударяли каким-нибудь молоткообразным инструментом. В Музее Человека звук из литофона извлекался последовательно при помощи молотка от китайского литофона, молота от индокитайского гонга и молоточков от негритянского ксилофона. Звук каждой плиты чистый, своеобразной «железной» окраски. Эта окраска напоминает звучание яванских или балийских металлофонов.

Каждая плита литофона издает один, не зависящий от направленности удара звук. Чувствительность камня необычайна: достаточно легкого прикосновения к плите, чтобы она мгновенно зазвучала.

Если не принимать во внимание XI разбитой плиты, то звуковое расстояние между I и X плитами равняется октаве и одному тону. Наблюдения специального характера позволили предположить, что в найденных плитах смешаны два литофона: один — полный, другой — сохранившийся частично. Звукоряд полного литофона, состоящего из семи плит, А. Шеффнер⁷ представляет следующим образом:

³ А. Schaeffner, Указ. раб., стр. 14.

⁴ Центр тяжести каждой из плит находится посередине ее.

⁵ Н. Simbriger, Klangsteine, Steinspiele und ihre Nachbildungen in Metall, «Anthropos», т. XXIII, 1937, стр. 552—570; А. Schaeffner, Origine des instruments de musique, Paris, Payot, 1936, стр. 177—178.

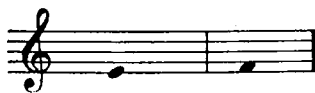
⁶ F. Heger, Klangplatten von Nephrit aus Venezuela, «Congrès international des américanistes», 1925, стр. 148—155.

⁷ А. Schaeffner, Указ. раб., стр. 16.

Акустически размеренные в центах, т. е. в сотых долях темперированного полутона, интервалы между этими звуками таковы:

Кунст	174	373	372	18	253	203=1393 ⁸
I	II	III	IV	VIII	VI	VII
Брэлуа-Шеффнер	157	313	506	24	221	178=1399

Звуки сомнительные (или искаженные) вынесены за пределы звукоряда:

V

IX

По-видимому, звукоряд полного литофона можно отнести к одному из ладов ангемитонной (бесполутоновой) пентатоники⁹. Как известно, эти лады характерны для музыки многих народов, в частности для народов Юго-Восточной Азии. Данный звукоряд стоит ближе к индонезийскому ладовому типу, чем к китайскому, и напоминает строй пелог, т. е. яванского оркестра.

Краткая характеристика литофона будет недостаточной, если не упомянуть еще одну его особенность — несоответствие между весом и размером плит и высотой извлекаемых из них звуков. Например, VII и X плиты, одинаковые по тону, но более тяжелые, чем VIII и IX, звучат приблизительно на два с половиной и на один тон выше; I плита весит приблизительно столько же, сколько и V (разница составляет 20 г), но она выше первой на сексту; III, наиболее длинная и тяжелая, дает не самый низкий звук в ряду тяжелых плит, а VIII, самая легкая из легких плит, звучит только низко. Короче говоря, более низкий звук редко извлекается из плиты более тяжелой, несмотря на то, что все они изготовлены из одного материала. Тщательное исследование плит показало, что концевые сколы и плоскостная вогнутость, сработанные необычайно тонко и с учетом всех акустических возможностей камня, давали мастеру, изготовившему инструмент, именно ту высоту звука, которая была ему нужна. Остается только удивляться познаниям мастера, умению обрабатывать камень и чувству высоты звука, с каким был сделан этот литофон.

К сожалению, в указанных выше работах о литофоне совершенно не затронут вопрос о патине на камне. В то же время изучение этого вопроса весьма важно. Этот налет, без сомнения, образовался в результате лежания инструмента в земле¹⁰. Поэтому он должен был изменить вес плит, а следовательно, и первоначальную высоту звука. В таком случае, чтобы вернуть литофону его первоначальное звучание, чистка каменных плит была бы обязательной. Была ли она произведена или инструмент изучался неочищенным — по опубликованным материалам установить нельзя. В содержательной и глубоко научной работе А. Шеффнера нет также полного и точного обмера плит литофона. Это досадный факт, потому что одна таблица с указанием длины, ширины, толщины и веса и одна фотография без масштаба мало что могут сообщить об этом инструменте. Необходимы были бы фотографии каждой плиты в масштабе и с указанием масштаба, причем следовало бы сфотографировать лицевые, тыльные, боковые и торцовые стороны. Затем нужно было дать продольные и поперечные разрезы плит, причем особое внимание уделить изучению вогнутости на плоскостях плит инструмента. Такая публикация материала позволит читателю, в случае необходимости, иметь о предмете исследования свое суждение. Это довольно ощутительные недостатки, тем более, что литофон, благодаря своей уникальности и значимости, требует, конечно, всесторонней публикации и тщательнейших исследований.

Условия, при которых был найден литофон, не дают возможности определить время создания или бытования инструмента. Когда в 1928—1929 гг. при раскопках царских могил Ура Л. Вулли обнаружил знаменитые шумерские лиры, этот факт сам по себе не был неожиданным, так как по изображениям на каменных стелах в Лагаше можно было заключить, что в Месопотамии существовали асимметричные одиннадцатиструнные лиры. Там же, где были найдены плиты литофона, не было ни культурного слоя, ни каких-либо находок, хотя бы приблизительно датирующих инструмент. Пришлось поэтому обратиться исключительно к самому литофону. Сначала предполагали определить по патине, если не его возраст, то хотя бы срок залегания инструмента в земле. Но специалисты рассчитали, что достаточно пятидесяти лет пребывания камня во влажном грунте, чтобы образовался точно такой же налет. Некоторые ученые, основываясь на технике обработки каменных плит литофона, пришли к выводу, что он мо-

⁸ A. Schaeffner, Une importante découverte archéologique..., стр. 17.

⁹ Звуковая система из пяти звуков, интервалы между которыми равны одному или полутора тонам. Например: до-ре-ми-соль-ля.

¹⁰ Едва ли каменные плиты литофона одеты в естественную, природную рубашку — она неизбежно была бы удалена сколами во время обработки камня.

же: относиться к так называемому Баксонскому периоду, соответствующему по времени середине неолита на Западе¹¹. Если это так, то литофон оказывается одним из древнейших музыкальных инструментов, которые когда-либо были обнаружены археологами.

Вопрос об этнической принадлежности создателей литофона остается совсем неясным. Выше мы указывали, что современное инструментоведение не знает пережиточных форм этого инструмента, хотя в музыкальной практике народов Дальнего Востока до сих пор употребляются древние формы других музыкальных инструментов, возраст которых насчитывает не одно тысячелетие¹². С другой стороны, недостаточная разработка основного вопроса древней истории Вьетнама — вопроса о происхождении вьетнамского народа, о переселениях и взаимодействиях с иными культурами¹³, не позволяет нам судить определенно об этнической принадлежности изготовивших литофон мастеров. Мы можем ограничиться только общими положениями. По-видимому, бесспорным является тот факт, что забвение литофона как музыкального инструмента с последующим его превращением в культовый памятник связано с какими-то этническими передвижениями. Судя по звукоряду инструмента, приближающегося к индонезийскому ладовому типу (а индонезийские элементы присутствуют и в материальной культуре лаквьетов — предков вьетнамского народа, и в языке вьетнамцев), можно предположить, что эти передвижения шли со стороны Юго-Восточного Китая, тем более что археологические материалы убедительно свидетельствуют о тесных связях этого района с местной культурой Нго-Вьет (VIII—V вв. до н. э.), предшествующей культуре лаквьетов. Несомненно одно: совершенная техника обработки камня и высокий духовный уровень древнего человека создали своего рода шедевр — литофон, хотя и не имевший, вероятно, широкого и длительного по времени распространения и вскоре, как можно предположить, вытесненный более совершенными и сравнительно легко изготавливаемыми инструментами, предполагавшими и иной материал, и иную технику изготовления.

¹¹ Термин «Баксон» стал употребляться после находки орудий из полированного камня в северном Вьетнаме, в массиве Бак-Сон у Тонкина. Н. Mansuy, Contribution à l'étude de la préhistoire de l'Indochine, «Mémoires du Service géologique de l'Indochine», т. XII, 1923, E. Patte, L'Indochine préhistorique, «Revue anthropologique», 46 année, N 10—12, octobre — décembre 1936; Ж. Шено, Очерк истории вьетнамского народа. М., 1957 г.

¹² Эволюция бронзовых барабанов, употребляемых в наши дни, насчитывает по крайней мере около двух тысяч лет.

¹³ Подробнее об этом см.: Д. В. Деоник, Некоторые вопросы древней истории Вьетнама в современной вьетнамской исторической науке, «Вестник древней истории», 1956, № 2, стр. 95—107.

Х Р О Н И К А

ПЕРВОЕ ВСЕСОЮЗНОЕ МЕЖДУВЕДОМСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ГЕОГРАФИИ НАСЕЛЕНИЯ

В соответствии с решением III Всесоюзного географического съезда в конце января — начале февраля 1962 г. в Москве состоялось первое всесоюзное междуведомственное совещание по географии населения. В совещании приняли участие 435 человек из 69 городов; были представлены 188 учреждений и учебных заведений. Из участников совещания больше половины было экономгеографов; кроме того, были работники плановых органов, экономисты, инженеры, проектировщики и архитекторы, а также этнографы; последних по данным регистрационных карточек было 45 человек.

Встреча представителей этих смежных и вместе с тем разнообразных научных областей оказалась весьма плодотворной. В частности, совещание способствовало сближению этнографии и географии, преодолению разобщенности между этими двумя науками, возникшей в 1920—1930-х годах, и восстановлению тех тесных связей между ними, которые были традиционными для прогрессивной русской науки.

На совещании всего был сделан 91 доклад; 12 на пленарных заседаниях, остальные на четырех секциях: 25 на секции общих вопросов географии населения, 26 на секции географии городов, 12 на секции сельского расселения и 16 на секции этнографии (этногеографии).

Помимо всестороннего обсуждения методологических проблем географии населения, задачей совещания являлся также обмен информацией по конкретным ее вопросам.

Вопросам предмета и методов географии населения были посвящены доклады В. В. Покшишевского «Предмет, состояние и задачи географии населения» и Ю. Г. Саушкина «География населения и смежные науки»; к этой же тематике примыкали доклады, в которых шла речь о роли географии населения в практическом планировании (М. Я. Сонин и Н. И. Шишкин «География населения и планирование трудовых ресурсов», Д. И. Богорад «География населения и проблемы районной планировки», В. С. Рязанов «Вопросы расселения в проектах планировки сельскохозяйственных районов» и др.) или же посвященные проблематике отдельных крупных разделов географии населения (В. Г. Давидович «О закономерностях и тенденциях городского расселения в СССР», С. А. Ковалев «Проблемы советской географии сельского расселения», О. А. Константинов «Географическое изучение городских поселений в СССР», А. А. Минц «Современное состояние исследований по географии сельского населения СССР», С. И. Брук, В. И. Козлов и М. Г. Левин «Современное состояние исследований по этнической географии в СССР» и т. д.)¹.

Совещание открылось докладом В. В. Покшишевского. Докладчик предложил развернутое определение географии населения, при этом он настаивал на необходимости рассматривать географию населения как часть экономической географии, понимаемой в широком смысле. По вопросу о взаимоотношениях географии с этнографией В. В. Покшишевский отметил, что многие этногеографические характеристики населения (производственные навыки, типы жилья и др.) изучаются одновременно обеими этими науками; наряду с этим большой интерес для экономгеографов представляют вопросы национального размежевания, определяющие национально-политическое, а тем самым и экономико-административное членение территорий. Докладчик выделил основные разделы географии населения и остановился на некоторых теоретических вопросах, таких, как характер влияния природной среды на расселение, проблемы, связанные с основными типами размещения населения и др.

¹ Доклады гг. Рязанова, Константинова, Минца и Брука — Козлова — Левина были сделаны на секциях, остальные — на пленарных заседаниях.

В заключение докладчик сформулировал ряд первоочередных задач в области географии населения, а именно: создание капитальных трудов по теории географии населения и по конкретной географии населения СССР, разработка географических проблем баланса трудовых ресурсов и в связи с этим изучение современных миграционных процессов, отработка методики использования географии населения для районной планировки и планировки промышленных узлов и населенных мест, исследование изменений сети населенных пунктов в СССР, усиление изучения географии населения зарубежных стран и активная критика буржуазных теорий географии населения. Докладчик предложил создать в исследовательских институтах, вузах и отделениях Географического общества СССР группы, занимающиеся географией населения, улучшить подготовку кадров в этой области, увеличить число публикаций и ввести курс географии населения на географических факультетах в качестве обязательного предмета.

Ю. Г. Саушкин в своем докладе, отметив, что население в различных аспектах является предметом изучения многих наук, подробно остановился на географии населения как одной из этих наук. Объектом изучения географии населения докладчик считает «территориальные системы населенных пунктов». Как и В. В. Покшишевский, Ю. Г. Саушкин относит географию населения к числу экономгеографических наук. В итоге своего доклада Ю. Г. Саушкин призвал к комплексному изучению населения и к созданию Института населения Советского Союза, структура которого должна быть построена по комплексным проблемам, а не по отраслям знания.

Большой интерес вызвала и другая серия докладов, посвященных анализу статистических данных о населении СССР. К этой группе относятся доклады: П. Г. Подъячих «Показатели территориальных итогов Всесоюзной переписи населения»; А. И. Гозулова «Основные изменения в численности, размещении и составе населения СССР»; Я. Р. Винникова и В. И. Козлова «Изменения в численности и расселении народов СССР»; Г. С. Невельштейна «Районные различия в естественном движении населения в СССР»; Р. С. Шимко «Распределение населения СССР по общественным группам и географическое размещение рабочих» и ряд других (посвященных отдельным районам СССР)².

Было сделано несколько докладов по организационным вопросам, связанным с научно-исследовательскими работами и подготовкой кадров в области географии населения: Н. Н. Ляликова «География населения в системе среднего и высшего образования», В. В. Воробьева и Б. С. Хорева «Исследования по географии населения в вузах и научных учреждениях СССР» (оба на пленарных заседаниях); сюда же можно отнести доклад М. Я. Берзиной и Н. Н. Чебоксарова на этногеографической секции «О преподавании этнографии в высшей и элементов этнографии в средней школе». В докладе гг. Воробьева и Хорева был дан очень обстоятельный обзор современных работ по всем разделам географии населения; в докладах о преподавании географии населения и этнографии отмечалось, что несмотря на значительные сдвиги в этой области в последние годы, роль этих дисциплин в подготовке кадров географов и в образовании остается еще весьма недостаточной.

Этнография была представлена на совещании прежде всего этногеографической тематикой. Большая часть докладов на секции этногеографии была посвящена вопросам численности и расселения народов и этнического состава отдельных районов, изменениям в культуре и быте народов, хозяйственно-культурным типам населения.

На пленарном заседании был прочитан доклад В. К. Гарданова, Б. О. Долгих и Т. А. Жданко «Национальные процессы у населения СССР за годы Советской власти». Докладчики отметили, что «современные процессы этнического развития в СССР протекают в основном по двум направлениям: 1) продолжающаяся консолидация и развитие социалистических наций и народностей; 2) общий процесс все большего сближения социалистических наций и народностей нашей страны на базе развития их братского сотрудничества и дружественных интернациональных связей в области экономики, культуры и духовной жизни — процесс, сопровождающийся созданием общесоветских форм культуры и быта». Они остановились на локальных различиях в ходе этих процессов, связанных с различиями в уровне социально-экономического и этнического развития, на котором находились разные народы в период установления Советской власти, и с конкретными условиями развития каждого из них. В докладе указывалось на необходимость борьбы как с националистическими тенденциями к фетишизации старой культуры и часто отрицательных пережитков старого быта, так и с нигилистическим отношением к многовековому народному опыту, трудовым навыкам, художественным вкусам, мастерству. В заключение указывалось, что «многие животрепещущие вопросы практики социалистического строительства неразрывно связаны с проблемой национального развития и национальной культуры народов СССР и требуют для правильного решения этнографических данных».

Заседания секции этнографии открылись докладом С. И. Брука, В. И. Козлова и М. Г. Левина «Современное состояние исследований по этнической географии СССР». В докладе указывалось, что прежние тесные связи между географией и этнографией стали ослабевать с 1920-х годов в связи с сужением задач как этнографии (сосредото-

² Первые два доклада обсуждались на пленарных заседаниях, остальные — на секциях.

чившей свое внимание на изучении пережитков родоплеменного строя), так и отдельных ветвей географии (появлением «бесчеловечной» физической и экономической географии). С середины 1940-х годов эти науки стали вновь сближаться; развивается этническая география, «имеющая своим предметом изучение состава и размещения населения всего земного шара и отдельных его областей в этническом аспекте...» В докладе дана краткая характеристика объектов исследования этнической географии, обзор этнокартографических и этногеографических работ Института этнографии АН СССР; рассмотрено разработанное советскими этнографами учение о хозяйственно-культурных типах населения, имеющее большое значение не только для решения многих вопросов этнической истории, но и для рассмотрения общих и конкретных проявлений роли географической среды в формировании хозяйственно-культурных особенностей народов разных климатических и ландшафтных зон; затронут вопрос об изучении человеческих рас, факторов их образования, их классификации и размещения.

В своем докладе «Изменения в численности и расселении народов СССР (по материалам переписей 1926, 1939 и 1959 гг.)» Я. Р. Винников и В. И. Козлов показали, как повлияли на изменения в этническом составе населения СССР и его отдельных частей различия в темпах естественного прироста населения, процессы естественной ассимиляции, миграционные процессы, связанные с освоением целинных земель, с промышленным строительством в новых районах, с ростом городов и т. д.

И. С. Гурвич в докладе «Вопросы рационального использования традиционных трудовых навыков народов Советского Союза» заострил вопрос о закреплении национальных трудовых ресурсов в особых климатических зонах: южной — горной и северной — арктической. «Огромные пространства тундры, лесотундры и тайги... осваиваются малыми народами Севера, ведущими промысловое хозяйство. Их общая численность — всего около 130 тыс. чел. Вовлечение этого незначительного по численности населения в промышленность, разумеется, не даст какого-либо заметного эффекта, тогда как уход этого населения из сферы промыслового хозяйства, требующего особых навыков для его ведения, нанесет огромный ущерб нашему хозяйству», говорится в докладе. При этом необходимо обеспечить население привычными продуктами питания, организовать производство современных типов жилых домов с учетом как климатических особенностей этих районов, так и положительных национальных традиций населения и т. д.

В докладе С. И. Брука «Основные методологические проблемы картографирования народов» были охарактеризованы работы по составлению и изданию этнических карт, проводившиеся в последние годы Институтом этнографии АН СССР. Институтом выпущены карты: народов СССР, Китая, МНР и Кореи, Индостана, Передней Азии, Африки; карта народов мира в масштабе 1:15 млн. Карты издаются вместе с поясняющим и дополняющим их текстовым приложением. Они составлены по новому методу этнического картографирования: на одной карте сочетается показ границ расселения народов и плотности населения. При составлении этих карт необходимо было решать методологические вопросы, связанные с выделением, отбором и классификацией народов, с выбором метода картографирования, с использованием разнородных материалов в источниках и т. д. Докладчик сообщил, что в настоящее время составляется и издается атлас народов мира, состоящий из 70 карт, статистических таблиц и текстового приложения. Докладчик внес предложение об издании в ближайшие годы соединенными усилиями этнографов и географов комплексного атласа населения СССР.

Доклад Я. Р. Винникова «Формирование населения в Целинном крае Казахской ССР» был посвящен изменениям в национальном составе этой территории за период освоения целины.

Ряд докладов был посвящен заселению вновь орошаемых земель в Кара-Калпакции (доклад Н. П. Лобачёвой) и Таджикистане (М. Хамиджановой); ряд других — современным изменениям в типах поселений в Прибалтике (И. Буткявичус, Л. Н. Терентьева и Н. В. Шлыгина) и в низовьях Аму-Дарьи (К. Л. Задыхина и М. В. Сазонова); социалистическому быту колхозного крестьянства у дунган (М. Сушанло) и у киргизов (К. И. Антипина); хозяйственно-культурным типам населения Средней Азии и Казахстана (Б. В. Андрианов) и Северной Сибири (М. Г. Левин); один доклад (Б. О. Долгих) — плотности населения коренных народов Сибири и связи ее с направлением хозяйства (по историческим материалам). Все эти доклады, содержавшие большой фактический материал, явились вкладом в развитие этнической географии.

На пленарных заседаниях и в секциях, в частности в секции этногеографии, имели место оживленные прения. Всего в прениях выступило 97 человек. Большое место заняли дискуссионные вопросы самого разнообразного характера: о месте географии населения в системе географических наук; об оптимальном размере городов; о характере консолидационных процессов у некоторых народов СССР и др.

На пленарном заседании А. М. Колотиевский предложил такую систематизацию наук, при которой экономическая география и география населения рассматриваются как две равнозначные географические дисциплины, изучающие человеческое общество. В. И. Переведенцев подчеркнул экономические преимущества сверхбольших городов в противовес преобладающей точке зрения (выраженной в докладе В. М. Давидовича) об оптимальном среднем размере городов; В. М. Гохман и М. И. Помус остановились на ряде конкретных процессов городского расселения; М. Б. Вольф и ряд других вы-

ступавших указывали на необходимость расширить перечень вопросов в переписной анкете будущей переписи населения СССР; Б. Ц. Урланис остановился на характере естественного прироста населения в различных общественных формациях; он настоятельно подчеркнул необходимость создания в СССР демографического института.

В этногеографической секции прошла оживленная дискуссия по ряду вопросов — о консолидации грузинской нации, об использовании трудовых ресурсов малых народов Крайнего Севера и др. Всего на заседаниях секции в прениях выступило 13 человек.

По вопросу о традиционных трудовых навыках малых народов Севера выступил О. Р. Назаревский, высказавший мнение, что отгонное животноводство — пройденный этап в истории этих народов; с ответом выступил Ю. Б. Стракач, указавший на важность использования положительного опыта малых народов Севера при освоении его природных богатств и на недопустимость успешных переселений этих народов.

Ю. Б. Стракач и другие выступавшие поддержали необходимость введения элементов этнографии в преподавание географии и истории в средней школе; Т. А. Жданко осветила практическую помощь этнографов плановым и проектным организациям и подчеркнула важность пропаганды этнографических знаний для успешного осуществления культурных и хозяйственных мероприятий в различных районах Советского Союза. В своем заключительном выступлении С. И. Брук отметил наличие многих точек соприкосновения между этнографией и географией населения, проявившихся, в частности, в наличии сходных по тематике докладов на разных секциях совещания; он обратился к географам с призывом принять активное участие в VII международном конгрессе антропологов и этнографов, который должен состояться в Москве в 1964 г.

В резолюции, принятой совещанием, была отмечена плодотворность его работы; дано определение географии населения и ее задач; отмечены успехи в разработке теоретических положений географии населения. По вопросу о взаимоотношении географии населения и этнографии сделан вывод «о наличии обширной сферы творческой кооперации между ними», в пределы которой «целиком входит этногеография (в том числе этническая картография)». Круг общих интересов этнографов и географов, изучающих население, — говорится в резолюции, — достаточно широк: этнические моменты следует учитывать при исследовании процессов естественного воспроизводства, миграций, форм расселения, использования трудовых навыков населения. Вместе с тем география населения и этнография, взятые в целом, не могут поглощать друг друга или сливаться; их предмет, содержание и методы различны.

В резолюции намечен ряд необходимых организационных мероприятий, среди них: создание при Академии наук СССР междуведомственного центра для координации работ в области географии населения и научных групп по этой тематике в научных учреждениях системы Академии наук СССР и союзных республик, кафедр географии населения в Московском государственном университете и в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена; организация в течение ближайших лет научно-исследовательского института демографии и географии населения в системе Академии наук СССР; усиление элементов географии населения и этнографии в школьных курсах и учебниках географии; проведение периодической паспортизации городских и сельских поселений; введение при очередной переписи населения вопроса о месте проживания в период переписи 1959 г. и ряда усовершенствований в разработке материалов переписи; составление и издание комплексного атласа «Население СССР»; активное участие советских специалистов по географии населения в VII международном конгрессе антропологов и этнографов в 1964 г. в Москве и в международном конгрессе географов в том же 1964 г. в Лондоне.

На протяжении всего совещания была открыта выставка литературы и карт, посвященных населению, вызвавшая большой интерес.

М. Я. Берзин

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ СОВРЕМЕННОГО НАРОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

С 28 ноября по 2 декабря 1961 г. в Киеве проходило Всесоюзное совещание по вопросам современного народного поэтического творчества, организованное Координационной комиссией по народному творчеству при Отделении литературы и языка АН СССР, Институтом мировой литературы им. Горького АН СССР (Москва), Институтом русской литературы АН СССР (Ленинград) и Институтом искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР (Киев). В работе совещания приняли участие научные работники, преподаватели высших учебных заведений, работники краеведческих музеев и домов народного творчества — всего свыше ста человек. На совещании было прослушано и обсуждено 9 докладов и около 30 сообщений. В прениях выступило свыше 30 человек.

Совещание открылось докладом акад. М. Ф. Рыльского (Киев) «Состояние и задачи современной фольклористики в свете решений XXII съезда КПСС». Основное внимание докладчик уделил вопросам изучения советского фольклора. В современной фольклористике, сказал он, существуют две точки зрения на советский фольклор. Сторонники одной из них «отмечают существование советского фольклора, ограничивая в лучшем случае его сферу частушками, пословицами да еще анекдотами». Сторонники второй точки зрения (к ним докладчик отнесит и себя) утверждают, что «советский фольклористике, сказал он, существуют две точки зрения на советский фольклор. Сто- М. Ф. Рыльский считает, что в наше время происходит «возрождение будто бы отмерших жанров» русского и украинского фольклора — былин, дум, сказок и пр. Для подтверждения этого тезиса он ссылается на творчество М. Крюковой, Ф. Кушнерика, Е. Мовчана, П. Амбросий и др.

В докладе В. М. Сидельникова (Москва) «Основные проблемы современной науки о поэтическом творчестве народов СССР» говорилось о том, что необходимо активизировать научно-исследовательскую работу в области современного фольклора¹, а также пропаганду произведений современного поэтического творчества. Докладчик считает принципиально неправильным то, что многие фольклористы в нашей стране заняты изучением эпоса и других традиционных жанров. По его мнению, это наносит ущерб изучению современного фольклора.

А. Д. Соймонов (Ленинград) сделал доклад «О принципах изучения русского фольклора советской эпохи». Основным принципом он считает историческое изучение фольклорных традиций. Последовательное проведение этого принципа в исследовательской работе дает основание рассматривать классический фольклор не как пережиток прошлого, а как наследие, которое подвергается критической и творческой переработке. Фольклорное наследие — органическая часть современной поэтической культуры. По мнению А. Д. Соймонова, решительный поворот к современности в советской фольклористике должен выразиться прежде всего во всестороннем изучении народного самодельного искусства.

Ряд докладов был посвящен современному состоянию народного творчества отдельных народов СССР. К. А. Сихарулидзе (Тбилиси) посвятила свой доклад грузинской народной советской поэзии и дала довольно подробную характеристику основных этапов ее развития. О современном фольклоре тюркоязычных народов Советского Союза говорил в своем докладе Б. А. Каррыев (Москва). А. М. Кинько (Киев) сделал доклад «О социалистическом реализме в народной поэзии Советской Украины». Доклад иллюстрировался современными думами в исполнении кобзаря Е. Мовчана.

В. Е. Гусев (Ленинград) сделал доклад «О русском фольклоре Великой Отечественной войны». Народное творчество этого периода, сказал он, — «не может рассматриваться, ни как „вспышка“ затухающей фольклорной традиции, ни как подобие поэзии гражданской войны, ни как простое „ускорение“ процессов, происходивших в предвоенные годы», а представляет собой новый этап.

Наряду с анализом фольклора Великой Отечественной войны докладчик остановился на уточнении терминологии современной фольклористики: в настоящее время необходимо различать два понятия — фольклор и массовое народное творчество. Фольклорным произведением В. Е. Гусев считает только такое, которое активно, творчески усвоено коллективом (вне зависимости от того, как оно было создано — коллективно или индивидуально, письменно или устно). Понятие «современное народное творчество» шире понятия «фольклор» и включает его в себя. Современным фольклором он считает не только произведения, созданные в советскую эпоху, но и всё то, что, будучи создано в предыдущие эпохи, активно бытует в настоящее время.

Украинскому советскому народному музыкальному творчеству был посвящен доклад Н. М. Гордийчука (Киев). По утверждению докладчика, народная инструментальная музыка полнокровно живет в быту украинцев и в настоящее время; многие традиционные мелодии творчески использованы в советском музыкальном фольклоре (в том числе и в современных думах) и профессиональной музыке. Фронт музыкального самодельного народного творчества на Украине становится все шире.

П. Г. Богатырев (Москва) в докладе «Некоторые проблемы изучения современного фольклора у славян» остановился на характеристике той огромной собирательской работы, которая ведется сейчас в славянских странах. Именно широкое изучение современного фольклора даст возможность войти в лабораторию народного творчества вообще и установить закономерности его развития в прошлом и настоящем.

После докладов были прослушаны сообщения и выступления в прениях, подавляющее большинство которых носило острый полемический характер. В центре внимания выступавших стояло определение понятия «современный фольклор». Большинство — А. М. Астахова (Ленинград), Я. И. Витольд (Рига), Э. В. Померанцева и Ю. И. Смирнов (Москва), Л. И. Ященко (Киев) и другие — считает, что в это понятие необходимо включать, наряду с произведениями с советской тематикой, широко бытующие произведения традиционного фольклора.

¹ Под современным фольклором докладчик подразумевает фольклор с советской тематикой.

Острая полемика развернулась по вопросу о том, что считать основным, определяющим признаком фольклора, каковы границы понятия «фольклор» и что является предметом фольклористики. Мнения выступающих разделились. Л. И. Яценко считает определяющими признаками фольклора устность и коллективность бытования, так как именно они являются «теми фильтрами, проходя через которые бесчисленные творческие произведения масс принимают свой законченный вид». К нему присоединился ряд выступавших. Другие, например, В. П. Аникин (Москва), главный признак фольклора видят только в коллективности, проявляющейся прежде всего в следовании традиции. Для П. П. Охрименко (Гомель), напротив, именно устность — основной признак фольклора. Д. М. Балашев (Петрозаводск), К. С. Давлетов (Москва) и другие оба эти признака считают второстепенными для современного фольклора. К. С. Давлетов, говоря о необходимости найти какие-то более существенные признаки фольклора, предлагает пользоваться термином профессиональное и непрофессиональное искусство.

Нет единства и в определении границ понятия «фольклор». В связи с этим по-разному понимается и предмет фольклористики. Одни считают, что предмет фольклористики — только фольклор, другие прибавляют к нему художественную самостоятельность. В. Г. Базанов (Ленинград) предлагает рассматривать фольклористику как науку о народе в целом. Для К. В. Чистова (Москва) предмет фольклористики — поэтическая жизнь народа, его эстетика и литературно-художественная культура. Л. И. Емельянов (Ленинград) видит принципиальные расхождения фольклористов не в том, что кто-то верит в существование современного фольклора, а кто-то в этом сомневается, а во взглядах на предмет изучения. Кризис фольклористики в том, что она пытается заниматься новыми видами искусства, втискивая их в рамки старых жанров. Л. И. Емельянов считает, что сейчас неправомерно противопоставлять литературу и фольклор, так как в наше время существует единое художественное мировоззрение народа. Перед фольклористикой стоят задачи не столько познания народа, сколько учета его художественного творчества. «Пора перестать говорить о фольклорности или нефольклорности того или иного произведения, надо говорить о его художественности».

В ряде сообщений и выступлений ставился вопрос о судьбах традиционных жанров в настоящее время. Подавляющее большинство выступавших — Э. В. Померанцева, Н. И. Савушкина, Ю. И. Смирнов и В. К. Соколова (Москва), М. Я. Чиковани (Тбилиси) и другие, — опираясь на большой фактический материал, говорили о том, что в наше время повсюду наблюдается угасание, деградация многих традиционных жанров фольклора (в первую очередь — обрядового фольклора и эпоса). Процесс этот в разных республиках и даже районах проходит по-разному, не одинаковыми темпами, но он исторически закономерен и изучение его представляет одну из существенных задач современной фольклористики. Э. В. Померанцева подчеркнула, что изучение этого процесса дает большой и интересный материал для суждения об изменении вкусов народа, его мировоззрения и эстетики, «а не для похоронного плача о судьбах фольклора».

Большое место в работе совещания было отведено художественной самостоятельности. Многие из выступавших — В. А. Василенко (Барнаул), В. М. Гацак (Кишинев), А. К. Иониас (Вильнюс), Б. П. Кирдан (Москва) — призвали проявить самое пристальное внимание к художественной самостоятельности; изучить историю ее развития, формы существования, ее связи с профессиональным искусством, роль в формировании современного народного творчества. При этом многие (А. М. Астахова, Л. И. Яценко и другие) предостерегали от отождествления художественной самостоятельности с фольклором, так как ее целесообразнее рассматривать как особый вид искусства, который только в отдельных своих проявлениях сближается с фольклором.

В. Г. Базанов, В. К. Соколова и другие указали на необходимость разработки принципов собраний и изучения рабочего фольклора.

На совещании говорилось о том, что в последние годы возникла потребность в разработке новой программы по собиранию современного фольклора, так как это необходимо для правильной организации большой собирательской работы, ведущейся в нашей стране, и получения сравнимых материалов.

Почти все участники совещания единодушно признали, что назрела острая необходимость во всемерном расширении фольклорных публикаций. По мнению многих, разногласия фольклористов в значительной степени объясняются именно отсутствием достаточного количества публикаций современного фольклора. Исследователям в своих работах в этой области в основном приходится полагаться на личный собирательский опыт и рукописные материалы отдельных экспедиций, доступные им. Это несомненно ведет к известной ограниченности выводов. Наряду с увеличением числа изданий фольклора следует повысить требовательность к качеству материала и подготовки его к печати.

В заключительном слове акад. М. Ф. Рыльский отметил важность и плодотворность совещания, показавшего, что в фольклоре разных народов Советского Союза в настоящее время происходят сложные и многообразные процессы, изучением которых и должны углубленно заниматься фольклористы. Это даст возможность на широком сравнительном материале выявить основные закономерности развития фольклора в наше время. М. Ф. Рыльский еще раз подчеркнул, что он не верит в отмирание фольклора: советский фольклор, будучи качественно новым явлением, не только существует, но и успешно развивается.

На совещании была принята резолюция, отразившая основную направленность дискуссии и наметившая ряд конкретных мер, которые могли бы способствовать дальнейшему развитию советской фольклористики: создание единого фольклорного центра, выпуск специального журнала, организация в Институте мировой литературы АН СССР многопрофильного сектора народного творчества, проведение всесоюзных совещаний по фольклору Великой Отечественной войны и методике собирания фольклора, комплексные экспедиции по изучению современного фольклора и пр.

Материалы совещания и резолюция, принятая на нем, будут опубликованы в журнале «Народна творчість та етнографія» (Киев).

Н. С. Полищук

ВСЕСОЮЗНОЕ КООРДИНАЦИОННОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Президиум Академии наук СССР создал научный совет по комплексной проблеме «Закономерности развития социализма и перехода к коммунизму». В этот совет входит секция, изучающая вопросы истории социалистического строительства в европейских странах народной демократии. По инициативе Института истории и Института славяноведения АН СССР с 27 февраля по 1 марта 1962 г. было проведено Всесоюзное координационное совещание, посвященное строительству социализма в народно-демократических странах Европы, которому предшествовала большая работа по выявлению уже готовящихся тем по этой проблематике в Москве и на местах.

В работе совещания приняли участие представители 56 научно-исследовательских и педагогических институтов. Оно объединило историков, этнографов, экономистов, правоведов и представителей других общественных наук. Всего в совещании участвовало 285 человек. Были заслушаны следующие доклады:

В. М. Хвостова «Состояние изучения стран народной демократии и задачи научно-исследовательской работы»; И. И. Удалцова «Новая программа КПСС и проблемы развития стран народной демократии»; Л. Н. Терентьевой «Состояние изучения проблем этнографии стран народной демократии»; И. И. Минца «Влияние Октябрьской революции на подъем революционного движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы»; П. И. Резонова «Национально-освободительная и антифашистская борьба в годы второй мировой войны в странах Центральной и Юго-Восточной Европы»; В. И. Салова «Идеи реваншизма в западногерманской историографии».

В оживленных прениях, развернувшихся по докладам, участники совещания обменялись информацией о результатах разработки проблем строительства социализма в европейских странах народной демократии, которая ведется в центральных и республиканских учреждениях Советского Союза. В принятой резолюции совещание подтвердило необходимость объединения усилий и координации научной работы в области исследования закономерностей развития стран народной демократии и обобщения опыта социалистического строительства. Были определены основные направления дальнейшего изучения процессов этого строительства, намечены наиболее важные, первоочередные проблемы, на решение которых должны быть направлены творческие усилия советских ученых.

Руководствуясь решениями XXII съезда КПСС, координационное совещание рекомендовало вести разработку актуальных вопросов новейшей истории социалистических стран по следующим основным проблемам, определив головные институты, на которые возлагается руководство этой работой:

1. Великая Октябрьская социалистическая революция и развертывание революционного движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы; головной — Институт славяноведения АН СССР; участвуют Институт истории АН СССР, Институт истории АН УССР, Институт истории АН БССР и другие научные учреждения и вузы страны. Работу координирует научный совет по проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция».

2. Антифашистская национально-освободительная борьба трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны. Головной — Институт истории АН УССР с участием Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Института истории АН СССР, Института славяноведения АН СССР, Института истории АН БССР и других научных учреждений и вузов страны.

3. История народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Головная организация — Институт славяноведения АН СССР с участием Института экономики, Института мировой социалистической системы, Института философии АН СССР, а также соответствующих институтов республиканских академий и вузов страны.

4. Узловые проблемы строительства социализма и социалистической культуры в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Головной — Институт славяноведения

АН СССР с участием Института истории, Института экономики мировой социалистической системы, Института этнографии, Института философии, Института истории искусств АН СССР и соответствующих институтов республиканских академий и вузов страны.

5. Государственное строительство и формирование социалистических наций в европейских странах народной демократии. Головной — Институт государства и права АН СССР с участием Института философии АН СССР, Института этнографии АН СССР, научных учреждений и вузов страны.

6. Коммунистические партии, их опыт руководства развитием общества. Головное учреждение — Академия общественных наук при ЦК КПСС с участием Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, научных учреждений и вузов страны.

7. Новые принципы международных отношений внутри социалистической системы. Борьба социалистических стран за мир и мирное сосуществование двух систем. Головной — Институт истории АН СССР с участием Института славяноведения, Института мировой экономики и международных отношений, Института философии АН СССР, научных учреждений и вузов страны.

8. Разработка проблем историографии. Разоблачение современных буржуазных и ревизионистских фальсификаторов истории стран народной демократии. Головная организация — Институт истории АН СССР с участием Института славяноведения и Института этнографии АН СССР, научных учреждений и вузов страны.

Кординационное совещание подчеркнуло, что выполнить важные задачи, стоящие перед историками, изучающими проблемы современности, можно лишь при условии искоренения вредных последствий культа личности, нанесшего исторической науке особенно тяжелый вред. Совещание считает, что неотложной задачей общественных наук является также решительная борьба против всех проявлений ревизионизма и оппортунизма, догматизма и сектантства, разоблачение националистических взглядов и концепций.

Без преодоления догматического мышления, без полного разоблачения и ликвидации до конца вредных последствий культа личности по существу невозможны творческие дерзания и поворот научных исследований к актуальному, практическим проблемам строительства коммунизма и воспитанию нового человека.

М. Я. Салманович

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ ПО ЭТНОГРАФИИ И ФОЛЬКЛОРУ — «ДЕМОС»

«Demos». Volkskundliche Informationen

В 1957 г. по инициативе Института немецкой этнографии Немецкой академии наук в Берлине был основан международный реферативный журнал по вопросам этнографии и фольклористики — «Демос». В журнале участвуют этнографы и фольклористы европейских стран народной демократии и СССР¹. В каждой из этих стран созданы национальные редколлегии журнала². Все вместе они составляют объединенную международную редакцию. Рабочая редакция, возглавляемая доктором Р. Вейнхольдом (ГДР) и доктором Л. Кунцем (ЧССР), находится в Дрездене (ГДР)³.

Журнал выпускается Издательством Немецкой академии наук в Берлине на немецком языке. Начал выходить с 1960 г.: соответственно принятому уставу ежегодно издаются по два выпуска (№ 1 и № 2). Каждый выпуск включает два отдела: «Рефераты» и «Сообщения и хроника».

Отдел «Рефераты» содержит три подраздела: «А» — общий, в котором публикуются библиографические обзоры, сведения об учреждениях и персоналии, методологические, теоретические и историографические статьи, информации о музеях и музейведении и некоторые другие общие сведения. «В» — Нации, национальные, областные и социальные группы; сюда включаются рефераты о работах, посвященных этническим вопросам, а также межнациональным связям. В этом же разделе под рубриками «Старая деревня», «Социалистическая деревня», «Промышленные рабочие», «Прочие группы» публикуются рефераты об этнографических работах, посвященных быту рабочих, крестьян и других социальных групп. Третий и самый обширный подраздел — «С» носит название «Sachgebiete»; в нем реферируются работы по материальной культуре

¹ Соиздателем журнала от Советского Союза является Институт этнографии АН СССР.

² Членами советской национальной редколлегии являются: чл.-корр. АН СССР проф. С. П. Толстов, чл.-корр. АН СССР проф. В. М. Жирмунский, проф. В. Я. Пропп, доктор филол. наук В. Г. Базанов, канд. ист. наук Л. Н. Терентьева, канд. филол. наук В. К. Соколова.

³ До 1962 г. редакция находилась в Берлине.

(под рубриками «Поселения и жилище»; «Труд и хозяйство»; «Транспорт и торговля»; «Пища»; «Ремесло»), по народному искусству, социальным отношениям (общество, право и воспитание, куда входят и рефераты о работах по семье); по народным верованиям, народным знаниям и народной медицине, нравам, обычаям и детским играм. В этот же раздел включаются рефераты на работы по фольклору, народной музыке, танцам и народному языку.

Отдел «Сообщения и хроника» содержит сведения о работе отдельных этнографических учреждений, о конференциях по различным вопросам этнографии и фольклористики, а также юбилейные статьи, посвященные крупным деятелям этнографической науки, и некрологи. Всего в каждом выпуске публикуется от 150 до 200 статей (общим объемом около 9 авт. л.). В соответствии с принятым решением национальные редколлегии реферируют только те публикации, которые издаются в их странах.

Создание международного реферативного органа — журнала «Демос» заслуживает всемерного одобрения. Появление такого журнала сделало возможным систематическую и разностороннюю взаимную информацию этнографов и фольклористов европейских стран народной демократии и СССР о проводимых исследованиях. Совместная работа в составе объединенной редколлегии представителей этнографических и фольклорных учреждений благоприятно сказалась на укреплении научных контактов и дружественных связей.

Журнал получил положительную оценку этнографов и фольклористов СССР, а также в зарубежной прессе.

Осенью 1961 г. в Институте этнографии АН СССР состоялось объединенное заседание секторов, работающих по европейской тематике, на котором обсуждались структура и профиль журнала «Демос», а также деятельность национальной советской редколлегии. Участники заседания одобрили издание журнала, необходимость в котором давно назрела. Все согласились, что нужно сохранить его реферативный профиль, а большинство высказалось за то, чтобы и территориально журнал охватывал только работы по Европе.

На совещании были высказаны и некоторые критические замечания, они касались, например, структуры подраздела «С» (Sachgebiete). Вносились предложения о целесообразности разделения этого подраздела на три части, в одной из которых освещались бы вопросы хозяйства и материальной культуры, во второй — вопросы семьи, общественной жизни и идеологии, в третьей — вопросы фольклора.

Было также внесено предложение о реферировании работ по этнической статистике и картографии, высказывались пожелания помещать в конце 2-го выпуска каждого года полный библиографический список работ ведущих этнографических и фольклорных учреждений стран-издателей за истекший год.

Из отзывов, опубликованных в зарубежной прессе как европейских стран народной демократии, так и ряда капиталистических стран (США, Англии, ФРГ, Франции, Австрии, Швейцарии и др.), укажем прежде всего на оценку, данному журналу одним из старейших этнографов Австрии Л. Шмидтом, отметившим значение «Демоса» как органа, который знакомит читателей с новым направлением в этнографических исследованиях в европейских странах народной демократии⁴.

Крупный венгерский этнограф профессор университета Бела Гунда характеризует «Демос» как орган, «который необходим для всех ученых, занимающихся этнографическими проблемами Европы».

Проф. Вильдхабер (Швейцария), оценивая в целом положительно издание «Демоса»⁵, отмечает неполноту публикаций по ряду стран (в частности — отсутствие рефератов на некоторые важные работы по этнографии болгар)⁶.

Доктор Гур (ГДР), давая положительную оценку журналу, высказывает пожелание об освещении проблем общей этнографии, а также о выделении специальной рубрики «Семья»⁷.

Об интересе к журналу свидетельствует и то, что его абонируют почти во всех странах Западной Европы и в США.

Ознакомим коротко с содержанием уже опубликованных выпусков журнала (1-го и 2-го выпусков за 1960 г. и 1-го выпуска за 1961 г.). В них преобладают статьи чехословацких этнографов и фольклористов (224 из 532 статей), второе место по числу рефератов занимает Венгрия (87), затем идут Болгария (77), Румыния (61). Значительно меньше статей в этих выпусках из ГДР (35), Польши (27) и особенно мало из СССР (21 статья, при этом только по фольклорной тематике)⁸.

Такое неравномерное поступление статей объясняется главным образом разной степенью активности национальных редакций. Во всяком случае только этим обусловлено запоздание с реферированием работ этнографов из СССР. В данной связи заслу-

⁴ «Österreichische Zeitschrift für Volkskunde», Wien, 1961, вып. 1, стр. 66.

⁵ «Schweizerisches Archiv für Volkskunde», Basel, 1960, вып. 4, стр. 27—28.

⁶ Там же, 1961, вып. 1, стр. 50.

⁷ «Ethnographisch-archäologische Zeitschrift», Berlin, 1961, вып. 1, стр. 85—86.

⁸ Публикация рефератов из СССР на этнографические темы начинается с первого выпуска журнала за 1962 г.

живает самой высокой оценки активная деятельность национальной редакции ЧССР, обеспечившей такое широкое ознакомление с фольклорными и этнографическими работами по Чехословакии. Малое число публикаций из ГДР можно, по-видимому, объяснить тем, что значительная часть работ немецких этнографов публикуется и рецензируется в «Ежегоднике» Института немецкой этнографии⁹. Нам кажется, что несмотря на это было бы целесообразно все работы, выходящие в ГДР, реферировать в журнале «Демос».

Сопоставление публикаций за 1960 и 1961 гг. свидетельствует об увеличении поступления материалов из отдельных стран. Так, если в выпусках 1960 г., почти отсутствовали статьи из Румынии и СССР¹⁰, то в 1-м выпуске 1961 г. публикуется уже 60 статей из Румынии и 19 из СССР.

О разносторонности содержания журнала можно составить представление уже по его рубрикации. Он охватывает почти все стороны этнографической и фольклорной проблематики. Наибольшее место занимают рефераты на работы по материальной культуре, особенно по одежде (74 статьи) и по поселениям и жилищам (35 статей). При этом подавляющая часть статей характеризует крестьянскую культуру. Значительно число публикаций по фольклористике (175 статей), особенно по народным песням, танцам и музыке.

Подавляющее большинство рефератов знакомит с работами, посвященными различным вопросам из области исторической этнографии и традиционного фольклора. Рефератов о работах, отражающих современные процессы в культуре, быту, общественной жизни и идеологии народов социалистических стран Европы пока опубликовано очень мало¹¹. Мало также рефератов (всего 11) по общетеоретическим работам, при этом большинство из них представляет собой хроникальные заметки о тех или иных конференциях, на которых обсуждался общетеоретические вопросы. Часть рефератов знакомит с методикой полевых этнографических исследований.

Указанное соотношение тематики реферируемых работ в значительной мере отражает недавнее состояние этнографических и фольклорных исследований в европейских странах народной демократии. Этнографическим учреждениям этих стран после установления строя народной демократии пришлось преодолевать, как в свое время и этнографам СССР, традиции старых этнографических школ, для которых была характерна ориентация кадров этнографов и фольклористов на изучение вопросов далекого прошлого. Основные исследования ограничивались областью материальной культуры и фольклора, при этом они проводились только в крестьянской среде. Характерным для исследований того времени была крайняя узость тематики и незначительное число капитальных обобщающих работ.

За последние годы коллективами этнографов и фольклористов социалистических стран Европы проделана значительная работа по перестройке методологии и проблематики исследований. Большинство этнографических учреждений этих стран начала разработка тем, раскрывающих процессы социалистических преобразований культуры и быта различных социальных групп населения. Наиболее интенсивно, как это можно судить и по содержанию рефератов в «Демосе», проводятся такие исследования в ЧССР.

Вопросы направления работы журнала «Демос» и актуализации тематики реферируемых трудов находятся в центре внимания национальных редколлегий журнала. Они подверглись всестороннему обсуждению и на состоявшемся в ноябре 1961 г. в г. Брно (ЧССР) заседании объединенной международной редколлегии журнала.

Участники заседания пришли к единодушному мнению о необходимости значительного расширения реферирования работ общетеоретического характера по этнографии и фольклористике. При этом было принято решение не ограничиваться реферированием по этой проблематике только тех работ, которые касаются европейских стран. Особое внимание было уделено вопросам реферирования работ, относящихся к наиболее актуальной современной тематике, в том числе работ, отражающих современные этнические процессы в европейских странах народной демократии и в СССР. Члены объединенной редколлегии поддержали предложение национальной редколлегии СССР о реферировании в журнале исследований по этнической статистике и этногеографии, в разработке которых в СССР накоплен большой опыт. Были высказаны пожелания о включении для реферирования этнографических и фольклорных работ по Закавказ-

⁹ «Deutsche Jahrbuch für Volkskunde», Berlin.

¹⁰ Имелись лишь 2 статьи из СССР в разделе «Хроника и сообщения» (в 1-м выпуске 1960 г.) и 1 статья в том же разделе из Румынии (во 2-м выпуске 1960 г.).

¹¹ Так, в 1-м выпуске за 1960 г. помещено семь рефератов о работах, относящихся к изучению современности, из них шесть (пять из Чехословакии и один из Польши) посвящены работам о современном рабочем фольклоре и только одна (из Болгарии) — быту социалистической деревни. Во 2-м выпуске за 1960 г. реферируются четыре работы по современной этнографии — одна из них посвящена быту кооперативной деревни (Венгрия) и три — быту и культуре промышленных рабочих (одна по Чехословакии и две по Венгрии). В 1-м выпуске за 1961 г. опубликовано два реферата о работах по культуре и быту промышленных рабочих (Чехословакия) и три статьи о работах по современному фольклору (СССР).

ским республикам СССР, а также о реферировании работ по антропологии (особенно по этнической антропологии).

На заседании объединенной редколлегии был поднят также вопрос о необходимости ликвидировать имевшую место до настоящего времени диспропорцию в публикациях из отдельных стран. Всеми представителями национальных редколлегий европейских социалистических стран было высказано настоятельное пожелание значительно увеличить (по сравнению с предыдущими выпусками журнала) число рефератов на работы советских этнографов и фольклористов.

Председатель заседания вице-президент Немецкой академии наук в Берлине В. Штейниц, касаясь этого вопроса, подчеркнул, что ожидаемая активизация сотрудничества в журнале советских коллег улучшит идеологическое содержание журнала и окажет благотворное влияние на дальнейшее развитие исследований в области этнографии, антропологии и фольклористики в европейских странах народной демократии.

Этнографы, антропологи и фольклористы СССР, равно как и работники смежных специальностей — историки, искусствоведы, географы, философы — располагают неограниченными возможностями для активного участия в журнале «Демос». Укажем прежде всего центральные институты Академии наук СССР и Министерства культуры СССР: Институт этнографии АН СССР, в котором проблематику по Европейской части СССР и европейским странам народной демократии разрабатывают шесть секторов; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в Ленинграде; Институт истории АН СССР, имеющий сектор европейских стран народной демократии, в планы исследований которого включаются вопросы культурного строительства и национального развития этих стран; Институт славяноведения, где разрабатывается ряд тем, тесно смыкающихся с этнографической проблематикой; Институт философии АН СССР, исследования которого в области социологии имеют много точек соприкосновения с этнографическими исследованиями; Институт географии АН СССР, разрабатывающий в числе других проблем, органически связанных с этнографией, проблемы этногеографии; Институт истории искусств Министерства культуры СССР, в составе которого имеется сектор по искусству народов социалистических стран Европы.

В орбите журнала «Демос» находятся также этнографические, антропологические и фольклорные учреждения девяти республиканских академий наук: Украинской, Белорусской, Молдавской, Грузинской, Армянской, Азербайджанской, Литовской, Латвийской, Эстонской ССР и ряда филиалов Академии наук СССР (Карельского, Коми, Казанского, Башкирского).

В Советском Союзе имеется большое число музеев специально этнографического профиля или исторических и краеведческих музеев, включающих этнографические отделы или имеющих этнографические коллекции. Здесь прежде всего следует назвать Государственный музей этнографии народов СССР Министерства культуры РСФСР в Ленинграде и Государственный исторический музей Министерства культуры СССР в Москве, располагающие богатейшими этнографическими коллекциями по народам СССР и некоторыми материалами по европейским странам народной демократии.

Крупные этнографические музеи есть почти во всех союзных республиках, а краеведческие музеи, имеющие этнографические коллекции, — во всех областях РСФСР и во многих районах других союзных республик.

В журнале «Демос» должна найти отражение деятельность этих музеев, а также научная и педагогическая деятельность в области этнографии, антропологии и фольклористики в вузах нашей страны: Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, имеющем в своем составе кафедры этнографии и фольклора, Вильнюсском государственном университете, имеющем кафедру этнографии, Казанском университете, где сосредоточены квалифицированные кадры этнографов, и некоторых других вузах.

В задачи советской национальной редколлегии входит всемерно популяризировать в своей стране этот ценный журнал и принять все необходимые меры к широкому привлечению к сотрудничеству в нем все названные выше, а также и другие заинтересованные учреждения и вузы.

Некоторые шаги в этом направлении национальной редколлегией предпринимались. В частности, были направлены письма во многие научно-исследовательские институты Советского Союза с предложением сотрудничать в журнале. Из некоторых пунктов получены уже положительные ответы и присланы списки тем, намечаемых ими для реферирования в «Демосе» (из Института истории АН Эстонской ССР, Института истории АН Латвийской ССР, из Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института при Совете Министров Кабардино-Балкарской АССР и др.). Группа рефератов прислана в адрес советской национальной редколлегии Институтами истории АН Эстонской и Латвийской ССР. Значительное число рефератов для следующих выпусков журнала подготовлено или будет готово в ближайшее время в Институте этнографии АН СССР и Институте русской литературы (Пушкинском Доме) АН СССР.

Однако все это можно рассматривать только как начало сотрудничества советских этнографов, антропологов и фольклористов в журнале «Демос», соиздателями которого они являются. Активность советской национальной редколлегии и институтов, выраживших желание сотрудничать в журнале, должна значительно возрасти, с тем чтобы советская тематика заняла в этом журнале подобающее ей место. Это особенно важно теперь, когда этнографы, антропологи и фольклористы Советского Союза активно го-

товятся к предстоящему VII Международному конгрессу антропологов и этнографов, намеченному к проведению в 1964 г. в Москве. Здесь уместно уведомить читателей, что объединенная редколлегия журнала «Демос» выразила свою готовность сообщать на страницах журнала о всех мероприятиях, связанных с подготовкой к конгрессу, а на своем очередном заседании в 1963 г. намерена специально обсудить ряд вопросов, касающихся предстоящего конгресса¹².

Л. Н. Терентьева, Т. Д. Филимонова

НОВЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АКАДЕМИИ НАУК ЭСТОНСКОЙ ССР

Этнографический музей Академии наук Эстонской ССР в гор. Тарту (бывший Эстонский народный музей, основанный в 1909 г.) — единственный в своем роде в республике. Музей обладает богатейшими фондами по этнографии эстонцев, а также других народов СССР и зарубежных стран (всего 63916 экспонатов на 1 января 1962 г.). Музей знакомит посетителей со своими фондами посредством выставок и временных экспозиций, меняемых ежегодно или через два-три года, так как постоянной экспозиции пока нет. Большинство таких экспозиций посвящается той или другой отрасли народного искусства, некоторые — хозяйственным занятиям и быту эстонского народа. Одна выставка знакомила посетителей с образцами народного искусства финно-угорских народов.

В 1961 г., кроме функционирующей уже с 1959 г. экспозиции эстонского народного искусства, в Этнографическом музее открыты были две выставки: о жизни народов Африки и о литовском народном искусстве. Выставка по народам Африки создана на базе фондов Этнографического музея и дополнена некоторыми экспонатами из коллекций Исторического музея АН ЭССР в Таллине и Музея антропологии и этнографии в Ленинграде. Всего было выставлено 145 экспонатов, не считая фотоиллюстраций, карт и объяснительных текстов.

В вводной части экспозиции демонстрировались карта распространения основных языковых семей в Африке и фотоснимки представителей различных антропологических типов, а также материалы по ранней истории материка: карта с указанием местонахождения древних самостоятельных государств в Африке, путей работорговли, данные о захвате и разделе Африки империалистическими государствами, образцы письменности хауса, древнеегипетские статуэтки и пр.

Следующий отдел выставки был посвящен хозяйственным занятиям и быту коренного африканского населения. В витринах были показаны сельскохозяйственные орудия — мотыги, серпы, ножи для срезания бананов и др. Отдельно экспонировались промысловые орудия — верша, жерлица и пр.

и образцы примитивного оружия африканского населения — лук и стрелы, копья, кожаные щиты, мечи, метательные ножи, охотничья дубина. Предметные экспонаты дополнялись фото и акварелями, показывающими применение того или другого орудия труда.

Наглядная рельефная карта, помещенная на отдельном стенде, показывает богатство полезных ископаемых Африки; серия фотоснимков дала представление о развитии промышленности от примитивных железоплавильных печей до современной индустрии, о тяжелом положении африканских рабочих, эксплуатируемых европейскими и американскими компаниями. Другая серия фотоснимков — постройки — показывает типы африканских жилищ — от примитивного шалаша в конголезских лесах до небоскребов

Рис. 1. Скамейка с резным орнаментом.
Камерун

¹² Учреждения и лиц, заинтересованных в сотрудничестве в журнале, просим обращаться в Институт этнографии АН СССР на имя советской национальной редколлегии журнала «Демос».

южноафриканского «белого» населения. В этом же разделе экспонировались образцы домашней утвари и примитивной мебели африканцев, в том числе деревянные резные скамеечки (рис. 1).

В другом разделе выставки посетитель мог знакомиться по фотоснимкам с разными способами ношения народной одежды и украшений, а в витринах видеть их образцы: передники из растительных волокон, ожерелья из разноцветного бисера, бронзовые серьги-спирали огромных размеров, тяжелые железные браслеты, веера, обувь и пр.

Рис. 2. Человеческие фигуры из черного дерева. Конго

Самую ценную часть коллекции африканских экспонатов составляют деревянные и керамические скульптуры — человеческие головы и фигуры. Особенно обращают на себя внимание своей красотой и чистотой отделки фигуры из черного дерева, привезенные из Конго (рис. 2).

В отдельной витрине размещались образцы плетеных изделий — циновки, корзины, раскрашенная посуда из тыквы, музыкальные инструменты (рис. 3), амулеты, танцевальные маски. Произведения африканской музыки на выставке демонстрировались в магнитофонной записи.

Заключительная часть выставки называлась «Африка африканцам!». Центральное место занимала здесь большая многокрасочная рельефная карта, где показаны границы африканских государств, самостоятельных и находящихся еще под колониальным игом. На фотоснимках запечатлены эпизоды борьбы африканцев за независимость, празднества по случаю провозглашения новых государств. Отдельный уголок выставки знакомил с достижениями в области хозяйства и культуры в освобожденных государствах Африки и роль в этом братской помощи Советского Союза и других социалистических стран. В одной витрине экспонировались образцы журналов, выходящих в свободных африканских странах, в другой — изданий, посвященных этнографическим исследованиям по Африке и путевым наблюдениям советских и иностранных ученых.

Лейтмотив всей выставки — утверждение самобытной высокой культуры африканских народов, их права на самостоятельное развитие, без власти «белых» колонизаторов.

В честь XXII съезда КПСС тартуский музей и шяуляйский этнографический музей «Аушра» решили обменяться внеплановыми выставками народного искусства. В мае были открыты выставка эстонского народного искусства в Шяуляе и выставка литовского народного искусства в Тарту. Последняя состояла из двух разделов, пред-

Рис. 3. Музыкальные инструменты африканцев

ставляющих традиционное и современное народное искусство. В первом разделе наиболее интересны богато орнаментированные текстильные изделия (женские народные костюмы, шерстяные одеяла, льняные покрывала, полотенца, пояса и варежки), а также резьба по дереву (жемайтские ажурные дощечки к самопрялкам, палочки, покрытые рельефной сюжетной резьбой, вальки, прялки и вешалки для полотенец; рис. 4). Особый вид литовской резьбы по дереву — народная скульптура. На выставке были представлены сатирическая «Чертова капелла» и ряд старинных скульптур на религиозные темы, довольно реалистически показывающих в то же время жизнь литовских крестьян.

В особой витрине были помещены предметы литовской керамики — ковши, вазы, игрушки (рис. 6), а на стене развешаны акварели, изображающие литовцев в их традиционных костюмах, начиная с середины прошлого века, образцы народной графики, маски, употребляемые на масленичных представлениях.

Второй раздел выставки показывал развитие литовского народного искусства в советский период. И здесь видное место занимает сюжетная резьба по дереву, но изображающая уже сцены труда и повседневной жизни колхозников и рабочих (рис. 5).

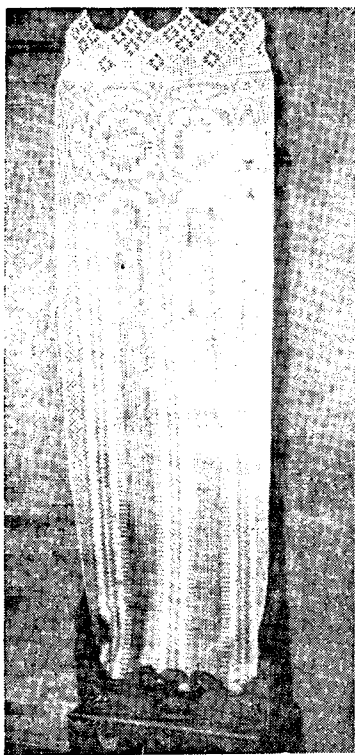

Рис. 4. Полотенце на вешалке.
Литва

Рис. 5. Современная литовская резьба по
дереву

Рис. 6. Литовская керамика XIX—XX вв

Рис. 7. Современная литовская керамика

Для современной литовской керамики характерно сочетание новых форм с традиционной орнаментикой. Вместо старинной, более светлой глазури в настоящее время чаще употребляется коричневый тон (рис. 7).

На выставке экспонировались также образцы современного художественного ткачества — покрывала и комплект женского народного костюма, надеваемого в наше время участниками художественной самодеятельности.

Обе выставки пользовались большим успехом. Кроме жителей г. Тарту, музей ежедневно посещали экскурсии из разных уголков республики, а также туристы из Латвии, Литвы, Ленинграда, Москвы, Пскова и из-за границы.

А. Лутс

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ФОЛЬКЛОР НА СТРАНИЦАХ РУМЫНСКИХ ЖУРНАЛОВ

Изучением фольклора в Румынской Народной Республике занимаются три учреждения: Институт фольклора, основанный в 1949 г. (печатный орган «Фольклорное обозрение»¹), Секция фольклора при Институте истории литературы и фольклора АН РНР (журнал «Статьи и исследования по истории литературы и фольклора»²) и Научное общество исторических и филологических наук (журнал «Язык и литература»³).

Институт фольклора был создан с целью установления единой методологии исследования народного творчества, а также для организации планомерного собирания и изучения фольклора страны. По изучению фольклора национальных меньшинств (венгры, немцы, русские, сербы, болгары, украинцы, словаки, турки, татары и др.) работает отделение института в Клуже.

Задача Института фольклора состоит в собирании и изучении бытующего современного фольклора трех видов: устно-поэтического, музыкального, танцевального. Соответственно в Институте созданы три секции — словесная, музыкальная и хореографическая. При Институте существует богатый фольклорный архив текстов и фонограмм-архив, в который вошли записи из бывших фонограммных архивов Министерства искусств и Общества румынских композиторов. В Институте имеются современная звукозаписывающая аппаратура и киноаппараты. К услугам сотрудников богата специальная библиотека, картотека корреспондентов и исполнителей. В журнале «Фольклорное обозрение», соответственно профилю Института, публикуются в основном исследования по современному народному творчеству, статьи, посвященные отдельным фольклорным жанрам, экспедиционные материалы. Все крупные статьи и исследования резюмируются на русском и английском языках. Очень интересен информационный раздел журнала, периодически сообщающий читателям о фольклористической деятельности в Румынии и за рубежом. В журнале аннотируются и рецензируются фольклорные исследования и книги.

Сотрудники Секции фольклора при Институте истории литературы и фольклора занимаются изучением старинных фольклорных сборников и рукописей, изучают историю румынской фольклористики, заняты проблемой взаимоотношения литературы и фольклора. Фольклорные статьи, помещаемые в журнале Института «Статьи и исследования по истории литературы и фольклора», в основном отражают работу сотрудников секции над этими темами.

В задачи фольклорного отделения Научного общества исторических и филологических наук входит собирание фольклора на местах, публикация исследований о жизни и работе известных фольклористов прошлого (по неизданным документам и материалам), публикация фольклорных исследований, базирующихся на местном материале. Одной из задач Общества является поощрение деятельности фольклористов-любителей.

С самого начала своей деятельности в новых условиях румынские фольклористы поставили перед собой строго определенные задачи: собирание фольклорного материала для создания единого свода румынского фольклора и областных антологий; публикация теоретических работ по фольклору; изучение нового крестьянского и рабочего фольклора, а также процесса преобразования традиционного фольклора в современных условиях; критическое переосмысление деятельности и творчества фольклористов прошлого; составление пособий для научной работы, тематических указателей, библиографий, систематизация всего фольклорного материала; переиздание некоторых фольклорных сборников, ставших трудно доступными⁴.

¹ «Revista de folclor», выходит с 1956 г. (в дальнейшем Rev.).

² «Studii și cercetări de istorie literară și folclor», выходит с 1952 г. (в дальнейшем Studii).

³ «Limba și literatură», выходит с 1955 г. (в дальнейшем Limbă).

⁴ См. информационную статью К. Бэрбулеску (С. Bărbulescu), А. Бушкала (А. Buşcan) и А. Викола (А. Vicol) «Достижения румынской фольклористики за 15 лет со времени освобождения страны» (Rev., 1959, № 1—2, стр. 11—24).

Немногим более десяти лет прошло со времени основания этих учреждений, а румынские ученые могут назвать в числе своих достижений выход в свет многих теоретических исследований, антологий, начало работы по расшифровке всего музыкального материала, выработку системы графической нотации танцев, разработку вопросов общей библиографии по румынскому фольклору.

* * *

СобираТЕЛЬСкая деятельность в стране, впервые предпринятая в начале XIX в., только в наши дни приобрела характер планомерного и широкого движения. В Институте фольклора было принято решение об издании многоотомной серии «Фольклор Румынской Народной Республики», в которой должно быть освещено музыкальное, словесное и хореографическое творчество румынского народа и национальных меньшинств. В работе над антологиями этой серии принимают участие сотрудники всех трех секций этого Института. В 1959 г. вышла первая книга серии «Фольклорная антология района Подурень»⁵.

Для проведения работы по изданию свода румынского фольклора необходима научно поставленная и планомерно проводимая экспедиционная деятельность, основные принципы которой изложены Михаем Попом (M. Pop) в статье «Новая ориентация в фольклорных исследованиях»⁶. Внимание исследователей, пишет автор, привлекает не только фольклор деревни, но и рабочий фольклор; ими изучается не только музыкальный и словесный фольклор, но и танцы, народный театр, пантомима, обряды, обычаи. При этом их интересуют в основном не отдельные факты и произведения, а фольклорные явления и процессы в целом. Записываются также данные по истории и бытованию каждого фольклорного произведения. По всей стране ведутся наблюдения над процессом обновления фольклора и изменениями его характера. Под особым наблюдением находятся индустриальные зоны, бывшие до 1944 г. сельскохозяйственными районами. М. Поп в статье «Несколько замечаний об исследовании современного фольклора»⁷ рассказывает об экспедиции в один из районов нефтяной зоны Олтении, бывший ранее аграрным. Участников этой экспедиции интересовал процесс применения фольклорных традиций в новых условиях жизни народных масс. В результате обследования было установлено активное бытование народного творчества в этой зоне, особенно художественной самодельности, которая признается автором новой формой жизни фольклора. Об экспедиции летом 1959 г. в область, где сельское хозяйство полностью коллективизировано, рассказывается в отчете Е. Черня и В. Д. Николеску (E. Cernea și V. D. Nicolescu) «О первой фольклорной экспедиции в Добруджу»⁸.

Вскоре после установления нового строя в стране, газеты и журналы стали публиковать фольклористические статьи, в которых явления народного творчества рассматривались в связи с социально-политическим и экономическим развитием страны, прослеживалась связь фольклорных произведений с теми социальными группами, где они были записаны⁹. Позднее появились первые теоретические работы нового плана. Из таких работ несомненный интерес представляют статьи сотрудника Института фольклора и главного редактора журнала «Фольклорное обозрение» М. Попа. Первый номер этого журнала открывается его статьей «Проблемы и перспективы нашей фольклористики»¹⁰, в которой дан исторический очерк предшествующей истории румынской фольклористики и намечены перспективы работы фольклористов Института. Новый этап начинается с 1949 г. — со времени основания Института фольклора, когда наряду с изучением крестьянского фольклора начинается планомерное изучение устного творчества румынских рабочих, а также национальных меньшинств и уточняются методы и принципы фольклористических исследований. Далее автор выдвигает требование исторического изучения фольклорных фактов, которое должно быть направлено на раскрытие художественного замысла произведения и его поэтических особенностей, на то, как отражалась в народном творчестве окружающая жизнь в различные периоды культурного развития народа. Автор настаивает также на сравнительном изучении фольклора разных народов. В статье подчеркивается, что одна из важнейших задач исторического изучения фольклора — установление главных этапов его развития, периодизация.

Этой проблеме посвящена и статья сотрудника Института истории литературы и фольклора И. К. Кицимия (I. C. Chițimia) «Проблема датировки и периодизации народной литературы», состоящая из двух частей («Периодизация народного творчества» и «Попытка периодизации фольклорных исследований»)¹¹. В статье говорится о трудности

⁵ «Antologie folclorică din ținutul Padurenilor (Hunedoara)», Editura muzicală a Uniunii Compozitorilor din RPR, București, 1959.

⁶ Rev., 1958, № 4, стр. 7—28.

⁷ Rev., 1959, № 1-2, стр. 56—64.

⁸ Rev., 1959, № 3-4, стр. 49—74.

⁹ В качестве примера можно привести статьи: Д. Корбея (D. Corbea), Отражение борьбы трудящихся масс в народной поэзии, «Contemporanul», 1949, № 166, стр. 5; Б. Танкред (B. Tancred), Новый фольклор в борьбе за мир и социализм, «Almanahul literar», 1950, № 12, стр. 33—43; б/а, Фольклор и действительность, «Contemporanul», 1950, № 173, стр. 8.

¹⁰ Rev., 1956, № 1-2.

¹¹ Studii, 1959, № 1-2, стр. 353—366.

даже невозможности точной датировки фольклорных произведений, в особенности таких, как свадебные песни, колядки, погребальные песни. Иногда же, путем установления исторических соответствий, это возможно (например, отнесение к определенному историческому времени некоторых баллад). Автор подчеркивает, что для румынских фольклористов может быть в этом отношении полезным опыт советских коллег. В частности, хронологизация русского героического эпоса, предложенная В. Я. Проппом, с некоторыми коррективами может быть использована для хронологизации румынского эпоса. Автор намечает во второй части статьи несколько периодов собирательской деятельности в Румынии — начало ее (до 1840-х годов); романтико-революционный период (до 1880-х годов); широкое научное исследование социальной и духовной культуры народа в целом (до начала XX в.); составление региональных монографий в широком масштабе (первые десятилетия XX в.) и, наконец, период со времени установления строя народной демократии, когда утвердилась новая концепция фольклористики и фольклор во всех его проявлениях стал изучаться в специальных научных учреждениях. Использование лучших достижений фольклористов XIX — первой половины XX в. Б. П. Хашдеу, О. Денсушану (В. Р. Hasdeu, O. Densușianu) и новая научная методология обусловили плодотворную деятельность ученых.

В обобщающих теоретических работах, а также в исследованиях, посвященных отдельным жанрам, проявляется настойчивое стремление по-новому подойти к изучению фольклора. Исследователи указывают, что они рассматривают материал с диалектико-материалистических позиций, что начинает изживаться старый взгляд на фольклор как архаическое явление, сохранившееся в отдаленных, глухих районах, главным образом вследствие безграмотности населения. Фольклор рассматривается как явление непреходящее, являющееся отражением жизни, борьбы, надежд народа. Отсюда выдвигается стремление установить на румынском материале сферу и границы понятий коллективности, устности, анонимности в фольклоре. Этому посвящен ряд статей Василе Адэскэлией (V. Adăscălitei): об участии социальных групп в процессе создания фольклора¹², о социальной функции, выполняемой тем или иным фольклорным произведением¹³, о проблеме коллективного и индивидуального в фольклоре. Коллективность он понимает только как сумму индивидуальных действий (поскольку творческий акт длится на протяжении какого-то времени и совершается при участии отдельных лиц, являющихся создателями, хранителями и исполнителями фольклорного произведения). В статье «Об акте фольклорного творчества» автор рассматривает термин «множественное» творчество и определяет его как промежуточную ступень между индивидуальным (единичным) и коллективным (всеобщим). Этот термин был выдвинут в 1920-х годах фольклористом П. Канчелом (P. Cănel) в книге «Происхождение народной поэзии», отметившим, что в акте фольклорного творчества принимает участие не одно лицо, а несколько, причем эти лица должны принадлежать к одной и той же профессии¹⁴. В последнее время это утверждение поддержал также К. Бэрбулеску, говоря о процессе создания новой песни¹⁵.

В. Адэскэлией в статье «Специфические черты фольклорного словесного творчества»¹⁶, касаясь таких черт фольклора, как коллективность, устность, анонимность, пишет, что он не считает два последних признака обязательными для народного творчества. В румынском фольклоре существовали и существуют такие фольклорные виды, которые бытуют и даже создаются письменно (средневековый народный роман; в наши дни — солдатское письмо (?), варианты светского и религиозного театра). Автор приводит в качестве примера неустного способа передачи фольклорные произведения, записанные на граммпластинку или исполняемые по радио¹⁷.

Далее автор, признавая анонимность признаком, еще крепко держащимся в фольклоре, считает, что это связано, во-первых, с коллективностью, а во-вторых, с неслучайной грамотностью масс, и полагает, что ее можно в большой степени устранить путем «культурализации» масс и путем установления (с помощью истории литературы) авторов профессиональных литературных произведений, ставших фольклорными.

Большее внимания отдельной творческой личности — таков лейтмотив нескольких статей, посвященных исследованию творчества наиболее талантливых исполнителей. «Личный вклад носителя лирического фольклора может идти от простого исполнения традиционного фольклора до законченного творчества, когда носитель фольклора создает художественное произведение полностью из новых элементов, выработанных им самим. Между этими двумя крайностями может быть великое множество промежуточных форм, в которых традиция более или менее сочетается с новаторством», — пишет

¹² Rev., 1958, № 4, стр. 29—41.

¹³ Rev., 1959, № 1-2, стр. 25—41.

¹⁴ П. Канчел. *Originea poeziei populare*, București, 1922.

¹⁵ Studii, 1952, № 1-4, стр. 193—220.

¹⁶ Rev., 1960, № 3-4, стр. 11—30.

¹⁷ М. Поп в статье «Новая ориентация в фольклорных исследованиях» (Rev., 1958, № 4, стр. 7—25) также считает, что устность (будучи способом реализации фольклорного произведения) не обязательна для передачи фольклорных произведений; часто они бытуют в печатном или рукописном виде.

Штефания Голопенция (Stefania Golopenția) в статье «Народная поэтесса Вероника Габудян»¹², где речь идет о 20-летней народной поэтессе с ярко выраженной творческой индивидуальностью. Однако, пишет автор далее, ее творчество базируется на песнях родного края. Этим замечанием автор снимает свое утверждение, что Вероника Габудян относится к творческим личностям, создающим якобы художественные произведения полностью из новых элементов.

Вопрос о соотношении традиции и новаторства волнует многих румынских фольклористов. Они пытаются проследить постоянный процесс обновления традиций и появления нового.

М. Поп считает, что в новом фольклоре особенно ярки те стороны, которые отражают социальные изменения на сегодняшний день. Новый фольклор берет от традиционного то, что отвечает содержанию идеалов и стремлений народа. Выражая чувства, идеи, мечты коллектива, народные творцы и исполнители используют при создании новых песен темы, мотивы и средства традиционного фольклора. Традиция и новаторство сосуществуют: старое не исчезает сразу, а новое не появляется вдруг.

Основной жанр нового фольклора — песня. Т. Александри (T. Alexandri) в статье «Народные исполнители» отмечает, что в одном из районов страны (Олтения) в хороводах поют «плясовые песни нового стиля»¹⁹. М. Поп в статье «Несколько замечаний об исследовании современного фольклора» указывает большую роль в утверждении новых форм фольклора профсоюзных клубов, домов культуры, рабочих бригад и т. д.²⁰ Те же вопросы рассматривает Л. Биргу (L. Birgu) в статье «Некоторые вопросы композиции и художественного воплощения в новой поэзии». В новых песнях, указывает он, звучат темы построения социализма в стране, коллективизации на селе, любви к родине, партии²¹. Об агитационном характере новых песен говорится в ряде статей К. Бэрбулеску и П. Карп²². Е. Черня (Eug. Cernea) и В. Николеску (V. Nicolescu) в статье «О первой фольклорной экспедиции в Добруджу» пишут, что такие песни исполняются группой обычно перед слушателями в домах культуры или в трудовых бригадах в коллективных хозяйствах. В статье сделаны некоторые обобщения, касающиеся бытования и исполнения новых песен. Эти песни, пишут авторы, появились на основе традиционных песен социального протеста, гайдучьих и революционных рабочих песен, причем часто используются тексты старых песен, в которых заменяются отдельные строки и добавляются новые. Часто их поют на старые напевы, преимущественно маршевого характера. Обычным стало усвоение песен, услышанных по радио, в домах культуры, в школах. Авторы приходят также к выводу о появлении новых фольклорных жанров, предназначенных для публичного чтения, опубликования в стенгазетах и местных печатных изданиях. Они отмечают большое влияние профессионального творчества на фольклор, что находит выражение в изменении лексики произведений и элементов их поэтической формы.

Одна из важнейших задач, поставленных румынскими фольклористами, — изучение рабочего фольклора. В. Адэскэлищей в одной из своих статей отмечает, что так как рабочий класс Румынии формировался вначале преимущественно из обезземельного крестьянства, то рабочий фольклор «развивался на базе крестьянских идейно-художественных позиций». Позже на рабочий фольклор оказал некоторое влияние фольклор мелкобуржуазной среды. Большое место в традиционном румынском фольклоре занимали революционные песни, однако старая румынская фольклористика пренебрегала этим жанром. Особое внимание современных исследователей должно привлечь, указывается в статье, творчество рабочего класса в период перехода страны от капитализма к социализму²³.

Однако поставленная румынскими фольклористами задача осталась почти неразрешенной, и ни в одном из рецензируемых журналов не встречается сколько-нибудь значительного исследования, посвященного рабочему фольклору. Исключение составляет очерк А. Фоки (A. Fochi) «К исследованию рабочей песни». Он разбирает одну определенную песню (записана в 1936—1937 гг.; один из вариантов опубликован в сборнике «200 песен и дойн») ²⁴, в которой от имени молодого парня, приехавшего из деревни в Бухарест на заработки, рассказывается о капиталистической эксплуатации на фабрике, об отсутствии какой бы то ни было охраны труда, о частых случаях гибели рабочих²⁵. Песня очень лирична, с грустной протяжной мелодией. Автор подметил, что эта песня очень похожа на песни румынских эмигрантов в Америке (1907—1915 гг.) как по содержанию, так и по поэтическим образам. Продолжая сопоставления, он пришел к выводу, что песня родилась в XIX в. в среде эмигрантов. То, что ее бытование было отмечено в 1936—1937 гг., объясняется сходством социально-экономических условий жизни рабочих Румынии в период между двумя мировыми войнами и условий жизни и труда румын-рабочих в Америке. Статья В. Д. Николеску «Из жизни старинной

¹⁸ Rev., 1957, № 1-2, стр. 99—124.

¹⁹ Rev., 1958, № 4, стр. 73—81.

²⁰ Rev., 1959, № 1-2, стр. 57—64.

²¹ Там же, стр. 67—79.

²² Studii, 1952, № 1—4, стр. 193—220 и Rev., 1957, № 1-2.

²³ Rev., 1958, № 4, стр. 29—41.

²⁴ Ch. Ciobanu și V. Nicolescu 200 cîntece și doine. București, 1955.

²⁵ Rev., 1960, № 3-4, стр. 77—97.

рабочей революционной песни» посвящена исследованию нескольких таких песен, сложенных заключенными в тюрьму революционерами в начале XX в. и записанных только в 1960 г.²⁶ Эти песни были в свое время действенным средством воспитания масс и мобилизации их на борьбу против эксплуататоров. Автор устанавливает литературные и музыкальные источники песен, показывая, что они идут от румынской рабочей песни, профессиональной песни и песенного творчества рабочих других народов.

Несколько большее внимание уделяется исследователями революционной рабочей песни. Так, в редакционной статье в журнале, посвященном 40-летию Румынской Коммунистической партии, отмечается, что современное народное творчество растет и крепнет вместе со строительством социализма в стране, что репертуар революционных рабочих песен обогащается как за счет собственно румынского материала, так и применения к специфике страны революционных песен других народов и особенно народов Советского Союза²⁷.

С возникновением Коммунистической партии революционная рабочая песня приобретает идейную четкость, становится спутником коммунистов в их жизни и борьбе. Одной из таких песен посвящен очерк А. Викола «О нескольких вариантах мелодии „Дойна Хашулуй (Дофтана)“», в котором он вскрывает связь любимой песни румынских коммунистов с крестьянским фольклором²⁸. Мелодия этой песни — старинный крестьянский напев, широко распространенный во второй половине XIX в., очень энергичный, выразительный; и это соответствовало драматическому содержанию новой песни. Кроме того, известны варианты этой крестьянской песни с острым социальным содержанием, что также не могло не способствовать ее усвоению в иной, но близкой ей по духу среде. Проследившая дальнейшую жизнь песни, автор отмечает, что в наши дни она значительно изменилась, став радостной и светлой песней строителей новой жизни.

Румынские фольклористы считают художественную самодетельность новым фольклорным явлением, заслуживающим пристального наблюдения. Однако она имеет в стране очень давние традиции (хоры некоторых сел насчитывают 50, 75, 100 лет существования). Хоровые коллективы зарождались в большинстве случаев по инициативе музыкантов-энтузиастов, и в репертуар хоров включались в основном фольклорные произведения. В настоящее время этот репертуар значительно расширился: в него входят и произведения профессиональных авторов как румынских, так и зарубежных. Однако, утверждая румынские фольклористы, это не означает, что художественная самодетельность оторвалась от фольклора. В информационном бюллетене 12-й конференции народной музыки в Синае говорится, что «делом чести каждого хорового ансамбля или оркестра народных инструментов является исполнение народных песен, особенно местных и областных»²⁹.

Флорин Джорджеску (Fl. Georgescu) в статье «Фольклор и художественная самодетельность» анализирует некоторые новые аспекты освоения фольклора в художественной самодетельности в плане словесном, музыкальном и хореографическом, отмечая, что в художественной самодетельности встречаются различные областные стили румынского фольклора, фольклора национальных меньшинств страны, а также устного творчества других стран³⁰. В статьях Т. Александри «Народные исполнители» и А. Викола «Музыкальный фольклор в наших радиопередачах» говорится о необходимости широко пропагандировать подлинно художественные фольклорные произведения, используя радио, телевидение. Ведется также систематизация румынского фольклорного материала (в частности прозы), составляются библиографии. В подробной информации А. Фоки «Проект схемы классификации „Общей библиографии румынского фольклора“»³¹ сообщалось о решении Института фольклора приступить к составлению такой библиографии, охватывающей период с 1800 г. до наших дней. В журнале Института регулярно печатаются годовые библиографические обзоры.

Немалое место в журналах занимают исследования, посвященные отдельным жанрам румынского фольклора — балладе, сказке, песне, дойне, народному театру³².

В работе румынских фольклористов чувствуется стремление по-иному подойти к явлениям фольклора, привлекаям буржуазных ученых. Естественно, что не все эти поиски немедленно увенчиваются положительными результатами, не со всеми теоретическими положениями румынских ученых можно согласиться полностью. Тем не менее в социалистической Румынии существует новая концепция народного творчества, в определенной мере, как отмечают сами румынские ученые, сложившаяся в научном контакте с советскими фольклористами. Вскоре после выхода в свет программной записки «Проблемы изучения народно-поэтического творчества»³³ в Институте фольклора было

²⁶ Rev., 1961, № 1-2, стр. 12—13

²⁷ Там же, стр. 7—10.

²⁸ Там же, стр. 81—93.

²⁹ Информационный бюллетень Румынского национального комитета 12-й конференции МСНМ. Бухарест, 1959.

³⁰ Rev., 1959, № 1-2, стр. 97—111.

³¹ Rev., 1960, № 1-2, стр. 140—150.

³² См. наш обзор «О жанрах в румынском фольклоре» (Сб. «Русская народная поэзия. Фольклористические записки», вып. 2, Горький, 1962). — *М. Б. Мамо.*

³³ «Изв. АН СССР», Серия литературы и языка, т. XVIII, вып. 6.

проведно ее обсуждение, участники которого отмечали, что задачи, выдвинутые советскими учеными, стоят и перед румынскими фольклористами, а достижения советской науки творчески используются фольклористикой Румынии³⁴.

Т. Орнатская

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ МАЛИ

За последние годы значительно увеличилось число исторических работ, посвященных Африке. Наряду с европейскими и американскими учеными, все больший вклад в изучение различных проблем политической, экономической и культурной истории народов африканского континента, в частности народов Западной Африки, делают сами африканцы. Среди исследований африканских ученых большой интерес представляет серия работ гвинейского историка Джибрила Тамсира Нианя о крупнейшем из средневековых государств Западной Африки — Мали¹.

Эта тема, давно привлекавшая внимание африканистов, до сих пор оставляет широкий простор для исследования, хотя анализ некоторых ее сторон в трудах М. Деллафосса и Ш. Монтея может считаться образцовым. Тем приятнее отметить, что гвинейскому автору удалось существенно дополнить, а в некоторых случаях и исправить то, что было сделано его предшественниками.

Работы Д. Т. Нианя ценны прежде всего в источниковедческом отношении. Им впервые опубликован перевод полной записи эпической поэмы о Сундиате². Отсутствие полных записей эпических сказаний народов Западной Африки серьезно затрудняет воссоздание подлинной картины исторического развития этого огромного района. С выходом в свет книги Нианя этот пробел в известной степени восполнен. Во введении автор, говоря о высокой ценности хранимых гриотами исторических преданий, подчеркивает, что изучение этих преданий должно возбудить интерес африканцев к истории своих народов и гордость за нее. Такой подход к изучению эпического устного творчества народов Африки сам по себе может рассматриваться как знамение времени.

Содержание версии гриота Мамаду Куйате из селения Джелиба Коро (р-н Сигири), легшее в основу записи Нианя, довольно сильно расходится с версией М. Деллафосса³. Гораздо ближе оно к варианту, рассмотренному Ж. Видалем⁴, хотя и здесь мы встречаем значительные расхождения.

В целом запись Нианя отличается большим реализмом в описании политической и военной стороны событий по сравнению с версиями Видаля и Деллафосса. Конечно, и у Нианя немалое место занимает чудесный элемент. Но не случайно именно рассказы о военной и политической деятельности Сундиаты более всего уточняют и дополняют наши сведения о деятельности национального героя мандингов. Это относится в первую очередь к сообщению о великом собрании подданных и союзников Сундиаты в Куруканфуге⁵. Это отсутствующее и у Видаля, и у Деллафосса сообщение имеет первостепенную важность, ибо показывает, насколько сильным было влияние норм родового строя на структуру мандингского государства. Запись Нианя сообщает и другую, очень характерную деталь. Через год после собрания в Куруканфуге Сундиата созвал новое собрание в Ниани; на сей раз приглашены были только вассальные правители и высшие чины государства, с которыми и обсуждались важнейшие государственные дела. Такие советы затем стали проводиться ежегодно⁶. Здесь мы видим расширение роли и влияния знати, которая начала отселяться на задний план рядовых соплеменников. Этот же отрывок показывает, как много делал Сундиата для укрепления экономического могущества мандингской знати⁷.

История Мали при преемниках Сундиаты в очень большой степени определялась именно тем характером объединения множества полунезависимых владений, который государство получило в результате собрания в Куруканфуге. Показательно, что всего через год после этого «учредительного собрания» в записи Нианя упоминается о мерах, принятых Сундиатой против Факоли Корома, бывшего всю войну верным вассалом и

³⁴ Адриан Викал, Советские материалы на обсуждении научного коллектива института, Rev., 1960, № 1-2, стр. 153.

¹ Dj. T. Niane, Recherches sur l'empire du Mali au Moyen Age, «Recherches Africaines», 1959, № 1—4 (далее — Recherches, I), стр. 35—46; «Recherches Africaines», 1960, № 1 (далее — Recherches, II), стр. 17—36; его же, Soundjata ou l'épopée mandingue, Paris, 1960 (далее — Soundjata); его же, Mise en place des populations de la Haute Guinée, «Recherches Africaines», 1960, № 2, стр. 40—53.

² Мы оставляем здесь более распространенное в научной литературе название «Сундиата», хотя запись Нианя дает форму «Сунджата».

³ M. Delafosse, Haut-Senegal — Niger (Soudan Français), II. Paris, 1912, стр. 177—183.

⁴ J. Vidal, La légende officielle de Soundjata, fondateur de l'Empire Manding, «Bulletin du Comité des Études Historiques et Scientifiques de l'Afrique Occidentale Française» (далее BCEHS), VII, 1924, стр. 317—328.

⁵ Soundjata, стр. 134—143; Recherches, II, стр. 23.

⁶ Soundjata, стр. 147—148.

⁷ Там же, стр. 142—143.

союзником мандингского правителя, но после победы проявившего тенденцию к слишком большой самостоятельности⁸.

Большой интерес представляет и описание битвы при Канкинье, где Сундиата потерпел поражение от Сумаоро Канте⁹. Другие варианты сказания о Сундиате относят это поражение ко времени правления мансы Данкаран Тумана, предшественника Сундиаты¹⁰. Любопытно, что рассказ Мамаду Куйате совершенно свободен от попытки сделать Сундиату непобедимым военачальником.

Следует остановиться и на чисто литературных достоинствах публикации Нианя. Перевод очень хорошо передает поэтическую сторону эпоса — яркость образов, богатство и красочность описаний, а главное — горячую любовь сказителя к своей стране, его гордость подвигами древних героев. В этом отношении наиболее характерны две последние главы книги — «Ниани» и «Вечный Мандинг»¹¹.

Очень полезна работа, проделанная гвинейским исследователем по сопоставлению устной исторической традиции малинке с данными арабоязычных историков, в первую очередь — Ибн Халдуна. Нианю удалось достаточно убедительно идентифицировать большинство упоминаемых Ибн Халдуном преемников Сундиаты с теми правителями, чьи имена сохранили рассказы гриотов¹². Анализ этих имен обнаруживает теснейшую связь внешне исламизированной верхушки мандингского общества с доисламскими верованиями и традициями; характер последних очень хорошо иллюстрируется, например, сказанием о Сундиате¹³. Точно так же идентифицированы и правители, упоминаемые португальскими авторами конца XV — начала XVI в.¹⁴ Такая работа проделана впервые, хотя многими учеными неоднократно отмечались ценность и значение устной мандингской традиции.

Исследование истории заселения малинке Верхней Гвинеи также проведено на основе записей рассказов гриотов местностей Хамана и Диома. Ниань достаточно обоснованно отмечает, что начало сложения крупного массива малинкеязычного населения в районе Курусса — Канкан — Сигири должно датироваться началом XV в. Этот процесс завершился не ранее XVII в., когда был окончательно занят район Канкана¹⁵. Обращает на себя внимание упоминание традицией в качестве основного населения района нынешних Канкана и Куруссы в XIII—XIV вв. «маленьких людей» наряду с бамбара¹⁶. Трудно, конечно, определенно сказать, о какой именно этнической группе идет речь. Во всяком случае это может служить лишним напоминанием о том, сколь ценной могла бы оказаться при внимательном изучении устная историческая традиция мандингских народов для воссоздания картины этногенеза Западной Африки. Не случайно Ниань использует именно этот источник при рассмотрении происхождения народности сусу¹⁷. Вопрос этот сам по себе достаточно сложен и, по-видимому, заслуживает специального исследования. Тем не менее доводы автора, подкрепленные ссылкой на «Esmeraldo de Situ Orbis» Дуарти Пачеку Перейры, кажутся довольно убедительными.

Менее удачна та часть работы Нианя по истории Мали, где рассматривается период после смерти Сундиаты — правления его преемников, в особенности мансы Мусы I. Именно к этим главам относятся в основном наши критические замечания.

Эта часть работы написана главным образом на основании исследований М. Деллафосса. Мы отнюдь не собираемся умалять заслуги этого крупнейшего исследователя языков, истории и культуры Западной Африки. Но едва ли справедливо обходит Ниань труды Ш. Монтей, в частности — его капитальную монографию по истории средневекового Мали. На эту книгу у Нианя всего две ссылки по незначительным поводам. Между тем Монтей в ряде случаев серьезно исправил и дополнил Деллафосса. Обратимся к примерам.

Ниань без возражений принимает предложенную Деллафоссом датировку подчинения Гао и прилегающих к нему районов 1324 г. Эта датировка основана на сообщении Ибн Халдуна о походе на Гао полководца Мусы I, по имени Сагаманджа. Однако Монтей убедительно доказал, что подчинение Гао, как и бегство сонгайских царевичей-заточников относятся к правлениям трех первых преемников Сундиаты и во всяком случае не позднее чем к 1275 г.¹⁸ Рассказ Ибн Халдуна о походе Сагаманджи не подтверждается другими источниками, и даже имя этого полководца нигде более не встречается. Впрочем, сам Ибн Халдун говорит и о походе на Гао уже Сакуры, правившего в 1285—1300 гг. Ниань это противоречие отметил¹⁹, но все же предпочел следовать за Деллафоссом.

Точно так же правление Мусы I Деллафосс, а за ним и Ниань датируют 1307—1332 гг. Монтей обратил внимание на то, что Ибн Халдун в данном случае противоре-

⁸ Soundjata, стр. 148.

⁹ Soundjata, стр. 99—100; Recherches, II, стр. 19—20.

¹⁰ Ch. Monteil, Les Empires du Mali, BCEHS, XII, 1929, стр. 291—443.

¹¹ Soundjata, стр. 144—153.

¹² Recherches, I, стр. 43—46; II, стр. 22.

¹³ Recherches, I, стр. 39—40; Soundjata, стр. 16—17, 50—55.

¹⁴ Recherches, II, стр. 32—33; Mise en place des populations..., стр. 43—48.

¹⁵ Mise en place des populations..., стр. 42—48.

¹⁶ Там же, стр. 44.

¹⁷ Recherches, II, стр. 23.

¹⁸ Ch. Monteil, указ. раб., стр. 365.

¹⁹ Recherches, II, стр. 25.

чит сам себе, рассказывая о поздравлении Мусы маринидскому султану Марокко Абу-л-Хасану по случаю победы под Тлемсеном, которая датируется совершенно определенно: 1 мая 1337 г. Поэтому Монтей и предложил сдвинуть на пять лет дату правления Мусы I. Заметим, что сам Ниань отмечает необоснованность многих датировок Делафосса²⁰.

Как и Делафосс, Ниань преувеличивает роль Мусы I в распространении ислама в Западном Судане, делая его чуть ли не пионером исламизации²¹. В действительности же ислам начал распространяться среди мандингского населения гораздо раньше. В частности, рассказ ал-Бакри об обращении в ислам правителя Мали говорит о событиях XI в.²² Справедливо говоря о «политическом характере» ислама Мусы I²³, автор делает это мимоходом, не пытаясь определить причины такого явления. Но ведь Монтей ясно показал некоторые из этих причин как в монографии о Мали, так и в небольшой статье о роли иностранцев в средневековом Мали²⁴. Нельзя согласиться и с тем, что только с правления мансы Мусы I в Западном Судане начали внедряться постройки, имевшие квадратный или прямоугольный план²⁵. Раскопки городища Кумби Сале, столицы средневековой Ганы, произведенные Р. Мони и П. Томасом, обнаружили немало таких построек из обожженного кирпича, восходящих к X—XII вв.²⁶

Очевидно, влиянием Делафосса объясняется и то, что Ниань не попытался подвергнуть исследованию социально-экономические условия, существовавшие в средневековом Мали, ограничившись пересказом сообщений ал-Омари, Ибн Баттуты и Махмуда Кати об обычаях и церемониале мандингского двора. Даже говоря о земельных пожалованиях при дворе Мусы I, автор просто пересказывает примечание переводчика ал-Омари. Это примечание отмечает только употребление в арабском тексте термина «икта»²⁷. Для арабиста Годефруа-Демомбина этот отрывок не представлял особого интереса. Но для исследователя истории Мали сопоставление этого сообщения ал-Омари с рассказом о раздаче Сундиатой владений на поле Куруканфути²⁸ сразу делает весьма сомнительным тезис Нианя о том, что земельные пожалования служили проявлением «внешних форм» мусульманского двора XIV в., введенных впервые мансой Мусой I²⁹.

Приходится отметить, что далеко не все письменные источники, содержащие сведения по истории Мали, были автором приняты во внимание. В самом деле, из арабоязычных авторов мы встречаем ссылки только на переводы «Тарих аль-Фатташ», «Истории берберов» Ибн Халдуна, географического труда ал-Омари и «Рихлы» Ибн Баттуты. В то же время «Ал-Мукаддима» Ибн Халдуна и «Ат-Тариф би-л-мусталах аш-шариф» ал-Омари остались за пределами внимания Нианя, так же как и сочинения ал-Бакри, ал-Идриси, ал-Макризи и даже «Тарих ас-Судан» Абд ар-Рахмана ас-Сади.

Этот упрек относится в равной мере и к использованной европейскими источниками. Из них использованы только труды Валентина Фернандиша и Дуарти Пачеку Перейры в переводах соответственно 1951 и 1953 гг.; при этом первая часть записки Фернандиша, издание и перевод которой вышли в свет в 1938 г.³⁰, осталась неучтенной. Не использованы материалы Барруша, хотя имя мансы Уле II, правившего в первой половине XV в. и упоминаемого Нианем³¹, известно нам только через этого португальского историка (в форме «Manzugul»). Из поля зрения гвинейского автора выпали такие интересные источники, как труды Гомиша Эанниша де Азураури, Альвизе да Мосто, Диогу Гомиша, Алвариша д'Алмады. Та же участь постигла и Льва Африканского.

Перечисленные выше недостатки, конечно, снижают научную ценность рецензируемых работ, но они не умаляют основной заслуги автора — введения в научный обиход первой полной записи эпоса о Сундиате и плодотворного опыта сопоставления и взаимной проверки данных устной исторической традиции и письменных источников по истории средневекового мандингского государства. В целом работы Джибрила Тамсира Нианя заслуживают самого внимательного изучения со стороны советских исследователей.

Л. Куббель

²⁰ Recherches, II, стр. 25.

²¹ Там же, стр. 26—29.

²² «Description de l'Afrique septentrionale par Abou Obeid el-Bekris», Texte arabe revue sur quatre manuscrit et publié par le Baron Mac Guckin De Slane, Alger, 1857, стр. 175.

²³ Recherches, II, стр. 29.

²⁴ Ch. Monteil. L'oeuvre des étrangers dans l'Empire soudanais du Mali, «Revue des Études Islamiques», 1929, cahier II; стр. 227—235.

²⁵ Recherches, II, стр. 27.

²⁶ См.: P. Thomassey et R. Mauny, Campagne des fouilles de 1950 à Koumbi Saleh (Ghana?), «Bulletin de l'Institut Français de l'Afrique Noire», XVIII, 1956, стр. 117—140.

²⁷ Ibn Fadl Allah al-Omari, Masalik el absar fi mamalik, eh amsar, I, L'Afrique moins l'Égypte, Traduit et annoté avec une introduction et 5 cartes par Gaudetroy-Demembynes, Paris, 1927.

²⁸ Soundjata, стр. 141—143.

²⁹ Recherches, II, стр. 28.

³⁰ P. Cénival et Th. Monod. Description de la Côte d'Afrique de Ceuta au Sénégal par Valentin Fernandes (1506—1507). «Publications du Comité Études Historiques et Scientifiques de l'Afrique Occidentale Française», série A, № 6, Paris, 1938.

³¹ Recherches, II, стр. 33.

НАРОДЫ СССР

1. Лавров. В. І. *Ленін в українській народній поетичній творчості* Київ, 1961.

Образ В. И. Ленина — гениального создателя социалистического государства, Коммунистической партии Советского Союза — занял выдающееся место в устной поэзии народов СССР. Представители разных национальностей вновь и вновь обращаются к образу любимого вождя, для его воссоздания подбирают самые теплые и проникновенные слова, используя при этом богатейшую поэтическую сокровищницу традиционной и современной народной поэзии.

А. М. Горький на Первом съезде советских писателей говорил, что «фольклор в наши дни возвел Владимира Ленина на высоту мифического героя древности, равного Прометею»¹. И это не было преувеличением. В народной поэзии нет другого образа, который так волновал бы народное воображение, которому было бы посвящено столько произведений самых различных жанров; в них советские люди воплощают черты самого дорогого человека — великого и в то же время такого простого и человеческого.

Собрать все, что народ поет и рассказывает о своем вожде, бережно отобрать из огромной массы произведений самое лучшее, высокопоэтическое и сделать его достоянием широкого круга советских читателей — труд большой, кропотливый, но в высшей степени благодарный.

Именно такую работу проделал украинский фольклорист Ф. И. Лавров, выпустивший сборник «В. І. Ленін в українській народній поетичній творчості».

Для публикации составитель отобрал лучшие песни, легенды, сказки, предания, устные рассказы, думы, частушки, пословицы и поговорки, стихотворения самодеятельных рабочих и колхозных поэтов.

Ленин в народной поэзии — самый умный, ясновидящий человек, он отыскивает правду и справедливость, спрятанные угнетателями; по его призыву и указанию трудящиеся массы, долго блуждавшие в потемках, поднимаются на великую борьбу за свое освобождение от гнета помещиков и капиталистов.

Наряду с произведениями, непосредственно воссоздающими образ Ильича, в сборник включены также песни, частушки и произведения других жанров, в которых отображено воплощение в жизнь ленинских идей, дан образ детища В. И. Ленина — Коммунистической партии Советского Союза.

Украинский народ в своем творчестве выразил твердую уверенность в том, что Коммунистическая партия Советского Союза, следуя заветам Ильича, приведет народ к коммунизму:

Сонце партії не згасне,
Його ж Ленін засвітив,
Комунізму дні прекрасні
Вже пабачили, друже, ти!

(стр. 213)

Произведения отобраны в основном удачно. Они показывают разнообразие идей и тем народной поэзии, богатство ее художественно-изобразительных средств.

Правда, этот отбор не всегда достаточно тщателен. В сборник включено несколько произведений, отразивших культ личности Сталина. Нельзя также считать целесообразным наличие в сборнике слабого произведения kobзаря В. Перепелюка «Пісня будівників в Хрещатика» (стр. 163) и отсутствие в нем хотя бы отрывков замечательной «Думи про трьох братів».

Сборнику предпослана вступительная статья составителя Ф. И. Лаврова «З глибини серця», раскрывающая идейно-тематические и художественные особенности публикуемых произведений.

Б. Кирдан

Л. Н. Терентьева. Колхозное крестьянство Латвии (*Историко-этнографическая монография по материалам колхозов Екабпилсского района Латвийской ССР*). Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. серия, т. LIX, М., 1960, стр. 370.

История многонационального крестьянства СССР, в особенности история крестьянства в советский период, — большая и еще далеко не разработанная тема. Исследование ее в целом крайне затруднительно. Очевидно, необходимо предварительно изучить историю крестьянства отдельных национальных республик, а также областей и районов. В самом деле, исторический путь среднеазиатского, кавказского, прибалтийского, сибирского крестьянства имел значительные особенности по сравнению с историей крестьянства центральных областей России или Украины. Сказались конкретная историческая обстановка, особенности хозяйства, культуры, быта и т. п.

К сожалению, работ, посвященных истории отдельных больших национальных или локальных групп крестьянства, очень мало. Многие из них страдают уклоном в область социологии, тогда как история крестьянства — сложная проблема и должна решаться комплексным историко-этнографическим методом.

¹ М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 27, М., 1953, стр. 312.

Работа Л. Н. Терентьевой, освещающая историю латышского крестьянства на протяжении последних почти ста лет, особенно тщательно — историю колхозного крестьянства, процессов изменения быта, материальной и духовной культуры в советское время, является значительным вкладом в историю крестьянства нашей страны.

Работа построена на основе как исторических источников, так и на специфически этнографических материалах. Автором привлечено большое количество неопубликованных документальных материалов — контракты, договоры об аренде, данные официальных обследований положения латышского крестьянства, статистические сведения и т. д.; наряду с этим широко использованы материалы, рисующие изменения в землепользовании, постепенную эволюцию сельскохозяйственных орудий, типов жилищ, форм одежды и утвари, видов пищи и, наконец, данные, отражающие преобразования в области духовной культуры и идеологии. Благодаря этому автору удалось весьма обстоятельно и всесторонне проследить процесс изменения жизни и быта непосредственных производителей материальных благ, что часто остается вне поля зрения историков, не владеющих этнографическим материалом. Следует отметить, что Л. Н. Терентьева провела огромную работу по сбору полевых этнографических данных. Введение их в научный оборот само по себе является значительной заслугой автора.

Оригинально и построение монографии: она состоит из шести глав, но фактически делится на три раздела, соответствующие трем значительным периодам в жизни латышского крестьянства: конец XIX — начало XX в. в составе царской России (гл. I), короткий отрезок времени существования советской власти 1918—1919 гг. и годы буржуазной диктатуры 1920—1940 (гл. II); следующие четыре главы посвящены советскому периоду. В каждом из трех разделов автор последовательно и детально рассматривает социально-экономические явления, а также культуру, быт и сознание крестьянства, что позволило проследить процесс изменения положения латышских крестьян на протяжении значительного отрезка времени.

При таком углубленном подходе к теме, широком использовании разнообразных источников автору, естественно, пришлось ограничить привлекаемый материал. В качестве основного объекта исследования Л. Н. Терентьевой взят один из районов Латвийской ССР — Екабпилский район. Однако автор постоянно выходит за рамки этой территории и привлекает сравнительные материалы по другим районам Латвии и по республике в целом, в особенности часто в главах II и IV.

Нет необходимости пересказывать работу. Представление о богатом содержании книги может дать даже беглый перечень затронутых в ней тем. Автор рассматривает экономику и культуру латышской деревни в прошлом, подробно описывает мероприятия, проведенные в Латвии под руководством Коммунистической партии в декабре 1918 — марте 1919 г., в период восстановления советской власти (1940 г.) и в особенности детально разрабатывает тему социалистического переустройства в послевоенные годы (история создания колхозов, развитие их экономики, переселение с хуторов в колхозные поселки, преобразование домашнего и семейного быта, подъем культуры, особенности общественной жизни колхозного села и т. д.). Книга богато иллюстрирована фотографиями орудий труда, одежды и утвари, даны карты, схемы землепользования, планы построек и т. д.

Насколько углубленным является исследование, можно судить по разработке отдельных вопросов. Остановимся для примера на разделе «Семья».

На основе большого фактического полевого материала автор раскрывает те огромные изменения, которые произошли в условиях бурного развития капитализма (конец XIX — начало XX в.) во внутреннем строе семьи, во всем семейном укладе латышского крестьянства. Весь строй господствовавших в этот период семейных взаимоотношений определялся имущественными интересами — правом того или другого члена семьи на собственность. От этого зависели взаимоотношения между родителями и детьми, братьями и сестрами, мужем и женой, определялось неравноправное положение в семье невестки и зятя (примак). В высшей степени интересны приведенные в книге юридические документы — образцы письменных контрактов, заключавшихся между вступившим в наследство сыном и передающим свои права на имущество отцом, в которых до мельчайших подробностей оговаривались обязанности первого в отношении родителей и сестер. Заключение подобных контрактов стало нормой семейных взаимоотношений, ибо отсутствие их нередко ставило потерявших трудоспособность родителей в крайне тяжелое положение и приводило к частым судебным тяжбам. Разлагающее влияние капитализма на семью сказалось в ряде других характерных явлений: малодетности и бездетности, большом количестве внебрачных детей, высоком брачном возрасте, большом числе одиноких людей и т. д. Сопоставление этих данных с социально-экономическими группировками латышского крестьянства позволяло автору социально осмыслить эти явления и правильно их интерпретировать (стр. 80—84).

Проследившая дальнейший ход развития крестьянской семьи, автор показывает, как в условиях буржуазной диктатуры (1920—1940 гг.) еще резче определились все эти отрицательные черты внутрисемейного строя. Это выразилось в дальнейшем падении численности семьи; определяющим фактором всех родственных взаимоотношений все более становился расчет. Браки заключались почти исключительно между людьми одной социальной прослойки.

В свете этих материалов особенно разительными становятся те изменения, которые произошли в семье и семейном быту латышского крестьянства в условиях нового, со-

циалистического строя. В разработке этой проблемы самым положительным образом сказался примененный исследовательницей метод посемейного анкетного обследования позволивший не только отчетливо вскрыть современное состояние семьи, то новое, прогрессивное, что в ней развивается, но и выяснить причины наблюдающихся еще многих отрицательных явлений. Данные обследования показали, что в латышской деревне, где колхозный строй утвердился еще сравнительно недавно, крестьянская семья находится в переходной стадии развития. При преобладании новых начал в семейном быту, типичных для социалистического общества, в ней обнаруживается немало еще пережиточных явлений прошлого. Это прежде всего нашло свое отражение в структуре современной семьи и в особенности ее численном составе, малочисленности и малолетности семей. Тем больший интерес представляют приведенные автором материалы, свидетельствующие о существенных сдвигах, произошедших в этом отношении за последние годы. Под влиянием новых условий жизни стал интенсивнее развиваться процесс образования новых семей, значительно снизился брачный возраст, увеличилось число много семейных и т. д. (стр. 306). Все это ярко свидетельствует об укреплении материальной и моральной основы семьи.

В высшей степени интересен материал, характеризующий перестройку сознания прежнего крестьянина-единоличника. Автором хорошо обрисован весь принципиально новый порядок взаимоотношений и хозяйствования в колхозных семьях в связи с новыми правовыми нормами, в частности с утверждением коллективной собственности на имущество колхозного двора (стр. 285). Приведенный в книге материал показывает также, как под воздействием нового общественного сознания меняется весь бытовой уклад семьи, в частности новым содержанием пополняется семейная обрядность. Стремление к созданию новых, лишенных религиозного значения традиций и обрядов — одна из характерных тенденций современного быта, вызванная активным развитием атеизма в латышской деревне. Отсюда и переосмысление старой обрядности (автором показано это на тех изменениях, которые произошли в обрядах, связанных с жизненным циклом человека — рождением, браком, смертью) и формирование на основе лучших традиций прошлого новых обычаев (стр. 346—361).

Таким образом, материалы, связанные с семьей и развитием духовной культуры, ярко свидетельствуют о всесторонней роли колхозного строя в развитии прогрессивных сторон жизни латышской деревни.

Особенно хочется отметить, что на протяжении всей исторической части монографии хорошо показано это исключительно сильное воздействие, которое оказала на различные стороны быта латышского крестьянства его резкая классовая дифференциация.

Автор убедительно раскрывает наличие в буржуазной Латвии «...двух культур, двух идеологий: трудового народа, с одной стороны, эксплуататоров — с другой» (стр. 177), влияние каждой из них на трудящиеся массы (особенно молодежь); характеризует острую идеологическую борьбу этих двух культур, завершившуюся окончательной победой социалистической идеологии и культуры.

В целом автору удалось дать картину экономического и культурного развития латышского крестьянства за ряд последних десятилетий и в особенности в советскую эпоху. Монография Л. Н. Терентьевой значительно расширяет наши представления об истории и этнографии латвийского крестьянства и, на наш взгляд, является удачным примером углубленного комплексного исследования истории крестьянства в СССР. Книга уже получила положительную оценку со стороны украинских («Народна творчість та етнографія», 1961, № 4) и латвийских («Сов. этнографія», 1962, № 1) этнографов. Полностью разделяя эту оценку, мы тем не менее не можем согласиться с некоторыми замечаниями, высказанными в последней из названных рецензий. В частности, Л. Ефремова, М. Слава и Э. Чивкуль считают, что «для лучшего отражения содержания работы автору следовало бы уточнить название монографии, так как привидимый в монографии материал охватывает только колхозы Екабпилского района» (стр. 112). Это пожелание не вполне понятно, так как рецензируемая монография, хотя и содержит широкий сравнительный материал по различным районам Латвии, имеет четко сформулированный ограничительный подзаголовок — «По материалам колхозов Екабпилского района Латвийской ССР». Далее, по мнению рецензентов, в работе слишком большое место занимает материал, относящийся к прошлому. В действительности из шести глав прошлому посвящено две: I — «Селпилские крестьяне в конце XIX — начале XX века» (стр. 11—113) и II «Установление советской власти в Латвии в 1917—1918 гг. Латыши Селпилской и Абельской волостей в годы буржуазной диктатуры» (стр. 114—196). Современности же посвящены четыре главы (стр. 197—365). Но дело не в этих подсчетах. Особенности социалистического строительства в Латвии, в частности конкретные формы хозяйственных и культурно-бытовых преобразований в жизни латышского крестьянства, невозможно правильно понять и оценить без тщательного анализа исторического прошлого латышского народа, и в первую очередь ближайшего прошлого — т. е. периода буржуазной диктатуры (1920—1940 гг.). Чтобы успешно строить коммунизм в условиях Советской Прибалтики, необходимо хорошо знать, с каким экономическим и культурным «наследством» пришли народы этой неотъемлемой части нашей Родины к восстановлению Советской власти в 1940 г. Между тем период до 1940 г. еще почти не изучен советскими историками и этнографами. Думается, что Л. Н. Терентьева поступила правильно, уделив ему много вни-

мания и использовав при этом немало оригинальных, впервые публикуемых архивных материалов. Трудно согласиться также с утверждением рецензентов, что «автор неправильно разграничивает кулацкие и капиталистические хозяйства, так как в период империализма кулацкие хозяйства по существу своему были капиталистическими» (стр. 112). На стр. 127—128 своей работы Л. Н. Терентьева оговаривает, что к «кулацким хозяйствам» она отнесла «все те, в которых соотношение числа наемных рабочих к числу работающих членов семьи превышало взятую нами предельную цифру для группы середняцких хозяйств (в среднем 1 : 3), но все же не было выше 1 : 1», а к «капиталистическим хозяйствам» «все те, в которых число наемных рабочих превышало число работающих членов семьи». Ясно, таким образом, что разграничение «кулацких» и «капиталистических» хозяйств (как и все разграничения такого рода) имеет до известной степени условный характер и отнюдь не ведет к отрицанию капиталистического характера латышского кулачества времен буржуазной диктатуры. Различия между «кулацкими» и «капиталистическими» хозяйствами — это различия между группами сельской буржуазии разной экономической мощности.

В то же время в работе Л. Н. Терентьевой есть отдельные недочеты, не отмеченные предыдущими рецензентами. На наш взгляд, например, в исторических главах слишком много места уделено конкретным событиям, иногда даже деталям, революционного движения в прошлом, деятельности отдельных лиц (см., например, стр. 106—112, 177—186). Данные эти сами по себе несомненно не лишены интереса, но в историко-этнографическом исследовании они совсем не обязательны. То же относится и к слишком многочисленным подробностям из личной жизни отдельных колхозных семей с поименным перечислением их состава. С другой стороны, было бы целесообразно увеличить количество данных по этнической и культурной истории латышского народа, включая в нее и его современное национальное развитие. Можно посоветовать Л. Н. Терентьевой в ее дальнейших исследованиях обратить большее внимание на эти вопросы.

Выход книги Л. Н. Терентьевой «Колхозное крестьянство Латвии» представляет собой крупное событие в советской этнографической науке. Углубленное исследование процессов изменений в жизни латышского крестьянства на протяжении ряда десятилетий имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Выводы, сформулированные в кратком, но содержательном заключении труда Л. Н. Терентьевой, заслуживают самого пристального внимания со стороны всех, кто интересуется преобразованиями в жизни латышского и вообще советского крестьянства и сам принимает участие в этих преобразованиях.

И. Гурвич, В. Крупянская, Н. Чебоксаров

Песни и сказы Донбасса. Сборник А. В. Ионова. Предисловие и редакция В. М. Сидельникова. Сталино — Донбасс, 1960, 345 стр.

Рецензируемый сборник — наиболее полное издание фольклора горняков Донбасса «с семидесяти годов прошлого столетия и до настоящего времени» (Предисловие, стр. 6). В сборник включены песни и сказы (устные рассказы), частушки и пословицы; сказки отсутствуют. Большинство текстов отличается социальной остротой, выразительностью и эмоциональностью; интерпретированы они составителем неизменно в связи с действительностью. Многие из явлений, отмеченных А. В. Ионовым в фольклоре горняков, характерны для определенных этапов развития русского фольклора в целом и показаны на широком литературно-историческом фоне.

А. В. Ионов, собиратель большей части материалов сборника и автор вводной статьи и примечаний, обогатил издание текстов, многие из которых публиковались и раньше, тщательным их комментированием (отсылка к конкретным событиям на той или другой шахте, пояснение профессиональных терминов, указание фольклорных вариантов в том числе и включенных в произведения художественной литературы Г. И. Успенским, А. С. Серафимовичем, С. Н. Сергеевым-Ценским и др.). Книга читается легко, написана с искренним подъемом, со знанием и Донбасса и фольклора горняков.

Отрадно констатировать серьезное отношение А. В. Ионова к устным рассказам, которые многие фольклористы в последние годы фактически отказываются признавать одним из жанров фольклора¹. А. В. Ионов подчеркивает художественную специфику сказов: «...Как и любому произведению устного народного творчества, сказу должны быть присущи и яркий язык, и стройная композиция, и типизация, то есть обобщение наблюдений над жизнью... Любую тему каждый из рассказчиков интерпретирует по-своему». Однако всем «наиболее искусным» из них свойственны острое построение сюжета, бытовые сценки, диалогическая, своеобразная для каждого речь (стр. 99). Автор утверждает значение этого жанра как исторического и как литературного источ-

¹ См., например, статью Л. И. Емельянова «Проблемы художественности устного рассказа» («Русский фольклор. Материалы и исследования», т. V, М.—Л., 1960, стр. 247—264).

ника (стр. 103). Трудно согласиться с автором в одном: в определении устных рассказов как искомого «жанра только рабочего творчества» (стр. 106), лишь теперь вышедшего за эти социальные рамки. Сколько бывало, например, рассказов о крепостном праве, а позднее — о «мироездах» и борьбе с ними бедняков! Автором намечена основная тематика шахтерских рассказов о старом времени: тяжесть труда, ужасающие бытовые условия, жадность хозяев, взяточничество и глумление над рабочими «артельщиками», «подрядчиками», штейгеров и проделки горняков над этим «начальством», случаи гибели шахтеров и аварий в рудниках. К сказам (может быть, не совсем оправданно) отнесены автором и былички о встрече в шахте с «хозяином угольных пластов» и др.; правда, рядом помещены и рассказы, рисующие освобождение сознания рабочих от суеверий (см. стр. 140 — «Как гусь зарубщиков из шахты выгнал»). Рассказы о советском времени в большинстве основаны на противопоставлении его прошлому. В особую группу могут быть выделены рассказы об участии шахтеров в гражданской и Великой Отечественной войнах.

Песни, как и устные рассказы, в сборнике подобраны только такие, в которых говорится о шахтерском труде — о тяжести его в старое время и о коренном его изменении после Великой Октябрьской социалистической революции; исключение сделано только для военных песен. Частушки же приведены в чрезмерном изобилии, не всегда удовлетворительного качества и в значительной части никакой шахтерской специфики не содержат (см., например, стр. 173—177, 189—208, 255—269). В этом сплошном потоке тонут действительно своеобразные горняцкие частушки, отражающие взаимоотношения молодежи на рудниках, семейную жизнь шахтеров, их труд. Между тем для таких частушек характерна не только профессиональная терминология (этому автор уделяет внимание на стр. 72), но и художественные образы, обусловленные окружающей действительностью. Образны и прозвища шахтеров, встречающиеся в частушках. Упомянем кстати, что название особого вида частушек — «страдания», как известно, широко распространено, и связывать его с тяжестью жизни шахтеров, как это делает автор (см. стр. 74), нельзя.

Некоторые современные частушки в сборнике слишком «литературны»: вернее всего, они представляют подборки из репертуара коллективов художественной самодеятельности или из газет. Литературная обработка чувствуется и в некоторых устных рассказах, причем это нигде не оговорено. Не все тексты, помещенные в разделе пословиц, можно считать таковыми; например, «Шахтные воды — на огородах!» — лозунг, относящийся к кампании 1950-х годов об использовании на колхозных и совхозных огородах грунтовых вод, выкачиваемых из шахт. К тому же и литературное качество таких текстов иногда неприемлемо, например: «От пьяницы и шахта пьются». Более скупой подбор текстов намного повысил бы научное значение сборника.

Проблему взаимосвязи жанров А. В. Ионов только затрагивает и решает ее в каждом отдельном случае несколько односторонне. Не всегда осколок песни становится пословицей или частушкой, как он утверждает, бывает и наоборот. Так, в приводимом им примере «До свиданья, белый свет, я вернусь или нет» (стр. 110) поговорка, вероятно, существовала изначально, так как она известна в многочисленных вариантах, притом в другом угольном районе (Подмосковье). Тематические, а иногда и текстуальные совпадения в песнях и частушках могут быть вызваны «склеиванием» в песню близких по содержанию и форме серийных частушек типа «Шахтер рубит, шахтер бьет, под землю ход ведет» (ср. песню на стр. 120).

Материал в сборнике расположен по историко-хронологическим этапам, а внутри них — по жанрам (хотя этот принцип не вполне выдержан). Так как этапы эти очень велики, то нередко при переходе к другому жанру получается как бы обратный хронологический скачок. Так, воспоминания старого рабочего о нелегальном собрании даны после песни 1920-х годов «Шахта № 3» (стр. 221 и 219). Спорно и помещение отдельных текстов в том или ином разделе.

В предисловии В. М. Сидельникова правильно указано значение сборника «Песни и сказы Донбасса» для сравнительного изучения горняцкого фольклора и внутри страны, и за рубежом (стр. 9). А. В. Ионов и сам делает попытку такого сопоставления, исходя из того, что «в характере труда и в условиях быта шахтеров Урала и Донбасса было немало общего» (стр. 95). Но все же нельзя ставить знак равенства между рабочими угольных шахт и рудокопами. Главное же, нельзя забывать, что не только время сложения рабочего класса, но и состав его на Урале и в Донбассе был различным: на Урале в XVIII в. работали в рудниках в основном приписные крестьяне, а позднее — другие категории зависимых людей; в Донбассе же труд был с самого начала вольнонаемным.

К сожалению, автор не проводит сопоставления с горняцким фольклором других угольных районов, чего, впрочем, и нельзя ставить ему в вину. Публикация фольклорного материала у нас еще сильно отстает от его сбора, а информация о фольклорных фондах в государственных архивах недостаточно планомерна и подробна. Так, автором рецензии проводилась запись устного творчества шахтеров Подмосковья, притом не только в тридцатых годах, как указано в предисловии (стр. 5), но и в сороковых². Сличение этих рукописных материалов с текстами сборника А. В. Ионова показало бы и близость тематики отдельных жанров, например устных рассказов и песен.

² Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. Группа фольклора, ед. хр. 6 и 7.

и существенные различия, обусловленные особенностями общественно-экономического развития обоих районов. Большая часть коренных горняков Донбасса уже до Октябрьской революции порвала с сельским хозяйством, с деревней и стала жить в рабочих поселках. Горняки же Подмосковья (старейшие рудники — Побединские были заложены там также в 1860-х годах, в бывш. Скопинском уезде Рязанской губернии) продолжали жить в своих селах, работали и на поле. Поэтому и в их фольклоре была еще очень сильна крестьянская струя (особенно в сказках). Однако многие из шахтерских донецких песен звучали и в Подмосковье. Это объясняется в значительной степени тем, что скопинские горняки издавна уходили на сезонную работу в донецкие шахты, где заработки были выше А. В. Ионов, между тем, даже не упоминает Рязанской губернии при перечислении мест, откуда шли в Донбасс сезонные рабочие (см. стр. 31). В Скопинском районе были записаны варианты песен «До свиданья, белый свет» (см. стр. 120 сборника), «Песня коногона» (стр. 121 и 122), «Что-то сердцу больно стало» (стр. 128) и др. Донецкая песня «Как на Юзовском раздолье...» (стр. 124) известна у скопинских горняков в довольно далеком варианте и имеет своеобразное начало:

Есть Побединская сторона,
Вся ископана она ³.

В донецкой песне аналогичное начало, очевидно, забыто. При этом заимствование фольклорных произведений происходило с определенным отбором. Так, популярные в старое время в Донецком бассейне песни о саночниках не привились в Подмосковье, где уголь гоняли только вагонетками.

А. В. Ионов указывает, что песни горнорабочих пелись каторжанами и ссыльно-поселенцами в Сибири, также работавшими на рудниках. Однако он не говорит о заимствованиях, в свою очередь, шахтерами песен тюрьмы и каторги. Между тем эти песни бытовали в среде шахтеров, так как были отчасти созвучны условиям их жизни: ведь недаром шахтеры называли свой труд «вольной каторгой» (стр. 157; см. также стр. 120).

Автор говорит также о месте, занимаемом в шахтерском фольклоре — и дореволюционном и советском — переделками популярных песен, созданных другими социальными группами, но чем-либо близких горнякам или полюбившихся им за мелодию. Особенно много аналогий с «морскими» песнями, но автор не прослеживает путей, какими фольклор рыбаков и моряков мог проникнуть в Донбасс (приморская родина шахтеров-переселенцев, служба на флоте, песенники и пр.), не задумывается и над поисками общего первоисточника, возможного в отдельных случаях. Конечно, шахтеров роднила с моряками тяжесть и опасность их профессии, и это способствовало сближению песенного репертуара.

Вводная статья в части показа жизни Донбасса и шахтерского фольклора имеет несомненное познавательное значение. Гораздо слабее высказывания автора по общим вопросам фольклористики, причем немалую роль в этом играет крайняя сбивчивость формулировок. Так, на первой же странице вводной статьи он утверждает, что «буржуазные фольклористы» (в конце страницы они уже «по преимуществу выходцы из дворянского класса») не только не интересовались рабочим фольклором, но и в деревне «записывали далеко не всё» (стр. 13). Если рабочего фольклора до Октябрьской революции было, действительно, записано мало, то никак нельзя согласиться с автором, что произведений, «в которых хоть в какой-то мере сказывалась ненависть мужика к барину-деспоту, слышались жалобы на тяготы солдатской службы, насмешка над корыстолюбием попов, религией и волостными начальниками, воспевались вольнолюбие и отвага вождей крестьянских восстаний Разина и Пугачева, буржуазные фольклористы как бы не замечали» (стр. 13—14). Так о ком же идет здесь речь? О славянофилах, среди которых было, действительно, много дворян? О собирателях-разночинцах — Шейне, Рыбникове, Барсове? И благодаря кому же стали знакомы автору с такой легкостью перечисленные им сюжеты, как не благодаря в основном собирателям еще дореволюционного времени, самоотверженно не только записывавшим, но и публиковавшим такие произведения?

Дальше он упрекает тех же собирателей, записывавших в конце прошлого века в южнорусских степях не рабочий фольклор, а казачьи быliny и пр., «много раз записанные и прежде, в других местах» (стр. 41). Никто не спорит, что следовало тогда записывать рабочий фольклор, и отсутствие таких записей — невозместимая потеря, но разве установление новых очагов бытования былин, новых их вариантов — также не дело науки? И, кроме того, нельзя забывать, что изучение былин связано с другими важными проблемами: освоением русскими окраин, лингвистическими изысканиями.

Неприемлема для историков и этнографов беглая справка А. В. Ионова о прошлом Донбасса, выросшего «на землях, бывших когда-то девственной половецкой степью, ареной борьбы русского и украинского народов с разбойными кочевыми племенами» (стр. 28). В эпоху борьбы с половцами существовала еще единая древнерусская народность. Если же в конце фразы речь идет не о половцах, то кого еще автор окрестил

³ Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. Группа фольклора, ед. хр. 6, л. 379.

«разбойными племенами», и не подозревая, видимо, что это определение восходит к старой, реакционной теории об искони якобы разбойничьих народах, к которым в первую очередь относили именно кочевников.

В статье есть и неоправданные отклонения от темы (например, об отношении Г. И. Успенского к новгородским частушкам на стр. 68—72 или запоздалая полемика с Н. Н. Леонтьевым по поводу его статьи, опубликованной еще в 1953 г. в журнале «Новый мир» — на стр. 23—28). Все эти срывы особенно досадны, так как А. В. Ионов в целом проделал большой и полезный труд по подготовке к печати своего сборника.

При издании этого сборника следовало бы несколько взыскательнее отнестись и к литературному изложению (например, заменить другим выражение «чужеземные хапатели» о шахтовладельцах на стр. 47 или глагол «вопить», употребляемый во всевозможных оттенках смысла), устранить некоторую неряшливость в подаче материала. Так, вводная статья названа «Песенное творчество донецких шахтеров», хотя речь в ней идет и о сказках, и о пословицах. Название всего сборника «Песни и сказы Донбасса» шире содержания, так как книга посвящена только шахтерскому фольклору, кроме единичной записи устного рассказа, сделанной на металлургическом заводе (стр. 283), и частушек на сельскохозяйственную тематику. Трижды напечатан текст частушки «Не шахтером я родился...» (в статье — стр. 83 и 89 и в материалах — стр. 246). Частично дублируют друг друга примечания и подстрочные сноски. Словарные пояснения даны не всегда при первом упоминании, а некоторые термины остались не раскрытыми. Предпочтительнее было бы составить общий словарь, так как не все будут читать сборник полностью и подряд.

В примечаниях встречаются досадные пробелы. Так, очевидно из ложно понятой скромности, А. В. Ионов почти нигде не указал, какие именно тексты записаны им самим, и в результате они остались без точной паспортизации (см., например, стр. 44 и 327).

Следует вкратце приветствовать помещение в сборнике нотных записей мелодий песен (на стр. 321 и 323) и «страданий» (стр. 332), но хотелось бы, чтобы их было не три, а значительно больше.

Иллюстраций, кроме жанровых рисованных заставок на шмуцтитулах нет, что несколько понижает познавательную ценность книги.

Отмеченные недочеты в большей или меньшей степени характерны для многих изданий научно-популярного типа, в особенности для выходящих не в центральных издательствах. Поэтому этим недочетам и уделено здесь такое внимание, может быть даже несколько несоразмерное с несомненными достоинствами сборника. Надо надеяться, что А. В. Ионов продолжит свою нужную и важную работу по собиранию и изданию профессионального рабочего фольклора Донбасса и при последующих публикациях устранит эти недочеты.

На очереди стоит усиленный сбор шахтерского устного творчества по всему СССР как в старых районах добычи угля Донбассе и Подмосковье, так и в новых — Караганде, Мемерове и других. Тогда станет возможным издание сводного труда, включающего и наиболее полный подбор текстов, и исследования, основанные на широких сравнениях и вскрывающие общие закономерности в развитии фольклора рабочих, занятых в этой отрасли труда, и его локальные особенности.

Р. Липец

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

«ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК, II»

Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. LXXIII, М., 1961, 352 стр.

Рецензируемый сборник посвящен различным проблемам культуры и этнической истории народов Китая, Кореи, Японии, Вьетнама, Индонезии. В сборнике опубликованы статьи Линь Йо-хуа, Н. Н. Чебоксарова «Хозяйственно-культурные типы Китая», Г. Г. Стратановича «Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование»; Ю. И. Журавлева «Этнический состав Тибетского района КНР и тибетцы других районов страны»; С. А. Арутюнова «Этническая история Японии на рубеже нашей эры»; Р. Джарылгасиновой «Когурёсцы (Историко-этнографическое исследование)»; А. И. Мухлинова «Вьетнамская сельская община (X—первая половина XIX в.)»; Ю. В. Маретина «Община минангкабау и ее разложение (первая треть XX в.)».

Линь Йо-хуа и Н. Н. Чебоксаров ставят перед собой задачу выделить хозяйственно-культурные типы Китая на основе анализа материальной и духовной культуры населяющих его народов. Это исследование основывается в значительной степени на оригинальных полевых материалах, собранных авторами в КНР в 1956—1958 гг., и представляет собой дальнейшую разработку и конкретизацию теоретических положений проблемы хозяйственно-культурных типов. Авторы выделяют три группы хозяйственно-культурных типов и дают их характеристику на конкретном восточноазиатском материале. Уделяя внимание ландшафтно-климатическим условиям, авторы подчеркивают, что зависимость от них хозяйственно-культурных типов бывает всегда «опосредство-

вана» способом производства, уровнем социально-экономического развития. Группы эти следующие: первая — типы с преобладающей ролью охоты, собирательства и отчасти рыболовства; вторая — мотыжного земледелия и животноводства; третья — плужного земледелия с использованием домашних животных.

При характеристике хозяйственно-культурных типов авторам удалось хорошо показать взаимосвязь и зависимость культуры (как материальной, так частично и духовной) от хозяйства, от уровня развития производительных сил. Выделение хозяйственно-культурных типов в той степени, в которой оно сделано авторами, может служить основой для этнографической классификации народов Китая (и части других стран Восточной и Юго-Восточной Азии). Известно, что в основу классификации народов мира положен лингвистический принцип. В связи с этим данная работа имеет значение как опыт создания чисто этнографической классификации народов на основе их группирования по важнейшим хозяйственно-культурным признакам. Этот опыт представляется нам очень удачным. Желательно, чтобы в результате продолжения работы над этой проблемой были также детально разработаны вопросы выделения хозяйственно-культурных типов всей Восточной и Юго-Восточной Азии в целом. Особенно следует, на наш взгляд, подчеркнуть тесную связь, отмеченную авторами, между хозяйством, с одной стороны, и материальной, а также духовной культурой, — с другой. В частности, ценным является выделение «северных» и «южных» черт тяготения рассматриваемых народов. К сожалению, при выделении районов авторы не провели четкого разделения между севером и югом, а сделали упор на противопоставление засушливых и сухих областей. В фактическом материале статьи есть спорные положения и отдельные неточности: так, кочевой образ жизни у куцун (стр. 14) — скорее всего вторичное явление; отравленные стрелы на севере были известны не только айнам, но и эскимосам и чукчам (стр. 16).

В статье Г. Г. Стратановича на основе использования археологических и этнографических данных разбирается вопрос о развитии орудия для добывания огня в древнем Китае. Здесь поставлены два вопроса:

1) как выглядело зеркало, что оно собой представляло как предмет обихода и как культурная ценность?

2) каково было использование, назначение зеркала в древнее время?

Рассматривая проблему назначения и использования зеркал, автор ставит следующие вопросы: а) почему в погребальном инвентаре так много мужских зеркал; б) понималась ли роль зеркала при подборе погребального инвентаря одинаково самими китайцами и представителями населения соседних стран, связанных с Китаем; в) почему для обозначения слова «зеркало» в китайской письменности существует несколько различных по написанию иероглифов, а в языке — слов. Ответ на все эти вопросы автор находит, проводя анализ текстов и отдельных иероглифов. Чрезвычайно важным выводом, на наш взгляд, является выделение вогнутых «зажигательных зеркал». Однако автор переоценивает их культурное значение, связывая их развитие с выплавкой железа. Следует отметить, что недостаточная в ряде случаев четкость изложения затрудняет понимание этой сложной темы.

Ю. И. Журавлев в своей работе рассматривает расселение и культуру народов тибетской лингвистической группы в Китае в связи с проблемой их этнической общности и этнических процессов, протекающих среди них в настоящее время. В разделе 1 указывается, какие именно народы следует относить к тибетской лингвистической группе и о различных точках зрения в этой области; говорится о расселении и численности народов данной лингвистической группы (как собственно тибетцев, так и других). В разделе 2 рассматривается история тибетцев с древнейших времен до XIII в. Разделы 3—9 посвящены хозяйству, материальной и духовной культуре народов тибетской лингвистической группы: собственно тибетцам, сифань, цзяжун, цян, ну, дулун, лоба (абор, дафла, ака, мири, мишми, апа-тани). Описание дается очень подробно. Особенно это относится к собственно тибетцам. В разделе 10 автор ставит (а отчасти и разрешает) вопрос об этногенезе различных народов тибетской лингвистической группы. В частности, ставит вопрос о «южном компоненте» некоторых из них. Раздел 11 посвящен изменениям в жизни тибетских народов после образования Китайской Народной Республики.

К статье приложена карта расселения тибетских народов в КНР. В этой работе автор впервые дает сравнительную этнографическую характеристику народов, почти неизвестных ранее. Поставлены проблемы этногенеза и этнической истории всех тибетских народов Китая, сделана попытка определить место каждого народа в этнической истории всех народов этой группы, чего также до сих пор нигде не делалось. Ю. И. Журавлев намечает современные этнические процессы среди народов тибетской группы. В то же время следует отметить разнохарактерность этнических определителей для разных народов. Кроме того анализ родоплеменного состава тибетских народов дан автором недостаточно четко.

В статье С. А. Арутюнова автор дает развернутую хронологию японского неолита, энеолита, бронзы и железа (различные этапы «дзёмон» и «яёй»). Однако такая характеристика этих этапов вызывает возражения, так как настоящего энеолита в Японии не было, да и роль бронзы в хозяйстве была очень невелика. Автор ставит перед собой задачу исследования эпохи от второй половины I тысячелетия до н. э. до первой половины I тысячелетия н. э., т. е. период от появления энеолита до эпохи раннего желе-

за, которая смыкается уже со временем появления письменности. В первой части работы содержится анализ археологического материала. Автор говорит о двух культурных центрах Японии эпохи бронзы и дает им различную этническую характеристику; он прослеживает исторические истоки культа тройного комплекса (мечь, магатама и зеркало), игравшего впоследствии большую роль в синтоизме.

Переходя к железному веку, эпоха которого носит название эпохи Ямато, автор решает вопрос о том, какой из двух центров эпохи бронзы следует считать наиболее древним. Автор утверждает, что в конце III в. н. э. объединенные силы племен ва Кюсю разгромили федерацию ва Кинаи, завоевали их территорию, которая стала центром складывавшегося японского государства. Это завоевание сопровождалось физическим истреблением жреческой верхушки племен ва Кинаи. Однако в массе земледельческого населения, как считает автор, вряд ли произошли существенные сдвиги. Хотя в работе и говорится об участии южных элементов в этногенезе японцев, внимание, уделенное им, кажется нам недостаточным, тем более, что в своей лингвистической работе¹ автор показал важность этой проблемы. Работа сопровождается хорошим иллюстративным материалом, таблицами, однако список префектур следовало бы дополнить иероглифами.

Статья Р. Ш. Джарылгасиновой посвящена истории древнекорейского государства Когурё. В первой части работы говорится о значении письменных источников в историко-этнографическом изучении происхождения когурёсцев, вторая часть посвящена их хозяйству и материальной культуре; подчеркивается значение земледелия. Говоря о наличии скотоводства, автор приходит к интересному заключению о том, что в процессе формирования когурёсцев и других древнекорейских племен приняли участие этнические группы, связанные со скотоводством племен западной Маньчжурии и Монголии. Раскрывается происхождение древнего города как крепости-склада.

Автор ограничивается описанием элементов материальной культуры. Между тем, следовало бы попытаться дифференцировать в ней явления северного и южного происхождения и китайские влияния. Локальные особенности лишь бегло упомянуты, но не разъяснены. Кроме того, в работе дан разбор общественных отношений, начиная с первобытнообщинных отношений у когурёсцев, а затем разбор социально-экономической сущности государства Когурё. Здесь же рассматривается чрезвычайно сложный вопрос о времени формирования государства Когурё — вопрос, который, как известно, до сих пор остается дискуссионным. Можно сказать, что точка зрения автора о несколько более поздней дате (в отличие от даты многих корейских историков) является более убедительной.

В работе А. И. Мухлинова подчеркнута значимость сельской общины в истории вьетнамского народа. Подробно описана автором организация и повседневная жизнь общины. Дана характеристика семьи. Отмечаются пережитки левирата и сорората (точнее, случаи таковых), против которых вело борьбу государственное законодательство. Таким образом, семейно-брачные отношения показаны в их динамике. То же можно сказать и о свадебной обрядности, которая описана довольно подробно. И здесь автор ищет объяснения отдельным обычаям в брачных нормах родового строя. Отмечая значение в общине духа-покровителя, объединявшего крестьян, А. И. Мухлинов считает, что истоки представления о нем восходят к животному-тотему. Автор подробно прослеживает далее различные этапы развития вьетнамской религии вплоть до XIX в., отмечая влияние Китая на нее. Вместе с тем автор, по нашему мнению, вполне правильно делает упор на самобытные истоки вьетнамской религии.

Много внимания уделено обрядности. Большой интерес, на наш взгляд, представляет описание деяния жертвенного мяса. Автор анализирует этот и другие обряды с точки зрения главным образом социального строя общины. Однако раздел жертвенного мяса существует и у других народов Юго-Восточной Азии. Автору следовало бы провести здесь соответствующие параллели. Указанные выше чисто этнографические материалы, к сожалению, часто теряются в данной работе среди массы побочных историко-экономических и правовых вопросов, интересных самих по себе, но не имеющих непосредственной связи с проблемой, если ее рассматривать в этнографическом плане.

Ю. В. Маретин в своей работе показывает те изменения, которые произошли в обществе минангкабау, начиная с конца XIX в., под воздействием как внутренних причин (прежде всего экономического характера), так и в результате внешних влияний, среди которых первое место принадлежит проникновению иностранного капитала на западное побережье Суматры. Во вступлении автор, описывая особенности социальной организации минангкабау, говорит об ее арханизации в XX в. многими учеными и объясняет причины данного явления. Ю. В. Маретин показывает изменения в социальной структуре минангкабау на фоне широкой экономической картины. Особенно следует подчеркнуть анализ автором религиозного движения, связь его с изменениями в области экономики и критику в связи с этим идеалистического изображения этого движения со стороны буржуазных ученых. Большую ценность представляет показанный автором процесс формирования рабочего класса. Однако следует заметить, что в общем экономике уделено слишком большое внимание, что, на наш взгляд, не всегда оправ-

¹ С. А. Арутюнов, К оценке роли миграций в древней истории Японии, «Сов. этнография», 1960, № 1.

дано. Вряд ли нужны в этнографическом исследовании таблицы экономического характера. Статья и без них перегружена цифрами. В то же время вопросы материальной и духовной культуры автором не раскрыты в достаточной мере.

В целом можно считать, что выход рецензируемого сборника представляет собой значительное явление. Он содержит глубокую разработку ряда проблем этнографии Восточной и Южной Азии и знакомит широкий круг советских читателей с историей и культурой ее народов. Можно надеяться, что традиция публикации подобных сборников будет продолжена. Хочется лишь пожелать, чтобы, с одной стороны, они были более этнографичны по своему содержанию, с другой — уделяли бы больше внимания показу жизни и быта народов Азии в современные дни.

К. Мешков

НАРОДЫ АФРИКИ

L. J. Boutillier. *Bongouanou. Côte d'Ivoire. Paris, 1960.*

Монография Бутилье — одна из работ, публикуемых Французским управлением научных и технических изысканий на Заморских территориях совместно с Верховным советом социологических изысканий в серии «L'Homme d'outre mer» и посвященных изучению различных аспектов общественного и экономического развития африканских народов, населяющих бывшие колониальные владения Франции.

В Африке зреют новые общественные отношения, новые общественные силы, все энергичнее проявляющие себя на политической арене. Создан ряд независимых государств. Понять эту новую Африку для колониальных держав стало насущной необходимостью. Изучить новые явления, чтобы использовать их в своих интересах, чтобы любыми средствами удержаться в Африке — такова подоплека (нигде, конечно, прямо не высказанная) деятельности указанных выше учреждений, как и аналогичных им в иных странах.

Рецензируемая работа детально рассматривает вопросы экономического и общественного развития одного из округов Берега Слоновой кости — округа Бонгвану, населенного народом агни. Автор ее — добросовестный буржуазный ученый — экономист из Управления — руководил изучением населения в этом районе Африки и собрал большой и интересный материал. Район исследования выбран не случайно: округ Бонгвану, расположенный в лесной зоне близ границы саванны, дает богатейшие возможности для разведения экспортных культур — кофе, какао, а также потребительских (корнеплодов и злаков). Относительное изобилие так называемых свободных земель и возможности приложения рабочих рук привлекают в округ постоянный поток эмигрантов из соседних областей. Совокупность многих причин — исторических, экономических и географических — сделали возможным превращение округа Бонгвану в область развития африканского плантационного хозяйства. А это, в свою очередь, создало условия для быстрого развития экономики по капиталистическому пути и становления общественных отношений буржуазного общества.

Книга разделена на две части: в первой изучается коренное население (агни), во второй — население пришлое, выходцы с других территорий, составляющие в настоящее время около 33% всех жителей округа.

Анализ общественных отношений у агни построен так, что читателю прежде всего бросается в глаза важная роль отношений кровнородственных. Автор пишет, что и ныне реальная основой общественной системы (стр. 30) является абусуа (или линияж, по терминологии французских социологов). Абусуа — сегмент рода, в который входят кровные родственники, ведущие происхождение от реально существовавшего предка. Счет родства ведется по материнской линии; по этой же линии идет наследование имущества и власти. Во главе абусуа стоит старший и наиболее уважаемый представитель старшей ветви линияжа. Он имеет религиозную, юридическую и экономическую власть. Символ этой власти, как и у многих родственных агни народов, — священная реликвия: деревянный резной «трон». Глава абусуа руководит религиозными церемониями, связанными с культом предков, решает все споры и конфликты между сородичами и является хранителем сокровищницы, состоящей частью из предметов культа, частью — из золота в слитках и драгоценностей. Распоряжаться этим богатством он может лишь с ведома и под контролем групп старших сородичей (как мужчин, так и женщин). Власть главы абусуа сказывается и в земельных отношениях, в частности, он разрешает тяжбы, связанные с землевладением и землепользованием. Все сородичи объединены круговой порукой и обычаями взаимопомощи. Обычно члены одной абусуа расселены в пределах обширной области, смешанно с выходцами из других абусуа и из других народов. Это рассеивание абусуа является следствием трех факторов: обычаев экзогамии, правил наследования по материнской линии и правил патрилокальности поселения. Таким образом, территория округа распадается на ряд деревенских общин, границы между которыми строго определены, а население относится к нескольким абусуа и включает, как мы говорили, иноземцев.

Деревенская община, вне всякого сомнения, — соседская община, по отношениям кровного родства в ней очень сильны. Во-первых, власть в деревне принадлежит главе

той абусуа (или ее сегмента), которая когда-то основала деревню, и власть эта наследственна. Во-вторых, власть эта распространяется и на поземельные отношения: преимущественные права на землю имеют члены господствующей в деревне абусуа. Все пришельцы, как агни, так и иностранцы, лишь пользуются известными участками на этой земле с разрешения главы абусуа и за определенную мзду. Глава абусуа сохраняет право контроля за использованием земли (стр. 58, 61 и др.). Лишь члены данной абусуа имеют право передавать свои участки по наследству. Продажи земли как таковой практически не существует, однако появилась уже продажа продуктивных деревьев, растущих на земле (стр. 60). Тем не менее автор отмечает, что лишь обилие еще не возделанных земель служит стимулом, сдерживающим закрепление земель в частную собственность с вытекающим отсюда правом отчуждения (там же).

Повседневная жизнь крестьянина агни сосредоточена в так называемом ауру, или, по терминологии автора, «концессии». Ауру — прямоугольный двор, окруженный жилыми и хозяйственными постройками, — место поселения большой семьи, объединяющей несколько хозяйств, несколько близкородственных малых семей. В среднем, ауру объединяет три хозяйства, принадлежащих родным братьям, примерно человек 25, под властью старшего из братьев. При этом отдельные хозяйства, обнимающие малую моногамную или полигамную семью, экономически независимы, каждый крестьянин ведет хозяйство на свой страх и риск (стр. 52). Большую семью связывает общее место обитания, совместная работа женщин по хозяйству, совместные трапезы мужчин (однако пищу готовят отдельно для каждого его жена), некоторые старинные обычаи взаимопомощи (стр. 5), власть главы семьи, распространяющаяся на различные сферы домашней жизни (стр. 38—48). Новые, товарные отношения, проникающие в деревню вместе с распространением экспортных культур, делают большую семью малостабильной: состав ее часто меняется, еще чаще она распадается на малые семьи, селящиеся отдельно, зачастую не в деревне, а рядом со своими плантациями (стр. 116).

Таким образом, организация, основанная на родственных отношениях, служит лишь прикрытием иных общественных отношений, свойственных классовому обществу — феодальному и буржуазному.

Что заставляет нас говорить о существовании в деревне агни патриархально-феодального уклада? Прежде всего — власть над землей главы абусуа, господствующего в данной деревне. Власть эта выражается в праве распоряжаться землей, наделять ею за плату пришельцев, контролировать использование земли (с целью предупредить ее хищническое истощение), наконец, в праве на регулярные отработочные повинности членов деревенской общины: один день безвозмездной работы от каждого хозяйства на деревенскую верхушку (стр. 53). Характерно, что сам автор не видит чисто феодального характера этой повинности и относит ее к обычным формам взаимопомощи, столь распространенным среди агни (в периоды наиболее напряженных сельскохозяйственных работ племянник помогает дяде со стороны матери, младшие братья — старшему, сын иногда — отцу) (стр. 53).

Внедрение многолетних экспортных культур — кофе и какао (каждая плантация делится примерно пополам — одна половина под кофе, другая — под какао) привело к превращению крестьянского хозяйства в товарное, а это, в свою очередь, — к коренным переменам в общественной жизни. Автор умело показывает, что введение экспортных культур «не только изменило отношение человека к земле, но готово глубоко изменить отношения людей между собой, в хозяйстве и в концессии, и в линьяже, и в деревне» (стр. 79). В этой связи очень характерны изменения внутри малой семьи агни. Большинство агни считает несправедливым порядок, при котором отцу, заложившему плантацию с помощью детей, наследуют племянники. Власть древних традиций еще очень сильна, и агни этого района не решаются прямо нарушать порядок наследования по материнской линии (хотя, как отмечает автор, в городах и у агни Санви все чаще отец оставляет состояние и землю сыну). Существуют, однако, несколько путей, позволяющих смягчать в новых условиях нормы древнего права. Так, отец при жизни дарит часть (не больше четверти) плантации сыну, но без оформления документами. Или же сын закладывает свою плантацию по соседству с отцовской и пользуется помощью его наемных рабочих (стр. 118). (Вспомним, что расходы по найму рабочих составляют наиболее важную статью семейных расходов.)

Имущественная дифференциация крестьянства зашла уже далеко. Цифры, приведенные автором, очень убедительны: лишь 12% крестьян владеет большими плантациями, площадью более 10 га; 28% — среднее крестьянство, владеет плантациями от 5 до 10 га; подавляющее большинство (60%) довольствуется участками менее 5 га (стр. 66). Если учесть, что средние размеры плантации агни лишь немногим превышают 5 га, то становится понятным, что около половины крестьян-агни довольствуются плантациями намного меньшими (стр. 64). Еще более яркую картину дают данные о годовом доходе агни: в то время, как у 36% крестьян доходы ниже 75 тыс. колониальных франков в год, у 13% — выше 200 тыс., в том числе и у 5% плантаторов — свыше 406 тыс. (стр. 103).

Быстрое расширение африканского плантационного хозяйства ведет к сокращению земельных резервов (стр. 78) и к закреплению участков за крестьянами с правом передавать эти участки по наследству, а в недалеком будущем — к превращению их в частную собственность крестьянина.

Однако при наличии невозделанных земель размеры плантации практически ограничены теми ресурсами рабочей силы, которыми семья может располагать (стр. 67, 168 и др.). А это, в первую очередь, позволяет перестроить хозяйство на товарный лад тем земледельцам, которые располагают внутри семьи лишними рабочими руками и имеют право на безвозмездный труд со стороны односельчан. И в первом и во втором случае — это представители родовой и полуфеодальной верхушки — главы абусуа и деревенских старейшин.

Именно из них и состоит основная масса крупных плантаторов (стр. 67), но не только из них. Автор пишет, что сейчас часто люди низкого происхождения владеют большими плантациями, регулярно используя наемный труд. Так рождается новая «элита» (главным образом по признаку уровня доходов и образования, взамен признака происхождения, на котором базировалась традиционная иерархия) (стр. 67, 103—104 и др.).

Наем рабочей силы — явление, все сильнее укореняющееся в жизни деревни агни округа Бонгвану: три четверти плантаторов-африканцев пользуются услугами одного или нескольких рабочих в периоды уборки урожая, причем наемные рабочие составляют примерно треть рабочей силы семьи. Как правило, наемные рабочие — отходники, идущие на заработки из самых различных уголков Африки (Гвинея, Судан, Верхняя Вольты и др.) (стр. 70). Характерно, что оплата сельскохозяйственных рабочих производится чаще всего не деньгами, а средствами «докапиталистической эксплуатации»: на основе контрактов издолщины (стр. 71).

Другое следствие изменений в крестьянском хозяйстве — быстрое развитие товарно-денежных отношений в среде агни. Крестьянин-агни, производитель кофе или какао, имеет возможность покупать такие вещи, как велосипеды (плантации, как правило, удалены от деревень), а богатый крестьянин — холодильник и радиоприемник. В то же время крестьяне вынуждены покупать на рынке значительную часть продуктов питания — до 30% расходов каждой семьи (стр. 85—92).

Некоторые крестьяне-агни сочетают сельское хозяйство с торговлей и предпринимательством разного рода. Так, почти в каждой деревне есть станции такси (стр. 101). В 46 деревнях округа существует около 150 небольших деревенских лавочек, принадлежащих агни (стр. 102). Потребность деревни в ремесленных товарах и торговых посредниках (не говоря о нужде в наемных рабочих) привлекает в район Бонгвану множество переселенцев. Это — скупщики продуктов, торговцы орехами кола, лоточники, лавочники, строительные рабочие, плотники, сапожники, кузнецы, ювелиры (стр. 165, 175 и др.). Они принадлежат к самым различным народам; автор насчитывает представителей до 50 африканских народов, но особенно большое место среди них занимают малинке и диула. Не случайно кварталы, в которых живут пришельцы, называют диулакро, т. е. «поселения диула».

Если материалы автора позволяют легко проследить рождение нового для агни слоя общества — сельской буржуазии, упадок влияния старой деревенской верхушки и все растущую политическую роль новой «элиты», то одновременное появление среди крестьян-агни бедняков, вынужденных продавать свои рабочие руки, ускользает от внимания автора.

Причина этого может крыться в том, что автор, стремясь показать относительно высокий уровень жизни агни, для значительной доли материала оперирует средними цифрами. В самом деле, 36% плантаторов имеют наиболее низкий годовой доход — менее 75 тыс. колониальных франков. Однако под этой цифрой (36%) может скрываться и крестьянин-бедняк, еле сводящий концы с концами, и крестьянин-середняк, плантации которого еще не начали приносить полного дохода. Может быть и иное: исключительно благоприятные условия в округе для развития плантационного хозяйства при наличии массива незделанных земель и возможностей эксплуатировать рабочих-отходников из других районов способствуют формированию сельской буржуазии-агни, но задерживают образование местного сельского пролетариата. Не лишено вероятия, что огромная сила общинной солидарности, обязывающая помочь сородичу, попавшему в беду, а также обычаи взаимопомощи тормозят и вуалируют процесс размытия средних слоев крестьянства. В этом отношении характерно очень меткое наблюдение автора: задолженность почти не существует у агни этого округа (стр. 99).

Так или иначе материалы Бутилье не позволяют проследить до конца процессы классового расслоения крестьянства у агни.

Поэтому социальные конфликты, имеющие место в округе, коль скоро в африканском обществе появились богатые предприниматели и бедняки, работающие по найму, в глазах автора принимают характер столкновений между коренными жителями: агни и пришельцами — не агни, между богатой (по африканским масштабам) деревней агни и ремесленными городами, населенными пришлым народом (стр. 203—204). Именно эти конфликты автор считает угрозой прогрессивному экономическому развитию района (т. е. развитию местного плантационного хозяйства). В бурных событиях последних лет, предшествовавших провозглашению независимости Берега Слоновой кости, он видит не проявление закономерных процессов, а лишь состояние полуанархии, в котором оказалось общество агни, не сумевшее еще «найти себя» перед лицом новых экономических явлений.

Старые устои общества агни рушатся, рождаются новые силы, деятельность которых пугает Бутилье. Недаром он кончает книгу многозначительным вопросом: сумеет

ли общество агни, несмотря на все влияния, на все внутренние и внешние силы, стремящиеся разложить его, сохранить главное в своей оригинальности и лучшее из своих традиций?

Подводя итоги, хочется отметить, что хотя позиция, а соответственно и многие выводы автора далеки от нашего мировоззрения, рецензируемая книга заслуживает большого внимания. Во-первых, автор оперирует богатым и, несомненно, доброкачественным материалом; во-вторых, он показывает сложный и противоречивый процесс развития новых общественных отношений у агни. Таким образом, на большом, хотя локально ограниченном материале Бутилье все же вскрывает сущность общественных процессов, характерных для всей Африки.

А. Орлова

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

John Papa Ii. *Fragments of Hawaiian History*. Translated by Mary Kawena Pukui. Edited by Dorothy B. Barrère. Bishop Museum Press, Honolulu, 1959, XIII+183 стр.

Биография автора рецензируемой книги Джона Папа Ии (1800—1870) характерна для многих гавайских вождей (алии). В детстве и юности он углубленно изучал полинезийские обычаи, фольклор и религию и был их ревностным приверженцем, но в середине 20-х годов принял христианство и сделался послушным орудием американских миссионеров¹. В 1825—1840 гг. Ии был одним из ближайших помощников миссионера Бингхема, а в последующие десятилетия исполнял обязанности смотрителя школ на острове Оаху, являлся членом королевского тайного совета и верховным судьей. Как представитель промиссионерски настроенной гавайской знати, Ии входил в состав руководимых миссионерами комиссий, которые ведали разработкой и проведением в жизнь многочисленных «реформ», подрывавших самобытный жизненный уклад островитян и подготовлявших присоединение архипелага к Соединенным Штатам. Дочь Ии вышла замуж за американца Брауна, которому в результате достались земли и другая собственность этого алии. Сын и внуки Брауна, весьма состоятельные люди, финансировали издание музеем Бишопа рецензируемого перевода записок Ии, впервые печатавшихся в 1866—1870 гг. на гавайском языке в гонолульской газете «Куокоа».

Как известно, миссионеры США не только стремились уничтожить на Гавайях «языческую» религию, но и пытались искоренить вообще местную культуру. Они внушали тем островитянам, которые подпали под их влияние, что вся старая гавайская культура — «от лукавого», а потому достойна лишь презрения и осуждения. Плоды этих поучений отчетливо видны в книге «Гавайские древности», написанной около 1840 г. воспитанником миссионерской семинарии гавайцем Дэвидом Мало. Миссионерская направленность этой любопытной книги, также переведенной на английский язык², серьезно снижает ее ценность как исторического источника. В отличие от Мало, Джон Папа Ии, приняв христианство и став сторонником новых порядков, насаждаемых колонизаторами, все же сохранил уважение к культуре предков. Нескольким раз повторив в своих записках, что старая вера и связанные с ней обычаи были «заблуждением», он тем не менее весьма добросовестно и подробно рассказал о культуре и быте гавайцев в начале XIX в., когда их жизненный уклад еще не был разрушен колонизаторами.

Читатель рецензируемой книги знакомится, так сказать, из «первых рук» с системой воспитания юных алии, с повседневной жизнью знати и ее семейными обычаями. Автор описывает перераспределение земель между алии, практиковавшееся после смерти каждого короля, и вспыхивавшие при этом междоусобицы, рассказывает об иерархической лестнице в правящем сословии и взаимоотношениях между алии различных рангов. Эти страницы записок Ии дают значительно более яркое представление об образе жизни гавайской знати, чем труды специалистов-этнографов, уже не имевших возможности непосредственно наблюдать описываемые явления и события.

Принадлежа с детских лет к ближайшему окружению Камаеае I и его сына Лиолио (Камаеае II), автор смог рассказать много интересного об этих властителях и их методах управления архипелагом. Примечательно, что Ии восторженно отзывался о Камаеае I (1753—1819), создавшем на Гавайях единое централизованное государство, хотя тот отказался принять христианство и умер «язычником». Ии изображает Камаеае I выдающимся военачальником и мудрым правителем, сообщает, что в отличие от других верховных алии, он любил заниматься физическим трудом.

Гораздо менее подробно рассказывает автор о жизни общинников (макаинана), составлявших основную массу населения архипелага. Эта особенность записок Ии.

¹ О классовых причинах перехода гавайской знати к христианству см. в нашей рецензии на кн. А. А. Koskinen, *Missionary Influence as a Political Factor in the Pacific Islands*, «Сов. этнография», 1956, № 1, стр. 168—170.

² David Malo, *Hawaiian Antiquities* (Mooolelo Hawaii). Translated from the Hawaiian by Dr. Nathaniel B. Emerson. 2d. ed. Bishop Museum Press, Honolulu, 1959. (Английский перевод этой книги был впервые опубликован в 1903 г.)

по-видимому, объясняется тем, что на Гавайях к началу XIX в. общество уже раскололось на замкнутые социальные группировки, отделенные друг от друга строгими ритуальными запретами. Автор уделяет основное внимание тому сословию, к которому сам принадлежал.

В рецензируемой книге встречаются интересные материалы о хозяйстве и материальной культуре гавайцев в конце XVIII — начале XIX века. Наиболее обстоятельно описаны традиционные методы возведения храмов и жилых построек, а также процесс строительства морских судов. Преклоняясь перед новой техникой, занесенной на острова колонизаторами, Ии в то же время отдает должное искусству гавайских ремесленников, достигавших замечательных результатов при помощи простейших орудий из камня, кости, дерева и скорлупы кокосового ореха.

Значительная часть книги посвящена старой гавайской религии. Автор знакомит читателей со старинными верованиями и обрядами, разъясняет их роль в жизни гавайского общества, рассказывает о жрецах, принадлежащих к правящему сословию. Особенно красочно и подробно описаны им обряды, связанные с табу лоулу и религиозным праздником макахики.

Иной характер имеют главы VI, XI, XII книги, в которых Ии рассказывает о переманах, происшедших в культуре и быте островитян в результате общения с чужеземцами, а также вспоминает о событиях 1820—1840 г., когда особенно быстро шла ломка местного самобытного жизненного уклада. В этих главах наглядно проявилась классовая позиция автора как представителя гавайской знати, предавшей свой народ и вступившей в союз с американскими миссионерами, торговцами и плантаторами.

Оставляя в тени важнейшие события, Ии рассматривает в этих трех главах незначительные эпизоды, а также восхваляет тех алии, которые особенно тесно связали свою судьбу с американцами. Характерно, что автор книги нигде не упоминает о пресловутой «аграрной реформе», бывшей на деле грандиозной экспроприацией рядовых островитян, хотя сам он участвовал в ее подготовке и проведении. Ии умалчивает и о том, что гавайцы в полной мере познали такие «прелести» западной цивилизации как венерические болезни, ничего не говорит о массовой вербовке молодых островитян на иностранные суда и прямом похищении людей капитанами-янки. Даже сообщая на стр. 85—87 о начале употребления на Гавайях спиртных напитков и появлении там проституции, автор не находит ни слова осуждения по адресу американских «культуртрегеров». Читая эти главы, невозможно понять, почему коренное население архипелага в 1823—1853 гг. уменьшилось наполовину (с 142 тыс. до 71 тыс. чел.) и продолжало вымирать в последующие десятилетия³.

Записки Ии превосходно переведены на английский язык исследовательницей-гавайской М. Пукуи. Книга снабжена многочисленными иллюстрациями, в числе которых впервые публикуемые рисунки путешественников, посетивших Гавайские острова в первой половине XIX в. Известный американский этнограф К. Эмори в предисловии сообщает, что редактор записок Д. Баррер подготовила к ним обширные комментарии, на составление которых у нее ушло около трех лет. Но, к сожалению, эти ценные материалы не были включены в рецензируемую книгу и в рукописи хранятся в музее Бишопа. Эмори не объясняет, почему результаты длительных исследований Д. Баррер не были сделаны достоянием читателей данной публикации. Но, возможно, ответ заключается в том, что семья Браунов, взявшая на себя расходы по изданию, не была заинтересована в критическом анализе записок своего экзотического предка.

Рецензируемая книга представляет значительный интерес для этнографов, изучающих самобытную культуру гавайцев и полинезийцев в целом. Но она мало что дает ученому, исследующему процесс «американизации» Гавайских островов и ее губительные последствия для коренного населения архипелага.

Д. Тумаркин

³ R. S. Kuykendall, The Hawaiian Kingdom, 1778—1854, Honolulu, 1938, стр. 336.

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы общей этнографии и антропологии

✓ К. В. Чистов (Москва). Фольклористика и современность	3
---	---

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

✓ С. М. Абрамзон (Ленинград). Отражение процесса сближения наций на семейно-бытовом укладе народов Средней Азии и Казахстана	15
Ю. Б. Стракач (Москва). Традиции трудового воспитания у народов Таймыра в наше время	35
В. П. Алексеев (Москва). Основные этапы истории антропологических типов Тувы	49

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

А. А. Летнев (Москва). Хозяйственный быт мандинго	59
М. С. Альперович (Москва). К вопросу о численности индейского населения Мексики в колониальный период	71
Н. А. Бутинов (Ленинград). Этнолингвистические группы на Новой Гвинее	81
Р. Вуя (Бухарест). Поселения и жилища румынских крестьян северо-западной Молдовы	90

Вопросы этногенеза, палеоэтнографии и исторической этнографии

✓ М. А. Итина (Москва). Степные племена среднеазиатского междуречья во второй половине II — начале I тысячелетия до н. э.	109
Э. А. Рикман (Кишинев). К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа	121
В. П. Кобычев (Москва). Айрумы (К вопросу о происхождении этнонима)	139

Дискуссии и обсуждения

✓ В. Я. Кацман, П. И. Куприянов (Москва). О месте и роли вождей в африканском обществе	149
--	-----

Народы мира

Информационные материалы

✓ С. И. Брук, В. И. Козлов (Москва). Население земного шара (Основные этнодемографические показатели)	160
---	-----

Сообщения

✓ П. Т. Ващенко, Б. О. Долгих (Москва). Предания о тотемических названиях родов у нганасан	178
А. С. Бежкович (Ленинград). Этнографический альбом рисунков Д. К. Зацепина (1871—1886)	183
Р. Л. Садоков (Москва). Древнейший каменный музыкальный инструмент из Вьетнама	189

Хроника

М. Я. Берзина (Москва). Первое всесоюзное межведомственное совещание по географии населения	193
✓ Н. С. Полищук (Москва). Всесоюзное совещание по вопросам современного народного поэтического творчества	196
М. Я. Салманович (Москва). Всесоюзное координационное совещание по изучению социалистического строительства в странах народной демократии	199
Л. Н. Терентьева, Т. Д. Филимонова (Москва). Международный реферативный журнал по этнографии и фольклору—«Демос» (Demos, Volkskundliche Informationen)	200
А. Лутс (Тарту). Новые экспозиции Этнографического музея Академии наук Эстонской ССР	204

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Т. Орнатская (Ленинград). Фольклор на страницах румынских журналов	209
Л. Куббель (Ленинград). Новые исследования по истории Мали	214

Народы СССР

Б. Кирдан (Москва). <i>Ф. И. Лавров</i> , В. И. Ленин в українській народній поетичній творчості	217
И. Гурвич, В. Крупянская, Н. Чебоксаров (Москва). <i>Л. Н. Терентьева</i> . Колхозное крестьянство Латвии	217
✓ Р. Липец (Москва). Песни и сказы Донбасса	220

Народы зарубежной Азии

К. Мешков (Москва). «Восточноазиатский этнографический сборник», II	223
---	-----

Народы Африки

А. Орлова (Москва). <i>L. J. Boutillier</i> Bongouanou. Côte d'Ivoire	226
---	-----

Народы Океании

Д. Тумаркин (Ленинград). <i>John Papa Ii</i> . Fragments of Hawaiian History	229
--	-----

SOMMAIRE

Questions d'ethnographie générale et d'anthropologie

- K. V. Tchistov (Moscou). Le folklore et l'époque présente 3

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie de l'URSS

- S. M. Abramson (Léninegrad). L'influence du procès de rapprochement des nations sur le mode de vie familial chez les peuples de l'Asie Centrale Soviétique et du Kazakhstan 18
Y. B. Strakatch (Moscou). Traditions de l'éducation de travail chez les peuples de Taïmyr à notre époque 35
V. P. Alexéïev (Moscou). Les principales étapes de l'histoire des types anthropologiques de Touva 49

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie des pays étrangers

- A. A. Letnev (Moscou). Le genre de vie économique des Mandingues 59
M. S. Alépérovitch (Moscou). De la quantité de population indienne du Mexique pendant la période coloniale 71
N. A. Boutinov (Léninegrad). Les groupes ethno-linguistiques de la Nouvelle Guinée 81
R. Vuia (Bucarest). Les villages et les domiciles des paysans roumains dans la Moldova de nord-ouest 90

Questions d'ethnogénèse, de paléoethnographie et d'ethnographie historique

- M. A. Itina (Moscou). Les tribus des steppes de la région entre les fleuves de l'Asie Centrale en seconde moitié du II — au commencement du I millénaire a. n. é 109
E. A. Rikman (Kichinev). Les «grandes maisons» de la culture tcherniakhovski 121
V. R. Kobytchev (Moscou). Les Aïroums (Question d'origine de l'ethnonyme) 139

Discussions et délibérations

- V. I. Katzman, A. P. Kouprianov (Moscou). De la place et du rôle des chefs dans la société africaine 149

Peuples du monde

(Matériaux d'information)

- S. I. Brouk, V. I. Kozlov (Moscou). Population du globe (Principaux indicateurs ethnographiques) 160

Communications

- N. T. Vachtchenko, B. O. Dolguikh (Moscou). Les légendes sur les noms de famille totémiques chez les Nganassans 178
A. S. Bejkovitch (Léninegrad). Un album de dessins ethnographiques de D. K. Satzépine (1871—1886) 183
R. L. Sadokov (Moscou). Le plus antique instrument de musique en pierre provenant du Vietnam 189

Chronique

- M. J. Berzina (Moscou). Première conférence interministérielle de l'URSS sur la géographie de la population 193
N. S. Polichtchouk (Moscou). Conférence générale de l'URSS sur les problèmes du folklore contemporain 196
M. J. Salmanovitch (Moscou). Conférence générale de l'URSS pour la coordination des études de l'édification socialiste dans les pays de démocratie populaire 199
L. N. Terentiéva, T. I. Filimonova (Moscou). La Revue internationale d'ethnographie et de folklore—«Demos» (Demos. Volkskundliche Informationen) 200
A. A. Luts (Tartu). Nouvelles expositions du Musée de l'Académie des Sciences de la RSS d'Estonie 204

Critique et bibliographie

Articles de critique et aperçus

- T. Ornatskaïa (Léninegrad). Le folklore dans les périodiques roumains 209
L. Koubbel (Léninegrad). Nouvelles recherches sur l'histoire du Mali 214

Peuples de l'URSS

- B. Kirdane (Moscou). *F. I. Lavrov*. V. I. Lénine dans le folklore ukrainien 217
I. Gourvitch, V. Kroupianskaïa, N. Tcheboksarov (Moscou). *L. N. Terentiéva*. La paysannerie des kolkhozes en Lettonie 217
R. Lipetz (Moscou). Chants et contes du Donbass 220

Peuples de l'Asie

- K. Méchkov (Moscou). Un recueil ethnographique sur l'Asie d'Est 223

Peuples de l'Afrique

- A. Orlova (Moscou). *L. J. Boutillier*. Bongouanou. Côte d'Ivoire 226

Peuples de l'Océanie

- D. Toumarkine (Léninegrad). *John Papa Ii*. Fragments of Hawaiian History 229